Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Факультет психологии
Кафедра психологии личности

ЛИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: MOBILIS IN MOBILI

Материалы международной научно-практической конференции

17–18 декабря 2018

МОСКВА
СМЫСЛ
2018

УДК [159.923.2+327](082)
ББК 88.3+66.4я43
Л 66

Сборник подготовлен и издан при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 18-013-20110

Ответственные редакторы:
Е.Ю. Патяева, Е.И. Шлягина

Л 66 **Личность в эпоху перемен: mobilis in mobili** : Материалы международной научно-практической конференции 17–18 декабря 2018 / Под ред. Е.Ю. Патяевой, Е.И. Шлягиной. — М.: Смысл, 2018. — 448 с.

ISBN 978-5-89357-387-9

УДК [159.923.2+327](082)
ББК 88.3+66.4я43

ISBN 978-5-89357-387-9

© Коллектив авторов, 2018

Содержание

1. Mobilis in mobile: личность в эпоху перемен

Баранова В.А. Коллективная память о России XX века как элемент образа современного мира 11

Бубновская О.В. Неравновесность как условие развития личности 13

Гусельцева М.С. Методология XXI века: субъект и личность в трансформирующемся обществе 15

Доценко Е.Л. Историческое измерение смысловой архитектоники личности 17

Дудаль Н.Н. Актуальность исторического подхода в изучении исторической личности 20

Иванников В.А. Воля как победа над собой 22

Залевский Г.В. Личность и фиксированные формы поведения 25

Магомед-Эминов М.Ш. Личность как работа личности: маршруты трансформации личности в транзитном мире 27

Макалатия А.Г., Аникеева Т.Я., Матвеева Л.В., Мочалова Ю.В. Структура субъективных представлений образа героя у современной молодежи 31

Насиновская Е.Е. Альтруистический выбор как преадаптация к высшим ценностям 33

Рушина М.А. Изучение вопроса патриотизма личности 36

Рюмшина Л.И. Представления студенческой молодежи об агрессии и насилии в современном мире 38

Сауткина Е.В. Homo complexus in complexus mundi: теоретические, методологические и практические перспективы изучения в современной психологии 40

Фоломеева Т.В., Нагорнова В.В. Моделирование планируемого поведения у людей с разными стилями идентичности 43

Хорошилов Д.А. Кризис идентичности как возможность конструирования субъективности 45

Шайгерова Л.А., Зинченко Ю.П., Шилко Р.С., Раевский А.Е. Феномен билингвизма и мультилингвизма как вызов образованию в современной социокультурной ситуации 48

Шлягина Е.И., Карлинская И.М., Львова Е.Н. О гражданской идентичности личности в изменяющемся мире 50

Шляпников В.Н. Проблема воли в контексте общественно-исторического развития человечества 54

Яновский М.И. «Подпсихическая (биосферная) реальность» Д.Н. Узнадзе: есть ли перспектива у старого понятия? 56

2. В поисках «Я»: вызовы ответственности, неопределенности, разнообразия

Акопов Г.В., Акопян Л.С. Личность в поликультурном пространстве: из прошлого в будущее 59

Барабанов Д.Д. Изменения волевой сферы студентов в процессе обучения 61
Глозман Ж.М., Наумова В.А. Личность в период неопределенности в «третьем возрасте 64
Дагбаева С.Б., Ушакова К.Н. Особенности самоидентичности студентов в современных социокультурных условиях 66
Делгадилльо К.К., Маслова О.В. Типы этнической идентичности латиноамериканских студентов 69
Злоказов К.В. Закономерности восприятия вандальных действий молодежью, проживающей в городах и поселках 71
Карачева Е.А., Савина О.О, Квасова О.Г. Цифровая ресоциализация: проблемы и перспективы дистанционных форм образования 73
Клюева О.А. Конкурентоспособность личности как психологический феномен 76
Кондаурова О.П. Эволюция идентичности современного студента 78
Костакова И.В. Гармоничная самореализация личности студентов юношеского возраста 80
Кучеренко С.В. Нарративный анализ и кью-сортировка как методы самопомощи в ситуации неопределенности 83
Мазилов В.А. Категория «Личность» в современном психологическом знании 86
Мазур Е.Ю. Влияние рефлексивности на профессиональную идентичность молодого прокурорского работника 90
Молотова В.В. Исследование правосознания личности в русле культурно-исторической психологии 93
Новикова И.А., Гридунова М.В., Новиков А.Л., Шляхта Д.А. Особенности межкультурной компетентности современных студентов и школьников 95
Полева Н.С. Гипертекст как модель трансмиссии культуры 98
Пуртова Е.А. Смысловая регуляция и символобразование в психотерапии 100
Соколова Е.Е., Федорович Е.Ю. Об общем и особенном в развитии сложных систем в условиях неопределенности 103
Соколова Е.Т. Личностные стили совладания с неопределенностью и риски утраты «Я» 105
Чиркина Р.В. Готовность судимых подростков и юношей к волевым усилиям в контексте репрезентации целевых установок 107

3. Цифровая социализация и цифровая личность

Батенова Ю.В. Инфосоциализация как значимый компонент информационной культуры дошкольника 110
Емелин В.А. Технологический радикализм: обратная сторона «цифрового» рая 112

Евдокименко А.С., Стрижова Е.А. Методы реконструкции личностного профиля на материале больших данных 114
Журавлева Ю.В. Феномен современной неклинической деперсонализации: кризис идентичности в условиях медиапространства . . . 117
Кингсеп Ю.А. Пользовательские исследования в работе над digital-продуктами 120
Колмогорцева А.А. Интернет-аддикция: зависимость от Интернета или зависимость в среде Интернет 122
Москвин В.А., Москвина Н.В. Индивидуальные особенности цифровой личности при проявлениях интернет-аддикции 125
Селезнева А.В. Интернет как фактор политической социализации молодежи в современной России 128
Сиренко С.Н. Личность в цифровую эпоху: ответ на гуманитарно-технологический вызов 130
Солдатова Г.У., Никонова Е.Ю. Технологии виртуальной реальности: направления исследований и практической работы с детьми и подростками 133
Солдатова Г.У., Чигарькова С.В. Сильные и слабые связи в структуре социального онлайн-капитала у разных поколений 135
Солдатова Е.Л., Погорелов Д.Н. Отличительные черты социальных норм субкультуры пользователей сети Интернет 138
Флеров О.В. Цифровая личность и цифровой след: языковые аспекты изучения 141
Щукина М.А., Крайнюков С.В., Тютюнник Е.И., Яковлева И.В. Личностные предикторы восприятия визуальной самопрезентации пользователей виртуальной корпоративной сети 143

4. Феноменологическая и экзистенциальная психология личности: теория и практика

Габдулина Л.И. Взаимосвязь между отношением к смерти и смысложизненными ориентациями у молодых и пожилых людей 146
Донцов Д.А. Экзистенциальные аспекты социально-профессионального развития 148
Клементьева М.В. Биографический метод в экзистенциальной психологии личности 151
Сапогова Е.Е. Субъективная онтология как фрейм для интерпретации жизненного опыта 153
Сенкевич Л.В., Донцова М.В. Экзистенциальные кризисы профессионального и социального развития личности 156
Философова А.А. Переживание «измены себе» в ситуации выбора: подходы к изучению 159
Черняева Г.В. Концепция экзистенциального личностного самопреобразования К. Кастанеды 161
Шамансурова К.Э. Обретение пациентом смысла заболевания посредством обозначения переживаний уникальными (при описании ситуации онкологического заболевания). Феноменологический анализ кейсов 163

5. Искусство как практика развития личности

Айламазьян А.М. Язык искусства и проблема смыслообразования 166
Белорусец А.С. Психотерапия, искусство и путешествия как формы социальных практик развития личности 169
Карих А.В. Работа с дыханием в танцевальной практике.....172
Климова Т.А. Культурно-исторический анализ театральных практик развития личности: от ритуальных форм до психотехнических инструментов 174
Котов Д.А. О природе детского художественного творчества: из опыта «Детской школы мозаики».....176
Кржечевская С.Г. Музыкальное движение как практика развития личности в среднем и пожилом возрасте 179
Мелик-Пашаев А.А. О вертикальном и горизонтальном измерениях художественного развития.....182
Насиновская Е.Е. Триадическая структура предмета психологии искусства 184
Патяева Е.Ю., Якшина Ю.А. Драматическая импровизация как метод психологической работы и основные позиции ее участников 187
Собкин В.С., Лыкова Т.А. К вопросу о психологическом подходе к изучению актерской одаренности 189
Ташкеева Е.И. Об эстетическом отношении к личности ребенка: из опыта работы по методу музыкального движения 192
Торопова А.В. Интонированное переживание как инструмент практической психологии и музыкотерапии 195
Фролов Ю.И. Жизнетворческий акт в условиях психологического консультирования 198
Хозиев В.Б. Герменевтика киноискусства как условие психологической профессионализации.....201

6. Психология личности как точная наука

Брызгалин Е.А., Войскунский А.Е., Козловский С.А. Смысложизненные ориентации авторов Википедии (на примере русскоязычного сегмента) 205
Даниленко О.И. Антиципационная состоятельность как условие сохранения душевого здоровья в транзитивном обществе 208
Дмитриева Ю.А., Коробова С.Ю. Толерантность к неопределенности в контексте изучения личностного выбора субъектов 210
Дорохов Е.А., Гусев А.Н. Диагностика изменения представлений школьников о персональном компьютере в ходе образовательного воздействия 212
Калугин А.Ю. Вклад темперамента в ценностную направленность личности 216
Кожевников З.В., Чемерской Г.С. Скрытое в оценке субъективного благополучия и проблемного поведения: психологическое значение пропущенных данных 219

Костенко В.Ю., Корчагина А.П. Ресурсы саморегуляции в их связи с развитием личности 221
Леонтьев Д.А., Шильманская А.Е., Моспан А.Н. Феноменология личностных изменений в ранней молодости 225
Ломакин Д.И., Корнеев А.А. Экспериментально-психологическая оценка склонности к рискованному выбору у подростков 227
Моспан А.Н., Леонтьев Д.А., Шильманская А.Е. Феноменология неопределенности 230
Волкова Н.Н., Гусев А.Н. Перспективы метода анализа латентных классов в изучении когнитивных стилей личности 232
Перикова Е.И., Бызова В.М. Метакогнитивные стратегии принятия решений в ситуации неопределенности 235
Салихова А.Б. Ценностные корреляты толерантности личности к неопределенности 237
Салихова А.Б., Салихова Н.Р. Специфика смыслообразования в контексте личностных ценностей при разном уровне толерантности к неопределенности 240
Скворцова Л.Л. Структура имплицитных концепций личностной зрелости у белорусов 242
Скотникова И.Г., Шендяпин В.М. Вклад в психологию личности исследований по психофизике и математическому моделированию психических процессов в парадигме вероятностного прогнозирования в условиях неопределенности 244
Тугарева Е.В. Ожидаемое негативное психологическое состояние как предиктор долгового поведения 247
Тюлюпо С.В., Дашиева Б.А. Индивидуальные риски vs ресурсы среды в диагностике и профилактике проблемного поведения сельских подростков 249
Фам А.Х., Меньщикова А.А. Жизненные выборы высокого и низкого качества: субъективное восприятие и связь с особенностями личности 251

7. Психология личности как диалогическая наука

Буякас Т.М. Диалогичность феноменологической познавательной стратегии 254
Визгина А.В. Внутренний диалог в группах экзистенциально-аналитического самопознания 258
Михеева Е.В. Опыт переживания психологом через поэтическое творчество личной трагедии, связанной с профессиональной деятельностью 260
Моргунов Е.Б. Ритуалы в организации как основа диалога и развития диалогического мышления 264
Патяева Е.Ю. Диалог действий в мастерской жизненного творчества 267
Пузырей А.А. К феноменогогике инициального опыта: «активное чтение» как ис-целение 271

Рзаева Ф.Р. Самоопределение женщин в контексте гендерной социализации 274

8. Детство. Отрочество. Юность: социокультурная перспектива

Бартош Т.П., Бартош О.П. Особенности формирования психического здоровья подростков разной этнической принадлежности Магаданской области 277

Беспалов Д.В. Динамика личностных особенностей молодежных лидеров 279

Вайберт М.И. Особенности самосознания родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья 282

Гайдар К.М., Есина К.А. Коммуникативная компетентность матери как условие психологического благополучия детей с аутизмом в социальном мире 284

Ерохова Е.С. Эмоциональное неблагополучие подростков с хроническими заболеваниями 287

Кутас А.В. Психологическое благополучие подростков в условиях социальной изолированности 289

Лункина М.В. Аутентичные типы оснований самоуважения – ключ к психологическому благополучию подростков 291

Мальцева А.А. Личностные особенности родителей, воспитывающих детей-инвалидов 294

Настас А.Э. Социальные отношения и качество жизни подростков с сахарным диабетом I типа 296

Панкратова А.А., Зырянова Н.М. Социально-экономическая ситуация в стране и ценности культуры через призму интервью с детьми дошкольного возраста 299

Решетникова А.В., Токарская Л.В. Жизнестойкость подростков с нарушениями зрения 302

Смыслова М.М. Подросток: оценка перспектив 304

Усольцева И.В. Детство в условиях неопределенности: исторический и культурный контексты 306

Федотова А.В. Влияние личного опыта на восприятие подростками агрессии в социальных сетях 309

9. Психология здоровья и благополучия личности в современном мире

Алешичева А.В., Самойлов Н.Г. Роль диагностического цифрового комплекса в сохранении психического здоровья личности спортсменов 312

Бражникова А.Н. Нравственность как способ сохранения психического здоровья личности в эпоху нестабильности и социокультурных трансформаций общества 314

Вараева Н.В. Женское эмоциональное выгорание. Причины и профилактика 316

Воробьева И.В., Кружкова О.В. Цифровая социализация: вовлеченность молодежи в виртуальную среду 319

Гольденберг Т.С., Шлягина Е.И. Потеря ребенка в семье: личностный потенциал родителей как условие преодоления трудной жизненной ситуации 321
Деева Н.А. Жизненная успешность: метаресурс и показатель психологического здоровья личности 324
Джерелиевская М.А. Представления о сексуальной привлекательности у представителей «нового поколения» 327
Кружкова О.В., Воробьева И.В. Вандализм как признак неблагополучия личности в среде 329
Кумченко С.К. Осуществление медицинских операций как способ снижения чувства неопределенности у лиц-транссексуалов 331
Сокол А.Ф., Шурупова Р.В. Вероятность неопределенных событий в клинической практике: психологические механизмы ошибочных решений.....334
Спиваковская А.С., Луценко А.М. «Семейная боль» у лиц, выросших в современной алкогольной семье 337
Спиваковская А.С., Четкина А.С. Связь актуального эмоционального состояния и переживания времени в норме и при депрессиях юношеского возраста 339
Творогова Н.Д., Кулешова К.В. Индивидуальные состояния благополучия и возможности личности на них влиять 342
Четверикова А.И., Ермолаев В.В. Исследования связи локуса контроля и склонности к агрессивному поведению у профессиональных водителей.....344
Якупова В.А. Регуляторные функции и риск развития пренатальной депрессии 346

10. Личность и образование в XXI веке

Беляева О.А. Психологические основания организации учебной деятельности в старшей школе 349
Биткина И.К. Роль личности преподавателя вуза в организации учебного процесса на современном этапе развития 351
Богданова Т.В. Установки поведения профессионального представительства в социуме современного школьного учителя 354
Зобков А.В. Стадии становления профессиональной субъектности студентов педагогического направления подготовки 356
Зотова Н.Г., Тихомиров М.Ю. Анализ субъект-объектных жизненных ориентаций в контексте исследования профессионального долголетия педагогов.....360
Камакина О.Ю. Роль педагога-психолога в формировании мотивации здорового образа жизни у участников образовательных отношений 363
Мозговая Н.Н. Особенности учебной мотивации учащихся с разным уровнем самоотношения 366
Молодцова Г.И. Обучение студентов первого курса навыкам самостоятельной работы: зарубежный опыт 369

Парамузов А.В. Взаимосвязь профессии, возраста и образования с профессиональной временной перспективой будущего 371
Передельская С.А., Тихомиров М.Ю. Организационная культура образовательных учреждений как фактор профессионального долголетия педагогов 374
Попова С.И. Ценностные ориентации как фактор формирования гражданской идентичности учащихся 376
Прохода В.А. Условия и качество образования как факторы удовлетворенности обучением в вузе 379
Собкин В.С., Родионова К.Э. Личность учащегося в контексте трансформации целевых ориентаций школьного образования 381
Шабас С.Г. Самоидентификация родителей в условиях социокультурных изменений образования в детском саду 383

11. Психология личности: new generation

Георгиевская М.А. Влияние уровня социоморальной компентентности на особенности решения этических дилемм коммуникации интернет-пользователями юношеского возраста 386
Данилочкина В.В. Проблема определения эффективности переговорного процесса и переговорщика 388
Козлова Н.В., Рябинин А.С. Социально-психологические характеристики подростков и юношей, интегрированных в «негативную» интернет-среду 392
Петрова Е.А. Эмоциональные и личностные особенности женщин с болевым синдромом при эндометриозе. Женщина в современном мире 394
Походня А.В. Взаимосвязь алекситимии с мотивационно-смысловой сферой студентов высших учебных заведений 397
Самыкина Н.Ю., Тулин А.С. Взаимосвязь копингов и мышечных зажимов 399
Семенова Д.К. Соотношение профессионального выбора и выбора профиля обучения подростками в связи с восприятиями отношений с родителями 401
Уточкин И.С. Восприятие статистик: как мы видим множественные объекты 404
Шалина О.С., Габуния Н.М. Нейропсихологическое обследование детей с ОВЗ в сфере инклюзивного образования 407
Юсупова А.К., Гущин В.И., Чекалина А.И., Суполкина Н.С., Швед Д.М. Копинг-стратегии в экстремальных ситуациях космических полетов и долговременной изоляции 410

Annotations.....413

1.
MOBILIS IN MOBILE: ЛИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ О РОССИИ XX ВЕКА КАК ЭЛЕМЕНТ ОБРАЗА СОВРЕМЕННОГО МИРА[1]

В.А. Баранова

Россия, Москва, МГУ им.М.В.Ломоносова
bva06@mail.ru

Коллективная память актуализирует определенный событийный ряд, составляющий образ России XX века: Революция 1917 года, освоение космоса, Великая Отечественная война, СССР. Выявлены различия в оценках значимости событий исторического периода для разных возрастных групп. Выявлен общий коллективный событийный дискурс, объединяющий три поколения: Великая Отечественной война, а также достижения, связанные с освоением космоса, успехами в науке и культуре.

Важнейшим компонентом образа мира являются представления об отношениях между событиями прошлого, происходящего, предстоящими событиями собственной жизни человека в соотнесении их с событиями в жизни общества (Андреева, 2005). Более того, исследования о коллективной памяти, коллективном прошлом выступают необходимым звеном для осмысления связи времени своего существования со временем эпохи, понимания механизмов социального конструирования времени, задающими вектор изучения личности в плане развернутого существования во времени (Андреева, 2005; Емельянова, 2012; Нестик, 2014).

Основоположник исследования групповой памяти М. Хальбвакс характеризует ее как целое, которое не является индивидуальными воспоминаниями и не смешивается с ними. Коллективная память шире личной, и, хотя ее репрезентации прошлого сокращены и схематичны, именно память группы предоставляет ориентиры индивидуальному сознанию — вспоминая прошлое, люди используют в качестве опорных точек определенные социальные

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 17-06-00980.

события, которые могут отличаться у представителей различных социальных групп (Хальбвакс, 2007).

В мире постоянных социальных изменений именно коллективные воспоминания выступают одним из возможных ресурсов обеспечения жизнеспособности общества, в котором сейчас существует потребность на совместность, поиск общих смыслов в контексте времени.

В исследовании были собраны ответы респондентов трех возрастных групп на два вопроса: *о наиболее значимых, по их мнению, событиях России XX века* и о *событиях России XX века, о которых важно, по мнению респондентов, знать и помнить их детям* (Кузнецова, 2013). Для анализа ответов использовался контент-анализ.

Ответы на вопрос о *наиболее значимых событиях России XX века* показывают, что в качестве общих событий называются: освоение космоса и Великая Отечественная война, культурные достижения, революция 1917 года и Сталин. Молодое поколение выделило большее количество значимых событий, чем старшее и среднее поколение, отметив события, связанные с царской Россией и периодом холодной войны. В качестве значимых, младшее поколение (19–34 лет) и старшее (от 61 года) чаще воспроизводят события, связанные с достижениями россиян XX века в различных областях. Для группы от 60 лет значимы культурные достижения (балет, литература), достижения советских спортсменов (Олимпиада в Москве). Группа 35–60 лет чаще других респондентов в своих ответах воспроизводила события, связанные с перестройкой, демократизацией и появлением нового государства — Российской Федерации.

Ответы на вопрос, *о чем бы вы хотели, чтобы знали и помнили ваши дети о России XX века,* показывают, что в качестве основных событий отмечены *победа в Великой Отечественной войне, освоение космоса, революция, культурные достижения* и *распад СССР*. Различия в возрастных группах проявляются в частоте упоминания и конкретизации событий исторического периода. Наиболее часто в возрастной группе 19–34 года встречаются следующие события: *победа в Великой Отечественной войне, освоение космоса, революция 1917 г., культурные достижения, распад СССР*. Важными для группы респондентов 35–60 лет являются: *победа в Великой Отечественной войне, освоение космоса и революция 1917 года.* Наиболее часто в группе старше 61 лет встречаются следующие события: *по-*

беда в Великой Отечественной войне, освоение космоса, революция 1917 г., распад СССР и *культурные достижения.*

Важным результатом является то, что выявлен общий событийный дискурс, представленный в коллективных воспоминаниях и являющийся элементом образа современного мира.

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005, 303 с.
2. Емельянова Т.П. Коллективная память в контексте обыденного политического сознания. Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». Педагогика. Психология. М., 2012. №4. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Emelianova_Collective-Memory/
3. Кузнецова А.В. Коллективные воспоминания о политической власти в различные исторические периоды у представителей разных социальных групп россиян // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 102–116
4. Нестик Т.А. Социальная психология времени. М., 2014. 496с.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство. 2007. 348 с.

НЕРАВНОВЕСНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

О.В. Бубновская

Россия, Владивосток, Дальневосточный федеральный университет
bubnovskaia.ov@dvfu.ru

В работе представлена личность как сложная индивидуализированная динамическая система мотивационно-смысловых образований и способов их реализации, обеспечению которых свойственны сложности, противоречия и кризисы. Жизнь современного человека, необходимыми атрибутами которой является напряженность, неравновесность и дисбаланс, тотально конфликтна. Именно в срывах жизни происходит развитие личности, ощущается полнота бытия, достичь которую позволяет психологическая грамотность.

Современные условия жизни сталкиваются с мотивационно-смысловыми образованиями и возможностями человека, побуждают к освоению нового, в результате чего возникают новые потребности и новые внутренние возможности. Поэтому психология личности может быть понята только как история развития изменяющейся личности в изменяющемся мире (Асмолов, 2002), с поворотом исследователей от стремления статично представить

психику, очистив от нежелательных противоречий, к попыткам сделать неравновесность предметом анализа.

Представление о внутреннем мире человека как о пространстве постоянного напряжения признает его источником интрапсихический конфликт, система детерминант которого меняется и включает противоречия, затрагивающие наиболее значимые, «системообразующие» характеристики личности, ее мотивационно-смысловые образования, обусловливающие картину мира и образ жизни.

Некоторая доля неравновесности, возникающая при переживании субъектом несоответствия между требуемым и имеющимся, необходима для поддержания самочувствия (Тойама Ф.М., Томэ Г., Мэй Р. и др.). При этом активация детерминирована потребностно-мотивационной сферой личности, а напряжение — актуальными возможностями когнитивной, эмоциональной и волевой сфер.

Соответствующая индивидуальным особенностям личности степень активации переживается как нечто приятное, характеризуется максимальным проявлением функций (Ильин Е.П.) и раскрытием способностей, человек стремится к ней приблизиться (Welker, Maddi & Andrews, Hilgard). Это сопровождается мобилизацией психической деятельности, повышением ее качества и эффективности, ростом активности и чувством общего подъема сил (Наенко Н.И., Немчин Т.А., Ильин И.П., Прохоров О.А. и др.).

Следует учитывать, что для полноценного существования человек нуждается в постоянном сопротивлении в стремлениях к удовлетворению собственных потребностей, но, с другой стороны, преодоление сопротивления всегда представляет напряжение, что при отсутствии соответствующего ресурса приводит к деструктивным эффектам.

Развитие состоит не только из роста и совершенствования, но и из потерь и упадка (Балтес, 1994). Задачи развития, критические жизненные события — как «стадии относительного неравновесия» и как события «эмоционально небезразличные» (Filipp) — проходят через всю нашу жизнь. При этом конструктивный интрапсихический конфликт можно рассматривать как один из ведущих механизмов личностного развития (Мерлин В.С., Василюк Ф.Е., Хасан Б.И. и др.) так как в случае разрешения противоречий происходит позитивная дезинтеграция личности и, как следствие, приближение целей самореализации (Грешнев Д.В.).

Поведение может служить снижению напряжения (Freeman, Yerkes & Dodson и др.), и его повышению (Фиске, Соломон, Дембер, Мадди и Эндрюс). Экстремальность может быть создана путем

выхода за пределы диапазона оптимальных условий в сторону их максимизации и минимизации (Зинченко В.П., Небылицын В.Д., Куликов Л.В. и др.), но хронически высокие уровни активации вызывают эффект отторжения (Barlow, Chorpita & Turovsky), особенно в случае преобладания негативного аффекта (Watson & Clark).

Гармонизация мотивационно-личностной сферы, соответствие мотивационно-смысловых образований условиям, социальным требованиям, поддержание оптимального уровня внутриличностного конфликта путем изменения условий, целенаправленной переоценки значимых смыслов приводят к диалектическому единству уравновешенности системы и ее неравновесности, что является источником активности (Леонтьев В.Г.), согласуясь с теорией оптимальной активации (Дафф, Хэбб).

Развитию эффективного стиля мотивационно-смысловой регуляции может способствовать целенаправленно организованная система формирования психологической грамотности. Психическая напряженность и конфликтность растут на основе фрустрированности, утраты чувства безопасности, неуверенности в себе, боязни конфликта и отсутствия навыков конструктивного конфликтования, в результате личность стремится избегать конфликта для сохранения видимой целостности, из-за боязни одиночества, страха свидетельства собственной несостоятельности, осложнений, осуждения и т.п.

Человек развивается через конфликты, вовремя признавая их, относясь к ним открыто и гибко. При этом развивающий потенциал реализуется полнее, если конфликт используется осознанно, что ведет к личностной регуляции, развитию самоконтроля и внутренней собранности.

МЕТОДОЛОГИЯ XXI ВЕКА: СУБЪЕКТ И ЛИЧНОСТЬ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

М.С. Гусельцева

Россия, Москва, ФГБНУ «Психологический институт РАО»
mguseltseva@mail.ru

Являющиеся современным контекстом развития человека глобализация культуры, транзитивное общество и виртуальная среда ведут к пересмотру оптики психологических исследований, поиску новых методологических стратегий. Движение в изучении личности от анализа структуры дея-

тельности и социальной ситуации развития к методологии латентных процессов, трансформации ценностей и творчеству культуральных практик — один из путей трансдисциплинарного исследования изменяющегося человека в изменяющемся мире.

Внимание самых разных наук обращено сегодня к современности — ее особенностям и ведущим тенденциям. В психологических исследованиях современность предстает в аспектах глобализации, транзитивности, виртуальности и трансформации ценностей.

Методологической проблемой изучения изменений субъекта и личности в современной культуре становится фиксация происходящих перемен, которые в силу разных причин скрыты от глаз наблюдателя. В этой ситуации на помощь психологии приходят коммуникации со смежными социогуманитарными науками, обмен методологическими стратегиями, опора на общенаучную методологию, этнографический метод и т.п. (Гусельцева, 2017). Важную роль в обнаружении латентно протекающих процессов играют контекстуальные рамки эстетической или визуальной парадигм, ибо «то, что было незаметным и незначительным в одном изображении, становится видимым и существенным в другом» (Манович, 2017).

Изучение личности как открытой структуры обращает психологию к проблематике трансформации ценностей и культуры в целом. На передний план анализа выходят феномены антиномичности, нестабильности личности, контекстуальных проявлений ее субъектности и субъективности. Наряду с этим возникает необходимость пересмотра инструментария, актуализируя, например, вопросы о том, насколько понятие «менталитет» (Воловикова, Мустафина, 2016) контрпродуктивно в изучении динамики ценностей (Инглхарт, 2018).

В трансформациях современности, обусловленных в том числе распространением информационной культуры, стихийно развивается *субъектность*. Будучи творцом и актором в цифровой среде, субъект переносит эту стилистику в повседневность. Под воздействием глобализации и информатизации социального пространства латентным и отчасти спонтанным процессом является *трансформация ценностей*. В современном мире, где информация легко перетекает в коммуникацию, интерактивность и коммуникативность, самоорганизация и рост горизонтальных связей становятся повседневностью цифровой среды (Jenkins et al., 2005).

В силу текучести перемен незаметно, но неуклонно изменяется ландшафт жизненного мира субъекта. Человек отчужден от тех или иных традиций, отвечавших прежде за его социализацию, но погружен в стилистическое разнообразие повседневности, понуждающее к постоянному выбору идентичности, жизнетворчеству, формированию новых практик субъектности. Весомый вклад в процессы персонализации и субъективизации вносит проникновение в повседневность цифровой среды (the digital). В свою очередь, глобализация провоцирует процессы индивидуализации, выражающиеся как в усилении национализма и осознании этнического своеобразия («этническое возрождение»), так и в поддержке индивидуальных стилей социализации (Анолли, 2016).

Движение в изучении личности от анализа структуры деятельности и социальной ситуации развития (разумеется, не отказываясь от этих исследовательских стратегий) к методологии латентных процессов, глобальной трансформации ценностей и спонтанному творчеству культуральных практик прокладывает путь трансдисциплинарному исследованию современного изменяющегося человека в современном изменяющемся мире.

1. Анолли Л. Психология культуры. Харьков: Гуманитарный центр, 2016.

2. Воловикова М.И., Мустафина Л.Ш. Представления о совести в российском менталитете. М.: ИП РАН, 2016.

3. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

4. Манович Л.З. Теории софт-культуры. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017.

5. Jenkins H., Puroshotma R., Clinton K., Weigel M., Robison A.J. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century. L.: MacArthur Foundation, 2005. URL: http://www.newmedialiteracies.org/wp-content/uploads/pdfs/NMLWhitePaper.pdf

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СМЫСЛОВОЙ АРХИТЕКТОНИКИ ЛИЧНОСТИ

Е.Л. Доценко

Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет
dotsenko_e@bk.ru

Ушедшие исторические эпохи не исчезают бесследно, оставаясь в опыте человечества в виде ценностно-смысловой архитектоники членов общества: каждой эпохе соответствует (модельно) свой уровень. Актуализируются

уровни в зависимости от вида активности индивидуума, а характер актуализации (ценностно-смысловой профиль) отражает особенность того или иного вида активности.

В культурно-исторической психологии приоритетное внимание уделяется культурной составляющей — «культурно изготовленные средства», «орудия» (понимаемые как транс-исторические средства) и т.п. Историческая же составляющая получила меньшее освещение. А перспективы исторического взгляда на психику, сознание и личность представляются многообещающими. Цель данного доклада — показать возможности периодизации исторического процесса для психологии личности.

Каждая историческая эпоха обладает уникальностью, но можно создать ментальный портрет человека той или иной эпохи. Идея такой реконструкции ментального портрета человека была предложена исторической школой «Анналов» и описывается в работах Л. Февра, М. Блока, Р. Мандру. Квинтэссенцией картины мира (ее «стержнем» и «вершиной») является ценностно-смысловая составляющая, которая является ориентиром жизни для людей Античности, Средних веков, Нового времени и т.д. Одними ценностно-смысловыми характеристиками будет обладать картина мира охотника родоплеменной общины, и совершенно другими — деятельность художника эпохи Возрождения.

Смена культурно-исторических эпох сопровождалась большими потрясениями для всего общества, часто травмируя психику его членов. На смену старым условиям существования, видам деятельности и системе отношений приходят новые, кристаллизуясь вокруг новых ценностей, выделяемых в мучительных поисках новых опор. Старые опоры не изживают себя полностью, а вытесняются (супрессируются) за пределы актуального процесса создания новообразований. То, что супрессируется в общественной практике, интериоризируется индивидами. Супрессированные в одной культурно-исторической эпохе ценности следующим поколениям передаются уже как подчиненные (субординированные) ценностям, актуально осваиваемым общественной практикой. Новые надстраиваются над предыдущими, порождают свою картину мира и новые ценности, де-факто закрепляя их в качестве фундамента для новых опор (см. таблицу ниже).

Культурно-исторические периоды в своей внутриличностной проекции образуют ценностно-смысловую архитектонику образа мира, в которой более древние (архаические) уровни корреспондируют к более ранним эпохам. Красивым проявлением предложенной архитектуры выступают сказки. Волшебные сказки (в реконструкции Проппа) содержат лишь архаические уровни: запрет/предписание (см. «родоплеменное общество»), нарушение запрета Героем ведет к угрозе выживания, получение дополнительной силы со стороны Помощников (см. «дикость») позволяет Герою решить проблемы, добиться триумфа (см. «античность»). А вот авторские сказки более позднего времени прорабатывают более «молодые» ценности: добродетели, самовыражение, принципы (например, сказки Андерсена) и договор/уговор (см. «Чебурашку» Э. Успенского).

Базовые смыслы-ценности культурно-исторических эпох

Историческая эпоха	Базовые ценности
Дочеловеческий период	**Выживание**, безопасность
Родоплеменное общество	**Порядок**, нормированность, «свой-чужой», семья, род
Дикость	**Сила**, власть, захват, собственность, мужская главенствующая роль
Античность	**Доблесть**, красота, слава, общественное мнение, доброта, мудрость
Средневековье	**Добродетель**, разделение на добро и зло, самоограничение, отношение патронажа, послушание, целомудрие
Возрождение	**Самовыражение**, творческий порыв, индивидуальность, свобода воли
Просвещение	**Принципы**, разум, равенство людей, вселенский порядок, самоконтроль, терпимость
Постиндустриальная эпоха (современность)	**Договор** между людьми, нахождение точки отсчета, поиск баланса, поиск допустимых пропорций между хаосом и порядком, информация, диалог, поиск смысла жизни

В эмпирическом исследовании было показано, что рассказы людей о своих жизненных событиях различаются по тому, какие архитектонические уровни оказываются актуализированными в наибольшей степени. А именно описание проблемной ситуации характеризуется актуализацией преимущественно архаических уровней, тогда как описание успешно завершившегося события актуализирует более поздние (ближе к современности) ценностно-смысловые уровни. В другом только что завершенном исследовании сравнивались различные по жанру компьютерные игры (игры действия, игры творчества и контроля, игры подражания и игры интеллекта) по тому, какого рода ценностно-смысловые уровни актуализируются в них. В качестве контрольных выступали те же жанры, но в играх реальной социальной практики (с личным участием). Были показаны значимые различия в их ценностно-смысловых профилях.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Н.Н. Дудаль

Белоруссия, Гомель, Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины
ndudal@inbox.ru

Возрастание интереса к прошлому и к отдельным его представителям, актуализировало проблемы связей между историческими событиями и психологическими особенностями людей. В этой связи наблюдается возрождение введенного в научный оборот еще в 1920-е годы понятия и термина «историческая психология», целью которой является изучение взаимосвязей между историческим процессом и психическими явлениями, выявление условий становления личности.

Изучение личности известных исторических деятелей является на современном этапе развития психологической науки актуальным в силу многих причин. Во-первых, появляется возможность раскрыть общие особенности личности на разных возрастных ступенях в ту или иную историческую эпоху. Во-вторых, исследовать своеобразие психологического развития конкретной личности. В-третьих, проследить зависимость индивидуального развития от принадлежности к определенной макро- и микросреде.

Изучение формирования исторической личности дает в руки исследователя ценный материал, позволяющий выявить и сравнить условия становления личности в разные исторические эпохи, раскрыть социально-психологические механизмы изменения человека в историческом процессе, прогнозировать социально-психологические тенденции и конкретные ситуации.

Исследователи подчеркивают принцип общественной обусловленности психики человека в ходе исторического развития общества, считая его основополагающим принципом психологической науки. Известный тезис А.Р. Лурии «психология как историческая наука» указывает на способность психологии завоевать статус фундаментальной исторической дисциплины.

Многие психологи признают тот факт, что сбывается пророчество В.И. Вернадского о наступлении психозойской эры, т.е. изучение психологии как формирования бытия. Возможно, что сейчас мы уходим от традиционной причинной психологии и переходим к неклассической, эволюционно-исторической психологии. М.С. Гусельцева показывает, что постмодернистское движение в культуре (в философии, литературе, искусстве, в стиле жизни), постнеклассическая реальность в методологии несет в себе общие черты и составляет постнеклассическую парадигму в широком смысле. Постнеклассическая парадигма в гуманитарных науках отражена в работах М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, в исследованиях школы «Анналов».

С.Ф. Платонов и Р.Ю. Виппер одними из первых в отечественной историографии подошли к проблеме соединения истории и психологии, подчеркивая, что особое значение приобрела проблема личности в истории. С начала XX в. было выдвинуто несколько различных подходов, имеющих целью отразить специфику взаимодействия культуры и личности. Эти подходы отражены в работах Р. Бенедикт, М. Мид, Р. Редфилда, А. Кардинера, В. Барноу. К проблеме изучения исторической личности обращались З. Фрейд, Э. Эриксон, Э. Фромм. Большой вклад в разработку данной проблемы внесли представители французской школы «Анналов».

В отечественной историографии советского периода Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия разрабатывали психологическую концепцию, получившую название культурно-исторической. В рамках данной концепции изучалось влияние культуры на развитие личности, зависимость уровня психического развития человека от социокультурной обстановки.

В современной психологии наметилась устойчивая потребность в психолого-исторических исследованиях: за последние годы в данной области появился ряд серьезных обобщающих работ (И.Г. Белявский, В.А. Шкуратов, Е.Ю. Боброва).

В настоящее время интерес к исторической личности очевиден, о чем свидетельствуют работы Г.Г. Дилигенского, В.А. Шкуратова В.В. Никандорова, Е.Ю. Бобровой, А.Г. Асмолова, В.Ю. Хотинец, К.Н. Маркина, В.А. Ушакова и других исследователей.

Таким образом, проблема изучения исторической личности является одной из центральных в современной психологии.

1. Абульханова К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. М.: Моск. психолого-социальный ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. 224 с.

2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.

3. Асмолов А.Г. Психология личности. Культурно-историческое понимание человека. М.: Смысл; Академия, 2007. 528 с.

4. Гусельцева М.С. Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007. 292 с.

5. Кольцова В.А. История психологии. Проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 416 с

6. Логинова Н.А. Некоторые итоги развития биографического метода психологии в XX веке // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 2. С. 67–81.

7. Ломов Б.Ф. Системность в психологии. М.: Моск. психолого-социальный ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2011. 423 с.

8. Ярошевский М.Г. Биография ученого как науковедческая проблема // Человек науки. М.: Наука, 1974. С. 19–57.

ВОЛЯ КАК ПОБЕДА НАД СОБОЙ

В.А. Иванников

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
vaiv@mail.ru

Решение проблемы воли требует признания представления о многомерности человека как природного и социального существа, функционирующего на пяти уровнях: организм, единица вида, природный индивид — субъект природных отношений, единица общества — субъект общественных отношений и личность как субъект межличностных отношений. Конфликт задач уровня личности с задачами нижележащих уровней требует от человека волевой регуляции выбора и осуществления действий, отвечающих решениям личности.

Лозунг «воля как победа над собой» предложил А.Г. Асмолов. Он звучит как литературное выражение, но в нем много научной правды, и вот почему.

Уже сама по себе ситуация волевого выбора и осуществления волевого поведения порождает вопрос о том, как в одном и том же человеке одновременно уживаются решение сделать обязательным такой выбор действия и исполнить его с нежеланием этого же человека делать это. Другими словами, «Я» считает необходимым это сделать, и в то же время «Я» не хочет это делать. В этой ситуации надо либо объяснить, как это возможно в одном и том же «Я», либо признать, что это два разных «Я» одного и того же человека. Только во втором случае может быть победа над собой, т.е. победа одного «Я» — над вторым «Я».

Но это требует признания, что человек является не одномерным существом, а многомерным, т.е. субъектом многих отношений с миром. В этом случае возможно, что «Я» как социальное существо, как субъект общественных отношений, например, осознаю необходимость подготовки к семестровому экзамену и принимаю решение сесть за учебники. Но «Я» как природное существо хочу после веселой ночи отдыхать, а не читать учебник. Или, например, «Я» как личность считаю необходимым помочь моему другу в сложной для него ситуации, но понимаю, что при этом пострадают мои экономические интересы, и «Я» как субъект общественных отношений протестую против своего решения как личности и не хочу его исполнять.

Видимо таких «Я» у человека три. Это «Я» природного индивида, субъекта природных отношений и приспособительной деятельности. Это «Я» человека как субъекта общественных отношений и созидательной продуктивной деятельности. И это «Я» человека как личности, субъекта особых межличностных отношений.

Задачи этих уровней функционирования человека не просто не совпадают, но могут противоречить друг другу. Конфликтуют не сознание и бессознательное, а задачи разных уровней, и человек как многоуровневое существо должен снимать эти конфликты выбора действий и их осуществления.

Жизненные задачи природного существа (природное «Я») почти всегда имеют более высокую побудительность при выборе действий и их осуществлении. Личностные задачи отвечают личностным ценностям и не имеют ни природной, ни социальной не-

обходимости. Поэтому выбор личностного действия (поступок) и его осуществление требуют особой намеренной и произвольной работы сознания человека для обеспечения победы человека как личности над своими задачами как природного индивида и задачами как субъекта общественных отношений.

Традиционно такая работа приписывается особой психической функции или особому психическому процессу человека, обозначаемому термином «воля».

Но наш анализ понятия «воля» показал, что это понятие вводилось в античной философии как гипотеза и оставалось до сегодняшних дней теоретическим конструктом, за которым не было никакой реальности.

Платон использовал понятие воли для объяснения порождения любого действия, выбранного к его осуществлению разумным решением человека.

Аристотель обращался к понятию воли для объяснения порождения особых действий — действий, которые признавались разумным решением человека как необходимые для исполнения, но лишенные стремления к ним. По Аристотелю, действие порождалось только при наличии стремления человека к этому действию. Задача воли и состояла в соединении стремления с принятым разумным решением человека о необходимости выбора и осуществлении этого действия. На языке современной психологии мы бы описали такую ситуацию как решение человека выбрать и осуществить действие, мотивационно не обеспеченное, т.е. лишенное достаточно необходимого побуждения к нему.

И.М. Сеченов, видимо, был первым из тех, кто понял, что понятие воли является гипотезой, а волевую регуляцию действий человека надо объяснять на основе общих механизмов управления субъектом деятельности своими действиями. И именно по причине полной неопределенности содержания понятия «воля» К. Левин предложил убрать его из аппарата психологии. Это предложение поддержал Л.С. Выготский, изменив задачу, которая требовала понятия воли. Такой задачей в его работах стала задача овладения собой, своим поведением и своими психическими процессами. При этом задача, поставленная Аристотелем, стала частным случаем решения задачи овладения собой.

Такой подход поставил знак равенства между произвольными и волевыми процессами, что не отвечало реальному положению наличия конфликтов между задачами различных «Я» и их разре-

шением. Решение задачи соотношения произвольной и волевой регуляции видится в том, чтобы считать волевую регуляцию особым видом произвольной регуляции, который отличается наличием конфликта решений человека как личности с нижележащими уровнями функционирования человека и особым смысловым механизмом разрешения этих конфликтов.

О возможности победы человека над собой писал В. Франкл: «К способности человека "вставать над всем" принадлежит также его способность встать над самим собой» («Человек в поисках смысла», 1990). Победа над собой — это победа человека как личности над собой как природным и общественным индивидами. А волевая регуляция личностью своей активности и есть механизм победы над собой.

ЛИЧНОСТЬ И ФИКСИРОВАННЫЕ ФОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ

Г.В. Залевский

Россия, Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Россия, Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет
usya9@sibmail.com

В эпоху любых перемен, в том числе и в настоящую эпоху, происходит проверка наличия ресурсов, готовности личности и социальных сообществ к предстоящим или уже наступившим переменам — революциям, перестройкам, технологическим изменениям. Степень их наличия-отсутствия демонстрируют так называемые фиксированные формы поведения (ФФП). В результате многолетних экспериментально-психологических и клинико-психологических исследований, а также систематизации отечественных и зарубежных исследований предлагаются объяснительные модели ФФП с системно-сетевой и целостно-ценностной концептуальных позиций.

Фиксированные формы поведения — это акты поведения индивидуальной или групповой системы, упорно повторяющиеся и/или продолжающиеся и в ситуациях, которые объективно требуют их прекращения и/или изменения; при этом уровень осознания и принятия личностью (или группой) этой необходимости может быть разным.

Из определения ФФП следует, что они представляют собой «рабское» поведение человека (личности) при широком спектре

его проявления — от банальной привычки грызть ногти до алкогольной, наркотической, компьютерной и интернет-зависимости и далее до зависимости от любой идеи, в том числе «научной» и «духовной» (коммунистической, националистической, религиозной), ведущей к фанатизму, который, в свою очередь, приводит к костру инквизиции, уничтожению инакомыслящих (вспомним борьбу с генетикой, кибернетикой, да и психологией), этническим и религиозным войнам, примеров чему избыточное количество в истории человечества и в современной действительности (экстремизм, терроризм, фашизм, национализм, шовинизм и т. п.) (Залевский, 2008).

Лучшей демонстрацией того, что представляют собой фиксированные формы поведения, причем как на уровне отдельного человека (индивидуальной системы), так и на уровне микро- и макрогрупп людей (групповых систем — семьи, производственных коллективов, общественных и государственных объединений, этносов, общества и государства в целом) — их природа, многообразие проявлений и место в жизни людей, — являются ситуации социальных изменений, катаклизмов — революций, перестроек и т.п. Действительно, спектр фиксированных форм поведения очень широк. Вся наша жизнь проходит в двух видах активности — изменяемых и неизменяемых (или трудно изменяемых), т.е. фиксированных форм поведения — застывших, косных или ригидных стереотипов — мыслительных, эмоциональных и собственно поведенческих.

Модели фиксированных форм поведения. В настоящее время можно выделить следующие объяснительные модели (или схемы, концепции, теории) сути фиксированных форм поведения (ФФП), их природы и механизмов функционирования, роли в жизнедеятельности людей: нейродинамическую, энергетическую, филогенетическую, онтогенетическую, личностно-средовую, диспозиционную, стрессогенную, патогенетическую, психодинамическую, научения (бихевиоральная и когнитивная), акциональную структурно-уровневую и системную (избыточной устойчивости-изменчивости систем) (Залевский, 2003, 2007, 2013). В докладе будут раскрыта суть этих моделей с системно-сетевой и целостно-ценностной концептуальных позиций.

1. Залевский Г.В. Теория субъекта и фиксированные формы поведения // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 3. С. 32–36.

2. Залевский Г.В. Личность и фиксированные формы поведения. М.: Изд-во ИП РАН, 2007

3. Залевский Г.В. Фанатизм как основание и характеристика деструкции системы ценностей и духовного нездоровья личности и социальных сообществ // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Под ред. В.В. Знакова, Г.В. Залевского. М.: Изд-во ИП РАН, 2008. С. 314–340.

4. Залевский Г.В. Избранные труды. Томск: Изд-во ТГУ, 2013. Т. 2: Экспериментально-психологическое исследование личности в норме и патологии.

ЛИЧНОСТЬ КАК РАБОТА ЛИЧНОСТИ: МАРШРУТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ТРАНЗИТНОМ МИРЕ

М.Ш. Магомед-Эминов

Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
m_sh_m@mail.ru

Разработка деятельностно-смыслового подхода как динамической парадигмы культурно-деятельностной психологии, основанной на концепции работы личности, представлена как один из возможных ответов на динамические вызовы современности. Основополагающим понятием становится феномен работы личности, определяющийся на основе различения работы и деятельности и их соотнесения, связывания в модусе процессов осуществления жизни, экзистенциальной работы человека, дополняющих традиционную познавательную отражательную гносеологическую установку субъекта деятельности.

Дискурс современной научной рациональности, в связи с парадигмальной трансформацией ее оснований, все чаще строится вокруг динамических представлений — изменения, неопределенности, разнообразия, текучести, полифоничности, многообразности и др. Одним из возможных ответов на эти вызовы современности может быть разработка деятельностно-смыслового подхода как динамической парадигмы культурно-деятельностной психологии, в которой личность как «изменяющееся в изменяющемся» (Асмолов, 2014) можно определить на основе понятия работы личности (Магомед-Эминов, 1998, 2009). При этом мы сдвинем акцент с анализа известного вопроса «Что есть личность», или критерия личности (Иванников, 2015), на вопросы «Как возможна личность?», «Как работает личность в своем бытии?».

Личность, которая традиционно трактуется как свойство, качество, способность или субстанционально — как субъект с характерными предикатами, — определяется как работа личности, в процессах которой конституируется самоидентичность, становится человеческая субъектность. Трактовка личности как работы, которую мы отличаем от деятельности, но с ней соотносим, приводит к кардинальным теоретико-методологическим противоречиям в культурно-деятельностной психологии, в которой работа синонимична деятельности как основополагающей категории. Ведь, объявляя личность, которая и так является субъектом деятельности (активности), работой (мы пока их не дифференцируем), мы создаем научную конструкцию вроде «деятельности деятельности», точнее, работы с деятельностью (или более традиционно — работы, опосредствующей деятельность субъекта).

Мы используем термин «работа» в концепте работы личности не для снятия терминологического удвоения (работы личности с деятельностью личности, субъекта), а для подчеркивания онтологического различия двух модусов бытия личности в психической жизни, в психическом бытии личности — предметного и событийного — чтобы их связать. Работа и деятельность различаются, но они же и взаимно соотносятся и взаимодействуют — человек осуществляет работу с деятельностью.

Говоря более развернуто, человек — человеческая индивидуальность, личность, в собственном конкретном бытии, жизни, деятельности, активности (расширим: существовании, практике, переживании, проживании, поступке, выборе, решении, высших психических функциях, в делании и неделании, ответственности и безответственности) — работает с собственным (и несобственным) бытием, жизнью, деятельностью, активностью и т.д.

Если изложить наше понимание более конкретно, то, во-первых, в работе личности психическая работа опосредствует предметную деятельность субъекта (и внутреннюю, и внешнюю). Высшие психические функции и процесс овладения приобретают, в наших терминах, статус психической работы и работы личности — работы овладения собой соответственно. Во-вторых, работа личности не является внутренней деятельностью, или активностью субъекта, деятельностью переживания, или «личностной деятельностью», «личностным действием», а представляет собой основание для

осуществления деятельности, действия, активности, поступка, поведения, деяния (собственного и несобственного).

В-третьих, в работе личности конструируется, конституируется, создается, творится сама личность, субъектность, самоидентичность, идентичность и т.д. Даже там, где в свете постмодернизма «умирают» субъект, идентичность и личность — континуально продолжается работа личности по созданию субъектности и идентичности. Даже там, где утрачивается смысл, смысловая работа, работа личности продолжается. В смысловой работе жизненные смыслы (Life-смыслы) должны быть рассмотрены соотносительно смыслов смерти (Death-смыслов). Работа личности, деятельность субъекта продолжаются и в пассивности, и в активности, и в ситуации вторжения смерти, небытия в жизнь, бытие. Свободная работа личности как раз и заключается в ее направленности быть вопреки вторжению небытия в бытие — работа и противоработа создают в ней синергийное единство.

В-четвертых, работа личности осуществляется не только в форме внутренней работы, но и в форме культурно-исторической работы личности в гетерогенном, транзитном социокультурном бытии совместно с Другим. В этом плане работа личности обретает статус экзистенциальной работы, в ходе которой человек осуществляет свое бытие в парадигме жизни-смерти, бытия-небытия, в сочетании L-смыслов и D-смыслов. Культурно-историческая работа личности (и, соответственно, смысловая работа и мотивационная работа) интерперсональна — она осуществляется между Я и Другим во взаимодействии и противодействии.

Теперь о теоретико-методологической необходимости концепции работы личности в культурно-исторической психологии. В психологической теории деятельности существует традиционно игнорируемое теоретическое противоречие, или двусмысленность, в определении личности, являющееся выражением онтологического противоречия — бытия личности как динамического, гетерогенного, исторического единства многообразия. Противоречия, которое мы в свое время концептуально оформили и показали необходимость концепции работы личности для его разрешения (Магомед-Эминов, 1998). Действительно, личность, с одной стороны, определяется монодеятельностно, в отдельно взятой деятельности или относительно категории деятельности в субстанции субъекта, носителя этой деятельности (Рубинштейн, 1998 и др.) или пред-

посылки, внутреннего момента деятельности, субъектного полюса (Леонтьев, 1977 и др.); с другой стороны, полидеятельностно — на многообразии пересекающихся деятельностей, сшивающихся в узлы личности (тут дискурс А.Н. Леонтьева обрывается; так и напрашивается концепт работы личности, здесь мы и имплицируем в теорию недостающий, отсутствующий, в то время методологически неприемлемый концепт работы личности), завязывающиеся в работе личности. Далее напомним, что узлы личности завязываются в жизни, в бытии, а не внутри (Леонтьев, 1983), в драмах жизни (Выготский, 1986).

Наша концептуализация этой не развернутой А.Н. Леонтьевым идеи заключается в том, что работа личности, по сути, есть не столько внутренняя работа личности, сколько культурно-историческая, онтологическая работа личности в бытии — узлы личности в работе личности завязываются в бытии, жизни. В этой работе многообразие связей, отношений, деятельностей, субъектов, мотивов, смыслов, способов существования, модусов бытия (профанного и сакрального, повседневного и неповседневного) завязывается в историческую целостность жизни человека, гетерогенное «единство многообразия личности», в котором осуществляется индивидуальная темпорально протяженная история бытия личности в единстве прошлого, настоящего и будущего в социокультурном пространстве со-бытия с Другим. В работе личности в заботе о себе и о Другом происходит осуществление собственного бытия и бытия Другого в решении задачи на смысл, на жизнь, на бытие, занятии позиции, совершении поступка, осуществлении заботы о себе и о Другом, выборе и решении, ответственном свободном поступке и учете последствий своих деяний и недеяний.

1. Асмолов А.Г. Исторический смысл кризиса культурно-деятельностной психологии // Мир психологии. 2014. № 3. С. 17–33.

2. Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 1986. № 1. С/ 53–59.

3. Иванников В. А. Деятельностная природа личности // Вопросы психологии. 2015. № 6. С. 3–8.

4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977.

5. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т.2.

6. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. М.: ПАРФ, 1998.

7. Магомед-Эминов М.Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности: дисс. … д-ра психол. наук. М., 2009.

8. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1998.

СТРУКТУРА СУБЪЕКТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБРАЗА ГЕРОЯ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ[1]

А.Г. Макалатия, Т.Я. Аникеева, Л.В. Матвеева, Ю.В. Мочалова

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
axis_mail@list.ru, anikeeva-07@mail.ru

Доклад посвящен анализу образа героя в глазах современной молодежи. В исследовании приняли участие 80 студентов, которые описали человека, являющегося для них героем и примером для подражания. В работе анализируются имиджевые характеристики описанных героев, их личностные черты, особенности поведения и жизненные ценности. Исследование наглядно показывает, какими хотят видеть себя в будущем представители молодого поколения.

Формирование личности человека — сложный процесс. Важную роль в нем играют ролевые модели, образы людей, которые молодой человек может «примерить» на себя и подражать им. Наше исследование посвящено содержательному анализу таких ролевых моделей, а также образа героя, человека, на которого я хочу быть похожим, — у современной молодежи.

В исследовании принимали участие 80 студентов, будущих работников телевидения, радио и кино, в возрасте 20–22 года, из них 30 юношей и 50 девушек. Им было дано задание описать своего «героя», человека которым они восхищаются и на кого хотели бы быть похожими с точки зрения внешности, биографии, поведения, основных черт характера и ценностей.

Мы получили следующие данные:

1. Возрастное и гендерное распределение.

Все герои, описанные юношами мужского пола, среди описанных девушками — примерно треть мужчины, остальные женщины. Возраст героев колеблется от 16 до 75 лет, но большинство выбирают героя либо в возрасте чуть больше собственного — примерно 25 лет, либо в возрастном промежутке 35–45 лет — состоявшихся людей на пике возможностей и карьеры.

2. Источник образа.

Чаще всего встречаются описания конкретных реально существующих известных людей — медийных персон, музыкантов, актеров, режиссеров и т. п. На втором месте — абстрактные образы,

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-013-01156.

не привязанные к реальному человеку. На третьем — персонажи фильмов, книг и компьютерных игр. И на четвертом — реальные близкие и лично знакомые респонденту люди: родители, члены семьи или близкие друзья.

3. Имиджевые характеристики.

Как и ожидалось, юноши уделяют меньшее внимание описанию внешнего вида своего героя. Описания часто формальные и обобщенные: «хорошо выглядит», «обычная одежда» и т. п. Девушки уделяют этому аспекту гораздо больше внимания, в их ответах часто встречаются подробные описания внешности и стиля одежды (особенно когда дело касается героинь женского пола). Большинство этих описаний соответствует нормативным представлениям о красоте и привлекательности. Также в описаниях респондентов обоего пола часто встречается указание на «стильность» персонажа. Более конкретны и разнообразны описания вымышленных героев, позаимствованных из книг/фильмов/игр. Мы связываем это с тем, что в этом случае имидж героя был создан профессионалами и в него намеренно внедрены особые запоминающиеся черты.

4. Личностные характеристики.

Самым распространенным качеством идеального героя является коммуникативная компетентность: 2/3 полученных описаний содержали указания на то, что герой умеет общаться, легко сходится с людьми, умеет находить общий язык, нравится людям и т. п. На втором месте по частоте упоминаний — целеустремленность, работоспособность, умение упорно идти к поставленной цели, несмотря на препятствия. На третьем среди юношей стоят ум и способности к аналитическому и творческому мышлению, среди девушек — доброта, стремление заботиться о людях и отсутствие высокомерия. Также часто встречаются упоминания наличия таланта или способностей, общей энергичности и яркости, оптимизма, уравновешенности и самодостаточности.

5. Род занятий и биография.

Большинство из описанных героев, взятых из реальной жизни, имеют творческие профессии — режиссеры, актеры, писатели, музыканты и т. п. Что интересно, всего в двух описаниях встретился образ классического героя-воина, побеждающего врагов с оружием в руках во имя высокой цели. В обоих случаях эти герои вымышленные и живут в вымышленных мирах.

В биографиях героев самый часто встречающийся мотив — преодоление трудностей. Более чем в половине описаний респонденты акцентируют внимание на сложной судьбе героя, наличии в его жизни проблем, трагедий и препятствий к осуществлению мечты и подчеркивают, что персонаж справился с ними именно благодаря своим личным качествам.

6. Ценности.

Практически все описанные герои — успешные люди. Они занимаются любимым делом, достигли многого на выбранном пути, их заслуги признаны окружающими.

Вторая по частоте встречаемости ценность — самостоятельность в принятии решений, умение идти «против течения», выбирать собственный путь.

Также часто упоминаются альтруистические ценности — помощь людям, забота о близких, занятия благотворительностью и т. п.

Еще одна часто упоминаемая ценность — творческая и шире — личностная самореализация.

В ответах девушек в одной трети случаев упоминаются семейные ценности. В ответах юношей этот аспект практически не упоминается.

В целом можно сказать, что респонденты приписывают герою вполне традиционные, ожидаемые для подобного образа, учитывая профессиональную специализацию опрошенных, черты.

АЛЬТРУИСТИЧЕСКИЙ ВЫБОР КАК ПРЕАДАПТАЦИЯ К ВЫСШИМ ЦЕННОСТЯМ

Е.Е. Насиновская

Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет психологии
nasinovskaya@yandex.ru

Автор постулирует три источника альтруизма в соответствии с биогенетической, социогенетической и персоногенетической линиями эволюции личности. Высшая форма альтруизма связана со свободным, ответственным выбором личностью своей альтруистической направленности. Выбор основан на ценностях бытия. Таким образом, высший тип альтруиста преадаптирован к особой реальности, к миру духовных ценностей.

Проблематика альтруизма связана с глобальными проблемами человеческого существования (ее философские корни лежат в диа-

лектике борьбы добра и зла). Альтруизм (от лат. *alter* — другой) — нравственный принцип поведения, означающий способность осуществлять бескорыстные действия в интересах других людей. Термин «альтруизм» введен в этику французским философом О. Контом как антитеза эгоизму.

Вступая в противоречие с фундаментальной мотивацией самосохранения и принципом эффективной адаптации личности, альтруизм являет собой пример неадаптивной активности, способности человека трансцендировать рамки своих узко эгоистических интересов, преодолевать в стремлении к содействию любые социальные, национальные, конфессиональные и прочие барьеры. При этом человек может исходить из нравственных принципов, которые носят универсальный, общечеловеческий характер и традиционно соотносятся с такими понятиями, как симпатия, сострадание, совесть, моральный долг (Д. Юм, А. Смит, И. Кант, А. Шопенгауэр, Т. Липпс, В. Соловьев и др.).

В психологии *под альтруистическим следует понимать поведение, направленное на благо другого лица или социального объединения и не связанное с какими-либо внешними поощрениями*. Психологическая проблематика альтруизма разрабатывается в рамках исследования альтруистического, просоциального, помогающего поведения, гуманных установок личности.

В нашем исследовании мы руководствовались пониманием альтруистической мотивации личности как специфической *смыслообразующей мотивации*. Понятие «смыслообразующий мотив», введенное А.Н. Леонтьевым, конкретизируется применительно к изучению личностно-смысловых детерминант альтруизма. Предлагается различать два смыслообразующих альтруистических мотива.

Мотив сочувствия, который основан на воспитании идентификационных и эмпатических способностей человека. Реализация мотива сочувствия невозможна без осуществления мысленной постановки себя на место нуждающегося в помощи человека, без процесса сопереживания ему.

Мотив морального долга, который является следствием нормативного воспитания личности и формируется на основе интериоризации альтруистических социальных норм.

В русле историко-эволюционного подхода (А.Г. Асмолов) выделяются биогенетическая, социогенетическая и персоногенетическая ориентации в исследовании личности. Представители *биоге-*

нетической ориентации исследуют индивидные свойства человека, которые рассматриваются как преимущественно *врожденные предпосылки* развития личности Представители *социогенетической ориентации* исследуют *социально-типические свойства личности как социального индивида, представителя той или иной социальной общности* (личность как элемент социальной системы и субъект общества). Особое внимание уделяется вопросам социальной адаптации и социально-нормативного поведения личности. Представители *персоногенетической ориентации* исследуют *личность в точном и узком смысле слова как неповторимую личностную индивидуальность, как субъекта свободного, ответственного выбора в сложных жизненных ситуациях и, следовательно, субъекта своей собственной жизни*.

Рассмотрение биогенетической, социогенетической и персоногенетической линий развития личности позволяет прояснить вопрос об *источниках альтруистической мотивации*.

Мы полагаем, что идентификационно-эмпатический механизм как предпосылка мотивации сочувствия релевантен биогенезу личности, морально-нормативный механизм мотивации морального долга релевантен социогенезу личности, а индивидуальная личностная эволюция связана с особым видом адаптации, которая может быть обозначена термином «преадаптация».

Преадаптация — термин, взятый из биологии (введен в 1911 г. Л. Кено́), где он означает предварительную (опережающую) адаптацию, возникающую в ходе эволюции. На основе мутаций или вариаций особенностей живых существ возникают признаки, которые первоначально не выполняют адаптивной функции, но могут быть востребованы при изменении условий существования (образа жизни) вида. Преадаптивное свойство — это свойство организма, имеющее приспособительную ценность для еще не осуществленных форм взаимодействия организма со средой. Преадаптация представляет собой резерв индивидуальных особенностей, созданных «про запас». В историко-эволюционном подходе А.Г. Асмолова парадигма преадаптации перенесена на индивидуальные особенности личности.

Активность личности в персоногенезе, где речь идет об индивидуальности личности, проявляется в процессах самоопределения, личностного ответственного выбора в проблемных жизненных ситуациях. На этом уровне развития альтруизм личности возни-

кает в результате *активного и сознательного личностного выбора на основе ценностных представлений*. Моральный закон существует не только внутри, но и вне нас, кристаллизуясь в лучших достижениях человеческой культуры: духовных учениях, заветах, заповедях, примерах деятельности бескорыстных меценатов, святых подвижников, сестер милосердия и великих моралистов. Напомним, что этика — нормативная наука, она описывает область необходимого и стимулирует, катализирует область возможного. *Механизм опережающего отражения, преадаптации, творческого конструирования («заглядывания» в будущее) переводит возможное в действительное.* Преадаптация предстает как конструирование будущего, ориентация на выработанные человечеством бытийные ценности. Так, А. Маслоу, с опорой на учение Платона, выделяет 14 таких ценностей. Применительно к альтруизму можно говорить об особой значимости для сознательного гуманиста таких ценностей, как добро, истина, справедливость, красота и гармония. Осознанное приближение к идеалу альтруиста высшего типа может сопровождаться отказом от социальной и даже физической адаптации в пользу утверждения духовных ценностей. Утверждая в мире ростки сконструированного нравственного будущего, альтруисты высшего типа выполняют важнейшую миссию сохранения разумного человечества.

Итак, существуют три источника альтруизма: биологическая эволюция, социокультурная эволюция, духовно-нравственная эволюция. Высший тип альтруизма предполагает *сознательную ориентацию на нравственные общечеловеческие ценности и преадаптацию к духовным реалиям.*

ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСА ПАТРИОТИЗМА ЛИЧНОСТИ

М.А. Рушина

Россия, Москва, Российский университет дружбы народов
rushina_ma@rudn.university

Работа посвящена проблеме патриотизма личности. Актуальность вопроса определена возрастающим интересом воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма и веры в свою родину. Сегодня важен процесс интенсивного обновления мировоззренческих позиций, ориентирующих систему образования на создание условий оптимального интеллектуального и духовного развития подрастающего поколения.

В настоящее время патриотизм в связи с политикой президента РФ вышел на небывало высокий уровень, сегодня патриотизм призван дать новый импульс формированию в России единого гражданского общества, духовного развития народа. Многие школы сейчас имеют кадетские классы, где патриотизм — это основа воспитания подростка. Патриотизм проявляется в деятельности и в поступках человека, он всегда конкретен и направлен на реальные объекты, зарождаясь из любви к своей малой родине, перерастая в общегосударственное патриотическое самосознание.

Решение множества сложнейших служебных проблем во многом зависит от уровня сформированности гражданской позиции у современной молодежи, уважения к историко-культурному наследию и быту своего народа и других народов России, потребности в духовно-нравственном совершенствовании.

Старший школьный возраст является важнейшим жизненным периодом развития патриотизма. Создание условий для личностного самоопределения старших школьников, их активной жизнедеятельности является одной из задач работы современной общеобразовательной организации. Обучающихся старших классов, как наиболее мобильную и политически активную группу общества, необходимо привлекать к непрерывному поиску путей духовно-нравственного совершенствования посредством возрождения нравственных ценностей и культурных традиций. Важнейшим показателем духовно-нравственного состояния подрастающего поколения всегда было и остается отношение к историческому прошлому своей родины.

Воспитание граждан-патриотов является одной из главных задач государства, которая не может быть эффективно решена в ситуации неполноты знаний о месте, занимаемом патриотизмом в системе ценностных ориентаций, и его роли в формировании мировоззрения современной молодежи. Таким образом, актуальность изучения вопроса патриотизма личности очевидна и находит отклик в сфере образования.

Патриотизм изучается с позиций нескольких подходов: как личностная и социальная ценность (В.Г. Алексеева, О.А. Журавлев и др.); как нравственное качество личности (Б.С. Братусь, В.В. Гонеева и др.); как ценностно-смысловое образование (А.В. Битюева, Д.А. Леонтьев и др.); как потребность и мотив (И.А. Васильева, Л.Е. Душацкий, В.Л. Позняков и др.); как направленность личности

(А.И. Агеев, С.Т. Смольков и др.); как отношение (Н.И. Ильин, В.Н. Косырев, М.И. Старов и др.).

Интересен подход изучения патриотизма с позиции системно-функциональной концепции, разработанной А.И. Крупновым. Данный подход дает понять, что патриотизм выступает как одно из немаловажных свойств личности, состоящих из динамических, содержательных и результативных характеристик. В рамках данного направления патриотизм как личностная характеристика рассматривается такими учеными, как С.И. Кудинов, А.В. Потемкин, С.А. Гаврилушкин, М.А. Рушина и др.

Ранее нами был рассмотрен вопрос этнопсихологических особенностей патриотизма, который показал, что патриотизм имеет свою психологическую структуру в зависимости от культурной принадлежности человека (Rushina, Kameneva, 2017).

Несмотря на множественность подходов к изучаемому вопросу, роль и место патриотизма в процессе воспитания остаются недостаточно изученными и дискуссионными. Мы не всегда способны правильно проявлять и позиционировать свой патриотический настрой в силу недостаточных знаний и опыта. Мы испытываем неловкость, когда нам приходится убеждать других людей в необходимости проявления патриотизма и т.д.

1. Rushina M., Kameneva G. Ethnic and Psychological Particularities of Patriotism in Students of the Cis Countries // Man in India. 2017. Vol. 97 № 16. P. 213–223.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ОБ АГРЕССИИ И НАСИЛИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Л.И. Рюмшина

Россия, Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет
ryumshina@sfedu.ru

Исследование проводилось в несколько этапов с 2014 года, в период обострения международных отношений, и показало, что представления студентов об агрессии и насилии слабо дифференцированы. Тем не менее респонденты считают, что они живут в агрессивном мире, полном насилия. Хотя они нечасто сталкиваются с насилием и агрессией в реальной жизни, только среди друзей они могут чувствовать себя в безопасности.

Внутреннее благополучие человека зависит от многих факторов, в том числе и от социальной среды обитания. От того, какова

она (агрессивная, напряженная или, наоборот, доброжелательная), зависит и формирование человеком отношений с другими людьми (Психология общения, 2015). Поэтому постоянная угроза стать объектом насилия или агрессивных нападок, чувство незащищенности могут, в свою очередь, провоцировать ответную агрессию. Особенно это справедливо по отношению к молодежи, о чем свидетельствует рост в современном мире проявлений агрессии и насилия молодыми людьми.

Все это явилось основанием проведения исследования, целью которого было изучение представлений студенческой молодежи об агрессии и насилии в современном мире и их проявлений в личной жизни респондентов.

Исследование проводилось в несколько этапов с 2014 г., в период обострения международных отношений. Всего на разных этапах исследования в нем приняло участие 140 человек. Респондентам предлагалось оценить уровень агрессии и насилия в мире, российском обществе, а также уровень проявления собственной агрессии и насилия в различных сферах жизнедеятельности.

Результаты исследования. Респонденты считают, что они живут в агрессивном мире, полном насилия. Этому способствуют средства массовой информации, особенно Интернет и телевидение, что подтверждает актуальность постановки проблемы психологической безопасности человека, и информационно-психологической безопасности населения в том числе (Информационная и психологическая безопасность в СМИ, 2002).

При этом, по их мнению, агрессии и насилия в обществе не должно быть либо они могут быть, но слабо выражены. Причем респонденты в большей степени допускают наличие в обществе агрессии, чем насилия. Сферами жизнедеятельности, где нежелательны, но все-таки возможны агрессия и насилие — государственные учреждения и рабочее место, общение с незнакомыми и малознакомыми людьми. В меньшей степени агрессия и насилие допускаются ими в семье.

Интересно, что, отмечая высокую степень выраженности агрессивности и насилия в наиболее популярных электронных средствах массовой коммуникации, респонденты тем не менее не замечают, как становятся объектом их воздействия. Этому способствует и то, что представления студентов об агрессии и насилии слабо дифференцированы. В большинстве случаев они отмечают такие виды

агрессии и насилия, как физическое и психологическое. Диапазон выделяемых видов насилия значительно у́же, чем агрессии. Это можно объяснить тем, что, отрицая наличие насилия в обществе больше, чем агрессии, респонденты не замечают его и в жизни, часто подменяя видами агрессии.

Большинство респондентов считают, что они не проявляют насилия, и половина из них не сталкиваются с насилием в повседневной жизни, чего нельзя сказать об агрессии, с которой, так или иначе, они сталкиваются во всех сферах жизнедеятельности. Только среди друзей они могут чувствовать себя в безопасности, так как практически все респонденты отмечают низкий уровень агрессии по отношению к ним или ее отсутствие в этом межличностном общении. Интересно, что, оправдывая агрессию в обществе, студенты сами ее проявляют во всех сферах своей деятельности с одинаковой частотой, за исключением, опять-таки, дружеских отношений.

Таким образом, самой «защищенной» сферой для опрошенных респондентов оказывается круг друзей. Только там они могут чувствовать себя в безопасности, «спасаясь» от угрожающего агрессивного современного мира, поэтому и сами стараются быть толерантными, не проявлять агрессии и тем более насилия по отношению к друзьям.

1. Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2 т. / Под ред. А.И. Донцова, Я.Н. Засурского, Л.В. Матвеева, А.И. Подольского. М.: Аспект-Пресс, 2002. Т. 1. 335 с.

2. Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.А. Бодалева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Когито-Центр. 2015. 672 с.

HOMO COMPLEXUS IN COMPLEXUS MUNDI: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Е.В. Сауткина

Россия, Москва, НИУ ВШЭ
esautkina@hse.ru

Благодаря ускоряющимся темпам развития общества и его более заметным последствиям, перед нами предстает факт тождественности изменений и сложности, который сегодня стало возможным более детально

изучать. В сложившихся условиях особую важность приобретают системные научные подходы. Мы останавливаемся на подходе сложных систем в социальных науках и энактном подходе и анализируем их потенциал для психологической теории, методологии и практики.

Среди проблем, с которыми сталкивается современное общество, прослеживаются три взаимосвязанные тенденции. Это беспрецедентное *увеличение темпов* развития, оставляющее все *более заметные отпечатки* на всех сферах жизни (в частности, психологической, социальной, экологической и многих других). Как следствие первых двух тенденций, также отслеживается *выходящая на передний план взаимозависимость* различных сфер жизни общества: например, экономики с психическим здоровьем населения, качества физической среды и социального капитала, изменений климата и физического здоровья. Фактически именно благодаря ускоряющимся темпам развития и более заметным последствиям перед нами предстает факт тождественности изменений и сложности, который сегодня стало возможным более детально изучить. В сложившихся условиях особую важность приобретают системные научные подходы. В частности, необходимо уделять внимание развитию теории и методологии комплексных и междисциплинарных исследований с целью изучения и прогнозирования влияния действий общества в одной сфере на происходящее в других областях.

Одним из направлений, позволяющим решить данные задачи, является *подход сложных систем*, который широко распространен сегодня в социальных науках. Его чертами является ви́дение системы как динамичной, нелинейной, множественной, сложной, адаптивной и развивающейся целостности (Holder, 1998; Shiell et al., 2008). Отличительными чертами этого подхода являются прагматическое принятие неопределенности (Popper, 1945), а также ориентация на междисциплинарное и межсекторальное сотрудничество, нацеленное на изучение общих для различных областей проблем. Применение подхода сложных систем в психологии может иметь большую теоретическую, методологическую и практическую важность. Мы останавливаемся на ряде вопросов: как отличить простой объект исследования от сложного; являются ли простота и сложность лишь прагматически принятыми перспективами или же качествами, присущими объектам исследования

(Petticrew et al., 2013); почему признание сложности человека и его взаимоотношений с миром необходимо на современном этапе развития общества; в чем отличия данного подхода от других, например трансактного подхода (Altman, Rogoff, 1987) и феноменологического подхода Франсиско Варелы; в каких областях использование подхода сложных систем может оказаться наиболее продуктивным; как применяется подход сложных систем в теории, методологии и практике.

Вторым направлением, которое может стать перспективным для современной психологии, изучающей «изменяющегося человека в изменяющемся мире», является *энактный подход* (Varela et al., 1991). Он позволяет преодолеть субъектно-объектный дуализм, — задача, с которой подход сложных систем часто не справляется. С точки зрения энактного подхода, познание — это не представление, а воплощенное действие, в то время как мир, который мы познаем, не является предзаданным, а приводится в действие нашей историей структурной координации и коэволюции. Мы разбираем, как, исходя из этого, Варела, Томпсон и Рош демонстрируют недвойственность субъекта и объекта, указывают на феномен основополагающей циркулярности и описывают новые перспективы развития психологической науки. Здесь также обсуждается ряд вопросов: о возможности преодоления двойственности субъекта и объекта в психологических исследованиях; о теоретической и практической значимости энактного подхода в современной психологии с целью изучения изменяющегося, многомерного человека, живущего в не менее динамичном и сложном мире.

В заключение, мы затрагиваем вопросы, которые имеют непосредственную важность для проведения теоретических и прикладных исследований в сегодняшнем изменяющемся, сложном мире: насколько правомерна генерализация в науке; насколько реалистична воспроизводимость исследований и в каких условиях она может достигаться; как планировать в условиях неопределенности (Giddens, 2011); как «переводить» описываемую сложность на ненаучный язык, чтобы сделать ее доступной представителям других профессий и обществу.

1. Altman I., Rogoff B. World Views in Psychology: Trait, Interactional, Organismic and Transactional Perspectives // Handbook of Environmental Psychology / D. Stokols, I. Altman (Eds.). New York: Wiley, 1987. Vol. 1. P. 245–281.

2. Giddens A.. The Politics of Climate Change. Malden, MA: Polity, 2011.

3. Holder H.D. Alcohol and the community: A systems approach to prevention. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
4. Petticrew M., McKee M., Lock K., Green J., Phillips G. In search of social equipoise. BMJ, 2013. Vol. 347. № 7918. Art. 4016.
5. Popper K. The open society and its enemies. London: University of London, 1945.
6. Shiell A., Hawe P. & Gold, L. (). Complex interventions or complex systems? BMJ: 2008. Vol. 336. № 7656P. 1281–1283.
7. Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПЛАНИРУЕМОГО ПОВЕДЕНИЯ У ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМИ СТИЛЯМИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Т.В. Фоломеева, В.В. Нагорнова

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
tfolomeeva@gmail.com

В данной работе представлено пилотажное исследование, направленное на анализ возможности применения методики М. Берзонски в моделях прогнозирования поведения.

В социальных науках идентичность выступает как концептуальный инструмент, с помощью которого появляется возможность увидеть схожее и различное в людях, одновременно учитывая непрерывность личности и ее изменения во времени. М. Берзонски и коллеги, поддерживая акцент на четкой операционализации и измерениях, сфокусировались на социально-когнитивных процессах, связанных с поиском и приверженностью идентичности. Опираясь на теорию статусов идентичности Дж. Марсии, Берзонски предложил идею применения стилей идентичности к описанию подходов к обработке информации (Berzonsky, 1989) и выделил 3 стиля идентичности: информационный, когда человек в ситуации выбора стремится получить всю доступную информацию, для того, чтобы определить важность определенной цели, направления своего развития; нормативный, предполагающий следование семейным традициям, социальным и/или групповым нормам и диффузный, избегающий принятия решения. (Berzonsky, 1992).

Подход М. Берзонски привлек наше внимание возможностью использовать операционализацию идентичности для измерения стилей идентичности и факторов принятия потребительских решений.

Для изучения потребительского выбора мы использовали модель целенаправленного поведения М. Перуджини и Р. Багоцци (Багоцци и др., 2008). Эта модель дополняет модель обоснованного действия А. Айзена и М. Фишбайна новыми переменными: предвосхищаемыми эмоциями, желаниями, частотой прошлого поведения и близостью прошлого поведения во времени. Как показало исследование, объясненная дисперсия намерения и действия в этой модели значительно увеличилась, что дает возможности для более глубокой интерпретации (Perugini, Bagozzi, 2001). Определение идентичности на основе особенностей обработки информации предполагает учет фактора индивидуальной «значимости» информации, так как обманчивая диффузия идентичности может свидетельствовать не о типе мышления, а являться результатом отсутствия интереса. В качестве значимой переменной модели целенаправленного поведения мы выбрали «усилия, прилагаемые к учебе», так как наша выборка (96 человек) состояла из студентов, проходящих обучение.

Целью нашей работы было сравнение поведенческих моделей студентов с разными стилями идентичности (информационным, нормативным, диффузным).

В исследовании использовались две методики: опросник Берзонски, дополненный полуструктурированным интервью, и анкета Перуджини и Багоцци, направленная на выявление инструментального поведения (усилия, прилагаемые к учебе).

Для измерения модели были выделены 20 объективно измеряемых переменных и 10 латентных. Определенные трудности вызвала верификация переменной «субъективные нормы». Однако и авторы методики в своих исследованиях сначала исключили один из объективный показателей этой переменной (Ibid.), а затем обнаружили, что данная переменная оказалась не значимой (Багоцци и др., 2008).

Пилотажный характер исследования и ограниченная выборка не позволили использовать для анализа данных структурное моделирование. Для проверки полученная модель была построена в программе, моделирующей структурными уравнениями SLC, которая подтвердила валидность и надежность модели. В программе SPSS 21.0 с помощью конфирматорного факторного анализа с косоугольным вращением получилось выделить 10 факторов, соответствующих 10 латентным переменным. Но некоторые переменные

«слиплись» или же, наоборот, «расщепились». Например, факторы частоты поведения в прошлом или «недавности» этого поведения объясняются одним фактором. Возможно это объяснить тем, что утверждения, используемые для измерения данных конструктов, трудно различимы в русском языке. Некоторые переменные, например аттитюды, наоборот, объяснялись двумя факторами. Это свидетельствует о необходимости полноценной адаптации опросника на русском языке, основой для валидизации которого может стать уже имеющаяся база (N = 92), с достаточно высоким уровнем надежности (альфа Кронбаха = 0,792).

1. Багоцци Р.П., Герхан-Канли Ц., Пристер Й.Р. Социальная психология потребителя. М.: Академия, 2008.

2. Белинская Е.П., Бронин И.Д. Адаптация русскоязычной версии опросника стилей идентичности М.Берзонски // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 34. С. 12. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 15.01.2015).

3. Социальная психология личности: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. М. : Издательский центр «Академия», 2009. 304 с.

4. Berzonsky Michael D. Inentity style: Conzeptualization and Measurement // Journal of adolescent research. 1989. Vol. 4. № 3. P. 268–282.

5. Berzonsky M.D. Colleen Sullivan Social-cognitive Aspects of Identity Style Need for Cognition, Experiental Openness, and Introspection // Journal of Adolescent Research. 1992. Vol. 7. № 2. P. 140–155.

6. Berzonsky M.D. Identity style, gender, and social-cognitive reasoning // Journal of adolescent research. 1993.Vol. 8. № 3. P. 289–296.

7. Perugini M., Bagozzi R.P. The role of desires and anticipated emotions in goal-directed behaviours: broadening and deepening the theory of planned behavior // British Journal of Social Psychology. 2001.

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ КОНСТРУИРОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Д.А. Хорошилов

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
d.khoroshilov@gmail.com

В работе анализируется феномен кризиса идентичности как отражения ситуации транзитивности (радикальных социокультурных изменений и проблем) и научного поиска новых понятий, которые помогли бы осмыслить единство (или даже неразличимость) личности и общества. Таким понятием выступает не идентичность, а субъективность. Предлагается ее определение с опорой на филологические и мемуарные работы Л.Я. Гинз-

бург как внутренней формы принятия неопределенности исторического времени.

Хрестоматийное понятие *кризиса идентичности*, введенное, как хорошо известно, Э. Эриксоном для обозначения одного из этапов развития личности, в социальной теории и психологии приобретает расширенные коннотации: по сути, оно стало указывать на *типическое коллективное переживание* распада традиционных форм познания в ситуации *транзитивности* (социокультурных изменений и проблем, ставших продолжением исторических сломов XX века). «Кризис» идентичности интерпретируется как 1) культурно-психологический феномен современности и 2) исчерпанность научного языка и необходимость реформации категориального аппарата социальной психологии личности.

Во-первых, имеется в виду состояние общественного и индивидуального сознания, когда категории различия/отождествления человека с той или иной социокультурной общностью утрачиваются, стираются когнитивные границы и значения (Г.М. Андреева). Кризис идентичности определяется как потеря локализации самого себя в социальном пространстве/времени, выражаемая в коллективном переживании хронической тревожности (Л.Д. Гудков), а также диффузии и расщеплении «Я» современного человека (Е.Т. Соколова).

Во-вторых, научная эвристичность понятия идентичности ставится под сомнение не только «жизнью», но и академическим сообществом. Так, после радикальных конструкционистских теорий диалогического и нарративного «Я» идентичность превращается в эфемерный конструкт, производный от языка и отношений (Е.П. Белинская, Е.О. Труфанова). Не вызывает удивления, что идентичность стала рассматриваться как виртуальная точка сборки человека в хронотопе, а это фактически исчерпывает исходное понятие (А.Ш. Тхостов).

В-третьих, — и в интересующем нас плане главное, — концепция кризиса идентичности разрабатывалась в науке XX столетия и имела специфическое значение: она констатировала разрыв между личностью и обществом, который является не исторической универсалией, а запоздалым следствием процессов индивидуализации/психологизации социального в культуре модернизма. Но тогда правомерно ли говорить именно об *идентичности* для характери-

стики человека минувших времен, например Средневековья или Древней Руси?

Для того чтобы подчеркнуть культурно-исторический/искусственный характер формирования личности, а именно ее опосредованность языковыми практиками и отношениями власти, проводимыми в обществе, нам, очевидно, придется отказаться от традиционного понятия идентичности и обратиться к *субъективности* (отметим на полях: не абстрактного *субъекта* познания и не *субъектности*, т.е. психического качества последнего). Кризис идентичности дает нам возможность конструирования субъективности как научного понятия в психологии и одновременно *формы жизни* — культурно-исторического типа существования, который включает индивидуальные душевные переживания и представления в коллективные взаимосвязи и целостности (Э. Шпрангер).

Субъективность — основная категория в политической теории (М. Фуко, Ш. Муфф, Дж. Батлер), где она определяется с опорой на изучение дискурсов, социальных конвенций и институциональных порядков. Несколько иной путь заключается в апелляции к искусству и эстетике, в частности, к творческому наследию Л.Я. Гинзбург, вызывающему сегодня большой интерес у западных и отечественных славистов (но мало замечается психологами).

Гинзбург писала, что литература перестала развиваться, потому что не смогла разработать новых концепций личности — ее критическое рассуждение легко проецируется на современные психологические исследования, которые пока не могут создать новых моделей человека. Философы и литературоведы перечитывают блокадные записки Гинзбург в надежде сформулировать новую концепцию субъективности современного человека (Э. Баскирк, А.Л. Зорин). Ее основные допущения таковы — признание иллюзорности индивидуального существования и неизбывности социального зла, рассмотрение персональных переживаний и представлений как языкового знака, обозначающего единство исторического процесса и индивидуальной судьбы, а также замена смысловой детерминации познания и поведения (в советской повседневности нашедшей страшное выражение в Ленинградской блокаде) детерминацией целевой.

Таким образом, одна из возможных линий реформации научного языка социальной психологии личности в ситуации транзитивности — это переход от категории идентичности, находящейся в

концептуальном «кризисе», к анализу субъективности — внутренней языковой формы принятия неопределенности исторического времени, конструируемой в культуре и искусстве и служащей ответом на ключевой мировоззренческий вопрос, «как человек определенного исторического склада подсчитывает свое достояние перед лицом небытия», по замечательным словам Л.Я. Гинзбург.

ФЕНОМЕН БИЛИНГВИЗМА И МУЛЬТИЛИНГВИЗМА КАК ВЫЗОВ ОБРАЗОВАНИЮ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ[1]

Л.А. Шайгерова, Ю.П. Зинченко, Р.С. Шилко, А.Е. Раевский

Россия, Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова
ludmila_chaiguerova@hotmail.com

Процессы глобализации в современном обществе привели к тому, что владение несколькими языками становится обыденным явлением. Феномен билингвизма и мультилингвизма создает новые вызовы для воспитания и обучения. Использование инновационных технологий и методов в совокупности с идеями культурно-исторической теории личности в образовании позволит принимать во внимание не только позитивное, но и возможное негативное влияние мультилингвизма на когнитивное и личностное развитие ученика.

Процессы глобализации и стирание границ, связанные, не в последнюю очередь, с цифровизацией современного общества, привели к тому, что владение двумя или несколькими языками на относительно одинаковом уровне становится все более обыденным и распространенным явлением. В научной сфере данная реальность находит свое отражение в создании подходов и разработке методов для всестороннего изучения феномена билингвизма и мультилингвизма в междисциплинарном поле. Как показывают результаты исследований, билингвизм и мультилингвизм приводят не только к культурному и лингвистическому обогащению личности и общества, но и создают новые вызовы в процессе воспитания и обучения индивида. Особенно остро стоит проблема в ситуации

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №17-29-09167.

вынужденного билингвизма и мультилингвизма, когда изучение двух или нескольких языков не является исключительно добровольным выбором, а вызвано объективными обстоятельствами, например, при наличии двух или нескольких государственных или официальных языков, владение которыми является обязательным или необходимым.

В последние годы применение инновационных технологий и особенно использование нейробиологических методов исследования позволили сделать целый ряд важнейших открытий в области билингвизма и мультилингвизма, а также пролить свет на особенности познавательных процессов и мозговой активности у людей, владеющих в относительно равной степени двумя или несколькими языками. Так, пересмотрена роль сензитивных или критических периодов в усвоении второго языка (Abutalebi, Clansen, 2018), исследовано влияние особенностей регуляции доминантного языка на изучение новых слов (Bogulski et al., 2018), изучено влияние различающихся невербальных стимулов на активацию мозговых процессов у билингвов (Li et al., 2013) и т.д.

В том, что касается влияния языка на личностное развитие, критический анализ существующих в психологии и смежных науках современных теорий и моделей изучения проблемы влияния билингвизма и мультилингвизма на личность позволил выявить несколько самостоятельных подходов, объясняющих механизмы взаимосвязи языка и конструирования идентичности (Зинченко и др., 2018). В то же время идея Л.С. Выготского о том, что билингвизм необходимо рассматривать не только в связи с интеллектуальным развитием, но «во всей широте и во всей глубине его влияний на все психическое развитие личности…» (Выготский, 1983), в современных исследованиях билингвизма и мультилингвизма по-прежнему учитывается недостаточно.

Таким образом, в ходе обучения, в особенности школьного, необходимо принимать во внимание не только позитивное, но и возможное негативное влияние владения несколькими языками на когнитивное и личностное развитие ученика и искать эффективные способы компенсации негативного влияния. С этой целью представляется необходимым систематизировать и использовать результаты новейших исследований в области влияния билингвизма и мультилингвизма на когнитивные процессы и личность в совокупности с идеями культурно-исторической психологии личности

(Асмолов, 2001; Выготский, 1983), такими как признание неразрывной внутренней связи и единства интеллекта и аффекта в противоположность их изолированному метафизическому рассмотрению, опора на индивидуальный подход в обучении, учет социальной ситуации развития ребенка, а также разрабатывать современные методы диагностики и образовательные технологии, учитывающие многоязычие участников образовательного процесса.

1. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл 2001.

2. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3.

3. Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.А., Раевский А.Е. Системное влияние двуязычия и многоязычия на когнитивное и личностное развитие участника образовательного процесса // Герценовские чтения: Психологические исследования в образовании. СПб., 2018. Ч. 1. С. 65–71.

4. Bogulski C.A., Bice K., Kroll J. Bilingualism as a desirable difficulty: Advantages in word learning depend on regulation of the dominant language // Bilingualism: Language and Cognition. 2018. doi:10.1017/S1366728918000858

5. Abutalebi Ju., Clansen H. Critical periods for language acquisition: New insights with particular reference to bilingualism research // Bilingualism: Language and Cognition. 2018. Vol. 21 (5). P. 883–885. doi:10.1017/S1366728918001025

6. Long M. H., & Granena G. Sensitive periods and language aptitude in second language acquisition // Bilingualism: Language and Cognition. 2018. Vol. 21. doi:10.1017/S1366728918000184

7. Li Yu., Yang Ji., Scherf K.S. Two faces, two languages: An fMRI study of bilingual picture naming // Brain & Language. 2013. Vol. 127. P. 452–462.

8. Nair V. K., Biedermann B., Nickels L. Consequences of late bilingualism for novel word learning: Evidence from Tamil–English bilingual speakers // International Journal of Bilingualism. 2016. Vol. 20. P. 473–487. doi:org/10.1177/1367006914567005

О ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Е.И. Шлягина, И.М. Карлинская, Е.Н. Львова

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
Россия, Москва, НИУ Высшая школа экономики
e.shliagina@gmail.com, imk.opp68@mail.ru, enlvova@hotmail.com

В данной статье представлены результаты диагностики содержания всех компонентов гражданской идентичности (когнитивного, эмоционального, мотивационно-ценностного поведения) у педагогов СОШ. Исследование выполнено в рамках мониторинга, направленного на выявление готов-

ности педагогов к работе в условиях поликультурного образовательного пространства. В исследовании приняли участие 502 педагог из 6 регионов РФ. Результаты исследования показали, что у более 70% участников содержание компонентов гражданской идентичности обладают неполнотой, поверхностностью, эмоциональной амбивалентностью, а рассогласование содержания всех компонентов на осознаваемом и неосознанном уровнях свидетельствует об отсутствии сформированности позитивной гражданской идентичности.

Начало XXI века ознаменовалось глубокими социально-экономическими и политическими трансформациями российского общества, что привело не только к изменению жизни людей, но и к трансформации их представлений о своем государстве и о своем месте в новом социокультурном пространстве. Острая потребность в формировании, развитии и укреплении идей, способствующих объединению российского общества, делает особо актуальной задачу изучения состояния гражданской идентичности у граждан РФ.

Гражданская идентичность — важнейший конституирующий элемент гражданской общности, основа группового самосознания, создающего из совокупности индивидов коллективного субъекта. Она интегратор населения страны и залог стабильного общества.

Гражданская идентичность является предметом междисциплинарных исследований. В психологии, базируясь на гипотезе А.Г. Асмолова (Асмолов, 1979, 2012, 2013) об установках как механизмах, обеспечивающих стабильность поведения в мобильном мире, устойчивость поведения в неопределенных ситуациях, мы рассматриваем гражданскую идентичность как многокомпонентное уровневое установочное образование. В соответствии с содержательным наполнением под гражданской идентичностью понимается:

- совокупность осознанных и неосознаваемых образований (представлений, мотивов, ценностей, эмоций, поведенческих форм), свидетельствующих о принадлежности к сообществу граждан того или иного государства;
- феномен надиндивидуального сознания, признак (качество) гражданской общности, характеризующей ее как коллективного субъекта (Асмолов, 2012).

Гражданская идентичность состоит из нескольких компонентов:

1. Когнитивный — осознаваемые и неосознаваемые представления субъекта (гражданина) о своей стране.
2. Эмоциональный — те эмоции, переживания, которые испытывает субъект по отношению к процессам, происходящим в его стране, историческому прошлому, настоящему и будущему его страны и т.д.
3. Мотивационно-ценностный — те осознаваемые и неосознанные причины, которые формируют сознательную или бессознательную принадлежность к определенной социальной группе, в нашем случае — граждан России, а также приоритеты в системе ценностей.
4. Поведенческий (регулятивный) — те способы и стратегии, посредством которых субъект реализует собственную гражданскую идентичность.

Настоящее исследование было выполнено в рамках мониторинга, направленного на выявление готовности педагогов к работе в условиях поликультурного образовательного пространства. Преподавательское сообщество было и остается важнейшим хранителем общенациональных ценностей, идей и установок, поэтому знания о состоянии гражданской идентификации у педагогов СОШ представляют большой интерес. В исследовании приняли участие 502 педагога из 6 регионов РФ. Подобранная для исследования батарея методик позволила диагностировать все компоненты гражданской идентичности в совокупности всех ее составляющих.

Для диагностики компонентов гражданской идентичности были использованы:

1. Проективная методика «Кто я?».
2. Проективная методика «Незаконченные предложения».
3. Опросник «Метод балльных оценок».

По методике «Незаконченные предложения» участники исследования должны были завершить 11 предложений:

1. Россия — это…
2. Граждан России объединяет…
3. Я считаю себя гражданином России, потому что…
4. Родина — это…

5. Россия станет лучше, если…
6. Ценности России — это…
7. Россия исчезнет с карты мира, если…
8. Я чувствую себя чужим в своей стране, когда…
9. Я чувствую себя гражданином своей страны, если…
10. Мне хочется (не хочется) жить в России, потому что…
11. Ваши планы на ближайшие 10–15 лет…

По результатам методики «Кто я?» главный идентификационный признак принадлежности к государству, выявляемый в самоопределении «Гражданин России», не был упомянут в ответах 52% участников исследования. Два лидирующих на первых позициях самоопределения — это семейная и профессиональная самоидентификация.

Результаты при завершении предложения «Ценности России — это…» показали, что культура страны является ценностью только для 18% участников. А такие главные базисные элементы гражданской идентичности, как история и традиции, упоминаются 15% участников. Представления о своих соотечественниках носит амбивалентный характер.

Результаты показали, что у 70% участников исследования содержание компонентов гражданской идентичности обладает неполнотой, поверхностностью, эмоциональной амбивалентностью, а рассогласование содержания всех компонентов на осознаваемом и неосознанном уровнях свидетельствует об отсутствии сформированности позитивной гражданской идентичности.

1. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М., 1979.
2. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2015. Т. 8. № 40.
3. Асмолов А.Г. Установочные эффекты как предвидение будущего: историко-эволюционный анализ // Российский журнал когнитивной науки. 2017. Т. 4. № 1. С. 26–33.
4. Учебно-методические материалы для педагогов различных степеней системы общего образования по формированию гражданской идентичности личности учащихся в рамках социального партнерства семьи и школы. Разработаны коллективом авторов под руководством А.Г. Асмолова. 2012. 247 с.

ПРОБЛЕМА ВОЛИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА[1]

В.Н. Шляпников

Россия, Москва, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»
Shlyapnikov.vladimir@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы возникновения и развития воли как личностного уровня произвольной регуляции в контексте общественно-исторического развития человечества. Необходимость возникновения воли обусловлена усложнением отношений человека с окружающим миром и появлением в его жизни специфических задач, связанных с регуляцией деятельности, предмет потребности которой дан в идеальной форме, в условиях конфликта между различными уровнями отношений человека с миром.

В последние десятилетия неуклонно растет количество исследований, посвященных изучению волевой регуляции, тем не менее, вопрос о механизмах волевой регуляции в психологической науке до сих пор остается дискуссионным (Иванников и др., 2014).

В рамках культурно-исторического и деятельностно-смыслового подходов в психологии сложилось представление о воле, как о высшей психической функции, имеющей социальную природу и определяющейся, в первую очередь, характером социальных отношений, связывающих человека как личность с окружающим его миром (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев, В.А. Иванников и др.).

В связи с этим понять природу и механизмы воли невозможно вне контекста развития порождающих ее социокультурных систем, усложнение которых обусловливает логику ее возникновения и развития в антропогенезе. Такой подход позволяет наполнить традиционно абстрактное, по сути, философское понятие «воля» конкретным психологическим содержанием и более полно раскрыть механизмы формирования волевой регуляции в процессе присвоения и трансформации субъектом общественно-исторического опыта как на уровне отдельных социальных групп, так и человечества в целом.

Мы полагаем, что необходимость возникновения волевой регуляции в фило- и онтогенезе возникает в связи с усложнением

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-013-01108.

отношений субъекта с окружающим миром и появлением специфических жизненных задач, средства для решения которых отсутствуют как в видовом, так и общественного-историческом опыте человечества.

Специфика этих задач определяется следующими моментами:

во-первых, появлением в онто- и филогенезе новых видов деятельности, предмет потребности которых дан в идеальной форме, т.е. в виде представления;

во-вторых, становлением человека в онто- и филогенезе как субъекта свободного выбора в системе смысловых отношений;

в-третьих, необходимостью в специфических механизмах регуляции деятельности, предмет потребности которой дан в идеальной форме, в условиях конфликта биологических, социальных и смысловых отношений человека с миром.

В условиях глобализации общества, возрастающих темпов научно-технического прогресса и разрушения традиционных социальных институтов регуляции общественной и личной жизни, человечество сталкивается с принципиально новыми большими вызовами, предъявляющими значительные требования к волевой регуляции.

Существенные изменения отношений человека с окружающим его миром в системах «человек — природа», «человек — общество», «человек — техника» приводят к системным перестройкам жизнедеятельности человека в целом и, как следствие, предъявляют новые требования к механизмам ее внутренней психической регуляции. Эти изменения ставят перед человеком принципиально новые жизненные задачи, для решения которых у него нет ни врожденных эволюционных механизмов, ни готовых социокультурных средств.

Полиактивность, многозадачность, планирование и реализация деятельности в условиях возрастающей неопределенности и многочисленных труднопрогнозируемых рисков, отчуждение от непосредственного продукта деятельности (алиенация), феномены смыслоутраты — все эти задачи требуют от человеческой психики оперативного формирования новых и перестройки уже имеющихся функциональных систем в условиях «текучей современности» (З. Бауман). Обеспечить эту функцию, согласно современным представлениям, сложившимся в науке, в том числе способна волевая регуляция, как высший (личностный) уровень произвольной регуляции, обеспечивающей овладение субъектом собственными

психическими процессами и функциями и использования их для решения жизненных задач, которые человек принимает для себя как личностно значимые в соответствии со своими ценностно-смысловыми установками (Иванников, Шляпников, 2012).

Современные исследования показывают, что воля вносит существенный вклад в регуляцию учебной, профессиональной, спортивной деятельности человека. Люди, обладающие более эффективным типом волевой регуляции, быстрее осваивают новые виды деятельности, успешнее справляются с задачами в ситуации неопределенности, борьбы мотивов, дефицита потребности, а также оказываются более устойчивыми по отношению к воздействию внешних негативных факторов (Иванников и др., 2014).

Таким образом, на современном этапе развития человечества возрастают требования, предъявляемые к внутренним системам регуляции деятельности. Решение этой проблемы возможно либо путем принятия субъектом своей свободы и, как следствие, прогрессивного развития механизмов волевой регуляции, либо «бегством от свободы», неизбежно приводящим, согласно Э. Фромму, к «параличу воли» (Фромм, 2000).

1. Иванников В.А., Барабанов Д.Д., Монроз А.В., Шляпников В.Н., Эйдман Е.В. Место понятия «воля» в современной психологии // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 15–23.

2. Иванников В.А., Шляпников В.Н. Воля как продукт общественно-исторического развития человечества // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 111–121.

3. Фромм Э. Ради любви к жизни. М.: Изд-во АСТ, 2000. 400 с.

«ПОДПСИХИЧЕСКАЯ (БИОСФЕРНАЯ) РЕАЛЬНОСТЬ» Д.Н. УЗНАДЗЕ: ЕСТЬ ЛИ ПЕРСПЕКТИВА У СТАРОГО ПОНЯТИЯ?

М.И. Яновский

Донецк, Донецкий национальный университет
m.i.yanovsky@mail.ru

В работах 1920-х годов Д.Н. Узнадзе говорил о «биосферной», «подпсихической» реальности как концептах, необходимых для понимания взаимодействия человека со средой. Допущение такой реальности позволило бы несколько иначе посмотреть на проблему поведения в ситуациях неопределенности.

Для анализа поведения человека в ситуации неопределенности важно, как мы понимаем природу отношений человека со средой.

В начале XX века практически одновременно появились несколько понятий, выражающих идею синергии человека и среды: психосфера (Н.Н. Ланге), биосфера, ноосфера (В.И. Вернадский). Хотя эти понятия чаще трактуют как проявления нашего «очеловечивающего» влияния на мир, однако в определенной степени здесь подразумевается возможность *внутренних* отношений человека с миром, именно *синергия* — сотрудничество человека со средой. Идея эта не чужда и современной науке и философии. В частности, она выражена в принципе взаимодействия наблюдателя и наблюдаемого в квантовой механике (Гейзенберг, 1987), в так называемом «антропном принципе», согласно которому природа, физическая вселенная рассчитана на присутствие разумного существа, человека, т.е. находится с ним во внутренней связи. 100 лет назад эту идею в психологии пытался реализовать Д.Н. Узнадзе.

Как известно, у Узнадзе установка функционально выполняет роль посредника между субъектом и средой. Здесь есть некоторое несоответствие. В обычном понимании установка — это состояние *самого* субъекта, следовательно, не может быть посредником между субъектом и средой. Значит, в понятие «установка» он вкладывал какой-то дополнительный смысл. Действительно, мы знаем, что в работах 1920-х годов он использует понятия «биосфера», «биосферная реальность», «подпсихическое» (Узнадзе, 2014; Имедадзе, 2012). Д.Н. Узнадзе предполагал существование «некой новой реальности, связующей физическое и психическое, объективное и субъективное. Данная подпсихическая, или биосферная, реальность, перекидывающая мост между физическим и психическим, представляет собой "принцип жизни", в котором (Я, мое состояние) и объективное (внешний агент) встречаются и растворяются друг в друге, в котором различные аспекты субъективного и объективного уничтожаются, становятся ненужными и предстают в виде некого нерасчлененного единства» (Имедадзе, 2012, с. 40). Узнадзевское понимание установки подразумевает эту «новую реальность».

Имеет ли перспективу «биосферное» понимание установки, точнее, представление о самой биосферной-подпсихической реальности? Или можно считать его «техническим отходом» строительства теории установки?

Мы провели серию экспериментов, которые дают аргументы в пользу этих «ранних» представлений Узнадзе. Учитывая, что, по словам Узнадзе, «в подпсихическом объективная действительность дана так же, как на непроявленной фотопленке сфотографированный ландшафт» (Узнадзе, 2014, с. 146), мы полагаем, что «подпсихическая реальность» дана нам как фон сознания, фоновое переживание среды, как фоновое психологическое пространство. При проведении эксперимента по формированию установки нами было установлено, что классическая иллюзия разных размеров двух одинаковых объектов сопровождается фоновым пространственным переживанием их разной удаленности от зрителя (Яновский и др., 2017). Это переживание исчезает (как и сама иллюзия разного размера) при применении для сравнивания объектов в установочной серии воображаемой метрической шкалы. По-видимому, разные способы структуризации фонового психологического пространства определяют появление-непоявление установочных иллюзий и даже тип иллюзии: контрастная или ассимилятивная. Мы предположили, что структуризация фонового психологического пространства может реализовываться и как работа с пространством эмоций: испытуемым ставилась задача на работу в системе чувств персонажей на экране и своих чувств по отношению к ним. В этом случае действительно наблюдалось возникновение «эффекта Узнадзе»: иллюзия разных размеров двух одинаковых объектов. Меняя тип чувств, с которыми работали испытуемые, мы меняли и тип испытываемой иллюзии — контрастную или ассимилятивную (Там же).

Фоновое психологическое пространство, «подпсихическая реальность» открывают возможность иначе посмотреть на проблему поведения человека в ситуации неопределенности.

1. Гейзенберг В. Картина природы в современной физике // Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. С. 290–305.

2. Имедадзе И.В. Интеракционизм и общепсихологическая теория установки // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 33–42.

3. Узнадзе Д.Н. Философия. Психология. Педагогика: наука о психической жизни. М.: Смысл, 2014. 367 с.

4. Яновский М.И., Андрюшкова Н.П., Брейкин В.В., Чуканов Е.В. Роль фонового психологического пространства в возникновении эффектов установки // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 117–128.

2
В ПОИСКАХ «Я»: ВЫЗОВЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ, РАЗНООБРАЗИЯ

ЛИЧНОСТЬ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Г.В. Акопов, Л.С. Акопян

Россия, Самара, Самарский государственный социально-педагогический университет
akopovgv@gmail.com, akolubov@mail.ru

Анализируется понятие поликультурной личности. Предложено понятие поликультурного пространства жизни человека. Поликультурность пространства определяется неоднородностью ряда важных характеристик активности субъектов жизненных отношений — языковых, этнических, национальных, религиозных, политических, правовых, экономических и т.д. Приводятся исторические примеры представителей различных эпох: языковая поликультурность личности; этно-социально-политическая поликультурность; социально-сословная, государственно-политическая, духовно-мировоззренческая, межпоколенная, нравственно-эстетическая, литературно-художественная поликультурность.

Стремительно входящая во все ниши социальной, политической, экономической и культурной жизни мира глобализация способствует технологизации и унификации всех сфер жизнедеятельности человека (Акопов, 2010). В отличие от политических, экономических «вкусов» глобальной современности, культура народов мира не вполне подчиняется новым законам, и каждая из них сохраняет свою уникальность.

Одно из определений поликультурной личности фиксирует среди множества характеристик также понимание непреходящей ценности культурного многообразия планеты, страны, региона; мотивированность на установление широких контактов с человеком иной культуры в целях решения общих проблем Терминологический словарь, 2014). Иное определение поликультурной личности включает следующее: «личность, являющаяся субъектом полилога культур, способная к успешному самоопределению… в условиях культурного многообразия общества» (Агранат, 2014).

В историческом развитии человечества, в различных цивилизациях, пространство социальных отношений в различной степени обладает свойством поликультурности. Экономический строй, этноконфессиональное единство/многообразие, политическая и правовая системы в большей или меньшей степени способствуют поликультурности общества.

Поликультурное пространство немыслимо без поликультурной личности. Поликультурность пространства жизни человека определяется неоднородностью ряда важных характеристик активности субъектов жизненных отношений — языковых, этнических, национальных, религиозных, политических, правовых, экономических и т.д. Поликультурная личность в этом контексте может характеризоваться рядом свойств, определяющих способность к активности в обозначенной совокупности многообразных видов и форм социальных отношений в поликультурном пространстве своего времени.

Обращаясь в прошлое и не затрагивая более ранние периоды истории, рассмотрим феномены поликультурности в истории XVIII–XIX века: А. Саят-Нова — поэт, ашуг, гусан Закавказья — чувствовал, думал, писал на 3–4 языках (армянский, грузинский, персидский, азербайджанский), при том, что этноконфессиональные сообщества Закавказья были существенно разными; поэт М. Акмулла, выразивший в своем поэтическом творчестве переживания, идеи, чаяния башкирского, татарского и казахского этносов.

Обращает на себя внимание ярко выраженная поликультурность И.С. Тургенева, проявившаяся в весьма разных системах отношений: социально-сословном (дворяне, крестьяне, разночинцы); государственно-политическом (западники—славянофилы; монархия—республика); духовно-мировоззренческом, межпоколенном, нравственно-эстетическом, литературно-художественном и др.

Целостность поликультурного пространства может достигаться и поддерживаться, как показывает история, в различных формах организации власти и соответствующей социальной регуляцией. Это, в частности, императивная власть, т.е. доминирование одних социальных групп над другими; конвенциональная власть — правовое регулирование социального равенства; консолидирующая власть, предполагающая непрерывное правовое оформление единства всего сообщества при неуклонно возрастающем многообразии социально-групповых характеристик субъектов разнообразных

видов и форм активности (коммуникативные средства, сетевая группа, логика субъективизма и др.).

Диапазон поликультурности личности может простираться от коммуникативно-языковой поликультурности до субличностно-интегративной, включающей конгруэнтность в различных этнических, религиозных, гендерных, возрастных, профессиональных и иных социальных группах. Очевидно, что основной психологической проблемой поликультурной личности является проблема ее идентичности, т.е. самоидентификации в актуальном пространстве и времени. Все более расширяющиеся возможности самоопределения в многообразных сферах человеческой жизни, а именно сочетание естественного и искусственного, биологического и технического, собственного и чужого сознаний определяют близкую перспективу личностной поликультурности.

Материал публикуется при поддержке гранта РФФИ «Этнические и религиозные сообщества в социокультурном пространстве современного города: стратегии многообразия и единства», проекта № 18-413-630005.

1. Агранат Ю.В. Поликультурная личность специалиста социальной сферы и особенности ее формирования при обучении иностранному языку // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. М.: Изд-во МГУ, 2008. № 4. С. 83–89.

2. Акопов Г.В. Социально-психологические последствия и факторы современной глобализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. № 1. С. 39–44.

3. Терминологический словарь. Поликультурное образование / Сост. Т.В. Болотина, И.А. Мишина. М., 2014.

ИЗМЕНЕНИЯ ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Д.Д. Барабанов

Россия, Москва, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»
d.d.barabanov@gmail.com

В работе анализируются изменения показателей волевой сферы студентов в процессе их обучения. Было проведено 2 исследования: первое — методом срезов (N = 943), второе — 4-летний лонгитюд (N = 181). Было показано, что волевая регуляция учебной деятельности на первых курсах связана больше с мобилизацией студентами своих возможностей, а на старших

курсах регуляция обеспечивается лучшей организацией деятельности и большей внимательностью в процессе деятельности.

Изучение волевой регуляции идет по самым разным направлениями (Иванников и др., 2014). При этом одним из наименее исследованных остается вопрос онтогенетического развития волевой регуляции.

Нами было проведено два исследования. Первое проводилось при помощи метода срезов в 2010/11 и 2012/13 учебных годов на базе МГУ имени М.В. Ломоносова. Выборку составили студенты-добровольцы социологического, химического, механико-математического факультетов и студенты факультетов ВМК и психологии. Производилось сравнение показателей волевой регуляции студентов, 1 (N = 480) и 5 (N = 463) курсов. Всего в исследовании приняло участие 943 человека. Второе было выполнено лонгитюдным методом. Исследование проводилось с 2010 по 2014 год на базе МГУ имени М. В. Ломоносова. Выборку составили студенты-добровольцы МГУ имени М.В. Ломоносова.

В обоих исследованиях были использованы следующие методики: «Модификация методики самооценки В.А. Иванникова, Е.В. Эйдмана» (1990), «Шкала контроля за действием при планировании» Ю. Куля в адаптации С.А. Шапкина (1997), «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» Г.С. Никифорова, В.К. Васильева и С.В. Фирсова (1989), Тест СЖО в адаптации Д.А. Леонтьева (2000).

Волевая регуляция студентов I и V курсов имеет качественные различия. Так, у студентов I курса волевая регуляция осуществляется в большей степени за счет контроля поведения и ситуативной мобилизации дополнительных усилий (решительность, воля). На пятом же курсе студенты переходят к волевой регуляции, основанной на контроле эмоциональных проявлений, и более ответственному отношению к делам (ответственность, упорство, внимательность).

Многомерный анализ данных, проводившийся с помощью техники структурного моделирования, позволил построить модель взаимосвязей самооценки волевых качеств, индивидуальной стратегии волевой регуляции, смысложизненных ориентаций и самоконтроля. В модели выделено шесть основных латентных факторов. За тремя факторами, имеющими наиболее тесные взаимосвязи друг

с другом, стоят установка на преодоление трудностей, установка на выполнение необходимых требований внешней среды и установка на реализацию личностных ценностей. Последний фактор имеет взаимосвязь с фактором, за которым как мы предполагаем, стоит смысловая сфера личности. Фактор самоконтроля слабо взаимосвязан с вышеупомянутыми факторами смысловой сферы личности и установки на преодоление трудностей. Наконец, за последним фактором стоит общая энергичность, и этот фактор имеет единственную взаимосвязь с фактором — установкой на выполнение необходимых требований внешней среды.

Диагностика степени развития волевых качеств с I по IV курс показала изменение роли отдельных волевых качеств в регуляции учебной деятельности студентов. К старшим курсам самооценка таких волевых качеств, как «дисциплинированный», «решительный», «волевой» и «инициативный», снижается. Самооценка по качествам «ответственный», «целеустремленный», «самостоятельный», «упорный», «организованный» и «терпеливый» увеличивается, как и самооценка по качеству «внимательный». Эти результаты дополнительно подтверждают переход к старшим курсам от волевой регуляции, основанной на ситуативной мобилизации дополнительных усилий, к волевой регуляции, основанной на контроле эмоциональных проявлений, и более ответственному отношению к делам.

На III курсе обучения у студентов происходит значительный спад большинства показателей волевой регуляции и самоконтроля, что может быть связано с переходом на новую стадию адаптации в вузе, а также снижением удовлетворенности выбором профессии и учебного заведения.

Изменения волевой регуляции у студентов с различными индивидуальными особенностями в процессе обучения в вузе неодинаковы. Полученные результаты свидетельствуют о снижении разброса индивидуальных различий в показателях волевой регуляции за время обучения в вузе.

1. Иванников В.А., Эйдман Е.В. Структура волевых качеств по данным самооценки // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 3. С. 39–49.

2. Иванников В.А., Барабанов Д.Д., Монроз А.В., Шляпников В.Н., Эйдман Е.В. Место понятия «воля» в современной психологи // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 15–23.

3. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций. М.: Смысл, 2000. 18 с.

4. Никифоров Г.С. Самоконтроль человека. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 192 с.
5. Шапкин С.А. Экспериментальное изучение волевых процессов. М.: Смысл, 1997. 144 с.

ЛИЧНОСТЬ В ПЕРИОД НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В «ТРЕТЬЕМ ВОЗРАСТЕ»

Ж.М. Глозман, В.А. Наумова

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
Россия, Петропавловск-Камчатский, КАМГУ имени В. Беринга
Glozman@mail.ru

Нет ничего неопределеннее, чем период жизни после 55–60 лет, начиная с его определения («поздняя зрелость», «третий возраст», «золотой возраст», «старческий возраст» и др.) и кончая необходимостью выбора и принятия решений для противостояния инволюционной парадигме старения и негативным стереотипам в социуме, трудностям профессионального самоопределения и укорачиванию временной перспективы. Полимодальные арт-техники выступают детерминирующим фактором реализации потенциала успешного старения.

Проблема. Традиционно периодом поздней зрелости считают возраст после 55–60 лет. Существует множество достаточно противоречивых определений этого периода: «поздняя зрелость», «третий возраст», «золотой возраст», «старческий возраст», «поздняя взрослость», «пенсионный возраст» и др. Важно отметить, что этот период при современной демографической ситуации занимает почти половину жизненного пути субъекта, и многие исследователи делят его на возрастные подпериоды, специфика которых должна быть предметом специального анализа.

Достигая этого возраста, каждый субъект, кроме общей необходимости вызова социокультурной неопределенности, сложности и разнообразию современности, сталкивается с задачей выбора и принятия решений для противостояния инволюционной парадигме старения и негативным стереотипам в социуме (восприятия старения как неизбежного и обязательного ухудшения когнитивного функционирования), что приводит к трудностям профессионального самоопределения и укорачиванию временно́й перспективы.

Это объясняет возрастающую потребность концептуальной проработки проблемы старения и поиска новых стратегий обеспече-

ния благополучия в старости. Такая задача предполагает осознание субъектом в период поздней зрелости потребности в реализации собственных когнитивных и жизненных ресурсов для обеспечения и улучшения качества свой жизни при нормальном старении. Нами предпринята попытка рассматривать успешное старение с позиции актуализации и реализации возможностей потенциала жизненного опыта, позволяющего продуктивно функционировать стареющему человеку как субъекту собственной жизнедеятельности (Наумова, 2014; Glozman, Naumova, 2016).

Мы предположили, что на этапе геронтогенеза полимодальные арт-техники могут выступать детерминирующим фактором стимуляции когнитивных ресурсов, побуждающих личность использовать свой реальный и потенциальный опыт для успешного старения.

Материалы и дизайн исследования. Были обследованы 130 жителей Камчатского края в возрасте от 56 до 84 лет, проживающих в ситуации территориальной отдаленности и тяжелых природно-климатических условий. ***На первом (констатирующем) этапе*** исследования анализировались результаты диагностики *когнитивного ресурса* (экспресс-методика), сохранности *саморегулирующих способностей* (компоненты жизнестойкости) и оценки состояния актуального *психологического благополучия*. ***Второй этап*** исследования заключался в разработке и реализации программы психологической интервенции методами арт-терапии. ***третий контрольный этап исследования*** выявил значимое улучшение показателей жизнестойкости и социальной включенности после 12-месячного курса групповой арт-терапии.

Обсуждение результатов исследования

Целенаправленная групповая творческая деятельность, адекватная и безопасная коммуникация опосредуют переживания участников реального происходящего и запускают механизм актуализации и реализации жизненного опыта. Индивидуальность и уникальность жизненного опыта обеспечиваются не конкретными ситуациями и событиями, в которых участвовал человек в течение своей жизни, а кумуляцией и селекцией опыта, их когнитивной оценкой и эмоциональным переживанием (проживанием). Жизненный опыт при этом является смыслообразующей структурой личности, детерминирующей ее развитие на этапах позднего онтогенеза (Татенко, 1995; Stern, 2009).

Таким образом, период неопределенности «третьего возраста» есть вслед за Э. Эриксоном (1982) — стадия развития личности, на которой возможно либо обретение интегративности — целостности личности, либо переживание отчаяния от социальной ситуации.

1. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37.
2. Наумова В.А. Оптимизация личностных ресурсов на этапе поздней зрелости. Петр.-Камч.: Изд-во КамГУ им. В. Беринга, 2014. 284 с.
3. Татенко В.О. Субъект психической активности: поиск новой парадигмы // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 3. С. 23–34.
4. Erikson E.H. The Life Cycle Completed. N.Y., 1982. 108 p.
5. Glozman J., Naumova V. Art-therapy for Mobilizing Personal Resources in the Elderly // Art Therapy: Programs, Uses and Benefits / V. Buchanan (Ed.). Nova Science Publishers USA, 2016. P. 113–128.
6. Stern Y. Cognitive reserve // Neuropsychologia. 2009. V. 47. № 10. P. 2015–2028.

ОСОБЕННОСТИ САМОИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

С.Б. Дагбаева, К.Н. Ушакова

Россия, Чита, Забайкальский государственный университет
soela@bk.ru, ushakova.ksusha2013@mail.ru

В работе обсуждаются результаты исследования особенностей самоидентичности студентов разных возрастных групп. Самоидентичность понимается как сложное иерархическое образование, включающее осознание различных компонентов собственного Я. Выявлены возрастные изменения в структуре самоидентичности студентов, снижение значимости одних компонентов и возрастание важности других компонентов.

В современных социокультурных условиях, когда наблюдается размывание, стирание, искажение культурных границ и ценностей, социальных категорий, с помощью которых человек определяет себя и свое место в обществе, проблема самоидентичности личности приобретает особую актуальность.

Самоидентичность определяется как осознавание различных компонентов собственного «Я» (Энциклопедическому словарь по психологии и педагогике) и представляет сложную иерархическую систему, в которой сосуществуют социальная, гендерная, профессиональная, этническая и другие компоненты (Яницкий и др.,

2018). Наиболее важным периодом в самоидентификации человека считается юношеский возраст (Эриксон, 1996).

Цель исследования — рассмотреть особенности самоидентичности современных студентов в зависимости от их возраста.

В исследовании приняли участие студенты Читинской государственной медицинской академии и Забайкальского государственного университета г. Чита в возрасте от 17 до 26 лет, всего 200 человек. Для проведения сравнительного анализа общая выборка была разбита на возрастные группы в соответствии с периодизацией И.Ю. Кулагиной (Кулагина, Колюцкий, 2001): ранняя юность (16–17 лет) — 68 человек; собственно юность (18–19 лет) — 97 человек, поздняя юность (20–23 года) — 28 человек; зрелость (24 года и старше) — 7 человек.

В исследовании нами использовалась матрица самоидентификации по 16 категориям (Яницкий М.С. и др., 2018) (см. табл.). Испытуемому предлагалось проранжировать их от 1 до 16 по степени важности для них.

В результате исследования были получены следующие данные. Для большинства студентов, независимо от их возраста, приоритетными компонентами самоидентичности выступают: «Я как студент», «Я как мужчина/женщина», «Я как сын/дочь» и «Я как личность».

У студентов разных возрастных групп существуют различия в компонентах самоидентичности. По мере взросления растет значимость самоидентификации «Я как профессионал», «Я как представитель молодежи», «Я как друг/подруга», «Я как отец/мать» и снижается значимость восприятия себя «Я как сын/дочь», «Я как представитель своего народа», «Я как гражданин».

Таким образом, обобщая полученные данные, можно подытожить, что значимость компонентов самоидентичности студентов меняется по мере взросления. Мы наблюдаем рост значимости одних компонентов и снижение значимости других, что свидетельствует о детерминированности структуры самоидентичности студентов их возрастными особенностями и своеобразием выполняемых социальных ролей.

Работа выполнена в рамках гранта № 245-ГР Совета по научной и инновационной деятельности Забайкальского государственного университета.

Таблица 1

Иерархия компонентов самоидентичности студентов разных возрастных групп (средние ранги)

Компоненты идентичности	Возраст, лет			
	1	2	3	4
	16–17 (n = 68)	18–19 (n = 97)	20–23 (n = 28)	≥24 (n = 7)
Я как профессионал	12,9	5,2	6,6	3,7
Я как студент	6,2	5,5	6,2	6,5
Я как мужчина/женщина	6,6	6,1	4,7	7,5
Я как сын/дочь	4,0	4,4	5,3	4,2
Я как муж/жена	7,7	6,4	7,1	8,5
Я как личность	5,7	6,4	8	6,8
Я как представитель своего народа	7,5	8,8	9,2	9,7
Я как гражданин	8,4	8,9	9,25	10
Я как житель своего города	10,4	10,9	10,2	8,8
Я как отец/мать	8,3	7,7	7	10,2
Я как представитель молодежи	10,2	10,2	9,75	9,7
Я как член неформальной группы	12,8	13,0	10,0	11,7
Я как друг/подруга	7,8	7,6	7,2	5,5
Я как последователь своей религии	10,1	10,7	9,5	11,7
Я как представитель вида Homo sapiens	8,4	10,1	9,2	9,7

1. Калугина И.Ю. Колюцкий В.Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: ТЦ «Сфера», 2001. 464 с.

2. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/ (дата обращения: 20.10.2018).

3. Эриксон Э.Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
4. Яницкий М.С. и др. Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2(74). С. 131–139

ТИПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ

К.К. Делгадилльо, О.В. Маслова

Россия, Москва, Российский университет дружбы народов
kattiadk83@gmail.com, maslova_ov@pfur.ru

В работе рассматривается вопрос о структуре этнической идентичности и описываются выявленные эмпирически разные типы этнической идентичности латиноамериканских студентов, обучающихся в России.

В нестабильном меняющемся мире этнос часто выступает в качестве аварийной группы поддержки (Стефаненко, 1999). Этническая идентичность (ЭИ), понимаемая как переживание личностью своего тождества с этнической общностью, превращает слабое «Я» в сильное «МЫ». В структуре ЭИ ученые выделяют два основных компонента — когнитивный и аффективный. Когнитивный компонент включает этническую осведомленность и этническую самоидентификацию. Аффективный компонент отражает отношение к собственной этнической общности, значимость для человека этого членства. Наряду с когнитивным и аффективным компонентами некоторые авторы выделяют поведенческую составляющую этнической идентичности, понимая ее как реальный механизм не только осознания, но также как проявления себя как члена определенной этнической группы, вовлеченной в социальную жизнь (Стефаненко, 2006).

Целью нашего исследования было уточнение вопроса о структуре ЭИ и выделение типов ЭИ. Было исследовано 60 студентов из Латинской Америки. Все они являлись студентами факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин (подготовительного факультета) РУДН и только недавно приехали в Россию. Срок их пребывания в России составил не более трех месяцев, средний срок жизни в России — два месяца. Среди них было 25 мужчин и 35 женщин. Возраст респондентов составил от 18 до 39 лет, средний возраст 26 лет.

В качестве инструментов исследования мы применили «Шкалу определения выраженности ЭИ» Д. Финни для исследования выраженности когнитивного и аффективного компонентов ЭИ (Guitart, 2010), методику «Индекс аккультурации» для определения поведенческого компонента ЭИ (Ward, Kennedy, 1994) и методику «Матрешка» для выявления места (ранга) ЭИ в структуре идентичности личности (Браун, Аркузин, 2017). Все методики предъявлялись на испанском языке.

С помощью кластерного анализа полученных результатов были выделены 3 группы респондентов, различающихся по выраженности разных компонентов ЭИ. Мы назвали их типами ЭИ.

В первую группу вошли 23 человека (7 мужчин и 16 женщин) с высокими показателями всех трех компонентов ЭИ. Выраженность когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов у них была значительно выше средних значений (соответственно 72, 93 и 74% от максимально возможных значений). Средний ранг ЭИ по методике «Матрешка» равнялся 8,5. Мы назвали этот тип ЭИ «Выраженная».

Во вторую группу вошли 14 человек (9 мужчин и 5 женщин). Их ЭИ характеризуется высокими показателями выраженности аффективного компонента, средними значениями когнитивного компонента и низким показателем выраженности поведенческого компонента (соответственно 79, 69 и 36% от максимально возможных значений). Средний ранг ЭИ по методике «Матрешка» 7,7. Мы назвали этот тип ЭИ «Внутренняя».

В третью группу вошли 23 человека (9 мужчин и 14 женщин). Эта группа является как бы антиподом второй группе. ЭИ респондентов этой группы достаточно сильно проявляется на поведенческом уровне (75%) , чего нельзя сказать про когнитивный и аффективный компоненты (соответственно 40 и 59%). Средний ранг ЭИ по методике «Матрешка» 10,3. Этот тип ЭИ мы назвали «Внешняя».

Таким образом, можно констатировать, что исследованная группа студентов неоднородна по переживанию и проявлению ЭИ. Для части респондентов (38%) характерно выраженное переживание своей ЭИ, ярко проявляющееся в поведении. Другой части студентов (23%) присуще в большей степени внутреннее переживание своей ЭИ, мало проявляемое вовне. И наконец, значительная часть респондентов (38%) ведут себя как типичные представители своего народа, однако эмоционально-оценочный компонент ЭИ у них вы-

ражен незначительно. Вывод: для выделения и описания типов ЭИ больше подходит 3-х компонентная модель ЭИ.

1. Браун О.А., Аркузин М.Г. Динамика системы идентичности личности студентов-психологов // Комплексные исследования человека: психология: материалы 7 Сибирского психологического форума. Ч. 1. Томск: Томский государственный университет. 2017. № 1. С. 30–33.

2. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: ИП РАН, 1999.

3. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: практикум. М.: Аспект Пресс, 2006.

4. Guitart M.E. Propiedades psicométricas y estructura factorial de la Escala de Identidad Étnica Multigrupo en español (MEIM) // Revista Latinoamericana de Psicología. 2010. Vol. 42. № 3. P. 405–412.

5. Ward C., Kennedy A. Acculturation strategies, psychological adjustment, and sociocultural competence during cross-cultural transitions // International Journal of Intercultural Relations. 1994. Vol. 18. P. 329–343.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ВАНДАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ МОЛОДЕЖЬЮ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ В ГОРОДАХ И ПОСЕЛКАХ

К.В. Злоказов

Россия, Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет
zkirvit@yandex.ru

Готовность молодежи к вандальным действиям объясняется ее восприятием вандальных повреждений городской среды. Обсуждаются метод, ход и результаты эмпирического исследования, выясняющего закономерности оценки вандальных повреждений городской и сельской молодежью. Различия в оценке объясняются разным восприятием ценности объектов городской среды, отношением к вандализму как акту, продуцирующему новые культурные ценности.

Противодействие вандальному поведению — одна из актуальных задач, стоящая перед обществом и решаемая ресурсами психологической науки. Вандальные действия причиняют значительный экономический ущерб, поскольку требуют восстановления или замены поврежденных объектов, снижают привлекательность городского пространства, объектов культурного наследия. Социальные и экономические последствия вандальных действий актуализируют исследования субъективных причин, побуждающих к вандализму.

Современные исследования направлены на понимание вандальной активности молодежи. В этом возрасте, в отличие от подросткового и юношеского, вандальные действия отличаются целенаправленностью и обоснованностью, модели поведения — типичны и многоэпизодны, а объекты вандального повреждения, как правило, однородны.

Существующие концепции предлагают конкурирующие между собой объяснения причин вандального поведения молодежи. Готовность к вандализму объясняется агрессивностью и жестокостью, дезадаптацией, мстительностью, увлечением молодежью граффити и другими разнородными причинами.

Концептуальный механизм вандального действия описывается более согласованно, чем побуждения и мотивы. Считается, что отношение к вандальным повреждениям предшествует вандальным действиям. Привлекательность и положительная оценка вандальных действий говорят о возможности их осуществления субъектом. На оценку вандальных действий влияет ценность объектов городской среды для субъекта. Высокая ценность объектов делает их повреждение невозможным, низкая ценность — допустимым. Представление о ценности городской среды может быть проверено изучением отношения городской и сельской молодежи к вандальным повреждениям.

Целью эмпирического исследования стало изучение восприятия городской и сельской молодежью вандальных повреждений объектов городской среды, обладающих разной ценностью. Исследование выполнялось методом анонимного анкетирования посредством интернет-опроса. Стимульный материал включал: а) изображения вандальных действий: (1) граффити в подъезде, (2) разрушенной детской площадки, (3) перекрашенной скульптуры; б) два закрытых вопроса: отношение к представленным на изображениях вандальным действиям (нравится, не нравится); оценка вандальных действий (допустимо, недопустимо). Собирались сведения о месте проживания респондентов, их возрасте и поле.

Выборка исследования включала 118 представителей городской молодежи (Архангельск, Екатеринбург, Киров, Санкт-Петербург, Челябинск и др.) и 103 — сельской (Архангельской, Ленинградской, Свердловской и Челябинской областей). Выборки гомогенны и эквивалентны по возрасту (Ср.знач = 22,3 лет, ст.откл = 4,2 года), 46% — мужчины. Статистическая оценка проводилась методом

однофакторного дисперсионного анализа. Изучалось влияние места проживания на отношение и оценку трех видов вандальных повреждений.

Результаты. Восприятие городской и сельской молодежью вандальных повреждений двух из трех городских объектов статистически не различается. Установлены различия в оценке перекрашенного памятника. Представители городской молодежи считали вандальное действие в отношении раскрашенной скульптуры допустимым, а сельской — нет ($F_{крит} = 3{,}12$, $p < 0{,}05$). Этот факт, на наш взгляд, поддерживает социально-культурные объяснения вандализма, согласно которым представления о культуре у сельской молодежи более консервативны. Вероятно, городская молодежь рассматривает перекрашивание памятника как акт, имеющий культурную ценность. Сельская молодежь осуждает преобразование памятника перекрашиванием.

В завершение отметим, что полученные результаты еще раз показывают, что вандализм является социально-конструируемым явлением, отношение к которому определяется социальными факторами. К числу закономерностей восприятия вандализма молодежью относятся субъективные представления о ценности городских объектов. Соответственно, перформативный эффект вандализма представляется еще одним, дополнительным, измерением его последствий, наряду с социальным и экономическим. В свою очередь стремление впечатлить горожан дополняет известный ряд субъективных мотивов вандальных действий.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01278).

ЦИФРОВАЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДИСТАНЦИОННЫХ ФОРМ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.А. Карачева, О.О. Савина, О.Г. Квасова

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
karacheva_k@list.ru

Становление личности социально обусловлено, оно опосредствовано знаково-символическими структурами, в том числе цифровыми, и в условиях высокой изменчивости и мобильности мира и социума с текучими поли-

культуральными ценностями является перманентным процессом, не ограничиваясь периодом детства и юношества. За счет развития цифровых технологий, позволяющих преодолеть пространственно-временные, возрастные, образовательные ограничения, возможно создание дистанционных программ психологического образования с целью ресоциализации различных категорий граждан.

В современном мире — мобильном, неопределенном, изменчивом, с разнородными ценностными основаниями, мультикультуральном (Асмолов, 2015), размытостью границ и противоречивостью, несовместимостью взглядов, установок позиций людей — вопрос о ресоциализации личности имеет высокую актуальность. Культурно-деятельностное рассмотрение, по справедливому замечанию М.Ш. Магомед-Эминова, предполагает деконструкцию понятий субъекта, идентичности глубинных структур, включает изучение социокультурных практик (Магомед-Эминов, 2017). Ресоциализация при таком подходе может представлять собой ситуацию, предполагающую необходимость перехода формы общественного опыта в индивидуальный. Ядром ресоциализации, или повторного присвоения социокультурного опыта для того, чтобы человек мог существовать в этих изменившихся условиях жизни, бытия, является трансформация ценностно-смысловой сферы личности.

Социальная ситуация характеризуется тем, что знаково-символические структуры создают продолжение человека в пространстве и времени, причем перемещение человека в социальных ситуациях, опосредствовано знаково-символическими структурами. В жизни современного человека процессы и явления повседневной реальности внутренне взаимодействуют с процессами и явлениями неповседневной реальности, включающей в свой состав виртуальные, симулятивные и цифровые процессы и феномены (Там же). Цифровое общество, коммуникации, проблема аффектов и познавательных структур, в первую очередь, ставят вопрос о человеке, его идентичности, ценностно-смысловых структурах и их трансформациях. Концепция цифрового общества приводит к необходимости разработки понятий цифровой социализации и ресоциализации. Необходимо учитывать значение орудийных средств, в том числе цифровых, в человеческой деятельности. А ресоциализация, которая происходит как трансформация социо-культурных

кодов при переходах из одной ситуации в другую, по сути, является транзитом определенной социокультурной формы в другую систему значений (Там же).

Современный потенциальный потребитель психологических услуг ориентирован не на получение абстрактных академических знаний в области психологии, а на решение актуальных жизненных задач, в том числе связанных с необходимостью изменений, преобразований, т.е. ресоциализацией. Помимо групп риска, традиционно причисляемых к тем, кому необходима ресоциализация (например, антиобщественные слои населения, осужденные, бездомные, бесприютные, мигранты и т.д.), в ситуации коренного изменения ценностно-смысловых структур зачастую оказываются люди, изменившие профессиональный статус; участники экстремальных событий, пережившие стрессы, насилие, психологические травмы, попавшие в трудную жизненную ситуацию; члены семей, находящихся в кризисе, разводе; клиенты психотерапевтов и всевозможных консультантов и т.д. Внедрение цифровых технологий в психологическое образование в виде создания образовательных программ на базе информационной платформы позволит оказывать психологическую помощь людям, которые в ней нуждаются, но в силу различных жизненных обстоятельств не могут или не готовы получить ее в традиционных формах психологической работы. Во многих случаях обращение к интернет-технологиям — это единственный способ не только обучения, но и связи с миром. Безусловно, дистанционные программы, в той или иной мере ставящие задачи ресоциализации, существуют, но они разрозненны, узкоспециализированны либо чрезмерно широки, зачастую строятся на непродуманных методологических основаниях, содержат угрозу психологической травматизации. Одним из важнейших путей ресоциализации является образование, социокультурное проектирование которого рассматривается как «ключевой механизм восхождения к разнообразию личности» (Асмолов, 2012). В этой связи создание и внедрение комплекса дистанционных программ ресоциализации, основанных на культурно-деятельностной методологии, с привлечением специалистов факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова предоставляет широкие возможности для сочетания индивидуализированного, интерактивного обучения с его высоким качеством.

1. Асмолов А.Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение, 2012.
2. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8 (40). URL: http://psystudy.ru
3. Магомед-Эминов М.Ш. Транзитная идентичность: смерть и воскресение идентичности // Инновационные ресурсы социальной психологии: теории, методы, практики: Сб. / Отв. ред. О.В. Соловьева, Т.Г. Стефаненко. М., 2017. С. 97–106.

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

О.А. Клюева

Россия, Тверь, ФГБОУВО «Тверской государственный университет»
klyueva.OA@tversu.ru

Конкурентоспособность личности — сложный, многомерный конструкт. Операционализация и измерение конкурентоспособности личности без учета модели личностно-ситуационного взаимодействия приводят к редукции содержания понятия. Метод критических инцидентов, структурно-функциональный, кластерный, дискриминантный анализ позволяют расширить описание феноменологии конкурентоспособности личности и классифицировать стратегии конкурентного поведения.

В условиях гиперконкуренции проблема востребованности и успешности рассматривается как следствие высокой конкурентоспособности личности. Понятие «конкурентоспособность личности» сравнительно недавно появилось в научной психологии. Ряд авторов описывают ключевые качества и свойства личности, являющиеся основными предикторами эффективности деятельности в условиях гиперконкуренции. С другой стороны, исследователи подчеркивают комплексную или интегральную организацию и динамическое взаимодействие компонентов структуры конкурентоспособности личности, обосновывая модели «единого фактора», что обуславливает сложность его измерения в исследованиях.

В итоге, конкурентоспособность личности представлена как одномерный конструкт личностного развития в контексте профессиональной деятельности, что редуцирует содержание понятия. Одномерность конструкта может быть преодолена, а ее типология расширена, если принять во внимание модель личностно-ситуаци-

онного взаимодействия, что предполагает анализ проблемы конкуренции в психологии.

Эмпирические исследования конкурентоспособности личности как социального конструкта в контексте проблемы особенностей взаимодействия индивидов, групповых процессов в условиях конкуренции-кооперации как социальной ситуации появились лишь в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Дихотомическая концептуализация понятий конкуренции и кооперации как форм социального взаимодействия определяется как два экстремума для измерения поведения. С начала 1990-х дихотомическая концептуализация подверглась критике. Результаты исследований доказывали, что конкурентные и кооперативные стратегии сложно взаимосвязаны. Сотрудничество в сочетании с конкуренцией обеспечивает более высокую и долгосрочную конкурентоспособность в экономической деятельности. Дальнейшие исследования были направлены на дифференцирование между конструктивными и деструктивными процессами, а также идентификацию и измерение переменных, которые обуславливают качественно различные конкурентные процессы и конкурентное поведение. В ряде моделей конкурентоспособность представлена как сложный, многомерный конструкт для измерения, расширяя типологию и уточняя его содержание.

Метод критических инцидентов (N = 1064), структурно-функциональный, тематический, кластерный анализ позволили расширить описание феноменологии конкурентоспособности личности и классифицировать стратегии конкурентного поведения (квазиконкурентоспособность; рационально-конструктивная, зависимая, краткосрочная стратегия; рационально-конструктивная, свободная, долгосрочная стратегия).

На основании результатов однофакторного дисперсионного анализа обоснованы конкурентная конструктивная валидность, выделены и описаны конструкты для прогнозирования ($p = 0{,}000$). Статистическая проверка эмпирической пригодности предложенной типологии осуществлялась с помощью процедуры дискриминантного анализа, который позволяет оценить соответствие теоретической классификации критических инцидентов классификации эмпирической. В целом теоретическое и эмпирическое «разделение» совпадает в 86,8% случаев.

Таким образом, типология конкурентного поведения эмпирически верифицирована, создан и обоснован набор индикаторов и

их содержание, что позволяет расширить описание феноменологии конкурентоспособности личности и классифицировать стратегии конкурентного поведения.

1. Дойч М. Разрешение конфликта (конструктивные и деструктивные процессы). // Конфликтология: хрестоматия: учебное пособие / сост. Н.И. Леонов. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2005. 368 с.
2. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Образование и конкурентоспособность нации: Психологические аспекты // Психологический журнал. 2009. № 30 (1). С. 5–13.
3. Bradenburger A., Nalebuff B. Co-opetition. N.Y.: Currence Doubleday, 1998.
4. Klein R., Newby J. Competitiveness // Encyclopedia of Personality and Individual Differences / Zeigler-Hill V., Shackelford T. (eds). 2017. Cham, Springer.
5. Klyueva O.A. Competitiveness of personality as a psychological phenomenon: The content of the construct and its typology // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. Vol. 9(2). P. 151–166.

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА

О.П. Кондаурова

Россия, Ижевск, Удмуртский государственный университет
888oeolala@mail.ru

Доклад посвящен исследованию вопроса эволюции идентичности современного студента. Проведен сравнительный анализ эволюции особенностей идентичности студентов в меняющихся социокультурных условиях прошлого (2000–2001) и настоящего (2017–2018). Полученные результаты свидетельствует о том, что современность предъявляет новые требования и актуализирует новые возможности и «новые идентичности» студентов.

Современные процессы глобализации и трансформации оказывают влияние на субъективные ощущения идентичности, сформированные в прежних традициях. Одним из важных вопросов в проблематике идентичности остается проблема изменчивости/устойчивости (Белинская, 2015). Проблему идентичности студента мы рассматриваем через соблюдение баланса между ее социально-групповыми и индивидуально-персональными показателями. Исследование проводилось среди 300 студентов вузов г. Ижевска с помощью теста «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд в модификации Т.Р. Румянцевой) в два этапа: первый (2000–2001) выборка (А) 150 человек состояла из студентов III курса (75 девушек, 75 юношей) в

возрасте 19–21 года; второй (2017–2018) выборка (В) 150 человек состояла из студентов III курса (75 девушек, 75 юношей) в возрасте 19–21 года.

Сравнительный анализ показал, что для выборки (В) самым значимым компонентом идентичности является «Деятельное Я» 4,78, а для (А) «Социальное Я» 5.54. При этом в выборке (В) «Социальное Я» выражено значительно меньше 3,29, мы предполагаем, что это связано с тем, что современные студенты демонстрируют бóльшую направленность на индивидуализм, чем приобщенность к группам, что обусловлено снижением социального доверия и нежеланием достижения собственных целей коллективными действиями. «Включенность в группу» представлена в (А) 1,06, (В) 0.99, при этом в (А) преобладает восприятие себя членом общества, семьи, учебной группы, спортивной команды, а вот в (В) респонденты идентифицируют себя не просто как участники группы, а как лидеры группы или участники группы, опосредованной через интернет-технологии. Семейная идентичность меньше представлена в (В) 0,84, чем в (А) 1,57, это, возможно, связано с тем, что роль семьи для современных студентов снижается. «Перспективное Я» в большей степени представлено в (В) 2,89, студенты ориентированы на будущее, видят себя успешными, описывают это конкретно: профессиональная перспектива 0,73, групповая перспектива 0,35, при этом опять предпочтение отдается не просто принадлежности группе, а лидирующей позиции в группе (буду руководителем, основателем компании). К положительным моментам можно отнести то, что 83% респондентов отмечают, что в будущем еще хотят учиться, 14% хотят повышать свой уровень английского языка. Это можно рассмотреть как один из способов добиться счастья, когда не только успешно достигаются цели, но и ставятся они самостоятельно, с учетом своих истинных мотивов (Леонтье, Сучков, 2015).

В тоже время в (А) 0,96 представления о будущем расплывчаты и сконцентрированы на семейной перспективе 0,37, которая у выборки (В) вообще отсутствует. «Глобальное Я» в выборке (А) отсутствует, а в (В) 0,39, что показывает ощущение сопричастности современных студентов мировому сообществу. Все результаты свидетельствуют о том, что современность предъявляет новые требования, актуализирует новые возможности и «новые идентичности». Наблюдается снижение в показателях гражданской, семейной, непосредственно дружественно-коммуникативной сферах иден-

тичности современного студента по сравнению с идентичностью студентов прошлого. Проявляется склонность к индивидуализму, интернет-информационному сообществу, деятельностной активности, стремлению к самосовершенствованию, желанию дальнейшего обучения, что вполне совпадает с сегодняшней парадигмой непрерывного образования в течение всей жизни и оказывается необходимым ориентиром для студентов, в основе которого лежит сфера взаимоотношений, помогающая избежать ролевой ограниченности.

С учетом эволюции особенностей идентичности современного студента, университету настоящего и будущего необходимо расширять возможности информационного пространства, способствовать созданию индивидуальной траектории самоопределения личности студента, появлению новой идентичности студентов, которая будет помогать трансформации роли пассивного наблюдателя студента в роли активного строителя своей обучающей и развивающей жизни.

1. Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 12. URL: http://psystudy.ru

2. Леонтьев Д.А., Сучков Д.Д. Постановка и достижение целей как фактор психологического благополучия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 44. С. 1. URL: http://psystudy.ru

ГАРМОНИЧНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

И.В. Костакова

Россия, Тольятти, Тольяттинский государственный университет
I.Kostakova@tltsu.ru

В работе рассматривается проблема гармоничной самореализации личности студентов юношеского возраста. Теоретически обосновано содержание понятия гармоничной самореализации личности, эмпирически определены факторы самореализации личности студентов через призму духовно-нравственного потенциала. Путем эмпирического исследования были выявлены основные факторы проявления самореализации у студентов юношеского возраста — «Гармоничная самореализация личности», «Формальная самореализация личности», «Квазисамореализация личности», «Статусная самореализация личности», «Прагматическая самореализация личности», «Деструктивная самореализация личности».

В современных социально-экономических и политических условиях мирового общества проблема развития Человека является особенно актуальной. Предъявляются более высокие требования к профессиональной и личностной компетентности, самореализации личности в межкультурном пространстве. С другой стороны, на фоне усиления технократизма и нестабильности в современном мире, потери и подмены нравственных ориентиров, развивается духовно-нравственный кризис, в первую очередь влияющий на наименее приспособленную часть общества — юношество. Самореализация личности, являясь многомерным динамичным процессом, может осуществляться в разных направлениях жизнедеятельности: это может быть творческая, профессиональная, социальная или личностная самореализация. Однако возникает проблема, связанная с тем, как провести различия между личностной самореализацией и эгоцентризмом, где заканчивается профессиональная самореализация и начинается «карьеризм», всегда ли результат или продукт деятельности человека является результатом продуктивной деятельности и творческой самореализации. На наш взгляд, встает необходимость теоретического и эмпирического обоснования положения о том, что гармоничная и подлинная самореализация должна согласовываться, опираться и транслировать общечеловеческие ценности, и данное положение является мерой самореализации в любой сфере жизнедеятельности, вносящей социально значимый вклад в культуру, науку, производство, образование и т.д.

Большинство работ зарубежных авторов по проблеме самореализации посвящено психологии личностного роста взрослого человека (К. Юнг, А. Адлер, К. Роджерс, К. Гольдштейн, А. Маслоу, Ф. Перлз, В. Франкл).

В отечественной психологии самореализация рассматривается как психологическая система (Э.В. Галажинский); творческий потенциал человека и деятельностная реализация (Д.А. Леонтьев); совокупность инструментально-стилевых и мотивационно-смысловых характеристик, обеспечивающих постоянство стремлений и готовность к самовыражению личности в различных сферах жизнедеятельности в процессе онтогенеза (С.И. Кудинов).

Таким образом, встает необходимость теоретического и эмпирического обоснования положения о том, что гармоничная самореализация личности детерминирована и взаимосвязана с духов-

но-нравственными особенностями: нравственными качествами и духовно-нравственной направленностью.

Выборка исследования была представлена студентами-бакалаврами очной формы обучения разных специальностей Тольяттинского государственного университета в возрасте от 18 до 23 лет. Общая величина выборки — 100 человек в равночисленной пропорции юношей и девушек. В эмпирическом исследовании применялись тест суждений самореализации личности С.И. Кудинова, методика диагностики духовно-нравственного самосознания личности И.В. Ежова.

Многомерный корреляционный анализ особенностей духовно-нравственного самосознания и самореализации личности позволил выделить основные факторы проявления самореализации личности в зависимости от включенности духовно-нравственного компонента.

Первый фактор «Гармоничная самореализация личности» характеризуется гармоничным уровнем развития самореализации и высокой духовно-нравственной направленностью личности в данном процессе. Хорошее представление о своих стремлениях сочетается с четким ви́дением их реализации. Личность активно осуществляет познавательные и альтруистические мотивы, гуманистические ценностные ориентации. Для студентов характерны осознание своих достоинств и недостатков, постоянное стремление к саморазвитию, высокая рефлексивность. Второй фактор, условно названный «Формальная самореализация личности», характеризуется высокой степенью ответственности за свои поступки. Личность принимает за основу своего поведения правовые нормы и общественные правила поведения, она самокритична и целеустремленна, способна к сопереживанию и состраданию. Однако формальность духовно-нравственной самореализации выражается в том, что отсутствуют базис и фундамент — когнитивный и мотивационный компоненты. Третий фактор, условно названный «Квазисамореализация личности», характеризуется низкой осмысленностью целей и ценностей своей деятельности и самореализации, личность в основном лишь поверхностно осведомлена о своих стремлениях и целях. Фактор, условно названный «Статусная самореализация личности», характеризуется ярким и активным отрицанием религии и духовно-нравственных норм, неспособностью к сопереживанию, сочувствию и состраданию в межличностных отношениях. Хороший самоконтроль и само-

организация, без учета интересов других, способствуют развитию профессиональной самореализации и продвижению по карьерной лестнице. Пятый фактор, условно названный «Прагматическая самореализация личности», выражается в яркой эгопрагматической направленности личности, материально-гедонистических ценностях и прагматических мотивах. Шестой фактор, условно названный «Деструктивная самореализация личности», характеризуется высокой деструктивностью, непродуктивностью самореализации, постоянным негативным психоэмоциональным настроем (доминируют такие эмоции, как апатия, тревога, раздражительность). Данный эмоциональный фон способствует развитию социальных барьеров самореализации и, как следствие, пассивности и экстернальной позиции.

Таким образом, мы считаем, что самореализация личности — это гармоничная и сбалансированная реализация различных аспектов личности путем приложения адекватных усилий, направленных на развитие индивидных и личностных потенциалов и основанных на смысложизненных духовно-нравственных и общегуманистических ценностях.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-413-630006.

НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ И КЬЮ-СОРТИРОВКА КАК МЕТОДЫ САМОПОМОЩИ В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

С.В. Кучеренко

Россия, Ялта, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
kusvitlana@gmail.com

В работе рассматривается пример анализа событий жизни, дополненный их ранжированием по значимости методом кью-сортировки и последующим нарративным анализом полученного текста респондента. Делается вывод о перспективности сочетания этих методов для субъектных трансформаций личности в эпоху неопределенности.

Современному миру присущи полифоничность, релятивистская природа, ускорение изменений, мобильность, текучесть, раз-

нообразие, сложность, гетерогенность, нелинейность, многомерность и неопределенность. Личность в таких условиях проявляет гибкость, открытость изменениям, толерантность к неопределенности и процессуальность. Ее, собственно, нет — есть процесс самоизменения и самоорганизации, который ситуативно представляется в различных формах, но ими не является. Нецелесообразно говорить об адаптации, поскольку адаптация — процесс приспособления стабильной личности к изменившимся условиям среды. В условиях нестабильности, неравновесности и неопределенности личность теряет свои четкие контуры и очертания. Превращается в «смысловое» или «деятельное поле».

Нарративный анализ используется в изучении личности, ее особенностей и проявлений (Кучеренко, 2018). Нарратив — это *способ организации эпизодов*, *действий* и *оценок этих действий*; это явление, «которое сводит воедино мирские факты и фантастические вымыслы; время и место объединены. Таким образом, нарратив позволяет человеку включить (в историю) обоснование своих действий, равно как и причины, вызвавшие событие» (Кроссли, 2013).

Кью-методология и метод кью-сортировки дополняют возможности нарративного анализа в ситуациях неопределенности. Например, после составления списка значимых событий (Ахмеров, 2013) собственной жизни, их необходимо ранжировать по значимости для себя на данный момент (рис.).

Кью-сортировка событий по значимости (ранг)

1	2	4	7	11	15	18	20
	3	5	8	12	16	19	
		6	9	13	17		
			10	14			

Пример применения кью-сортировки в самоанализе значимости событий жизни (20 событий, 3 из которых наиболее значимы, 3 — наименее, 8 — нейтральны и по 3 малозначимых). Таким образом, получаем пять групп событий по значимости, которые объединяются общей «темой» и производится нарративный анализ полученного в результате текста.

1) Наиболее значимые события: поступление в вуз, защита диссертации и рождение дочери — тема «*Начало* пути» — созидание на основе потребления или созидание для последующего потребления.

2) Значимые события: переезд на съемную квартиру, покупка собственного жилья и выход на работу после отпуска по уходу за ребенком — тема «*Свое*…» — самостоятельное потребление для созидания.

3) Нейтральные события: поступление в художественную школу, свадьба, рождение сына и «Крымская весна». Тема: «*Переход, изменение статуса*» — выбор из существующих вариантов потребления, возможностей, деятельностей.

4) Незначительные события: рождение (собственное), поступление сына в школу, публикация книги. Тема «*Продукт/результат/плод*» — созидание новых возможностей, достижение результатов (потенциально/актуально), *начало* и *завершение*.

5) Незначимые события: окончание детьми школы, поступление в вуз; свадьба детей; рождение внуков — тема «*Самостоятельность детей*» — их свобода, их путь и выбор, уже не мои задачи — их созидание и их потребление, круговорот потребления и созидания в природе.

Таким образом, мы можем выделить такие **оси индивидуального семантического пространства** личности:

- «начало — завершение» (результат, плод) — вопрос течения времени и цикличности,
- «мое — не мое» (чужое, отдельное) — вопрос психологических границ личности.

Можно сказать так: две оси — **созидания** (процесса, растянутого во времени) и **потребления** — принадлежности и привязанности. Предположительно, эти оси могут быть замечены в семантических пространствах многих людей, они проявляются в культуре (Шумский, 2018). Потребление предшествует созиданию, это естественно и закономерно.

Так как все значимые события направлены на созидание, можно говорить о том, что *созидание преобладает над потреблением*. Можно предположить заниженную самооценку, так как недооцениваются собственные достижения (в том числе незначительное событие — собственное рождение).

Таким образом, принятие решений в ситуации неопределенности для данного респондента будет следствием выбора между дви-

жением к большему созиданию или потреблению на фоне неразрешенного вопроса психологических границ личности и цикличности течения времени (начало—завершение). Отрефлексировав варианты возможного будущего в данном пространстве координат, выбор в ситуации неопределенности будет более сознательным, можно сказать, — более субъектным.

Нарративный анализ в сочетании с кью-сортировкой создает благоприятные условия для субъектных трансформаций личности в эпоху социокультурной неопределенности и перманентных социальных изменений.

1. Ахмеров Р.А. Событие как элемент субъективной картины жизненного пути // Современные исследования социальных проблем (электрон. науч. журн.) = Modern Research of Social Problems. 2013. № 10 (30). 19 с. doi: 10.12731/2218-7405-2013-10-34.

2. Кроссли М.Л. Нарративная психология. Самость, психологическая травма и конструирование смыслов. Х.: Гуманитарный центр, 2013. 284 с.

3. Кучеренко С.В. Изучение представлений о психологическом здоровье студентов методом нарративного анализа // Проблемы психологического здоровья личности : коллективная монография. Уфа: АЭТЕРНА, 2018. С. 167–176.

4. Лекция Александра Шумского «Великая креативная революция: от потребления к созиданию»: Лекция. URL: https://www.youtube.com/watch?v=3Y_Legb0k4A

КАТЕГОРИЯ «ЛИЧНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

В.А.Мазилов

Россия, Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д.Ушинского
v.mazilov@yspu.org

Работа посвящена проблеме личности в современной психологии. Обсуждаются различные подходы к трактовке личности, сформировавшиеся в научной психологии и в практической психологии. Выявлены различия в подходах к описанию личности. Намечены пути взаимодействия между теориями личности в академической психологии и концепциями личности в практической психологии. Анализируются перспективы развития в психологии личности подхода А.М. Левидова.

Улыбающаяся Джоконда на обложке русского издания книги Л. Хьелла и Д. Зиглера, популярного руководства по теориям лич-

ности, глубоко символична. Личность, как и улыбка Джоконды, несмотря на множество существующих перспективных подходов к ее исследованию, по-прежнему по большому счету остается загадкой. Значительный вклад в ее исследование внесли и психологи факультета психологии МГУ (Асмолов, 2007; Леонтьев А.Н., 1975; Леонтьев Д.А., 1993, 2003 и др.), где проходит настоящий форум.

Сформулируем некоторые соображения о перспективах исследования личности. В первой трети XX столетия будущее науки, изучающей человека, виделось совершенно по-разному: если К.Поппер мечтал о строгой демаркации науки от ненаучного знания, то М.М.Бахтин, напротив, видел будущее гуманитарного знания как торжество идеи полифонизма и диалога (Мазилов, 2018).

В психологическом лексиконе термин «личность» занимает совершенно особое место: понятие «личность» рассматривалось в свое время как претендент на то, чтобы выступать в качестве предмета психологии. Количество возможных концептуализаций настолько велико, что построение универсальной теории личности в прогнозируемом будущем вряд ли ожидаемо. Множественность трактовок личности в ближайшем будущем сохранится, поэтому перспективы исследований в области личности стоит определять с учетом этого обстоятельства.

Известные исследователи К. Холл и Г. Линдсей отмечают, что современные теории личности имеют специфику по сравнению с традиционной академической научной психологией. В частности, отмечается историческая связь теорий личности с практикой; теория личности выступала как инакомыслие, теория личности никогда не шла в русле академической психологии; теории личности функциональны по своей направленности (Холл, Линдсей, 1998). Психология личности более практична, для нее характерны учет мотивации и более целостный подход.

Если теории личности в научной психологии не шли в «русле академической психологии», то для теорий личности в практико-ориентированной психологии это справедливо в превосходной степени. Было предпринято сопоставление понятия личности в научной и в практической психологии, выявлены сходства и различия (Мазилов, 2017). Появилась перспектива рассматривать теории личности как мост, соединяющий академическую и практическую

психологию. На наш взгляд, подход практической психологии более целостен: к целому (объекту) применяются конкретные схемы, подбор которых (из существующего у практика арсенала) определяется многими условиями (Там же).

Обратим внимание также на следующую перспективу взаимоотношения психологии и литературы. Характерологические описания, составленные в разные века, персонажи, «оживающие» под пером талантливого писателя, глубина и динамика переживания, отражаемая литератором, «инженером человеческих душ», но никак не дающиеся научному психологу, оснащенному современными методами и методологией. Не случайно еще В. Дильтей писал, что «в Лире, Гамлете и Макбете скрыто больше психологии, нежели во всех учебниках психологии вместе взятых» (Дильтей, 1996). Он же подчеркивал, что все заключается «в способе, каким подходят великие писатели и поэты к жизни человеческой» (Там же). В этой связи хотим обратить внимание на исследования А.М. Левидова. Им написан труд «Диалектический метод изучения литературного произведения (руководство к чтению художественной литературы)». «Видя трудности публикации рукописи столь значительного объема (32 главы, примерно 100 п.л.), автор незадолго до смерти подготовил рукопись, куда вошли без изменений — только сокращенные за счет примеров — 12 глав основного труда, объединенные под названием “Автор — образ — читатель”» (Мясищев, 1977). Обратим внимание, что огромное количество фактов сочетается в книге с большим количеством высказываний выдающихся представителей культуры, так что в целом объем цитат превышает объем авторского текста. Это несомненное достоинство книги. Добавим, что проницательный В.Н. Мясищев замечает, что это «книга не новых фактов, а новых мыслей» (Там же).

Мы имеем здесь уникальную эмпирическую базу. Необходимо издать книгу в *полном объеме*. На этом массиве возможны совершенно новые исследования. Вспомним про возможности компьютерной техники.

На этой базе возможна разработка такой психологии, о которой мечтал Дильтей: она исходит «из переживаемых связей, данных первично и с непосредственной мощью; она же изображает в неизуродованном виде и то, что еще недоступно расчленению» (Дильтей, 1996). У Левидова огромное количество намеченных аспектов, уже показавших свою значимость для практической психологии

личности. Например, в жизни человека есть такая минутка, когда он «становится совсем не похож на себя, оставаясь между тем самим собой». В академической психологии в концепции личности такой феномен решительно не предусмотрен (Мазилов, 2017), а в практической важен. Идеи и разработки А.М. Левидова, созданные им базы фактов из литературы открывают новые захватывающие перспективы перед разработкой психологии личности, продолжающей отечественные традиции. Это основа для новых интеграций. Не случайно его работы высоко ценили и Б.Г. Ананьев и В.Н. Мясищев.

В заключение отметим, что, на наш взгляд, в психологии как никогда актуальны идеи полифонизма. Полифонизм порождает диалог, понимание дает возможность взаимного отношения и в перспективе позволяет взаимодействовать. Могут быть выделены уровни, существенные для реализации идей полифонизма и диалога в современной психологии. Макроуровень: полифонизм психологии как науки и литературы, искусства, философии, религии. Мезоуровень: полифонизм академической психологии и психологии трансперсональной, психологии философской, практико-ориентированной психологии. Микроуровень — собственно психологический, предполагающий полифонизм внутри научной психологии, то есть взаимопонимание, диалог и взаимодополнение между теориями и концепциями одного уровня.

Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания № 25.8407.2017/8.9 на выполнение проекта по теме «Методология интеграции психологии: от интеграции психологического знания к интеграции психологического сообщества»

1. Асмолов А.Г. Психология личности. Культурно-историческое развитие человека. М., 2007.
2. Дильтей В. Опмсательная психология. М., 1996.
3. Левидов А.М. Автор — образ — читатель. Л., 1977.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
5. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М., 1993.
6. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М., 2003.
7. Мазилов В.А. Золотая ветвь: М.М.Бахтин и будущее психологии // Витебщина М.М. Бахтина. Витебск, 2018.
8. Мазилов В.А. Проблема личности в практической психологии // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2017. Вып. 2 (33). С.183–192.
9. Мясищев В.Н. Уникальное исследование // Левидов А.М. Автор — образ — читатель. Л., 1977. С. 3–6.
10. Холл К.С., Линдсей Г. Теории личности. М., 1997.

ВЛИЯНИЕ РЕФЛЕКСИВНОСТИ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДОГО ПРОКУРОРСКОГО РАБОТНИКА

Е.Ю. Мазур

Россия, Москва, НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций»
mazur-eu@mail.ru

Нестабильность жизненных ориентиров, эклектичность ценностей в современном трансформирующемся обществе создают риски для успешности процесса профессиональной идентичности молодых специалистов. Психическое качество рефлексивность позволяет выявить качества, составляющие «ядро» психологической структуры идентичности молодых прокурорских работников, идентификационную направленность качественно различных групп, структуру идентичности и типы направленности ее компонентов.

Проблема личности во все времена остается фундаментальной проблемой психологии, а дискурс современности задает векторы развития человека в трансформирующемся обществе. Профессиональная деятельность прокурорского работника имеет особый статус, что связано с выраженной спецификой деятельности, высокой степенью персональной ответственности, отождествлением профессии прокурора как представителя государства. Омоложение кадров ведомства вызывает серьезные риски, связанные с обеспечением успешности процесса профессиональной идентификации молодых специалистов.

Важность представляет проблема влияния параметра рефлексивности как психического качества личности на профессиональную идентичность молодого прокурорского работника.

Рефлексивность — особая качественная характеристика человека и его психики и может раскрываться как профессионально важное качество деятельности. Значимость и уникальность данного параметра позволяют говорить о комплексном влиянии на структурную организацию личностных качеств (Карпов, 2004, 2005а). Представляется, что конкретные закономерности, обусловленные параметром рефлексивности и связывающие его с другими характеристиками личности, могут быть выявлены при исследовании закрытых социально-профессиональных групп, в частности молодых специалистов — прокурорских работников.

Программой исследования были определены задачи: выделение гомогенных групп, их характеристика, осуществление эмпирического исследования выделенных групп на предмет особенностей влияния параметра рефлексивности на идентификационные структуры групп и их идентификационную направленность.

В ходе исследования были выявлены контрастные группы с устойчивыми сочетаниями качеств. *В первой* доминирует качество общительность, затем целеустремленность, отзывчивость, успешность и независимость, *во второй* — успешность и независимость.

Представления социальной психологии в области лидерства, психологии управления (Карпов, 2005б; Лукичева, 2008) позволили дать название выделенным группам и общую характеристику.

Первая группа — Ориентированные на межличностные отношения — общительные, но низко отзывчивые, целеустремленные, работоспособные, конформные, легко вписываются в рамки норм группы, с нахождением в группе связывают высокий уровень самоуважения и самореализацию, характеризуются недостаточным самоконтролем, зависимы от внешних оценок, склонны к самоутверждению, демонстративности поведения. Доминирует потребность высокого социального статуса и престижа. Респонденты характеризуются диффузным представлением о «параметрах-характеристиках» группы, ориентированы на межличностные, «общенческие отношения». В данную группу входят 38,3% респондентов (57 чел).

Вторая группа — Ориентированные на Дело, профессиональный результат — успешные, независимые, целеустремленные, отзывчивые, тактичные, трудолюбивые, добросовестные, дипломатичные, энергичные. Не привлекают к себе внимание, склонны к самоанализу, ориентированы на поиск эффективных путей идентификации с референтной группой, четко осознают «параметры-характеристики» группы, свою профессиональную позицию («юрист»), организационную позицию («прокурорский работник», «помощник прокурора», «должностное лицо», «ответственный работник», «состою на ответственной и важной должности», «люблю свою профессию и работу»). Характеризуются выраженной направленностью на профессиональную идентичность. В данную группу входят 61,7% респондентов (92 чел.).

Установлено, что рефлексивность как психическое качество личности у молодых прокурорских работников оказывает двунаправленное влияние на профессиональную идентичность — конструктивное и деструктивное.

Конструктивное — в осмыслении собственного группового членства: «Я — представитель государства, закона, референтной социально-профессиональной группы»; интернализации ценностей, целей, смыслов, задач, традиций группы, с которой себя идентифицируют, осознании своей профессии, себя в ней, т.е. выраженной направленности на профессиональную идентичность.

Деструктивное — в выраженной демонстративности поведения как представителей государства и закона, осмыслении группового членства как такового, приоритетности статуса и престижа ведомства, ориентированности на «общенческие отношения», т.е. выраженной диффузной идентификационной направленности.

Таким образом, в условиях современного трансформирующего социума, нестабильности жизненных ориентиров, эклектичности ценностей профессиональная идентичность неизменно оказывается под угрозой. Параметр рефлексивность выявляет социально-психологические качества, составляющие «ядро» психологической структуры идентичности молодых прокурорских работников. Качественно различные группы отличаются идентификационной направленностью, структурой идентичности, различающейся типами направленности ее компонентов.

1. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 424 с.

2. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология метакогнитивных процессов личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005а. 352 с.

3. Карпов А.В. Психология менеджмента: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2005б. 584 с.

4. Лукичева, Л.И. Управление персоналом: Учеб. пособие. М.: Омего-Л, 2008.- 263 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ В РУСЛЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В.В. Молотова

Россия, Барнаул, Алтайский государственный университет
advocatemolotova@mail.ru

Тезисы обосновывают необходимость исследования психологических аспектов правосознания личности с позиции культурно-исторической психологии. Правосознание рассматривается как «искусственное» культурное психическое образование личности, развитие которого изучается в контексте гипотезы Л.С. Выготского о системно-смысловом строении сознания. В становлении и развитии индивидуального правосознания усматриваются общие закономерности становления и развития личности, сформулированные Л.С. Выготским.

Изучение правосознания личности (индивидуального правосознания) является актуальным направлением междисциплинарных гуманитарных исследований. Ученые осознают необходимость системного анализа правосознания с учетом его психологических аспектов, позволяющих праву в полной мере раскрыть свою сущность в культуре и проявить себя в эффективном взаимодействии с обществом.

В психологии не так много работ, посвященных системному исследованию проблемы индивидуального правосознания. Среди ученых-психологов отсутствует единый подход к определению категории «правосознание».

На наш взгляд, индивидуальное правосознание является «искусственным», культурным психическим образованием, нуждающимся в глубоком и детальном рассмотрении с позиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского.

Право, как социокультурное явление и регулятор общественных отношений, находит свое отражение в индивидуальном сознании личности. Образ права, отраженный в сознании, имеет свою качественную специфику, представляющую собой сущность индивидуального правосознания, которая может быть обнаружена посредством транслирования личностью смысла права и связанных с ним явлений.

Гипотеза Л.С. Выготского о системном и смысловом строении сознания является универсальным ключом к пониманию психологических аспектов правосознания личности и может выступать основанием для построения эмпирических исследований.

Системное строение сознания Л.С. Выготский называл его внешним строением, в то время как смысловое строение сознания образует его внутреннюю структуру. В смысле выражается отношение сознания к внешнему миру. Смысл входит в значение. Значение есть всюду, где есть знак. Значение слова представляет собой обобщение, которые не константно и изменяется в ходе развития личности. За значением скрывается процесс обобщения. Изменение уровня развития обобщений приводит к изменению смысловой структуры сознания, переводит его на все более высокий уровень (Выготский, 1982–1984).

Содержание права как явления культуры объективно выражено системой знаков, имеющих определенные общественно закрепленные значения, а будучи присвоенным личностью, определяет внутреннее и внешнее строение индивидуального правосознания.

Выстраивая аналогию с учением Л.С. Выготского, полагаем, что внутреннее строение индивидуального правосознания выражено типом правопонимания и личностной значимостью существующих прав и свобод. Внешнее строение правосознания представлено когнитивным, эмоциональным и волевым (поведенческим) компонентами, которые проявляются в наборе знаний о праве, отражающих его объективно выраженную в значениях природу, эмоциональном отношении к этим значениям, а также в готовности проявить юридически-значимое поведение (Молотова, 2018).

Процесс становления и развития индивидуального правосознания представляет собой переход от более простых смысловых обобщений относительно права к более сложным, в ходе общего развития личности. Система значений «языка права» (с различным уровнем обобщений) определяет смысловую структуру индивидуального правосознания, «развитость» этих обобщений может свидетельствовать об уровне развития индивидуального правосознания.

Становление и развитие правосознания обусловлено общими закономерностями развития личности, сформулированными Л.С. Выготским: переходом от непосредственных форм поведения к опосредствованным, от природных к социальным, от естественных

к искусственным (культурным); интериоризацией коллективных и социальных форм поведения; формированием управляемости функций посредством овладения личностью собственным поведением (Выготский, 1982–1984).

Правосознание, подчиняясь в своем развитии закономерностям, сформулированным Л.С. Выготским, в конечном итоге, представлено у развитой личности системой сформированных взглядов относительно справедливости, равенства и возможных проявлений свободы в процессе социального взаимодействия, действий в рамках правового поля.

1. Выготский Л.С. Проблема высших интеллектуальных функций в системе психотехнического исследования // Психотехника и психо- физиология труда. 1930. Т. III. № 5. С. 373–384.

2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1982–1984.

3. Еремов Ю.Г. Право// Социальная философия: словарь / Сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. М: Академический проект, 1998. 324 с.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ И ШКОЛЬНИКОВ

И.А. Новикова, М.В. Гридунова, А.Л. Новиков, Д.А. Шляхта

Россия, Москва, Российский университет дружбы народов
Novikova_ia@pfur.ru

Рассматривается межкультурная компетентность (МКК) как ресурс развития личности в современном многообразном мире. Представлены результаты исследования МКК студентов (n = 388) и школьников (n = 122). Для диагностики использовалась авторская модификация «Шкалы межкультурной сенситивности» О.Е. Хухлаева и М.Ю. Чибисовой. Выявлена специфика МКК, которая заключается в том, что в обеих исследуемых выборках к принятию межкультурных различий сильнее склонны девушки, а к их абсолютизации — юноши.

Одним из вызовов современности является противоречивый характер процессов мировой глобализации: неизбежный рост межкультурных контактов, опосредованный в том числе цифровыми технологиями, зачастую сопровождается увеличением политической, межэтнической, межконфессиональной напря-

женности, попытками возведения барьеров и «стен» (в прямом и переносном смыслах) между странами, народами, культурами. На наш взгляд, межкультурная компетентность (МКК) является одним из психологических ресурсов, позволяющим личности развиваться и действовать в многообразном, нестабильном и неопределенном мире.

Феномен МКК широко изучается в современных социальных науках: существуют разные подходы к его трактовке, пониманию структуры, механизмов, условий развития и др. (Spitzberg, Changnon, 2009; Черняк, 2015). В том числе, начиная с 2014 года, нами проводится комплексное исследование психологических факторов МКК студентов и школьников на основе «Динамической модели межкультурной сенситивности» (DMIS), предложенной М. Беннетом (Bennett, 1993; Hammer et al., 2003). Существует адаптация этой модели (и соответствующего диагностического инструментария) на российской выборке, которая включает 4 стадии (шкалы): *абсолютизация* и *преуменьшение* — этноцентристские стадии; *амбивалентность* — переходная стадия, *принятие* — этнорелятивистская стадия (Chibisova, Khukhlaev, 2008; Логащенко, 2015).

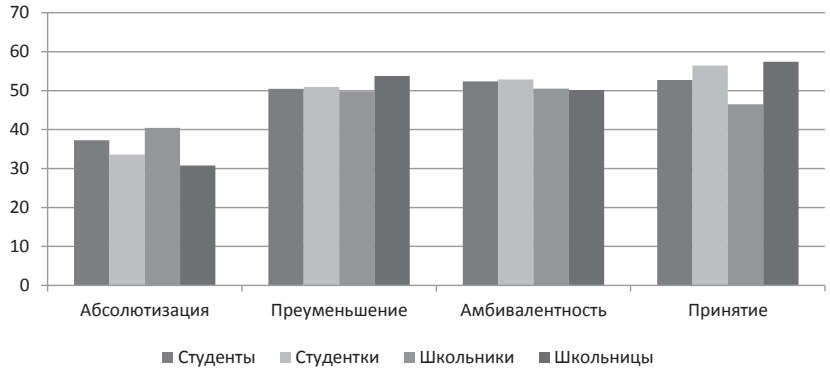

Диаграмма выраженности шкал МКК в исследуемых выборках

Всего в исследовании приняли участие 388 (65,5% — девушки) студентов I–III курсов РУДН и МИСиС (возраст 19,06 ± 1,57 лет) и 122 (56% — девушки) ученика IX классов московской общеобразовательной школы (возраст 15,60 ± 0,47 года). Для диагностики МКК использовалась авторская модификация (Гридунова, 2018;

Новикова и др., 2017) методики «Шкала межкультурной сенситивности» О.Е. Хухлаева и М.Ю. Чибисовой (Chibisova, Khukhlaev, 2008) в адаптации Ю.А. Логащенко (Логащенко, 2015). Для статистической обработки использовались методы описательной статистики, критерии Шапиро–Уилка и Вилкоксона.

Не было выявлено статистически значимых различий в выраженности шкал МКК между выборками студентов и школьников в целом. Дальнейший анализ проводился с учетом пола респондентов: в обеих выборках выявлены значимые гендерные различия по шкалам «принятие» (выше у девушек) и «абсолютизация» (выше у юношей). В выборке школьников также существуют различия по шкале «преуменьшение» (выше у девушек).

Таким образом, при разработке программ развития МКК для студентов и школьников целесообразно учитывать ее гендерную специфику, которая ярче всего проявляется в том, что юноши (особенно студенты) склонны абсолютизировать и переоценивать влияние межкультурных различий и считать их неконтролируемыми; необходимо также продолжить изучение психологических предикторов МКК.

1. Гридунова М.В. Психологические факторы межкультурной компетентности студентов и школьников: дис. … канд. психол. наук. М., 2018.

2. Логащенко Ю.А. Межкультурная сенситивность студентов в полиэтнической среде: дис. … канд. психол. наук. СПб., 2015.

3. Новикова И.А., Новиков А.Л., Гридунова М.В., Замалдинова Г.Н. Профили межкультурной компетентности российских студентов // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2017. Т. 14. № 3. С. 91–105.

4. Черняк Н.В. Классификации моделей межкультурной компетентности // Альманах современной науки и образования. 2015. № 2. С. 119–125.

5. Bennett M.J. Towards Ethnorelativism: A Developmental Model of Intercultural Sensitivity // Education for the Intercultural Experience / Ed. by M. Paige. Yarmouth, ME: Intercultural Press, 1993. P. 21–71.

6. Chibisova M., Khukhlaev O. Measuring teachers' intercultural competence: Towards a theory-based instrument // Book of Abstracts of the 19th International Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology. Bremen, 2008. P. 237–238.

7. Hammer M.R., Bennett M.J., Wiseman R. Measuring intercultural sensitivity: The Intercultural Development Inventory // International Journal of Intercultural Relations. 2003. № 27. P. 421–443.

8. Spitzberg B.H., Changnon G. Conceptualizing intercultural competence // The SAGE Handbook of Intercultural Competence. 2009.

ГИПЕРТЕКСТ КАК МОДЕЛЬ ТРАНСМИССИИ КУЛЬТУРЫ

Н.С. Полева

Россия, Москва, ФГБНУ «Психологический институт» РАО
npoleva@mail.ru

Гипертекст рассматривается как модель трансмиссии культуры нового типа — информационной культуры современного общества. Под влиянием транзитивности человек из пассивного объекта влияния трансмиссии становится субъектом выбора, создавая свой собственный персонализированный гипертекст из разрозненных частей множественных текстов культуры. Конструирование персонализированного гипертекста является также способом преодоления человеком неопределенности и множественности современной реальности.

Культура современного информационного общества представляет собой культуру нового типа, которая развивается на наших глазах и с нашим участием. Пространство информационной культуры — это пространство mixed reality, смешанной реальности, в которой живет и действует современный человек. Важно подчеркнуть, что это именно смешанная реальность, не разделяемая на онлайн и офлайн. Информационная культура как культура нового типа формирует и новые модели трансмиссии, так как выявленные и описанные модели М. Мид недостаточны и не в состоянии адекватно отражать процессы трансмиссии культуры в ситуации транзитивности (Марцинковская, Полева, 2017).

В качестве одной из моделей трансмиссии информационной культуры может быть рассмотрен гипертекст. Обращение к модели гипертекста обосновано несколькими аспектами:

- понимание культуры как информации;
- понимание культуры как текста или совокупности текстов;
- понимание культуры как коммуникации;
- возрастание интерактивности и личностного, персонального начала под влиянием транзитивности.

Существует множество определений гипертекста:

- соединение структуры внутренних связей некоего содержания и технических средств, дающих человеку возможность осваивать структуру смысловых связей, осуществляя переходы между элементами;

- нелинейный текст или гипертекст — механизм, который заключается в возможности связывать отрывки текста и переходить от одного к другому;
- структурированный текст;
- нелинейная документация, которая ветвится и взаимосвязывается, позволяя читателю исследовать содержащуюся в ней информацию в последовательности, которую он сам выбирает. И другие (Купер, 2000).

Многочисленные определения гипертекста предполагают его понимание и как информационного пространства, и как принципа, способа, метода, механизма установления каналов-связей, которые создают нелинейную, ризоматическую структуру.

Современный человек в информационном пространстве культуры подвергается одномоментному перекрестному влиянию множественных каналов информации. Таким образом, информационное пространство культуры становится для него пространством выбора, на основе которого он конструирует свой персональный гипертекст. Из пассивного объекта влияния трансмиссии культуры он становится ее активным субъектом. Об этом писал И.С. Кон, рассматривая социализацию как способ существования и трансмиссии культуры. По мнению И.С. Кона, ускорение темпов культурного обновления и инноваций ведет к трансформации процесса передачи культурных ценностей во все более избирательный, селективный процесс, который зависит от его участников. Поэтому, собственная активность и творческое начало личности становятся условием ее успешной социализации (Кон, 2003).

Таким образом, тенденция выступать в качестве субъекта собственного выбора связана с влиянием фактора транзитивности, который является общей характеристикой смешанной реальности. Это проявляется в тенденциях усиления процессов индивидуализации, повышения уровня критичности в оценке и выборе информации, ее источников, уровне доверия к ним. Все это повышает селективность и избирательность выборов личности.

Модель гипертекста как трансмиссии культуры связана и с влиянием постмодерна, который подвергает трансформации понимание текста. Текст не только собирается по принципу мозаики или коллажа из разрозненных фрагментов текстов культуры, но и становится гибкой текучей структурой, открытой множеству интерпретаций (Купер, 2000). Возрастание интерактивности и лич-

ностного, персонального начала модифицирует человека из пассивного потребителя текстов в соавтора и производителя текстов, что ведет к возрастанию информации в культуре. Конструируя свой собственный гипертекст, человек выбирает и актуализирует определенные тексты культуры, выбирает и активирует «гиперссылки», формируя свою структуру связей между узлами сети.

В процессе конструирования персонального гипертекста информационные каналы-связи между узлами сети трансформируются в смысловые — каждый раз смысл собирается из множества вариантов, подобно мозаике или коллажу. В этом контексте конструирование персонализированных гипертекстов может рассматриваться и как способ преодоления личностью гнета неопределенности и множественности в условиях избыточной информации. Создание гипертекста позволяет человеку создавать гибкие структуры смысла, фиксируя связи-гиперссылки «текучих» значений и смыслов в едином пространстве и времени, что дает ему ощущение целостности и согласованности психологического хронотопа и пространства-времени собственного текста.

1. Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир психологии. 2017. № 1. С. 24–37.

2. Купер И.Р. Гипертекст как способ коммуникации // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 37–59.

3. Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Академия, 2003.

СМЫСЛОВАЯ РЕГУЛЯЦИЯ И СИМВОЛОБРАЗОВАНИЕ В ПСИХОТЕРАПИИ

Е.А. Пуртова

Россия, Москва
pourtova@yandex.ru

Данная работа является продолжением исследований автором психологических механизмов психотерапии, в качестве которых рассматриваются процессы намеренного смыслообразования. Автор связывает культурно-исторический подход с идеями психоанализа и аналитической психологии, особое внимание уделяя роли символов в процессах смыслообразования.

В этой работе я опираюсь на труды В.А. Иванникова о смысловой регуляции как механизме волевого поведения и самодетерми-

нации (Иванников, 2006), на свое диссертационное исследование, в котором я рассматривала влияние психотерапии на развитие механизмов смысловой регуляции (Пуртова, 1996, 1999), а также на последующие работы о бессознательном содержании образов в психотерапии (Пуртова, 2017; Pourtova, 2010, 2011, 2013, 2017), идеи К.Г. Юнга и мою практику юнгианского аналитика.

Исследования В.А. Иванниковым волевой регуляции и выделение ее механизмов совершили прорыв в психологии личности, соединив ее ключевые понятия, развиваемые в теории деятельности с культурно-исторической концепцией. Он рассматривает волевую регуляцию как особый вид произвольной регуляции, например, мотивации при дефиците побуждения к действию, психологическим механизмом которой является намеренное изменение/порождение смысла действия (Иванников, 2006). Чтобы восполнить дефицит побуждения и выполнить должное как желаемое, необходимо либо изменить смысл нужного действия, либо создать еще один, дополнительный. В своих начальных формах изменение смысла действия достигается за счет изменения реальной ситуации, или этот смысл изменяется другими людьми, а в дальнейшем это действие совершается самим человеком. То есть средства управления личностью собственной мотивацией являются интериоризированной формой средств воздействия другого человека.

Видение воли как ВПФ позволило сосредоточиться на смысловом опосредовании личностной саморегуляции и описать различные ее формы. Долгое время в отечественной психологии дискурс исследований воли был таков, что волевое поведение рассматривалось скорее как «подневольное», но в работах В.А. Иванникова волевое поведение становится действительно произвольным, возвращая в психологию личности понимание свободы личностных самоопределений и саморазвития.

Основные идеи культурно-исторической концепции Л.С. Выготского применительно к психическому развитию личности очень близки психоаналитическим концепциям, особенно — теории объектных отношений. Представления о социальном характере психического развития и интериоризации культуры как основном механизме развития сопоставимы с такими конструктами психоанализа, как интернализация, интроекция и идентификация или объектное отношение, которое является интернализацией паттернов взаимодействия со значимыми другими.

Психоанализ или некоторые его разделы является теорией смысла (Райкрофт, 1995). Психоанализ реконструирует искаженные ранними детскими переживаниями смыслы клиента посредством символизации переживаний. Таким образом, весь психоаналитический процесс может быть рассмотрен как частный случай процесса смыслоизменения.

Особая роль в процессах смыслообразования придается символам и образам, которые обнаруживают бесконечное количество смыслов в сопоставлении с контекстом личного или коллективного бессознательного.

К.Г. Юнг создает особый метод понимания смыслового содержания символического образа — амплификацию, наращивание ассоциаций. Этот способ работы кардинально отличается от метода свободных ассоциаций как дороги с однозначно заданным направлением — к сексуальности и наращиванию силы эго. Амплификация и погружение в образ делают обратное — дают шанс преобразовать смысловые установки сознания за счет достраивания бессознательным недостающего смыслового содержания. Поэтому и сам образ бессознательного у Юнга — это не «склад вытесненного», а Солярис в интерпретации Тарковского — мыслящий океан, вступающий во взаимодействие с индивидуальным сознанием через индивидуальные же символы, возвращающие психике полноту ви́дения себя и своей жизни, что предполагает, однако, сложную работу сознания по интеграции бессознательных содержаний.

1. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М.: Питер, 2006.

2. Пуртова Е.А. Влияние психотерапии на развитие механизмов волевой регуляции: автореф. …канд. психол. наук. М., 1996.

3. Пуртова Е.А. Психологические механизмы психотерапии: смысл как общее поле значений // Журнал практического психолога. 1999. № 5–6.

4. Пуртова Е.А. Юнгианское исследование и следование образу // Около слов. Лекции по аналитической психологии. СПб.; М.; Екатеринбург, 2017.

5. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1995.

6. Pourtova E. Andrei Tarkovsky: Stalker of unconconscious // Journal of Analytical Psychology. 2017. Vol. 62. № 5. P. 778–786.

7. Pourtova E. Moscow like a sweet berry // Psyche and City. A soul's guide to the modern metropolis. New Orleans, LA: Spring Journal Books, 2010.

8. Pourtova E. Nostalgia and lost identity // Journal of Analytical Psychology. 2013. Vol. 58. № 2. P. 34–51.

9. Pourtova E. The hope of finding home: exploring the wandering complex // On home and the wanderer. Spring Journal of archetype and culture. 2011. Vol. 85.

ОБ ОБЩЕМ И ОСОБЕННОМ В РАЗВИТИИ СЛОЖНЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Е.Е. Соколова, Е.Ю. Федорович

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
ees-msu@mail.ru, labzoo_fedorovich@mail.ru

В работе утверждается, что при констатации определенного сходства процессов эволюционной «преадаптации» у разных живых систем следует выделять и особенное в них, иначе теряется качественная специфика жизни животных и человека в условиях «неопределенности». Данная качественная специфика прослеживается авторами статьи на основе результатов проведенного ими с позиций культурно-деятельностной психологии анализа современных исследований «культуры», «языка» и порождения смыслов у животных.

Проблемы «вызовов неопределенности, сложности и разнообразия» и возникающих в связи с ними «проектов будущего» стали предметом обсуждения в недавнем цикле статей А.Г. Асмолова, Е.Д. Шехтер и А.М. Черноризова. Авторы справедливо указывают на ограничения адаптивных моделей эволюции, удерживающих систему в рамках стабильного функционирования, и обсуждают феномены преадаптации, заключающиеся, в частности, в возникновении «избытка разнообразия», или в появлении неких нейтральных «заготовок», способных выступить «сырьем» для будущих «функциональных органов». Эти феномены, по мнению авторов, являются универсальными, характеризующими «разные уровни организации жизни в биогенезе, социогенезе и персоногенезе» (Асмолов и др., 2017). Однако в статьях не раскрываются качественные различия указанных феноменов по отношению к разным классам «развивающихся систем», как это было сделано в более ранних работах Асмолова (Асмолов, 2007). Это может породить у читателя ощущение сходства механизмов преодоления неопределенности в животном мире и собственно человеческих способов овладения ею, тем более что тенденция к такому отождествлению прослеживается во многих современных работах.

Проведенный нами ранее анализ работ в области изучения «культуры» животных (Соколова, Федорович, 2016б) показал, что «инновации» у животных (т.е. появление у них новых поведенческих навыков или «культурных традиций») имеют иные механизмы возникновения, развития и закрепления в группе, чем у людей. И

все попытки искать истоки человеческой культуры в разных формах «культурных традиций» высших животных, с точки зрения культурно-деятельностной психологии, неправомерны. В свою очередь, анализ современных исследований по обучению «языку» человекообразных обезьян (Соколова, Федорович, 2016а) показывает, что хотя некоторые высокоразвитые животные могут использовать «языковые символы» для манипуляции поведением других индивидов, в том числе экспериментатора, при решении текущих задач своей биологически обусловленной жизнедеятельности ни одна из обезьян — участниц подобных экспериментов — не приобрела в результате использования символов способность управлять собой в контексте определенных социальных (конвенциональных) требований (и поэтому люди всегда держали их «на поводке» в буквальном смысле этого слова). Тем более немыслима для этих животных была операция «завязывания узелка на память» для организации чужого или своего поведения. Для того чтобы ответить на «вызовы неопределенности» адекватным человеку образом, животным еще необходимо «научиться» овладевать своим поведением и понимать последствия совершенного выбора.

В одной из статей указанного цикла встречаются утверждения, что основами «прогресса жизни» являются «мозговые информационные процессы, направленные на приобретение нового знания» (Асмолов и др., 2014) и что «именно мозг создает иерархию смыслов, или информацию, не имеющую прямых… аналогов во внешнем мире» (Там же). Это противоречит, на наш взгляд, многим положениям культурно-деятельностной психологии, в частности, идее А.Н. Леонтьева о том, что смыслы — это порождение деятельности субъекта, а не его мозга, что также нашло свое отражение и в книге А.Г. Асмолова (2007). Как было показано нами в ряде работ, то, что будет осваиваться животным в ситуациях «неопределенности» («новизны»), зависит от актуальных задач жизнедеятельности, стоящих перед ним, т.е. будет определяться, например, той проблемной ситуацией, в которую попало животное, или рангом, который оно занимает в группе. Однако и здесь качественные различия деятельности животных и человека (и тем более смыслов как «следов» деятельности, по выражению Е.Ю. Артемьевой) не подлежат никакому сомнению. У животных, даже высокоорганизованных, нет возможности следовать общественно заданным смыслам, не в последнюю очередь потому, что они не могут понять, что дви-

жет другим, и целенаправленно изменять свое поведение «в пользу этого другого» (Федорович, Соколова, 2018).

Таким образом, при констатации определенного сходства процессов эволюционной «преадаптации» у разных живых систем, следует, на наш взгляд, выделять и особенное в этих процессах, иначе теряется качественная специфика жизни разных субъектов в условиях различной «неопределенности».

1. Асмолов А.Г. Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007.

2. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. По ту сторону гомеостаза: историко-эволюционный подход к развитию сложных систем // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 3–13.

3. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3–26.

4. Соколова Е.Е., Федорович Е.Ю. Говорить — еще не значит быть человеком: критический анализ современных исследований языка животных в свете идей Л.С. Выготского // Национальный психологический журнал. 2016а. № 3 (23). С. 8–19.

5. Соколова Е. Е., Федорович Е. Ю. К проблеме культуры у животных: критический анализ современных исследований с позиций психологии деятельности школы А.Н. Леонтьева // Культурно-историческая психология. 2016б. Т. 12, № 2. С. 14–23.

6. Федорович Е.Ю., Соколова Е.Е. Майкл Томаселло versus Алексей Николаевич Леонтьев: диалог во времени // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 1. С. 41–51.

ЛИЧНОСТНЫЕ СТИЛИ СОВЛАДАНИЯ С НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ И РИСКИ УТРАТЫ «Я»

Е.Т. Соколова

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
etsokolova@yandex.ru

Анализируются специфика современной культурной среды с ее нестабильностью, многообразием и изменчивостью, предпосылки и личностные предиспозиции, обусловливающие современное многообразие проявлений феноменов социокультурной неопределенности и личностные стили совладания с субъективной неопределенностью, связь между ресурсными и психопатологическими аспектами самоидентичности в отношении к неопределенности.

Состояние современного российского общества метафорически можно описать с помощью оксюморона «обнадеживающее

уродство» (М. Эпштейн). Имеется в виду, что неустойчивость и транзитивность данного исторического момента содержат в себе одновременно и потенциал конструктивного развития личности, и условия ее деградации, утраты «Я». Так, неопределенность, двусмысленность принципов организации социальных взаимодействий в сочетании с высокой ценностью и эффективностью манипулятивных технологий социального управления и контроля серьезно затрудняют возможности осознанного и ответственного персонального выбора. И, парадоксальным образом, они же предоставляют уникальные перспективы именно для преодоления автоматического конформизма, психологической зависимости от этих деструктивных воздействий среды. Для клинической психологии это вопрос о личностной организации как решающем факторе, опосредствующем звене, которое определяет субъективное восприятие социокультурной неопределенности, ее категоризацию и индивидуальные стратегии и стили совладания с нею. Повышенная уязвимость и хрупкость самоидентичности, выраженные черты психологической зависимости, дефицит индивидуальности (утрата «Я») и когнитивная простота, столь характерные для пограничной личностной организации, являются предиспозиционными факторами интолерантности к познавательной и межличностной неопределенности, дезорганизуют деятельность под влиянием непереносимых тревог и когнитивно-недифференцированных средств саморегуляции. Здесь мера субъективной неопределенности максимальна, переживание хаоса и шок перед культурным многообразием и непрогнозируемостью социальных изменений вызывают к жизни паранойяльные образы чуждости, враждебности любого инакового «другого», ксенофобию, препятствуют саморазвитию вследствие предпочтения жесткой структурированности, регламентированности правил и стереотипов мышления и социального поведения. Указанные дефицитарные феномены могут существовать в латентной форме и не проявляются в «нормальных» условиях, ситуациях с ясно обозначенными границами, артикулированными правилами, нормами и традициями поведения, в то время как их появления в ответ на переживание субъективной неопределенности как раз и могут рассматриваться в качестве типичных клинических симптомов «непереносимости неопределенности».

Иной стиль совладания с неопределенностью демонстрируют те, кто неопределенность переживает как вызов любопытству, фан-

тазии; она вызывает активную поисковую активность, порождает новые смыслы, радость, азарт, удовольствие от исследований и инсайтов и приводит к творческому и осмысленному преобразованию ситуаций неопределенности.

Таким образом, способы и средства совладания с познавательной и социокультурной неопределенностью (индивидуальные стили трансформации хаоса в структуру, осмысленное целое) могут служить маркерами устойчивости «Я» и способности к саморазвитию, продуктивности средств самоконтроля и саморегуляции, познавательной реалистичности, коммуникабельности и нравственной зрелости. Для отечественной психологии эта проблема представляет интерес и в контексте соотношения социокультурной и индивидуально-личностной детерминации саморегуляции деятельности, социального и индивидуального, стабильного и развивающегося в самоидентичности, рационального и интуитивного в познавательных стратегиях освоения новых реалий современного мира. Содержательная и методологическая проблематизация субъективной непереносимости неопределенности, углубленная рефлексия разных граней этого феномена как культурного явления и его роли в этио- и патогенезе расстройств личности также задают новые ракурсы развития культурно-исторического подхода к изучению феноменов «культурной патологии» и трансформаций самоидентичности в современном многообразном, нестабильном и изменяющемся мире.

ГОТОВНОСТЬ СУДИМЫХ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ К ВОЛЕВЫМ УСИЛИЯМ В КОНТЕКСТЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦЕЛЕВЫХ УСТАНОВОК

Р.В. Чиркина

Россия, Москва, ФБГОУ ВО МГППУ
rimmach@bk.ru

Задача предупреждения повторной преступности среди несовершеннолетних и молодых взрослых, осужденных за уголовные преступления до 18 лет, требует определения мишеней профилактического воздействия. Эту возможность дают исследования механизмов и факторов удержания от криминального поведения. На выборке, представленной подростками и юношами с разным статусом (условно осужденные, осужденные к лишению свободы и освободившиеся), выявлены связи между репрезентируемыми целевыми установками и готовностью к действиям по их реализации, а

также мотивационные и смыслообразующие факторы, удерживающие их от правонарушающего поведения.

Наибольший вклад в решение задач предупреждения и уменьшения числа повторных преступлений в когорте осужденных в несовершеннолетнем возрасте вносит система работы с личностью за решеткой и на свободе. Но она неизбежно сталкивается с совершенно объективным сопротивлением со стороны устоявшихся личностных конструктов, таких как мотивационно-смысловые установки, а также с нарушениями, деформациями и недостаточным развитием всех компонентов регуляции деятельности, в особенности волевой. Для судимых подростков и молодых людей волевые аспекты поведения особенно важны, когда их намерения вести социально одобряемый образ жизни и реализовывать свои цели без нарушения закона проверяются ситуациями, в которых необходимо проявить волевые усилия, чтобы удержаться от совершения преступного деяния.

Л.С. Выготский выделял в структуре волевого акта ситуацию усиления побуждения к действию, обязательному, но не желательному, за счет вспомогательного мотива (Выготский, 1983). Эта идея получила развитие в понятии «смыслообразующие мотивы» (Леонтьев, 1990), которые выступают как главная причина побуждения деятельности, основа постановки цели, выбора средств и способов ее достижения. Волевая регуляция осуществляется через намеренное осознанное изменение смысла действия или создание нового, дополнительного смысла действия (Иванников, 2001).

Эти методологические основания легли в основу исследования 2008 (Чиркина, 2008) и 2018 гг., построенного на гипотезе, что подростки и юноши в зависимости от уголовно-правового статуса (условно осужденные, находящиеся в местах лишения свободы, освободившиеся) выбирают разные цели, ради которых они готовы удерживаться от совершения преступлений, и возможные жертвы, на которые они готовы пойти ради своих целей. В исследовании принимала участие также группа несудимых сверстников.

На основании анализа репрезентируемых участниками целевых установок был разработан опросник «Цели и средства», направленный на выявление актуальных целей исследуемых групп, субъективной оценки значимости этих целей, их иерархии, а также готовности к поступкам, испытаниям, ограничениям или даже жертвам,

обеспечивающим реализацию этих целей. Исследование показало, что ранговые места целей мало различаются во всех трех группах судимых. Для всех судимых стабильно низка значимость необходимости получить *прощение пострадавших*, *исправиться/измениться и соблюдать закон*. Этот комплекс мало значимых целей является предиспозицией продолжения криминального поведения в данных группах. В выборе главной цели в группе лишенных свободы главной целью является условно-досрочное освобождение, на втором месте *создание семьи,* а также желание *наладить отношения с близкими*. Для условно осужденных главная целевая установка — *не оказаться в местах лишения свободы*. На вторых позициях *создание семьи* и *получение образования*. У освободившихся в тройке лидирующих целей *создание семьи*, стремление *заслужить уважение на свободе* и *не попасть снова за решетку*. Респонденты из контрольной группы выбрали цели, связанные с будущим: получить образование, измениться, создать семью.

Анализ связи лидирующих целей с готовностью совершать усилия по их достижению (критерий Спирмена) показал, что с намерением не нарушать закон коррелируют готовность терпеть усталость и недостаток финансовых средств, отказываться от удовольствий и пьяных компаний и упорно учиться. У большинства судимых респондентов торможение неприемлемых действий обусловлено страхом наказания. Сдерживающим потенциалом при решении совершать или не совершать противоправное действие обладают для них и такие мотивационные и смыслообразующие факторы, как ориентация на «значимого другого» и значимые цели, ради которых можно совершить волевое усилие, а также прагматические соображения невыгодности деликта. Ориентация на моральные основания, которая является мотивационной доминантой волевого преодоления криминальных провокаций у законопослушных молодых людей, в данной выборке судимых является одним из наименее действенных факторов удержания от преступных действий.

1. Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / Под ред. А.М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.

2. Леонтьев А.Н. Воля // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1993. № 2. С. 3–14.

3. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. СПб.: Питер, 2006. 208 с.

4. Чиркина Р.В. Изменение установок противоправного поведения личности у несовершеннолетних: дис. … канд. психол. наук. М., 2008.

3

ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ЦИФРОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

ИНФОСОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ЗНАЧИМЫЙ КОМПОНЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ДОШКОЛЬНИКА

Ю.В. Батенова

Россия, Челябинск, Южно-Уральский государственный университет
juliabatenova@gmail.com

Обосновывается необходимость рассмотрения современного Детства в контексте принципиально значимых изменений социокультурной среды. Анализируются отношение к Детству, специфика становления личности ребенка и изменения в системе его взаимоотношений со взрослым. Отмечается ряд парадоксов и противоречий современной социальной ситуации развития дошкольника. Обозначена проблема трансформации информационного пространства ребенка, порождающая большое количество психологических вопросов.

Актуальность рассматриваемой нами темы обусловлена высокими темпами информатизации общества. Определение стратегии развития российской образовательной системы требует глубокого понимания специфических особенностей функционирования современного Детства, непосредственно его исторического, социокультурного и психологического компонентов в контексте принципиально значимых изменений, произошедших за последнее время в человеческом сообществе.

Сказанное обуславливает: 1) многоуровневую оценку реальной социокультурной среды, непосредственно в которой на сегодняшний день функционирует и развивается Детство; 2) необходимость принятия изменений не только условий жизни, социального пространства существования человека, системы его взаимоотношений, но и изменений личности человека (ребенка); 3) рассмотрение специфики процесса становления современного Детства, всех происходящих в нем изменений, фиксируемых в дифференцированной представленности на разных этапах онтогенеза.

Сегодня можно констатировать снятие «табу» при одновременном отсутствии доверия к растущему человеку. В этом заключается главный парадокс современной социальной ситуации развития дошкольника. В числе многочисленных факторов, которые определяют глубинные трансформации растущего человека, выступают: 1) маркетизация рынка, которая усиливает направленность ребенка на потребление; 2) маргинализация, которая характеризуется неравным доступом к образовательным ресурсам; 3) девиация, определяемая стремлением родителей значительно ограничивать как проявление активности, так и самостоятельность ребенка.

В результате совокупной силы указанных нами факторов мы получаем такие феномены, как повышенный уровень тревожности и агрессивности у детей, снижение контроля детей за собственным поведением и формирование тревожной зависимости, мобилизация, которая заключается в предъявлении Миру своего взгляда, позиционируя себя по отношению к миру Взрослых. При этом необходимо отметить, что современный ребенок не стал хуже или лучше своего сверстника тридцатилетней давности, просто он стал Другим.

Как показывает хронология имеющихся на эту тему исследований, с 2006 года отмечаются достаточно резкое снижение показателей, характеризующих когнитивное развитие дошкольников, снижение энергичности детей, при одновременном желании их осуществлять активные действия, сужение уровня формирования сюжетно-ролевой игры, приводящее к недостаточности развития мотивационно-потребностной сферы, воли и произвольности маленького человека, неразвитость моторики руки, отсутствие графических навыков и, как следствие, несформированность мозговых структур ребенка, которые несут ответственность за формирование произвольности, дефицит социальной компетентности детей младшего школьного возраста, рост экранной зависимости, обеднение коммуникационной сферы детей, рост эмоциональных проблем, аффективной напряженности, увеличение числа детей, обладающих особым мышлением (общая одаренность), выход на первый план не развлечения, а поиске смысла жизни, рост критичности по отношению к Взрослым.

Инструмент, открывший пределы нового социокультурного пространства (Интернет), и несформированность культуры отношения к нему приводят к тому, что дети ориентируются не на авторитет взрослых, а на поток информации, поступающей «ни-

откуда». Таким образом, на сегодняшний день мы констатируем серьезные изменения Детства, которое характеризуется трансформацией пространства его функционирования, уровня социального и психофизиологического созревания ребенка, что естественно порождает большое количество педагогических, психологических, философских и культурологических вопросов.

Из сказанного следует, что необходимо:

1) изучить специфические особенности социокультурной среды, в которой происходит развитие Детства, выявив и рассмотрев ее факторы;

2) проанализировать трансформации в развитии сознания и самосознания ребенка, раскрыв особенности его восприятия, памяти, мышления, выявив характер и возможные последствия изменяющихся мозговых структур;

3) установить ориентиры личностного развития ребенка;

4) выявить характер и особенности процесса освоения, присвоения ребенком знаний в условиях изменения знаниевого пространства, систематизации знаний, их уровня, особенности овладения мыслительными операциями.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ РАДИКАЛИЗМ: ОБРАТНАЯ СТОРОНА «ЦИФРОВОГО» РАЯ

В.А. Емелин

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
emelin@mail.ru

Рассматривается проблемное поле «оцифровывания» повседневности информационного общества. Подчеркивается, что технологии сегодня являются решающим фактором трансформации идентичности личности. Формулируется понятие технологического радикализма, под которым понимается некритическая вера в возможности технического прогресса и замещение способностей человека технологическими медиумами.

В качестве отправной точки я предлагаю задаться вопросом, насколько правомерно для характеристики современных реалий использовать термин «цифровое общество» или его производные, например «цифровая личность» или еще более радикальный вариант — «цифровая идентичность». Сегодня понятие «цифры» все

больше проникает в повседневность обыденной жизни. Мир, отбросив сомнения, стремится быть оцифрованным, по сути стать совокупностью нулей и единиц. Конечно, можно сказать, что использование понятия «цифровое» как в научной литературе, так и в риторике масс-медиа носит случайный и популистский характер, как очередной симулякр постмодерной культуры. Но можно подойти к засилью «цифр» и более прозаично, воспользовавшись правилом «бритвы Оккама», и прекратить множить сущности, просто вспомнив, что в качестве характеристики современного мира уже несколько десятилетий используется термин «информационное общество». Это понятие подкрепляется логикой деятельностного подхода, согласно которой общество следует считать информационным ввиду того, что определяющим в нем видом деятельности является деятельность по производству, трансляции, потреблению и хранению информации. Термин «цифровое общество» сужает понятие «информационное общество», редуцируя его до способа кодировки информации. В информационном обществе технологии получили мощный толчок развития, превосходящий по своему масштабу и качеству все предшествующие в истории технологические революции. Возникают совершенно новые формы передачи информации, способы и средства коммуникации. Они становятся неотъемлемой частью повседневной жизнедеятельности индивида, формируют модели поведения, определяют интересы, способы удовлетворения потребностей, формируют мировоззрение в целом и, в конечном счете, идентичность его личности. Но здесь и открывается «ящик Пандоры» цифрового радикализма. В своем стремительном развитии технологии превращаются в «протезы» тела и «цифровые суррогаты» сознания. Само собой разумеется, благословением при отправке в «цифровой» рай служат исключительно «благие намерения», коими дорога к свету вымощена. Но на этом пути есть ловушки. Одна из них — проблема «киборгизации» и «инвалидизации». Расширяя себя посредством технологических усовершенствований, человек отдает часть своих не только натуральных способностей, но и высших психических функций на откуп «умным» машинам, фактически превращаясь в инвалида. Как следствие, технологии становятся эффективными средствами контроля человека, порождая еще одну ловушку, а именно проблему пределов доступности индивида, границ его приватности. Более того, усложняясь, технологии оказываются все менее понятными для своих пользователей. И снова

проблема — технологические артефакты и их цифровая начинка становятся непостижимыми «вещами в себе». На все это накладываются прогрессирующий рост скорости технологических изменений и, как следствие, проблема невозможности адекватного восприятия слишком быстро меняющихся технологических медиумов. Технологии информационного общества являются решающим фактором трансформации идентичности. Человек, как никогда раньше, становится технологически зависимым существом, он *татуирован* ими. Составной, необходимо нужной, в конечном счете, «генетически» неотъемлемой частью его сущности становятся машины. Человек информационного общества уже не может полноценно жить без них, и это ставит перед нами финальный вопрос о пределах технологизации и оцифровывания человека. И здесь возникает другой, на мой взгляд, очень важный и при этом не озвученный вопрос, связанный с трансформацией идентичности личности в информационном обществе. Речь идет о технологическом радикализме с его «цифровыми наручниками» и «виртуальными ошейниками». Слепая вера в технологический прогресс без анализа его последствий для человека, стремление редуцировать личность в двоичной цифровой логике трансгуманизма являются потенциальной угрозой утраты родовой идентичности человеческого вида.

Работа подготовлеа при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-01222а «Когнитивно-личностные факторы радикалистских установок и форм поведения».

МЕТОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛИЧНОСТНОГО ПРОФИЛЯ НА МАТЕРИАЛЕ БОЛЬШИХ ДАННЫХ

А.С. Евдокименко, Е.А. Стрижова

Россия, Москва, НИУ Высшая школа экономики
aevdokimenko@hse.ru

В докладе рассмотрен опыт авторов по реконструкции личностного профиля с помощью различных методов математической обработки данных на материале «цифровых следов» и открытой информации пользователей сети Интернет. Представлены возможности классических решений по оцифровке и анализу поведенческой активности пользователей (нейронные сети, машинное обучение (Random Forest), кластеризация), а также ряд усовершенствованных авторами способов (эвристическая логика, what-if-analysis).

Перед современными практиками психологии личности стоят задачи, масштабы которых кратно растут в период цифровизации экономики и протекания цифровой революции. Как правило, это задачи, связанные с управлением большими группами, предотвращением суицидов, диагностикой психического здоровья, маркетингом, анализом и прогнозом поведения отдельного человека, малой и большой группы. Основными классами решаемых психологами задач в данном направлении считаются:

1. Анализ косвенных поведенческих признаков:

a) жизненные ситуации;

b) привычки и особенности активности и времяпрепровождения;

c) отношение к различным актуальным социальным темам и информационным поводам.

2. Глубинный анализ латентных характеристик личности и критериев принятия решений пользователя:

a) анализ ценностных ориентаций пользователя;

b) реконструкция личностных качеств пользователя;

c) предсказание поведения пользователя в конкретных условиях ситуации.

Второй класс задач представляет больший интерес, так как позволяет сформировать долгосрочные способы маркетингового взаимодействия с пользователем и улучшить персонализированные предложения. Ввиду такого устойчивого интереса появилось достаточно разнообразное количество исследователей, которые пытаются реконструировать латентные личностные черты по косвенным поведенческим признакам, собранным за определенный промежуток времени в Интернете.

Одним из первых появилось решение IBM Watson Personality Insights — более сложное и основанное на обработке нейронной сетью данных поведения пользователя в социальной сети. Результатом применения анализа «цифровых следов» становятся реконструированный профиль «Большой пятерки» личностных качеств, потребности, ценностные ориентации (методика Г. Шварца) и распределение времени активности. Основа подобных решений — это обучающие данные, содержащие в себе профиль личностных качеств пользователя (результаты проведения тестирования или опроса) и предоставленные им данные своего поведения за несколько лет (см. рис.). При выборке 10 000+ удается в целом по-

строить стабильные математические модели, которые обучаются реконструировать личностные качества, имея в исходных данных лишь поведение в сети.

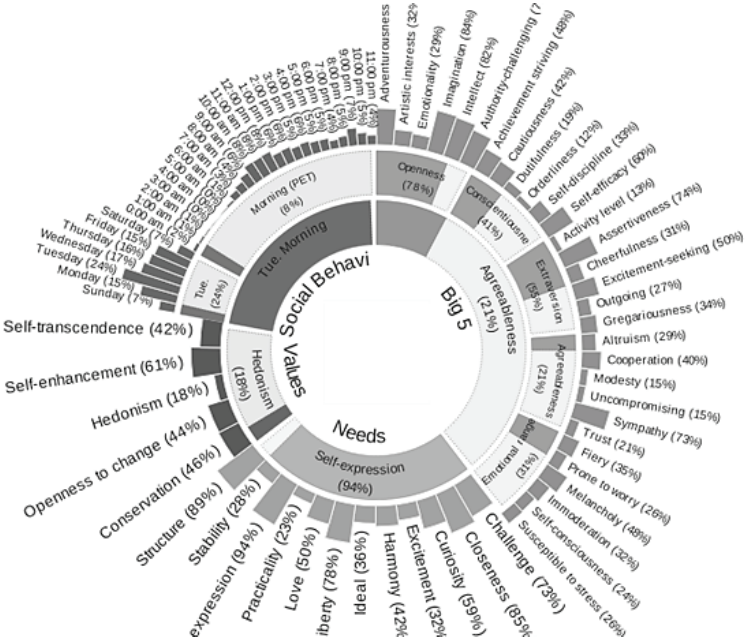

Рис. Реконструированные личностные черты IBM Watson Personality Insights

Схожее, но более точное решение HIE (Heterogeneous Information Ensemble) реконструирует личностные качества («Большая пятерка») уже на основе выражения реакций под тем или иным новостным контентом, а также позволяет предсказать реакцию (негативную или позитивную) под новый стимульный информационный контент.

Представители сразу нескольких университетов (Matz et al., 2017) предложили решение на основе математической модели анализа оценок пользователей в социальной сети. Объектом реконструкции были также черты личности согласно методике «Большая пятерка».

Стоит заметить, что бóльшая часть построенных математических моделей направлены на реконструкцию пяти черт личности

согласно диспозициональной модели личности (по Г. Олпорту, Г. Айзенку и Р. Кэттелу): экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм, открытость опыту. Также применяется модель ценностных ориентаций Г. Шварца. По большей части такой выбор сделан для потенциальной сопоставимости получаемых результатов, так как иначе оценить внешнюю валидность результатов представляется довольно сложной задачей.

Однако использование столь простых моделей личностных черт уменьшает интерпретируемость и прикладные возможности результатов, поскольку они представляют хоть и точные результаты, но довольно абстрактные для практического использования. С целью повышения прикладных возможностей в докладе представлены схожие авторские изыскания (кластерный анализ, нейронные сети, машинное обучение и эвристические модели), но уже для клинических моделей личности.

1. Matz S.C., Kosinski M., Nave G., Stillwell D.J. Psychological targeting as an effective approach to digital mass persuasion // Proceeding of the National Academy of Sciences. 2017. Vol. 114. № 48. P. 12714–12719. doi:10.1073/pnas.1710966114

ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ НЕКЛИНИЧЕСКОЙ ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИИ: КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕДИАПРОСТРАНСТВА

Ю.В. Журавлева

Россия, Москва, ООО «Психологический центр на Волхонке»
jv.clinic@yandex.ru

Обсуждается влияние современного медиапространства на формирование личностной идентичности. К эффектам медиапространства относятся: иллюзия совместной деятельности, эффект «подзорной трубы», клиповое мышление, «выпадение» из времени. Показано, как данные эффекты приводят к эмоциональным нарушениям, депрессивным состояниям и возникновению неклинической деперсонализации.

Согласно известному положению А.Н. Леонтьева, строение сознания изоморфно строению деятельности. *Структура деятельности является конституирующим фактором для сознания, самосознания и идентичности.* В качестве основных условий формирования идентичности выступают: *совместная деятельность*,

погружение в определенную *предметную среду* и *живое общение*, *произвольность* (целенаправленность) действий, возможность *отождествления человека с его деятельностью*, возможность «укрепления-укоренения» в этой деятельности, представление ее процесса и результатов в форме *нарратива*.

Идентичность подразумевает представление себя во времени. Произвольный акт — это акт, организованный во времени и требующий сопоставления полагаемой изначально цели с полученным результатом. Соответственно, *подлинная идентичность предполагает способность человека к прогнозированию и контролю собственных действий и ориентацию на отсроченный результат*.

На наш взгляд, современное медиапространство обладает следующими взаимосвязанными характеристиками (эффектами).

1. Формирование иллюзии совместной деятельности. В отличие от деятельности в реальном пространстве, здесь деятельность не характеризуется устойчивыми параметрами, с которыми нужно считаться. Человек может в любой момент переключиться с онлайн-контента на реальное пространство, а также на другой вариант онлайн-контента. Это создает условия для негативной интерференции и ослабления смысловых и целевых установок.

2. Эффект «подзорной трубы». Виртуальное пространство предлагает человеку взаимодействие с огромным количеством фрагментированных персонажей, каждый из которых виден как через подзорную трубу. С одной стороны, это повод для формирования мифов, т.е. искаженного восприятия лиц, представленных в виртуальном пространстве. Эти мифы обычно связаны с нарциссическими установками и подкрепляют их: например, человеку кажется, что его «друзья» в социальной сети более успешны, чем он. С другой стороны, это создает предпосылку для фрагментации идентичности человека, отождествляющего себя с чередой меняющихся персонажей, каждый из которых не предстает перед ним как целостная личность.

3. Клиповое мышление. Размытость и нечеткость структуры медийного пространства компенсируются его фрагментарностью: чтобы в обилии поступающей информации можно было хоть как-то сориентироваться, она представляется в сжатой, краткой форме. Соответственно, человек привыкает воспринимать и обрабатывать осколочные образы и компоненты информации.

4. «Выпадение» из времени. Для современных медиатехнологий характерна ориентация на симультанный способ обработки информации в ущерб сукцессивному. Короткий ролик или череду картинок в сети воспринять существенно проще, чем прочитать книгу. Потребитель подобной информации воспринимает ее практически непроизвольно, не прилагая усилий. Жизнь перестает быть для него «усилием во времени» (М. Пруст); человек, не выполняющий произвольных актов, лишается способности соотносить себя с собой во времени (распадается нарратив).

Что в итоге может чувствовать человек, увязший в трясине социальных медиа? Это перекос, связанный с негативизацией образа собственного «Я» и переоценкой образов других, базирующейся на мифологических основаниях (то, что принимается в соцсетях за чистую монету под эффектом «подзорной трубы», на самом деле гораздо прозаичнее и менее впечатляюще, а подчас вообще является преувеличением). Но этот принцип «перекоса» лежит на поверхности, об этом и так говорят многие. Проблема в том, что эти поверхностные механизмы приводят к более глубоким последствиям: это активация дисфункциональных установок в форме оценочной зависимости, долженствования, сравнительной, а не подлинной мотивации. А это, в свою очередь, генерирует две глобальные проблемы. Во-первых, эти механизмы влекут за собой развитие депрессивно-нарциссических переживаний вследствие невозможности каждого индивида «распаляться на конкуренцию» с разнообразным и пестрым функционалом многочисленных персонажей френдлент в соцсетях, что приводит к формированию депрессивных синдромов или неспецифичных эмоциональных нарушений в виде комплексов эмоциональной нестабильности, немотивированной агрессии, раздражительности, перепадов настроения, апатии, атрофии мотивации. Во-вторых, это ведет к возникновению спектра проблем идентичности, включающего «непонимание себя», непринятие собственного «Я», потерю чувства «Я», нарушение функции синтетического единства идентичности, утрату чувства «Я» во времени, раздробленный фрагментарный образ «Я» с невозможностью интегрировать чувство «Я» в целостную структуру и сопутствующими болезненными переживаниями этого процесса. Такой человек чувствует себя потерянным, не может ответить на вопрос: «Кто Я?», не может ощутить себя самим собой в отношении к разным периодам времени, не может присвоить и интегрировать

опыт разных периодов жизни. С этой проблематикой уже нередко приходится сталкиваться в контексте психотерапии. Все это позволяет говорить о существовании феномена ***новой современной неклинической деперсонализации***.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РАБОТЕ НАД DIGITAL-ПРОДУКТАМИ

Ю.А. Кингсеп

Россия, Москва, Mail.Ru Group
julia.kingsep@gmail.com

Сделан краткий обзор основных этапов работы над digital-продуктами, в рамках которых проводятся пользовательские исследования. Несмотря на активное развитие этой области, сейчас не хватает системного подхода к методологии UX-исследований, и основой для этого могут стать теоретические подходы отечественной психологии.

Пользовательские исследования (также используются термины «исследования пользовательского опыта», «UX-исследования», «User Experience Research») — часть работы над созданием digital-продуктов. Такими продуктами могут быть веб-сайты, мобильные приложения, банкоматы и терминалы и многие другие системы, в которых происходит взаимодействие человека и компьютера. Упрощенно жизненный цикл digital-продукта можно представить в виде трех этапов: 1) идея; 2) создание; 3) готовый работающий продукт. На каждом из этих этапов можно и нужно проводить UX-исследования, в ходе которых изучаются различные аспекты деятельности людей — представителей целевой аудитории продукта.

Любой продукт начинается с идеи, и в крупных компаниях, как правило, считают необходимостью проверить, насколько хороша идея, есть ли для нее место в реальном мире, и получить максимум информации, которую нужно учитывать в работе над созданием продукта. На этом этапе UX-исследования помогают узнать как можно больше о людях, составляющих потенциальную аудиторию продукта. Проверяются гипотезы о том, какие группы людей могут стать пользователями этого продукта, какие у них есть отличительные особенности. Изучается их деятельность, непосредственно свя-

занная с предметной областью будущего продукта, а при необходимости и смежные виды деятельности. Для работы над продуктом нужно знать мотивы и потребности аудитории — то, что побуждает их действовать тем или иным образом. Не менее важно выяснить, какие существуют барьеры — любые объективные и субъективные ограничения. И конечно, всегда изучается социокультурный контекст. Для получения этих данных проводят глубинные интервью, фокус-группы, массовые опросы. Эти методы используются как по отдельности, так и в различных сочетаниях. В результате исследований, проведенных на этом этапе, формируется представление о целевой аудитории и принимается решение о том, есть ли возможность успешного воплощения исходной идеи и если да, то какими будут особенности ее реализации.

На следующем этапе происходит работа над созданием продукта: от проработки концепции к прототипам и дальше к дизайну и технической разработке. На каждом шаге в этом процессе пользовательские исследования используются для проверки решений. Это позволяет контролировать правильность выбранного направления работы и быстро находить ошибки: чем раньше они будут обнаружены, тем дешевле будет их исправить, и это очень важно в условиях ограничений бюджета на разработку, которые есть практически у любой компании. Решения проверяются путем тестирования с участием реальных пользователей. Для этого приглашают респондентов и предлагают им воспользоваться продуктом. Не обязательно иметь уже работающий продукт — существуют методики тестирования прототипов. Самой известной и популярной среди них является юзабилити-тестирование, в ходе которого проверяется прохождение пользователя по сценариям, заложенным в продукте. В результате команда продукта получает данные о том, насколько разрабатываемая система соответствует ментальным моделям пользователей, как воспринимается интерфейс, насколько он удобен, понятен, насколько просто в нем разобраться. Фиксируются юзабилити-проблемы — ошибки, возникающие вследствие того, что какие-то элементы системы (например, элементы интерфейса) не соответствуют деятельности человека на разных уровнях, вплоть до отдельных операций. Здесь становится важным привести систему в соответствие когнитивным особенностям конкретной группы пользователей таким образом, чтобы они могли успешно решать свои задачи с ее помощью.

Наконец, есть работающий продукт, который присутствует на рынке и обладает своей аудиторией. На этом работа над ним не заканчивается, и пользовательские исследования помогают решать задачи, возникающие у команды любого продукта: это проверка востребованности функций, решений для редизайна, поиск новых направлений для развития, изучение существующих и потенциальных пользователей. Невозможно создавать и поддерживать digital-продукты без постоянного контакта с их пользователями, и для решения этой задачи используются UX-исследования.

По мере того как подходы к разработке digital-продуктов становятся взрослее, увеличивается число запросов на проведение пользовательских исследований. Актуальность этой сферы возрастает, и несмотря на большой объем накопленных знаний, вопрос о необходимости методологической рефлексии становится все острее. Есть все основания считать, что в отечественной психологии для этого есть научная база и инструменты, и все дело лишь в организации целенаправленной работы над этой темой.

1. Стернина К. «Море можно сделать поводянистее» — как юзабилити-лаборатория Mail.ru Group помогает понять пользователей. URL: https://roem.ru/23-10-2015/211080/sternina-uxlab-important/

2. Спрогис Н. Планирование юзабилити-тестирования. URL: https://habr.com/company/mailru/blog/307556/

3. Дегтяренко И.А., Бурмистров И.В. Перспективы применения теории деятельности в разработке информационных систем // Прикладная психология как ресурс социального-экономического развития современной России: Мат-лы межрегиональной научно-практической конф. М.: Инсайт, 2005. С. 122–124.

ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИЯ: ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ИНТЕРНЕТА ИЛИ ЗАВИСИМОСТЬ В СРЕДЕ ИНТЕРНЕТ?

А.А. Колмогорцева

Россия, Челябинск, ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)»
kolmogortcevaaa@susu.ru

В работе рассматриваются различные зарубежные подходы к пониманию феномена интернет-аддикции. Интернет рассматривается в двух аспектах: как среда для реализации поведенческих аддикций и как аддиктивный агент.

В современном мире глобальной информатизации и расширения виртуального пространства становится актуальным вопрос изучения использования Интернета. Некоторые интернет-пользователи настолько сильно погружаются в виртуальное пространство, что становятся зависимыми от Интернета. Одни из них «зависают» в социальных сетях, другие предпочитают многопользовательские ролевые онлайн-игры, третьи озадачены пространством интернет-шопинга.

Первоначальная работа K. Young по интернет-аддикции была новаторской. Основываясь на критерии патологической игромании в DSM-IV, она создала 20-опросный тест на выявление интернет-аддикции. Интернет-аддикция трактовалась как навязчивое (компульсивное) желание к использованию Интернета, проводящее к негативным последствиям в профессиональной деятельности, семейной сфере, социальном взаимодействии. Ее ранние работы по теме вдохновили многих других ученых к исследованиям в этой области. В Европе первые исследования интернет-аддикции начались с публикации M. Griffiths о «технологической зависимости», которая побудила к публикациям по интернет-аддикции и специфическим онлайн-аддикциям, таким как зависимость от азартных игр в Интернете. В дополнение к работам K. Young и M. Griffiths начались первые эмпирические исследования, в том числе исследования распространенности на различных выборках, кейс-исследования, исследования психосоциальных и психиатрических коррелятов интернет-аддикции и психометрическая валидность инструментов оценки интернет-аддикции.

Одна из наиболее важных проблем в этой области в настоящее время касается того, можно ли считать Интернет-аддикцию приемлемым конструктом, для изучения данной проблематики.

В ранних докладах об исследованиях интернет-аддикции освещено небольшое количество случаев, которые выделяли лиц, зависимых от самого Интернета, а не использующих его как среду. Обычно это люди, которые использовали интернет-чаты — деятельность, которой они не смогут заниматься нигде, кроме Интернета. В недавних исследованиях тот же аргумент был использован для лиц, которые пристрастились к использованию сайтов социальных сетей. Эти люди в определенной степени участвуют в социальных онлайн-пространствах и могут презентовать себя в виртуальности отлично от реальной жизни, чтобы повысить самооценку. В этих

случаях Интернет обеспечивает дополнительную, но ограниченную перспективу реальности для пользователей и позволяет им испытывать чувство принадлежности, которое может психологически компенсировать отсутствие социального поощрения в их реальной жизни.

По мнению V. Starcevic концепция интернет-аддикции не подходит, если речь идет об использовании Интернета в качестве среды для реализации других аддикций и что ее следует заменить на аддикции от конкретных видов онлайн-деятельности (при условии, что каждая такая деятельность будет иметь поведенческие закономерности аддикции).

J.Billieux утверждал, что расстройства, связанные с Интернетом должны быть концептуализированы в рамках спектра связанных, но вместе с тем независимых расстройств. Действительно, поведенческие аддикции, такие как интернет-игровое расстройство, зависимость от социальных сетей или даже онлайн-сексуальная зависимость, представляют дисфункциональное поведение, которое связано с общими факторами (например, повышенная импульсивность и аддиктивная личность) и специфическими факторами (например, различные мотивы и дисфункциональные познания, которые подкрепляют проблемное поведение).

Модель патологического интернет-использования R.A. Davis была первой моделью, дифференцирующей различия между обобщенным патологическим интернет-использованием и специфическим патологическим интернет-использованием. R.A. Davis считал специфическое патологическое интернет-использование типом интернет-аддикции, где люди патологически участвуют в конкретных функциях или применении Интернета (например, азартные игры, покупки), тогда как обобщенное патологическое интернет-использование является более общим, многомерным патологическим интернет-использованием.

В настоящее время нет международного консенсуса относительно концептуализации и диагностики расстройств, связанных с Интернетом, и это ключевая критика в развитии этой области исследований, которая требует дальнейшей разработки проблематики.

1. Billieux J., Thorens G., Khazaal Y., Zullino D., Achab S., Van der Linden M. Problematic involvement in online games: A cluster analytic approach // Computers in Human Behavior. 2015. № 43. P. 242–250.

2. Davis R.A. A cognitive-behavioral model of pathological Internet use // Computers in Human Behavior. 2001. № 17. P. 187–195.

3. Griffiths M.D., Kuss D.J., Demetrovics Z. Social networking addiction: An overview of preliminary findings // Behavioral addictions: Criteria, evidence and treatment / K. Rosenberg, L. Feder (Eds.). 2014. P. 119–141.

4. Internet addiction: a handbook and guide to evaluation and treatment / Ed. by K.S. Young, C. Nabuco de Abreu. 2011. P. 311.

5. Starcevic, V. Is internet addiction a useful concept? // Australian and New Zealand Journal of Psychiatry. 2013. № 47. P. 16–19.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРОЯВЛЕНИЯХ ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИИ

В.А. Москвин, Н.В. Москвина

Россия, Москва, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)
1700018v@mail.ru

Изучены индивидуальные особенности цифровой личности (на примере студентов с проявлениями интернет-аддикции 17–18 лет, n = 75) с разными признаками асимметрий. Использовались методики Ф. Зимбардо, тест Р.Кеттелла, тест С.А. Кулакова, критерии парциального доминирования по А.Р. Лурии. При статистической обработке использовался факторный анализ. Выявлены различия — более высокий уровень аддикции связан с преобладанием правополушарного доминирования и большей ориентацией на настоящее и прошлое.

Введение. Проблема регуляции психики является одной из основных в современной психологии. Нарушением регуляции считаются зависимые формы поведения (так называемые аддикции). В клинической психологии они в большей степени изучены на примере химических аддиктов (хронический алкоголизм, наркотическая зависимость). Исследования выявили значительные накопления признаков правополушарного доминирования у химических аддиктов (Москвин, Москвина, 2011).

В последнее время появились работы касающиеся изучения особенностей межполушарных асимметрий у интернет-аддиктов молодого возраста (зарубежные исследования по этой тематике отсутствуют). Анализ поведенческих реакций в группах интернет-аддиктов показал, что зависимое поведение более свойственно

правополушарным испытуемым и амбидекстрам (Антропова и др., 2011). Сходные данные были получены и в наших исследованиях (Москвин и др., 2018).

Литературные данные показывают, что все еще не исследованы особенности функциональных асимметрий и индивидуальные характеристики у интернет-аддиктов. Для изучения этой проблемы нами было проведено исследование со студентами вуза.

Гипотеза. Более высокий уровень интернет-зависимости связан с преобладанием правополушарного доминирования, что влияет на особенности восприятия времени.

Методика. Для выявления возможной связи Интернет-аддикции с особенностями психологического времени в выборке испытуемых молодого возраста (студенты спортивного вуза 18–17 лет, n = 75) были применены следующие психодиагностические методики:

1. Особенности индивидуальных профилей латеральности с учетом признаков парциального доминирования по А.Р. Лурии (2000).
2. Степень выраженности интернет-аддикции (тест Кулакова, 2004).
3. Особенности временно́й перцепции с помощью теста Ф. Зимбардо.
4. Индивидуально-психологические особенности с помощью теста 16-ФЛО Р. Кеттелла (форма А).

Выборка. В качестве испытуемых выступили студенты I–II курса ФГБОУ ВО «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)» 17–18 лет, объем выборки составил 75 человек.

Результаты исследования. В результате применения факторного анализа было выделено 9 факторов. В настоящей работе анализируется фактор «Нормативность поведения», который позволяет говорить о том, что студенты с преобладанием в моторной и анализаторной сферах правой латеральности (левополушарные) склонны вести себя в соответствии с общепринятыми нормами, способны предвидеть возможные последствия своих поступков, мотивированы на достижение будущих целей, готовы принести в жертву сегодняшние удовольствия ради успеха в будущем, более дисци-

плинированы. Отмечены более высокие показатели по фактору G теста Р. Кеттелла и по шкале «Будущее» в методике Ф. Зимбардо.

Испытуемые с преобладанием левой латеральности (правополушарные) подвержены эмоциям, не согласны с общепринятыми моральными нормами и стандартами, игнорируют обязанности, могут действовать антисоциально, чаще безответственны и неорганизованны. Показатели временно́й перцепции больше связаны с ориентацией на настоящее и прошлое.

Обсуждение. Ранее в наших работах уже были выявлены проявления левополушарной недостаточности у лиц с аддиктивными формами поведения, что может объяснить слабость прогнозирующих и регулятивных функций у этой категории лиц.

Установлено, что левополушарные индивиды более склонны недооценивать и переотмеривать длительности по сравнению с правополушарными индивидами, которые более склонны к переоценке и недоотмериванию временны́х интервалов (Москвин, Москвина, 2011).

С.Л. Рубинштейн (1989) писал, что одним из важнейших компонентов структуры личности является ее направленность. Аморфность и расплывчатость жизненных целей, отсутствие конкретной направленности личности могут рассматриваться в качестве почвы, на которой развиваются разные состояния зависимости.

Выводы. Данные исследования свидетельствуют о слабости регуляторных процессов в группах интернет-аддиктов и о накоплении в их выборке признаков правополушарного парциального доминирования. Таким образом, ранее полученные данные о накоплении признаков правополушарного доминирования у химических аддиктов (у молодых лиц с проявлениями хронического алкоголизма или наркозависимости) могут быть распространены и на интернет-аддиктов, что указывает на слабость функций произвольной регуляции у них и говорит об особенностях восприятия времени в данной выборке. Изложенные результаты могут быть использованы в целях дифференциальной диагностики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00856 А.

ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.В. Селезнева

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
ntonina@mail.ru

В современную цифровую эпоху Интернет является открытым коммуникативным пространством, которое оказывает значительное влияние на его пользователей. Интернет является фактором политической социализации молодежи, поскольку способствует формированию политических ценностей и установок, идентификационных представлений и ориентаций. Интернет является средой социальной и политической активности молодых людей, в рамках которой осваиваются определенные формы политического поведения и участия.

Одним из важных факторов социализационного воздействия на молодежь в настоящее время является сеть Интернет. Это обусловлено, с одной стороны, особенностями развития коммуникации в цифровую эпоху и спецификой самого интернет-пространства, а с другой — возрастными и психологическими особенностями молодежи как поколенческой общности.

Социальная реальность для молодежи в значительной мере существует в сети Интернет. С его помощью молодые люди познают мир, в нем формируются основные поведенческие тренды и ролевые модели, развиваются коммуникативные навыки и осуществляются социальные действия (общение, обучение, путешествия, покупка товаров, оказание услуг и пр.). Таким образом, по сути, происходит трансформация традиционных форм человеческого взаимодействия из социальной среды в виртуальную (Полухина, 2008). Попадая в Интернет, молодой человек получает возможность прожить как бы другую жизнь, спрятавшись под псевдонимом — «ником» (Балкунова, 2012). Как отмечают исследователи, создание виртуальной личности может быть обусловлено неудовлетворенностью или пресыщенностью реальной жизнью, потребностью в творческом самовыражении в иной реальности или конспирацией, в то время как существование в интернет-пространстве в качестве реальной личности может быть связано с социальной ригидностью или самодостаточностью (Силаева, 2008).

Предпочтения и интересы молодежи очень неустойчивы. Существуя в интернет-пространстве, молодые люди ориентируются на формируемые в нем и быстро меняющиеся модные тенденции в стиле и образе жизни, культурной и общественно-политической сферах.

Учитывая интерес молодежи к всемирной паутине, киберпространство обладает огромным потенциалом для культивирования разнообразных политических взглядов. Это объясняется в первую очередь особенностями самой сети Интернет как с точки зрения содержания сообщений, так и с точки зрения формы организации виртуального пространства и коммуникации в нем. Среди них наиболее значимыми в социализационном плане являются следующие.

По сравнению с традиционными СМИ сеть Интернет подвержена цензуре в очень незначительной степени, любой ресурс в ней может быть перемещен на новое место в любой момент, а доступ к ним не ограничен географически. Таким образом, контент сети наполнен разнообразными по содержанию и направленности политическими сообщениями, в том числе антигосударственного и экстремистского толка. Ресурсы, проповедующие различные идеи, в том числе радикальные, имеют очень большую аудиторию не только в Москве и других крупных городах, но и в регионах, отличных от физического расположения ресурса.

Основными источниками информации для молодых людей являются новостные сайты в сети Интернет (67%) и телевидение (57%), которым они доверяют (Интерес молодежи к политике, 2017). Онлайн коммуникация в социальных сетях и оф-лайн общение с друзьями и родственниками реже используются молодежью для получения информации, и доверие к ним существенно ниже. Средства массовой информации и Интернет транслируют информационные потоки разного содержания и направленности и оказывают стихийное и неконтролируемое влияние на сознание молодых людей (Селезнева, 2014).

Социальные сети как особо привлекательный для молодежи сегмент интернет-пространства оказываеют особое влияние на молодежь. Сетевое пространство Рунета обладает значительным потенциалом для формирования «новых» — сетевых — политических идентичностей разного уровня и направленности. В социальной сети ВКонтакте в последнее время актуализировались группы «Синий кит», которые стимулировали подростков на асоциальное поведение.

Политическая активность в сети Интернет является не только важным фактором распространения убеждений, но и средством организации и мобилизации молодежи на прямые политические действия. Наиболее ярко данная особенность проявилась в период избирательного цикла 2011–2012 гг., когда средствами сети Интернет осуществлялось не только распространение информации о готовящихся акциях протеста, но и осуществлялось рекрутирование участников. Таким образом, виртуальное пространство предоставляет беспрецедентную степень свободы в выборе объектов политических действий и культивирования образа «врага» (Евгеньева, Титов, 2014).

1. Балкунова А.С. Ценностные составляющие концепта «Я» языковой личности Интернет-пространства // Ценности и смыслы. 2012. № 1. С. 99–105.

2. Интерес молодежи к политике. Пресс-выпуск ФОМ. 2017. 17 апреля. URL: http://fom.ru/Politika/13285.

3. Полухина М.В. Позитивное и деструктивное влияние Интернета на современную российскую молодежь // Молодежь и будущая Россия: Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции: Сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. М., 2008. С. 465–469.

4. Селезнева А.В. Молодежь в современной России: политические ценности и предпочтения. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014. 276 с.

5. Силаева Л.В. Интернет как социальный феномен // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 101–107.

ЛИЧНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ОТВЕТ НА ГУМАНИТАРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ

С.Н. Сиренко

Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет
ssn27@mail.ru

IV технологическая революция сопровождается рядом изменений в социальном, научном, технологическом аспектах, которые существенным образом влияют на социализацию и определяют ценностные ориентации подрастающего поколения. В работе обоснованы возможные ответы на гуманитарно-технологические вызовы, которые ставит перед личностью цифровая эпоха.

Мировое сообщество вступает в эпоху IV технологической революции. Цифровые технологии не только меняют экономику, но и оказывают большое влияние на общество, научную, культурную,

образовательную сферы, на систему государственного управления и обеспечение безопасности и прав граждан, на медицину, логистику и финансы. Человеку цифровой эпохи необходимо быть готовым к ряду вызовов, которые несет диджитализация общества.

Представим некоторые социальные, научные и технологические тренды, которые значительным образом влияют на социализацию личности и ценностные ориентиры молодежи.

1) Связанный, рефлексивный мир и самосбывающиеся пророчества

Стремительное развитие средств массовой информации, телекоммуникаций, Интернета делает мир все более связанным и зависимым от человеческих страхов надежд, планов, которые тиражируются миллионами копий в СМИ и социальных сетях, что оказывает влияние на миллионы людей, удаленных друг от друга на тысячи километров (Контуры цифровой реальности, 2018). В такой системе со множеством локальных связей и взаимодействий происходят эффекты самоорганизации, которые описываются в синергетике; срабатывает и эффект самосбывающегося пророчества: возникновение и стремительное развитие «модных» течений, формирование стереотипов, проявление недовольства, паники и т.п. Как правило, это не способствует продуктивному характеру массового поведения.

В этих условиях роль образования и науки состоит в том, что они выступают как посредники между аргументированно доказанным и обоснованным — тем, на что можно опираться при принятии решения, с одной стороны, и неизвестным, житейским, часто поверхностным и ложным — с другой.

2) Уход от реальности в виртуальный мир, невостребованность части трудоспособной молодежи на рынке труда, грядущая безработица

Технологическое развитие привело к тому, что в странах-лидерах большинство населения стало ненужным ни в производстве, ни в сельском хозяйстве, ни в управлении; более того, сфера услуг не может обеспечить работой всех желающих. Широкое применение искусственного интеллекта и роботов в экономике способствует появлению нового класса людей. Его называют классом «лишних людей», или «бесполезным» классом. Проблема состоит не только в том, что десятки миллионов людей потеряют на какой-то период работу. Беда в том, что многие из них не будут востребованы в обществе в принципе.

Альтернативой «убийству времени» в социальных сетях и видеоиграм могут стать реализация потребностей в личностном росте, развитие креативности, готовности заниматься разноплановой творческой, созидательной, благотворительной деятельностью. Очевидно, что для развития по такому пути требуются значительные усилия как отдельного человека, так и всей системы образования.

3) Бурное развитие Интернета вещей, использование искусственного интеллекта, возможная потеря свободы и личного пространства

Технологии сделали из нас сверхлюдей, осуществили множество чудес, описывавшихся в сказках. Но, к сожалению, они же могут сделать нас марионетками в руках владельцев технологий и средств коммуникации.

Приведем интерпретацию прогнозов до 2025 года по выступлению Клауса Шваба на Давосском экономическом форуме в 2016 г.:

10% людей носят одежду, подключенную к сети Интернет, и тем самым лишают себя «личного пространства», соглашаясь постоянно носить на себе «детектор лжи»;

90% людей имеют возможность неограниченного и бесплатного (поддерживаемого рекламой) хранения данных. Кто может дать лучший отчет о своих действиях и планах, чем сам человек?

10% очков для чтения подключены к сети Интернет. Мы не только расскажем человеку, что и о чем он должен думать, но и покажем, снабдив «дополненной реальностью».

Таким образом, сегодня мы стоим перед проблемой, когда объективно назрела необходимость развития у подрастающего поколения умений делать сознательный личностный выбор в условиях лавинообразного нарастания количества информации и развития глобализирующегося мира. Именно этот осознанный выбор на основе критического мышления, общечеловеческих ценностей и научного подхода будет выступать как условие сохранения индивидуального, субъектного в человеке, проявления его внутренней свободы и ответственного поведения, будет являться фактором развития страны.

В связи с этим, образовательный процесс современной школы и университета должен быть нацелен на формирование у обучающихся не только знаний, умений и навыков, но и универсальных компетенций, востребованных в новых условиях жизнедеятельно-

сти (автоматизация, широкое использование роботов, искусственного интеллекта и др.). К таким востребованным компетенциям относятся критическое мышление, креативные навыки, рефлексивные умения, эмоциональные навыки, которые дают человеку конкурентные преимущества в новых условиях.

1. Контуры цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего / Под ред. В.В. Иванова, Г.Г. Малинецкого, С.Н. Сиренко. М.: ЛЕНАНД, 2018. 344 с.

ТЕХНОЛОГИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ И ПОДРОСТКАМИ

Г.У. Солдатова, Е.Ю. Никонова

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
eniconova@mail.ru

Распространение технологии виртуальной реальности становится одним из факторов цифровой социализации. В тезисах приводится обзор основных направлений использования технологии виртуальной реальности в исследовательской и психотерапевтической работе с детьми и подростками.

Реймонд Курцвейл — изобретатель и футуролог, прославившийся своими сбывающимися прогнозами, считает, что уже в самое ближайшее время очки виртуальной реальности смогут проецировать изображения на сетчатку глаза и создавать абсолютный эффект визуального присутствия. А к 2030 г. виртуальная реальность достигнет того уровня полноты ощущений и эмоций, когда практически сможет заменить реальную жизнь. Уже сегодня виртуальная реальность используется для формирования новых навыков в образовании и обучении, в интерактивном моделировании, в качестве игр, путешествий и психотерапии (Suh, Prophet, 2018), являясь одним из факторов цифровой социализации — опосредованного всеми доступными цифровыми технологиями процесса овладения и присвоения человеком социального опыта (Солдатова, 2018).

Погружение в среду виртуальной реальности и взаимодействие с ней субъективно переживаются как особое состояние сознания, называемое «эффектом присутствия» (sense of presence).

Исследования (Baumgartner et al., 2008) показали связь глубины «эффекта присутствия» с активностью дорсолатеральных отделов префронтальной коры правого и левого полушарий. При рассмотрении различных возрастов было отмечено, что наиболее эффективное погружение в виртуальное пространство и быстрое обучение ориентации в нем происходит у детей в возрасте 6–11 лет, что связано с дозреванием префронтальных отделов мозга.

В настоящие время не существует стройной концепции, описывающей факторы, влияющие на «эффект присутствия» и механизмы социализации детей и подростков в виртуальной среде (Suh, Prophet, 2018). Однако многочисленные исследования позволяют показать центральные направления в изучении применения технологии виртуальной реальности для детей и подростков.

Благодаря возможности создания сложной стимульной среды виртуальная реальность нашла применение в области социальных наук и социальных нейронаук (Parsons et al., 2017). Исследования в этой области опираются на нейронные и нейрофизиологические корреляты когнитивных процессов, встречающихся в социальном взаимодействии. В настоящие время ведутся исследования:

– задач с использованием моральных дилемм;

– восприятия респондентами аватаров, имеющих иную внешность, пол, возраст, расу;

– моделирования эмоций аватарами эмоциональной сферы личности;

– кибербуллинга, агрессии и моделирования ситуаций девиантного поведения подростков и взрослых.

В исследовании (Parrish, 2015) изучались возможности использования виртуальной среды для коррекции социальной тревожности и социофобии у подростков. В ходе исследования было показано, что подростки с тревожными расстройствами после тренировок, имитирующих публичное выступление или вечеринку в виртуальной среде, справляются гораздо эффективнее с проблемными ситуациями и после тренинга могут переносить навык в реальную обстановку. В статье (Lindner et al., 2017) проводится анализ литературных данных, свидетельствующих о высоком терапевтическом эффекте технологии виртуальной реальности для снижения тревожных расстройств, социофобии, страхов, ПТСР, обсессивно-компульсивного расстройства.

Технология виртуальной реальности применяется для обучения навыкам социального взаимодействия детей с расстройствами аутического спектра (Furlow, 2018). Таким детям комфортнее взаимодействовать с технологиями, чем с реальными людьми, но благодаря обучению распознаванию эмоционально-лицевой экспрессии в виртуальном пространстве дети начинают лучше понимать других людей. Детям с синдромом дефицита внимания и гиперактивности виртуальная среда помогает развить функции произвольного внимания и уменьшить уровень социальной тревоги через посещение виртуальных классов.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00365).

1. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80.

2. Baumgartner Th., Speck D., Wettstein D., Masnari O., Beeli G., Jancke L. Feeling present in arousing virtual reality worlds: prefrontal brain regions differentially orchestrate presence experience in adults and children // Frontiers in Human Neuroscience. 2008. Vol. 2. Art. 8.

3. Furlow B. Cautious optimism for medical virtual reality // The Lancet Child & Adolescent Health. 2018. Vol. 2. № 2. P. 88–89.

4. Lindner P., Miloff A., Hamilton W., Reuterskiöld L., Andersson G., Powers M., Carlbring P. Creating state of the art, next-generation Virtual Reality exposure therapies for anxiety disorders using consumer hardware platforms: design considerations and future directions // Cognitive Behaviour Therapy. 2017. Vol. 46 (5). P. 404–420.

5. Parsons T., Gaggioli A., Riva G. Virtual Reality for Research in Social Neuroscience // Brain Sciences. 2017. Vol. 7(4). P. 42

6. Suh A., Prophet J. The State of Immersive Technology Research: A Literature Analysis // Computers in Human Behavior. 2018.Vol. 86. P. 77–90.

СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СВЯЗИ В СТУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОНЛАЙН-КАПИТАЛА У РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова

Россия, Москва, факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
chigars@gmail.com

Инфокоммуникационные технологии приобретают все большую значимость в жизни современного общества и трансформируют традиционные социокультурные практики, в том числе практики накопления социального капитала. В работе приведены результаты исследования особенностей

сильных и слабых связей в структуре социального онлайн-капитала у представителей трех поколений: подростков 12–17 лет, молодежи и родителей подростков 12–17 лет (N = 3395 чел.).

Инфокоммуникационные технологии играют все более значимую роль в жизни современного общества, трансформируя традиционные социокультурные практики, в том числе практики социального взаимодействия и общения. Интернет создает новые возможности для поддержания старых и нахождения новых социальных связей. В связи с этим возникает вопрос о том, чем отличается процесс накопления социального капитала в онлайн-пространстве. Остановимся на одном важном отличии.

Важная характеристика социального капитала — это сила социальных связей. Концепцию сильных и слабых социальных связей разрабатывал в своих работах социолог М. Грановеттер, подчеркивая высокое значение слабых связей для развития социального капитала (Granovetter, 1973). В дальнейшем данная позиция нашла поддержку в рамках теории «структурных дыр» в социальном капитале, развиваемой Р. Бертом (Burt, 1992, 2005). Новый интерес к данным концепциям появляется в связи с развитием нового пространства накопления социального капитала — Интернета. На данный момент существует определенная нехватка работ, посвященных изучению в данной области (Солдатова, Нестик, 2010).

Цель нашего исследования — изучение сильных и слабых связей социального онлайн-капитала у представителей разных поколений. Выборку исследования составили 3395 респондентов, проживающих в 8 федеральных округах РФ: 525 подростков 12–13 лет и 1029 подростков 14–17 лет (поколение «Z»), 736 молодых людей 18–30 лет (поколение «Y») и 1105 родителей подростков 12–17 лет (поколение «X»). Исследование проводилось на основе специально разработанного социально-психологического опросника для каждой возрастной группы методом личного интервью в 2018 г.

Результаты исследования. Важной характеристикой социального капитала является наличие сильных и слабых связей. Под сильными связями подразумевается поддержание устойчивого контакта в контексте онлайн-взаимодействия. Так, узкий круг онлайн-общения (менее 10 человек) характерен для 47% взрослых, 37% представителей молодежи, 32% старших и 34% младших под-

ростков. До 50 человек присутствует в онлайн-коммуникации у трети родителей, 44% молодежи, 40% младших и 46% старших подростков. Каждый восьмой подросток общается в социальных сетях с 50–100 людьми, а каждый седьмой — с более 100 людьми. При анализе сильных связей, мы также рассматривали присутствие онлайн значимых взрослых в социальном кругу цифрового поколения. Каждый шестой подросток не имеет в своем списке друзей ни одного значимого взрослого. Среди младших подростков у половины (56%) присутствуют в списке друзей родители, среди старших подростков и молодежь — 42 и 43% соответственно. Чаще всего из семейного круга «в друзьях» встречаются братья и сестры (61–77%). Более трети опрошенных включают своих учителей в список друзей (39 и 40% — младшие и старшие подростки, 45% — молодежь). Каждый второй среди молодежи переносит в онлайн-пространство круг профессиональных контактов (58%).

При изучении слабых связей мы рассматривали количество подписчиков и «незнакомых друзей». У каждого пятого подростка количество подписчиков незначительное — меньше 10 человек. До 50 подписчиков больше всего у младших подростков — 29%, у старших — 16% и среди молодежи — 14%. У одной шестой части опрошенных от 50 до 100 подписчиков, в этом случае подростки уже догнали молодежь. От 100 до 300 подписчиков у каждого третьего представителя поколения Y (32%), но старшие подростки практически не отстают от молодежи (29%). 300–500 подписчиков оказалось в списках у 7% молодежи, 6% старших и 4% младших подростков. При этом более 500 подписчиков добавлено даже у большего числа пользователей: 10% у молодежи, 9% старших и 7% младших подростков. По результатам исследования, чем многочисленнее у пользователя список друзей, тем больше «незнакомцев» он пускает в свою виртуальную жизнь. Важно отметить, что при наличии 50–100 френдов подростки не знакомы в реальной жизни с пятой частью своего списка контактов, при 100–200 френдах — не знакомы с четвертью списка, а при наличии 200 френдов — уже с третью. Молодежь чаще лично знакома с друзьями из социальных сетей: из 200 друзей — пятая часть «незнакомцев», из более чем 200 друзей — четверть.

Выводы. Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о целом ряде особенностей установления сильных и слабых социальных связей у разных поколений в онлайн-пространстве.

В соответствии с полученными данными сильные социальные связи в онлайн-пространстве отличаются от офлайн-пространства — так, у половины подростков родители исключены из социального круга в сети, а присутствие других значимых взрослых еще более ограничено. При этом самовозрастание социального капитала подростков и молодежи происходит за счет роста слабых социальных связей: количество подписчиков растет с возрастом и достигает максимума у молодежи, а подростки также отличаются легкостью в принятии в свою виртуальную жизнь незнакомцев. При этом вчерашние незнакомцы могут оказаться как источниками нужных связей и позитивных изменений в настоящем и будущем, так и возможными негативными агентами влияния.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00365).

1. Солдатова Г. У., Нестик Т. А. Молодежь в сети: сила и слабость социального капитала // Образовательная политика. 2010. № 3–4. С. 24–40.

2. Burt R.S. Brokerage and Closure: An Introduction to Social Capital. Oxford University Press, 2005.

3. Burt R. S. Structural holes: the social structure of competition. Harvard University Press, 1992

4. Granovetter M. S. The strength of weak ties // American Journal of Psychology. 1973. Vol. 78 (6). P. 1360–1380.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ СУБКУЛЬТУРЫ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Е.Л. Солдатова, Д.Н. Погорелов

Россия, Челябинск, ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)»
Soldatovael@susu.ru, pogorelovdn@mail.ru

Современное общество характеризуется массовым распространением сети Интернет. Виртуальная реальность становится площадкой для формального и неформального общения, совершения покупок, создания групп по интересам. Это обуславливает необходимость изучения особой субкультуры пользователей сети Интернет, которая оказывает непосредственное влияние на личность в виртуальном пространстве. Авторы статьи акцентируют внимание на отличительных чертах социальных норм субкультуры пользователей сети Интернет.

Интернет-среда все более стремительно внедряется во все сферы жизни человека. Субкультура пользователей сети Интернет породила такие явления, как «блоги», «социальные сети», «форумы».

Пользователь сети Интернет физически не присутствует в интернет-пространстве, он находится в нем виртуально, что позволяет в любой момент прервать коммуникацию и создает иллюзию безопасности. В реальной действительности общество порицает нецензурную лексику, грубость в общении, агрессивность, в то время как в интернет-пространстве данная социальная норма трансформируется в сторону смягчения порицания. Персональная информация искажается, аватары и ники крайне искаженно отражают реальную личность пользователя, что актуализирует возможность демонстрации таких стилей поведения и коммуникации, которые были бы опасны или неуместны в реальной действительности. Пользователи сети Интернет более толерантны к искажению личной информации другими пользователями в сравнении с реальной коммуникацией (Whitty, 2002).

Появление видео-чатов позволяет создавать иллюзию реального общения. Размытость пространственных границ позволяет вступать в такую коммуникацию, которая в реальной жизни оказалась бы невозможной. Для субкультуры пользователей интернет-среды характерна размытость национальных, языковых, территориальных границ.

Возможность самостоятельно выбрать собственное имя или аватар в интернет-среде изменяет структуру самоидентификации личности и актуализирует саморефлексию. Для субкультуры интернет-среды нормативным является сам факт искажений и трансформаций, направленных на идеализацию образа (Солдатова, Погорелов, 2018).

В социальных сетях отмечается рост числа профилей с подчеркнуто яркими и необычными фотографиями, что свидетельствует об актуализации тенденции «инверсия нормы» Традиционная «норма» привлекает к себе повышенное внимание — ярким примером этого является исследование R.A. Deller, A. Tilton, в котором описывается феномен повышенного внимания пользователей Instagram и Facebook к селфи женщин без макияжа (Deller, Tilton, 2015).

Отсутствие фильтров, в том числе возрастных, при регистрации в социальных сетях способствуют формированию разнопла-

новой социальной группы, в которой оказываются люди разных возрастов, социального положения, образования в реальной жизни едва ли связанные неформальными отношениями по причине социальных барьеров. Нормой для субкультуры Интернет-среды становится смешение представителей разных социальных групп, возрастов, полов.

В интернет-пространстве возникает «письменная разговорная речь», которая определяется соединением письменного литературного и устного разговорного языка. Это новый функциональный стиль, отличительными признаками которого являются письменное произношение, гиперинтертекстуальность и запечатленная разговорность. Субкультура пользователей сети Интернет компенсирует отсутствие жестов и мимики возникновением типизированных и упрощенных эмоциональных реакций — «смайликов». Это приводит к обеднению эмоциональной стороны общения.

Повсеместное распространение Интернета порождает особую субкультуру пользователей сети, которая выступает основой идентификации цифровой личности и оказывает влияние на формирование идеального образа развития, особенно в юношеском возрасте (Солдатова, 2005). Изучение специфических особенностей данной субкультуры необходимо для более глубокого понимания идентичности личности в виртуальном пространстве.

1. Солдатова Е.Л. Исследование социальной ситуации развития в кризисе перехода к взрослости // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2005. № 7 (47). С. 169–175.

2. Солдатова Е.Л., Погорелов Д.Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. Т. 20 (5). С. 105–124.

3. Deller R.A., Tilton A. Selfies as charitable meme: Charity and national identity in the #nomakeupselfie and #thumbsupforstephen campaigns//International Journal of Communication. 2015. Vol. 9.

4. Whitty M.T. Liar, liar! An examination of how open, supportive and honest people are in Chat rooms // Computers in Human Behavior. 2002. Vol. 18 (4). P. 343–352.

ЦИФРОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЦИФРОВОЙ СЛЕД: ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

О.В. Флеров

Россия, Москва, Московский университет им. С.Ю. Витте
olegflyoroff@yandex.ru

В докладе обозначается проблема цифровой личности как феномена XXI века, производится сопоставление близких понятий «цифровая личность» и «цифровой след», обозначаются основные языковые аспекты исследования цифровой личности — родового понятия по отношению к личности в целом с учетом того, что последняя выступает объектом не только психологических, но и языковых исследований.

Сегодня, когда истекает второе десятилетие XXI века, уже более корректно использовать не привычные определения «новый век», «начало века», «на рубеже веков», а «первая половина XXI века». Учитывая то, что с технологической точки зрения нынешнее время принципиально отличается от конца прошлого столетия по большому счету только распространением и доступностью цифровых технологий, в язык вошло определение «цифровой век».

Вполне закономерно, что все больше социальных, технологических, экономических и прочих явлений и взаимодействий стали приобретать такое же определение «цифровой» («цифровая экономика», «цифровое образование» и пр.). Так, человека, участвующего в системе этих взаимодействий, тоже правомерно называть цифровым, если его свойства, интересы, интенции и пр. проявляются и оставляют след в сетевой среде. Так появилось понятие «цифровая личность».

Однако, при том, что данное понятие действительно актуально и ново в качестве полноценного самостоятельного объекта исследования, оно выступает достаточно редко. Например, при запросе «цифровая личность» в РИНЦ из 100 первых публикаций по релевантности только две посвящены цифровой личности напрямую (Дубова, 2018; Шестакова, 2018).

Мы полагаем, что если речь ведется о личности в условиях цифровой среды, т.е. в условиях наличия цифровой среды, мы тем самым исследуем, как новая среда влияет на личность по сравнению со средой традиционной, в чем различие этих сред, тем более что еще достаточно молодо поколение, личностное становление кото-

рого произошло при отсутствии электронной сетевой цифровой среды. Если же мы говорим о цифровой личности, то мы, скорее всего, должны полностью исключить «обычную» среду из проблемного поля исследования.

Описанными выше условиями мотивировано и появление понятия «цифровой след», которое обозначает совокупность информации, которую о себе оставляет человек в сети. Цифровой след состоит из информации трех категорий: продуцируемые пользователем тексты, оставляемые им изображения и информация о ресурсах, которые человек посещает (как количественная — периодичность, частота посещения, так и качественная — содержание данных ресурсов), к особому подвиду информации можно отнести запросы человека в поисковых системах.

«Цифровой след» и цифровая личность близкие, взаимосвязанные, но не тождественные понятия. Первое подразумевает фактическую совокупность продуктов деятельности человека в Интернете, а также ресурсов, на которых он побывал. Второе — получаемое на данной основе представление и понимание о свойствах, интересах, опыте и интенциях человека.

Мы остановимся на языковых вопросах данной проблемы. Во-первых, одним из основных понятий, связующих лингвистику и психологию, является «языковая личность» как человек, характеризуемый с точки зрения языковых средств, которые он использует (Флеров, Алямкина, 2018). В этом смысле актуальным является вопрос, совпадают ли «обыкновенная» языковая личность человека и его языковая цифровая личность. Представляется, что нет, потому что язык, на котором человек общается в Интернете, в особенности с незнакомыми людьми и (или) анонимно, может весьма сильно отличаться от его языка в повседневном социальном взаимодействии.

Второй актуальный вопрос — насколько сугубо языковой след в сети без невербальных средств общения может дать информацию о личности человека. Вербальные средства интернет-общения существенно расширены по сравнению с традиционной перепиской благодаря внеалфавитным символам — эмоджи, которые предназначаются для передачи эмоций и чувств. Однако возникает вопрос, насколько эффективно они могут скомпенсировать невербальные средства общения и могут ли вообще.

Третий вопрос вытекает из понимания языковой личности как человека, совершающего мотивированные речевые поступки, и во-

прос заключается в соотношении коммуникативной мотивации в Интернете и вне его, поскольку одни и те же интенции могут порождать разное речевое поведение в сетевом и внесетевом пространстве.

Эти вопросы задают векторы исследования цифровой личности и способствуют всестороннему раскрытию этого понятия, поскольку язык, как и личность, являются тем, что характеризует человека как уникальное существо на земле, в то время как цифровизация личности — также продукт интеллектуального прогресса человека, не свойственного никакому другому биологическому виду.

1. Дубова Н. О роли личности в цифровой трансформации // Директор информационной службы. 2015. № 8. С. 20.

2. Флеров О.В., Алямкина Е.А. Вторичная языковая личность и ее развитие в учебном процессе // Психология и психотехника. 2018. № 3. С. 138–153.

3. Шестакова А.А. Цифровая личность: границы и барьеры коммуникативных практик в сетевом взаимодействии // Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии». 2018. С. 422–425.

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ВОСПРИЯТИЯ ВИЗУАЛЬНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ВИРТУАЛЬНОЙ КОРПОРАТИВНОЙ СЕТИ

М.А. Щукина, С.В. Крайнюков, Е.И. Тютюнник, И.В. Яковлева

Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы
corr5@mail.ru

Описаны результаты исследования личностных предикторов оценки изображений партнеров по деловой коммуникации в корпоративной образовательной сети. На группе из 219 студентов обнаружены различия в характере восприятия изображений в зависимости от выраженности параметров личностной зрелости: активности, автономности, самоотношения, принятия интересов другого и готовности подчиняться социальным требованиям.

В современном деловом общении наблюдается кумулятивный эффект в характере сбоев коммуникации: к нарушениям в традиционном поле добавляются специфические деформации при коммуникации в виртуальной среде. К ним относится риск эффекта

смешения стилей самопрезентации в деловом и приватном контекстах виртуального общения. Умение их разделять, учитывая в выборе средств самопрезентации и оценке аватаров партнеров требования ситуации и цель коммуникации, — важная социальная компетенция. В ее формирование вносят вклад поведенческий (опыт), когнитивный (представления о должном, уместном и предпочтительном) и персональный факторы. Последний представлен личностной зрелостью, включающей социально-психологическую адекватность, развитую субъектность и самодостаточное самоотношение личности. Можно предположить, что параметры личностной зрелости (ЛЗ) пользователей виртуальных сетей могут не только обуславливать выбор средств презентации себя, но и влиять на восприятие изображений партнеров по деловой коммуникации.

Методы. Названное предположение было проверено в исследовании с участием 219 студентов Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы (17–53 лет, средний — 26,6 года, 186 женщин), опрошенных по методикам: Тест-опросник личностной зрелости (Гильбух, 1994), Опросник «Уровень развития субъектности личности» (Щукина, 2005), Гиссенский личностный опросник (Голынкина, Исурина и др., 1993), Методика исследования самоотношения (Пантилеев, 1993). Далее по методике семантического дифференциала из 25 биполярных дескрипторов студенты оценивали 16 изображений пользователей учебного портала СПбГИПСР, предварительно отобранных экспертами и отличающихся различными формальными (качество изображения) и содержательными (поза, одежда, фон и др.) характеристиками.

Результаты. Методом двухэтапного кластерного анализа выделены достоверно различающиеся группы с высокими (n = 131) и низкими (n = 88) показателями личностной зрелости. Факторизация данных психосемантического дифференциала методом максимального правдоподобия с использованием Варимакс-вращения обнаружила пятифакторную модель шкал восприятия изображений: позитивная-негативная оценка (23% дисперсии данных), деловое-личное (13%), позитивная-негативная эмоциональная экспрессия (12%), реалистичное-нереалистичное (8%), сдержанное-экспрессивное (5%). Индивидуальные для каждого участника значения по факторам исследования были использованы в построении регрессионных моделей методом пошагового отбора, где предикторами

выступали данные опрошенных по шкалам психодиагностических методик, а зависимыми переменными — факторы оценки воспринимаемых изображений.

Обнаружено, что у студентов с более высокой ЛЗ тем более выражена негативная оценка изображений, среди которых преобладали приватные или фантастические, чем выше их осознанность и готовность подчиняться социальным требованиям (R = 0,303); у студентов с низкой ЛЗ — чем выше дистанцированность с другими, неуверенность в себе и склонность к крайним оценкам (R = 0,437). У студентов с высокой ЛЗ на оценку изображений как деловых влияют активность, высокий самоконтроль, аутосимпатия наряду с самокритичностью, закрытостью (R = 0,468); у студентов с низкой ЛЗ эта оценка определяется зависимостью и дезинтегративностью, что может отражать недостаточное понимание и принятие данного параметра изображений (R = 0,303). Чем выше уровень активности, самоценности и самостоятельности у студентов с высокой ЛЗ, тем менее реалистичными они воспринимают изображения (R = 0,402); у студентов с низкой ЛЗ предпочтение нереалистичности изображений тем выше, чем более выражены недовольство собой, критичность и импульсивность, что формирует их более лояльное отношение к этой характеристике изображений (R = 0,470). Оценка сдержанности изображений у студентов с высокой ЛЗ определяется личностной автономностью, целостностью, уравновешенностью, самопривязанностью, что отражает важность для них этого критерия (R = 0,402). Для студентов с низкой ЛЗ предпочтение экспрессивных изображений тем выше, чем более выражены импульсивность и неудовлетворенность собой (R = 0,326).

В полученных регрессионных моделях отмечаются невысокие уровни определяемых личностными предикторами дисперсий данных, что требует их дополнения ситуационными и когнитивными факторами.

4.
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ОТНОШЕНИЕМ К СМЕРТИ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫМИ ОРИЕНТАЦИЯМИ У МОЛОДЫХ И ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Л.И. Габдулина

Россия, Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет
llpv@mail.ru

Приводятся эмпирические данные, описывающие взаимосвязь между отношением к смерти и смысложизненными ориентациями у молодых и пожилых людей. Они позволяют охарактеризовать эту взаимосвязь у молодых людей как тесную и вместе с тем весьма неоднозначную, выполняющую компенсаторную функцию. У пожилых людей из изученных смысложизненных ориентаций только убежденность в том, что жизнью можно управлять, оказалась значимой для преодоления ими тревожности по поводу смерти и быстротечности времени жизни.

Размышляя о единстве жизни и смерти человека, психологи-исследователи и психологи-практики подчеркивают взаимозависимость, неотделимость друг от друга осмысленности жизни и отношения *к* смерти. Эмпирическая конкретизация представления об их связи — теоретически и практически значимая задача.

Предпринятое нами эмпирическое исследование имело целью изучение взаимосвязи между отношением к смерти и осмысленностью жизни на начальном и завершающем этапах взрослости. Оно осуществлялось с помощью следующих методов и методик: методика «Отношение к смерти» И.Ю. Кулагиной и Л.В. Сенкевич; методика «Шкала Тревожности по поводу Смерти» Д. Темплера; опросник «Профиль аттитьюдов по отношению к смерти»; тест «Смысложизненные ориентации» («СЖО») Д.А. Леонтьева.

В исследовании участвовали 25 человек в возрасте от 20 до 35 лет и 25 человек 55 лет и старше.

Результаты исследования свидетельствуют о значительно более тесной взаимосвязи между отношением к смерти и смыс-

ложизненными ориентациями (СЖО) у молодых участников исследования, чем у пожилых. У первых выявлено 23, а у вторых — только 2 значимые корреляции между аспектами отношения к смерти и СЖО.

У молодых респондентов выявленные значимые связи говорят о следующем. Страх смерти связан со всеми показателями СЖО. Складывается впечатление, что страх смерти актуализирует внутреннюю активность молодых респондентов в направлении определения целей, планов на будущее, убеждения себя в возможности и своей способности осуществлять контроль над жизнью. Возможно, это компенсаторная активность, связанная с попыткой респондентов молодого возраста с выраженным страхом смерти минимизировать его посредством перемещения внимания на процесс проживания жизни, наполнения ее смыслом и построения своей жизни в соответствии со своими целями и смыслами в каждый ее настоящий момент. В этом убеждает также аналогичная картина корреляций показателя «избегание темы смерти» со шкалами теста «СЖО»: чем больше респонденты 20–35 лет наполняют свою жизнь смыслом, оценивают ее как результативную, насыщенную и перспективную, тем больше избегают всякого соприкосновения с темой смерти. Описанную картину дополняют и нижеприводимые данные.

Степень выраженности «избавляющего принятия смерти» у молодых респондентов отрицательно коррелирует со всеми шкалами теста «СЖО», кроме шкалы «Результативность жизни». Это говорит о том, что с меньшей склонностью молодых респондентов принимать смерть как избавление от физических или психологических страданий закономерно связано их стремление наполнять свою жизнь смыслом, оценивать ее как осмысленную, насыщенную, перспективную, подвластную контролю.

Степень выраженности «негативного отношения к смерти» молодых респондентов положительно коррелирует также со всеми шкалами теста «СЖО»: чем сильнее проявляется их негативное отношение к смерти, тем больше они считают свою жизнь осмысленной, результативной, насыщенной, перспективной и контролируемой.

Степень выраженности «нейтрального принятия смерти» у молодых респондентов отрицательно коррелирует только с одной шкалой теста «СЖО» — «Цели в жизни». Следовательно, чем меньше они склонны принимать смерть как неизбежный факт жизни, тем выше у этих респондентов осмысленность будущего.

У пожилых респондентов только одна из шести шкал теста «СЖО» — «Локус контроля — Жизнь» связана (отрицательно) с «Фактором когнитивно-аффективной озабоченности смертью» и с «Фактором осознания течения времени». Иными словами, убежденность пожилых респондентов в том, что жизнь подвластна контролю, связана с уменьшением тревожности по поводу смерти, т.е. с уменьшением количества их переживаний и мыслей о смерти, а также с уменьшением их обеспокоенности быстротечностью времени.

Таким образом, у молодых респондентов многочисленные значимые связи между аспектами их отношения к смерти и параметрами смысложизненных ориентаций свидетельствуют о наличии тесной и, одновременно, весьма неоднозначной, противоречивой, выполняющей компенсаторную функцию связи между ними. У пожилых респондентов только убежденность в том, что жизнью можно управлять, оказалась значимой для преодоления ими тревожности по поводу смерти и быстротечности времени.

1. Габдулина Л.И. Отношение к смерти в период взрослости: его детерминанты и проявления // Психология зрелости и старения. 2012. № 3. С. 77–87.

2. Кулагина И.Ю., Сенкевич Л.В. Отношение к смерти: возрастные, региональные и гендерные различия // Культурно-историческая психология. 2013. № 4. С. 58–64.

3. Леонтьев Д.А. Смысл смерти: на стороне жизни: [Электронный ресурс]. URL: http://institut.smysl.ru/article/dead.php

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Д.А. Донцов

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
dontsov-junior@bk.ru

Дан краткий анализ экзистенциальных ненормативных личностных профессиональных кризисов развития во взрослом и зрелом возрасте.

На развитие личности, достигшей стадии зрелости, особенно влияют индивидуальные кризисы, определяемые нестандартными условиями ее жизни и деятельности.

Профессиональные кризисы (кризисы профессионального развития личности) относятся к одним из самых изученных так на-

зываемых ненормативных кризисов, или кризисов, вызванных нерядовыми условиями жизнедеятельности.

Процесс успешного совладания с профессиональным кризисом выражается в личностном росте, который оказывает на личность человека благоприятное влияние, например, за счет трансформации сферы смыслов и ценностей, положительных перемен в жизненном сценарии (Э. Берн и другие авторы).

Вторая по значимости грань взрослой человеческой жизни включает в себя освоение и реализацию личности в профессии (первая ипостась зрелости — самореализация в своей семейной роли). Этому процессу нередко сопутствуют сложные события, кризисы, экстремумы профессионального и социального развития личности.

На пути освоения личностью любого рода профессионального поприща возникают ненормативные кризисы, являющиеся определяющими для нее в плане дальнейшей профессионализации.

Э.Ф. Зеер интерпретировал кризисы, связанные с профессиональной деятельностью, в качестве определенного сдвига от стадии к стадии в развитии личности человека как профессионала.

Первым возникает так называемый кризис профессионального выбора, который осуществляется в юности. Причиной возникновения данного кризиса является не удовлетворяющее личность качество исходных профессиональных знаний, умений и навыков. Кризис ожиданий от профессии также возникает в юности, если молодому человеку трудно освоиться в полученной профессии. Кризис роста в профессии возникает в молодости, если личность неудовлетворена особенностями профессии и теми возможностями, которые предоставляет занимаемая должность.

Кризис профессиональной принадлежности, возникающий во взрослом возрасте и в зрелости, связан с неудовлетворенностью личностью своим социальным и профессиональным статусом, — это кризис профессиональной карьеры. Кризис профессионального самоотнесения и самопонимания имеет место именно в зрелом возрасте. Это происходит, если у личности нет возможности полностью реализовать себя в профессии и/или особенности профессиональной самореализации негативно воздействуют на нее. В таких случаях, из-за фрустрации личностных профсмыслов, постепенно разрушается социальное содержательное самосоотнесение личностью самой себя в профессии.

Ю.П. Поваренков объединил в группы кризисы личности, связанные с ее профессиональным становлением. Соответственно им были выделены адаптационный и надситуационный кризис самоопределения. Первый кризис возникает ввиду внешних трансформаций, которые претерпевает и к которым приноравливается работник, оказываясь в новой для него трудовой ситуации. Второй кризис возникает уже в силу внутренних изменений самопонимания в профессии и зачастую проявляется вне контекста внешней стабильности и благополучия.

Воплощение индивидуальности и скрытых возможностей личности в профессиональном развитии проявляются в условиях поднятия уровня требований человека к себе, при наличии притязаний в профессии. Таким образом, возникает не имевшаяся ранее ситуация профессионального и социального развития. Кризисы профсамоопределения в основе своей являются кризисами жизненного пути и выражаются экзистенциально.

В ситуации, если работоспособность утрачена из-за инвалидности и у личности имеется кризис инвалидности, сопровождаемый сильными негативными, «самоповреждающими», эмоциями, наличием большей личностной зависимости, неадекватностью самооценки, сужением временно́й перспективы и т.д., происходит следующее. Со временем существенно ослабевает или исчезает вовсе стремление к переквалификации и вообще к продолжению, осуществлению, проявлению себя в профессии.

1. Донцов А.И. Выбор профессии и жизненная перспектива // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 169–172.

2. Донцов А.И., Донцов Д.А., Донцова М.В. Система понятий и общее содержание ориентации в мире профессий // Вестник практической психологии образования. 2011. № 4. С. 71–80.

3. Донцов А.И., Донцов Д.А., Донцова М.В. Профессиональная направленность личности как компонент социального становления человека // Школьные технологии. 2011. № 6. С. 163–171.

4. Донцов Д.А., Донцова М.В. Профессиональное (профориентационное) психологическое консультирование // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2008. № 4. С. 13–25.

5. Донцов Д.А., Донцова М.В. Профессиональное психологическое консультирование: смысл и значение, принципы, формы // Школьные технологии. 2011. № 5. С. 164–172.

6. Сенкевич Л.В. К вопросу об особенностях периода зрелости и его возрастных задачах на современном этапе // Вестник научных конференций. 2017. № 8–1 (24). С. 114–117.

7. Сенкевич Л.В. Основные методологические подходы к исследованию экзистенциального кризиса личности // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2016. Т. 15. № 3 (136). С. 6–12.
8. Сенкевич Л.В. Психология экзистенциальных кризисов: Учебно-методическое пособие. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2012. 143 с.
9. Сенкевич Л.В. Типология кризисов зрелой личности // Тенденции развития науки и образования. 2017. № 29–2. С. 37–39.
10. Senkevich L.V. Phenomenological and Process Dynamic Characteristics of Existential Identity Crisis // Global Media Journal. 2016. Vol. 2016. С. 1–10.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

М.В. Клементьева

Россия, Тула, Тульский государственный университет
marinaklementyva@yandex.ru

В статье рассмотрены функциональные аспекты использования биографического метода для решения теоретических, эмпирических и практических задач в области экзистенциальной психологии личности. Намечены возможности обогащения экзистенциальной психологии через интеграцию с другими подходами психологии личности, использующими биографический метод.

В условиях стремительных изменений современного общества повышается роль личности, способной самостоятельно определять ценностно-смысловые ориентиры своей жизни, осуществлять экзистенциальный выбор в трудной жизненной ситуации и нести ответственность за него, контролировать качество жизни во времени, быть автором жизни, сохранять жизнестойкость и преодолевать онтологическую тревогу. Решая проблему обретения, подтверждения и поддержания аутентичности человека, экзистенциальная психология личности учитывает уникальный опыт бытия личности, взятый в целостности, включая биографическое измерение. Сказанное объясняет актуальность и востребованность биографического метода в современной экзистенциальной психологии личности.

Биографический метод является традиционным методом психологии личности. Интерес к биографическому методу появился одновременно с научной психологией в трудах Ш. Бюлер, Г. Мюррея, З. Фрейда. Суть биографического метода сводится к сбору и последующему анализу эмпирических данных об опыте бытия че-

ловека как личности в масштабе жизненного пути. Преимущество данного метода связано с возможностью психологического анализа внутреннего плана самосознания развивающейся личности, взятого в своей целостности, аутентичности и подлинности. Привлекая внимание к индивидуальной онтологии личности, биографический метод позволяет в психологическом исследовании выявить, описать, объяснить и подвергнуть коррекции экзистенциальные феномены развития личности, как: хронотопы жизни и смерти, общения, одиночества, любви, ответственности, выбора, свободы, смысла и бессмысленности человеческого существования. Это делает использование биографического метода чрезвычайно востребованным как в современной практике экзистенциальной психотерапии, так и в теоретической экзистенциальной психологии личности, где рефлексируемые представления личности о своей жизни представлены как факторы позитивного саморазвития личности и ее психологического благополучия.

Условно можем выделить три функции биографического метода в экзистенциальной психологии личности: исследовательскую, прикладную и праксическую. Первая — связана с поиском, накоплением и обобщением эмпирических данных, уточняющих и верифицирующих теоретические положения концепций экзистенциальной психологии личности. Вторая — характеризует разработку и применение психодиагностических процедур и техник в экстремальных ситуациях и ситуациях переживания экзистенциального опыта личности. И наконец, третья — охватывает совокупность практик и технологий в области практической экзистенциальной психотерапии и коррекции.

Использование биографического метода в современной экзистенциальной психологии личности сопряжено с попытками снять его ограничения. Прежде всего, речь идет о преодолении трудностей, связанных с формализацией, качественным анализом и интерпретацией данных, полученных с помощью биографического метода. Невозможность применения методов статистического анализа к результатам биографического метода исследования была одной из причин продолжительного отказа исследователей от данного метода в недавнем прошлом. И хотя строгий научный анализ биографических данных невозможен, современный экзистенциально-психологический анализ полученных фактов уже не зависит от субъективизма эксперта. В качестве теоретико-методологического

обоснования биографического метода, обеспечивающего методологию качественного анализа в экзистенциальной психологии формализованным и обоснованным инструментарием, выступает нарративный подход, пафос которого состоит в попытке оценить конструктивность содержания повествовательной формы в контексте осмысления человеком самого себя и фактов своей жизни. Современное методологическое изменение статуса биографического метода связано с превращением автобиографии и биографии из вспомогательного средства для сбора эмпирической информации в предмет исследования — когнитивную конструкцию индивидуальной онтологии личности в экзистенциальном измерении. Интеграция экзистенциальной и нарративной психологии — путь повышения методологической обоснованности биографического метода в современной науке и практике.

Таким образом, расширение области экзистенциальной психологии личности связано с разработкой биографического метода, экспликацией его возможностей для решения конкретных исследовательских и практических задач. Биографический метод делает целостный опыт бытия личности, взятый в масштабе жизненного пути, предметом экзистенциальной психологии, а сама экзистенциальная психология обогащается новыми теориями, отвечающими на вызовы современности.

СУБЪЕКТИВНАЯ ОНТОЛОГИЯ КАК ФРЕЙМ ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА

Е.Е. Сапогова

Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет
esapogova@yandex.ru

Предложена авторская трактовка системообразующей роли субъективной онтологии в интерпретации жизненного опыта: человек опирается на предельные онтологемы (судьба, случайность, свободная воля), каждая из которых порождает разные фокусы интерпретации опыта. Принятые онтологемы стимулируют преобладание в самоинтерпретации веры, мышления или интуиции, задавая три возможных фрейма для трактовки жизненного пути: судьба — свершение — вера; случайность — происшествие — интуиция; свободная воля — поступок — мышление.

Чтобы стать событиями индивидуального сознания, исходные переживания, отражающие контакты человека с миром, должны быть категоризированы, подведены под некое понятие, представление, универсалию или ценность. Результатом этого становится появление *субъективной онтологии* (СО). Будучи сосредоточенной на опыте, значимом для *единичного человека*, она конструируется из его представлений, допущений, эмоций и т.п. и может быть либо более чувственно, либо более рационально, либо иррационально-мистически и т.д. ориентирована.

СО не обязательно формулируется в форме строгих понятий, она вообще может быть выражена метафорами, символами и/или даже бытовыми описаниями. Самоопределяясь собственными смыслами, человек не просто занимается абстрактным онтологическим конструированием, но пытается через них обнаружить реальную онтологию — подлинную структуру бытия, в которой он живет. Тем самым *само осуществление жизненного пути принуждает личность мыслить онтологически.*

Единицами СО являются *онтологемы,* которые не выводятся конкретной личностью опытным путем, не доказываются, а воспринимаются и принимаются как *ментальные прецеденты,* как аксиомы. Онтологемы выступают как предельные теоретические идеи (идеологемы, гносеологемы), изначально заданные индивидуальному мышлению социализацией. В качестве предельных опорных структур для самоосмысления человек может принять онтологемы *судьбы, случайности* или *свободной воли*, порождающие разные фокусы интерпретации опыта и определяющие индивидуальную семантику рефлексируемых событий.

Так, если в сознании доминирует онтологема свободной воли, самоинтерпретация может быть построена преимущественно как объяснение *поступков* человека; если человек верит в предопределенность всего и вся судьбой, то в фокусе оказываются жизненные *свершения* (судьба «свершается», «ведет», «осуществляется»); если для него всем властвует случай, то жизнь может восприниматься как совокупность непредвиденных и непредсказуемых *происшествий*.

При опоре на онтологему свободной воли интерпретация содержит подробности выводов, заключений, замыслов личности, принятия решений, построения планов, оценок собственных воз-

можностей и достижений, отражая результат активной работы *мышления*. При принятии онтологемы судьбы человек всячески подчеркивает имманентность своей связи с миром, императивность, неизбежность наступления неких жизненных событий. И тогда можно говорить о главенстве *веры* в некое семантическое единство мироздания, требующей от человека созерцания, погружения, растворения в универсуме, осознанного переживания своей общности с чем-то надличностным. Исходя из онтологемы случая, человек интерпретирует опыт через использованные/упущенные шансы, апеллируя к *интуиции*.

Таким образом, принятые личностью предельные онтологемы задают три возможных фрейма для самоинтерпретации опыта: судьба — свершение — вера; случайность — происшествие — интуиция; свободная воля — поступок — мышление. Опираясь на идею «философского квадрата» Д.И. Дубровского, мы предположили, что СО задает *гносеологический, праксеологический, аксиологический* и *символический* аспекты интерпретации.

Если личность опирается на онтологический фрейм «судьба — свершение — вера», то в гносеологической плоскости системообразующими концептами выступают судьба, рок, фатум, участь, доля, абсолют, Бог, закономерность, предопределенность и пр. В аксиологическом измерении значимо переживание себя частью мироздания, подчиняющимся всеобщим законам, находящимся в смысловом/семантическом резонансе с универсумом, в цепочке общих со-изменений. В праксеологическом аспекте можно говорить о тяготении к ожиданию, созерцательности, смирению, исполнению должного и пр. В символической плоскости особой значимостью могут обладать образы путеводной нити, книги (текста, надписи, завета), скрижали, дороги, пути, дао и пр.

В гносеологической плоскости онтологической сцепки «свободная воля — поступок — мышление» центральными становятся концепты воли, свободы, активности, выбора и т.д. В аксиологической плоскости высшей ценностью будет сам человек как субъект своей жизни с его целями, ценностями, знаниями и пр. В праксеологической плоскости можно говорить о свободном волеизъявлении, поступании, дерзании, риске с ответственным принятием его последствий и т.д. Символической плоскости могут соответствовать метафоры старта, начала, движения, энергии, созидания и др.

Если в качестве центрального онтологического измерения выступает сцепка «случайность — происшествие — интуиция», то в гносеологической плоскости становятся значимыми такие концепты, как: случай/случайность, возможность/невозможность, удача/неудача и т.п. Аксиологическое измерение могут образовывать надежда, вероятность, возможность, удача, находка и т.п. В праксеологической плоскости появятся такие поведенческие ориентиры, как: ожидание, подстерегание, предугадывание, авантюра, везение, игра, пребывание в неопределенности и пр. Символическую плоскость могут представлять образы колеса Фортуны, оракула, гаданий, жребия и т.п.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КРИЗИСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Л.В. Сенкевич, М.В. Донцова

Россия, Москва, Российский государственный социальный университет
Россия, Москва, Московский институт психоанализа
lvsenkevich@mail.ru, m.dontsova@gmail.com

Кратко проанализированы профориетационные кризисы профпринадлежности, самопрофсоотнесения, самопрофпонимания во взрослых и зрелых возрастах.

Отечественная психология труда и профконсультативное психологическое консультирование используют классификации, в которых отражается сочетание нормативных и ненормативных кризисов, связанных с профессиональной деятельностью личности. Так, выделяют в профессиональной социальной жизни и деятельности зрелой личности пять видов кризисов. К ним относятся, во-первых, кризис выбора будущего рода деятельности, во-вторых, кризис ожиданий, связанных с профессиональной деятельностью, в-третьих, кризис, связанный с особенностями становления в профессии, в-четвертых, кризис профессиональной карьеры, и, в-пятых, так называемые ненормативные кризисы (это как раз не возрастные кризисы, например, это экстремальные ситуации).

Переживания возрастных кризисов (например, нормативный кризис зрелого возраста), особенности включенности личности в профессиональную самореализацию и выстраивание карьеры, изменение уровня притязаний в отношении профессии, внешние требования к работнику, изменения социально-экономической ситуации — все это влияет на появление и течение профкризисов.

Пристальное внимание специалистов, связанных с работой с кризисами, обращено на кризис, возникающий из-за профессионального выгорания (англ. burn out). Этот кризис является ненормативным профессиональным, его характеризует возникшее вследствие усиленного общения с другими, продиктованного требованиями профессии, истощение, являющееся крайней степенью эмоционального выгорания (В.В. Бойко и другие авторы). Подобного рода истощение может проявиться и в связи со сниженной мотивацией данного вида деятельности или пониманием личностью своей неуспешности и некомпетентности. Это кризисное психосоциальное явление в жизнедеятельности личности также характеризуется ухудшением ее продуктивности, негативным изменением в отношениях с окружающими. Это проявляется в силу высокой чувствительности к критическим суждениям, обидчивости, хронической усталости, пустоты, разочаровании в избранном деле, потере смысла собственных трудовых усилий и т.д.

Существует еще и так называемый индивидуальный кризис занятости, который проявляется в тяжелой для личности ситуации безработицы, бывает выражен обстоятельствами «дебюта» на рынке труда или неожиданного сильного падения уровня дохода (у состоявшегося профессионала). А.Н. Демин понимает под индивидуальным кризисом занятости такую тотальную трансформацию или нарушение важных для личности связей с трудовой сферой, которая происходит извне или провоцируется личностью и влечет за собой кардинальные изменения статусов социального, профессионального, материального, психологического комфорта и устойчивости. Все это жестко проверяет на прочность психосоциальные возможности адаптации личности и требует усилий, направленных на совладание с трудной жизненной ситуацией выраженного профессионального кризиса.

Современные сложные условия трудовой деятельности, тяжелые социально-экономические реалии неконструктивно влияют на

профориентацию, профпринадлежность и профессиональное развитие личности. Это профстановление и профразвитие (не говоря уже о профсовершенствовании) становится, по сути, кризисным процессом — кризисом занятости, характеризующимся несоответствием уровня квалификации, постепенной утратой профессии, утратой или сменой места работы и т.д.

Итак, человек в ситуации профкризиса, например, в ситуации потери рабочего места или в условиях эмоционально-личностного выгорания в профдеятельности, тяжело переживает изменения в смысловой, мотивационной, ценностной и эмоциональной сферах. Подчас из-за этого человек испытывает депрессию, его мучают чувства обиды и безнадежности; он теряет мотивацию к труду, круг его интересов сужается и т.п.

1. Донцов А.И. Выбор профессии и жизненная перспектива // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 169–172.

2. Донцов А.И., Донцов Д.А., Донцова М.В. Профессиональная направленность личности как компонент социального становления человека // Школьные технологии. 2011. № 6. С. 163–171.

3. Донцов Д.А., Донцова М.В. Профессиональное (профориентационное) психологическое консультирование // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2008. № 4. С. 13–25.

4. Донцов Д.А., Донцова М.В. Профессиональное психологическое консультирование: смысл и значение, принципы, формы // Школьные технологии. 2011. № 5. С. 164–172.

5. Сенкевич Л.В. К вопросу об особенностях периода зрелости и его возрастных задачах на современном этапе // Вестник научных конференций. 2017. № 8–1 (24). С. 114–117.

6. Сенкевич Л.В. Основные методологические подходы к исследованию экзистенциального кризиса личности // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2016. Т. 15. № 3 (136). С. 6-12.

7. Сенкевич Л.В. Особенности мотивационной сферы и смысложизненных ориентаций у мужчин с аддикциями в зрелости (в контексте экзистенциального кризиса) // Социальная политика и социология. 2012. № 8. С. 227–236.

8. Сенкевич Л.В. Психология экзистенциальных кризисов: Учебно-методическое пособие. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2012. 143 с.

9. Сенкевич Л.В. Типология кризисов зрелой личности // Тенденции развития науки и образования. 2017. № 29–2. С. 37–39.

10.Senkevich L.V. Phenomenological and Process Dynamic Characteristics of Existential Identity Crisis // Global Media Journal. 2016. Vol. 2016. P. 1–10.

ПЕРЕЖИВАНИЕ «ИЗМЕНЫ СЕБЕ» В СИТУАЦИИ ВЫБОРА: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

А.А. Философова

Россия, Москва, ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет»
a.filosofova@gmail.com

Обозначены актуальность и возможные подходы к изучению феномена переживания «измены себе» с позиции экзистенциализма, а также психологические подходы психоанализа З. Фрейда, теории установки Д.Н. Узнадзе, психологии переживания Ф.Е. Василюка, теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера.

Современный мир зачастую предъявляет личности противоречивые, а иногда и взаимоисключающие требования. В ситуации растущего потока входящей информации, меняющихся правил и ориентиров человек все чаще попадает в ситуацию неопределенности — ситуацию с несколькими возможными решениями и многочисленными возможными последствиями этих решений. Иногда в результате сделанного выбора человек приходит к пониманию, что поступил не так, как следовало бы. В связи с этим у него возникает внутренний конфликт, психологический дискомфорт, он переживает «измену себе», обращается за консультативной помощью к психологу. Эмпирическое исследование, проведенное в октябре 2018 года показывает, что около 70% респондентов переживали «измену себе» в своей жизни. Более подробные результаты исследования будут опубликованы в ближайшее время.

При этом психологический феномен переживания «измены себе» в научном и практическом плане мало исследован. Рассмотрим некоторые подходы к изучению данного феномена.

Если рассмотреть философский подход к этому феномену с позиции экзистенциализма, то основатель этого направления С. Кьеркегор акцентирует свое внимание на проблеме выбора в жизненных ситуациях неопределенности и его мотивов в зависимости от стадии развития человека, выделяя четыре:

– **обыватель**, ориентирующийся на окружение и социальные нормы,

– **эстетик**, выбирающий свой путь, отличный от норм общества с основным мотивом — жизнью, полной удовольствий;

– **этик**, руководствующийся чувством долга и ответственности при принятии решений;

– **религиозный человек**, целостная личность, без усилий и конфликтов следующая своим ценностям и идеалам.

Феномен «измены себе» может возникнуть на переходе от эстетической к этической стадии, когда появляются нормы и ценности, но они еще недостаточно прояснены индивидуумом.

Основатель позитивного экзистенциализма Н. Аббаньяно считает, что процесс становления экзистенции индивида приобретает некоторую форму «ценностная дуги» — структуры экзистенции, узлами которой являются ситуации выбора, где и может возникнуть феномен «измены себе».

В психоанализе З. Фрейда переживание «измены себе» можно трактовать как внутренний конфликт, порожденный противоречиями между составляющими «психической жизни» человека, причем с обязательным участием «Сверх-Я», где сосредоточены моральные и общественные ценности.

Если рассмотреть феномен переживания «измены себе» с позиции теории установки (Узнадзе, 2001), то возможны два варианта:

– волевое поведение человека, которое противоречащее его жизненной установке, которую он воспринимает как часть себя, свою сущность;

– импульсивное поведение реализовывает имеющуюся неосознанную установку удовлетворения потребности, противореча осознаваемым ценностям и нормам жизни.

Можно рассмотреть феномен переживания «измены себе» в подходе Ф.Е. Василюка, как *особую внутреннюю деятельность*, проводимую по итогам решения, принятого личностью в жизненной ситуации неопределенности, и имеющую целью восстановление утраченного душевного равновесия, совладания с ситуацией, достижение непротиворечивости и целостности внутреннего мира личности.

В подходе теории когнитивного диссонанса ситуация переживания «измены себе» может возникать в случае противоречия поведения человека его внутренним убеждениям. Л. Фестингер называет такой феномен «вынужденным согласием», вызывающим в психологическом плане возникновение когнитивного диссонанса.

Переживание «измены себе», являясь актуальной проблемой многих людей, требует проведения фундаментального теоретического и эмпирического исследований.

1. Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм. СПб.: Алетейя, 1998. 505 с.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
3. Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 416 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2005. 352 с.
5. Роджерс К. Становление личности. М.: Прогресс, 1994 165 с.
6. Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
7. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999. 318 с.
8. Фрейд З. Я и Оно. СПб.: Азбука, 2015. 288 с.

КОНЦЕПЦИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ЛИЧНОСТНОГО САМОПРЕОБРАЗОВАНИЯ К. КАСТАНЕДЫ

Г.В. Черняева

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова»
chernyaevagv@mail.ru

Показано, что концепция экзистенциального личностного самопреобразования К. Кастанеды опирается на учение о сталкинге и на учение о делании, описывающие процесс декомпозиции нежелательных и прочного закрепления вновь формируемых привычек, личностных черт, уникальных умений. Реконструирована кастанедовская схема формирования новых привычек и сделан вывод о том, что многие описанные им приемы личностного самопреобразования коррелируют с психологическим методом глубокой личностной рефлексии.

Известный этнограф и антрополог К. Кастанеда в своих произведениях поставил достаточно много проблем вокруг актуальной для многих людей темы — темы самоменеджмента и осмысленного, целеориентированного самосозидания новой, более совершенной, личности. Находясь в ученичестве, как утверждал сам К. Кастанеда, более тринадцати лет у наследников традиций древних мексиканских магов, исследователь постарался описать, аналитически обобщить и переработать многовековой опыт самосовершенствования «избранных» и апробировать приемы самопреображения личности на практике. Именно поэтому наследие К. Кастанеды представляет собой большую ценность для современной экзистенциальной психологии, подчеркивающей, начиная с работ Л. Бисвангера (Лобачев,

2016), уникальность личного психологического опыта конкретного человека.

Экзистенциальная психология как разновидность динамической системы научного знания ориентирована субъектно-процессуально, т.е. она одновременно направлена как на анализ наличных устойчивых личностных характеристик, так и на уникальные комбинации персональных интенций человека. Настаивая на динамическом характере экзистенциальной психотерапии, И. Ялом писал, что «психодинамика индивидуума включает различные действующие в нем осознаваемые и неосознаваемые силы, мотивы и страхи» (Ялом, 1999). Он подчеркивал, что экзистенциальный подход «акцентирует базисный конфликт» — «конфликт, обусловленный конфронтацией индивидуума с данностями существования» (Там же), то есть с базовыми предпосылками и факторами жизнедеятельности и шире — бытия человека.

Концепция экзистенциального личностного самопреобразования К. Кастанеды опирается на учение о сталкинге и учение о делании (Кастанеда, 2008). Если *учение о сталкинге* раскрывает способы преодоления человеком тех или иных своих устойчивых привычек и слабостей, то дополняющее его *учение о делании* описывает процесс прочного закрепления новых привычек, личностных черт, уникальных умений.

Общая *схема формирования новых привычек* в концепции К. Кастанеды включает семь этапов и представлена следующим образом:

– выслеживание всех составляющих и главной части нежелательной привычки;

– осуществление начального действия, разрушающего фиксацию на преодолеваемой привычке;

– изобретение мотивировки, облегчающей излишнее любопытство окружающих и демотивирующие социальные реакции;

– самостоятельное изобретение человеком — носителем привычки и систематическое (возможно — на протяжении нескольких лет) применение им нескольких упражнений, не только разрушающих фиксацию на преодолеваемой привычке, но и способствующих уничтожению всех ее составляющих;

– формирование цели, мотивирующей формирование новой привычки («чтобы реально достичь безупречного мастерства в сталкинге, у воина должна быть цель»);

– во многих случаях — поиск идеала, образца для подражания, фиксация и заимствование опыта для понимания всех составных частей новой привычки;

– делание — связная, осмысленная последовательность действий (возможно — в течение длительного времени) по формированию всех составных частей новой привычки.

В описанных К. Кастанедой упражнениях для экзистенциального личностного самопреобразования мы видим креативные ситуативные модификации психологически легитимного *метода глубокой личностной рефлексии,* воздействие которого многократно усилено психологическими добавками-катализаторами — ситуациями «перед лицом смерти», «перед экзистенциальным выбором», «на фоне полного социального одиночества» и проч.

1. Кастанеда К. Второе кольцо силы. Киев: София, 2008.
2. Лобачев Д. Соотношение человека и экзистенции: как это работает? [Электронный ресурс]. URL: https://psychologies.today/sootnoshenie-cheloveka-i-ekzistencii/
3. Лобачев Д. Теория и практика экзистенциальной психологии: Краткая история. [Электронный ресурс]. URL: https://psychologies.today/kratkaya-istoriya-ekzistencialnoj-psixologii/
4. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999.

ОБРЕТЕНИЕ ПАЦИЕНТОМ СМЫСЛА ЗАБОЛЕВАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПЕРЕЖИВАНИЙ УНИКАЛЬНЫМИ (ПРИ ОПИСАНИИ СИТУАЦИИ ОНКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ). ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕЙСОВ

К.Э. Шамансурова

Россия, Москва, 1-й МГМУ имени И.М. Сеченова
Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
Shamansurova.ke@gmail.com

В работе представлена попытка выделения одной из стратегий осмысления пациентами ситуации онкологического заболевания через присвоение ему знака уникальности, отличности от представлений о переживании болезни у близкого и дальнего окружения. Феноменологический анализ кейсов позволяет отнести эти означенные переживания к стратегиям совладания с болезнью и формированием внутренней картины болезни.

При проведении первого этапа диссертационного исследования на тему «Роль Значимого Другого в изменении установок личности в кризисной ситуации (на материалах онкологический пациентов)» нами были проведены 50 интервью с респондентами (с диагнозом «рак молочной железы», в возрасте от 27 до 50 лет, проходящих лечение в первый раз, вышедших в устойчивую ремиссию и проходящих лечение по причине рецидива). Полуструктурированное интервью включало в себя вопрос, где респондентов просили рассказать о этапах постановки диагноза и лечения, а также о эмоциональных переживаниях в эти периоды. Исследовательские задачи прямо не предполагали выделение стратегий совладания, однако косвенно пациенты рассказывали о них, в том числе открывая этапы формирования их внутренней картины болезни и всех ее компонентов (эмоциональной, телесной и смысловой).

Каждый респондент из 50 произносил фразу: «То, что я переживаю, могут понять только те, кто прошел через онкологию!» (или ее вариации). Подчеркивая причинность подобной позиции, респонденты выдвигали следующие основания: 1) экзистенциальная угроза («я могу умереть, а с этим никто не сталкивался!»); 2) трудность и опасность проводимого лечения («еще не понятно, что меня может убить — болезнь или химия!»); 3) высокая мера неопределенности («это же ведь не грипп, когда выпил антибиотики и через неделю все прошло, лекарство может и не подействовать!», «никто мне не дает гарантии, что даже если я все выполню, то у меня этого больше не повторится»); 4) обесценивание окружением силы переживаний или их гипертрофирование («все стали смотреть на меня с жалостью и боятся со мной говорить»; «что у меня нечего спрашивать кроме как о болезни»; «они говорят, что я делаю из этого трагедию, нужно просто лечиться»); 5) разделенный опыт с другим пациентом («мне даже не нужно объяснять, чего я боюсь, все, кто лежал рядом со мной, думали об этом же»). Приведенные высказывания показывают нам также и отсылку к Другому, которым определенным образом влияет на появление чувства и идеи уникальности, отличности, неповторимости.

С точки зрения этапов появления в «тексте» рассказа знака уникальности, то он появляется не на ранних этапах постановки диагноза, а в периоды, когда начинает меняться статус респондента или требуется его переопределение в различных жизненных ситу-

ациях и в периоды без активных действий. Ситуации изменения или переопределения статуса — это все ситуации в правовом поле (получение квоты на лечение, уход на больничный, запись в онкодиспансер, получение инвалидности и др.). Ситуации без активных действий предполагают совершение рутинной деятельности лечения, выполнение или трудности с выполнением домашних дел, ожидание результатов обследований — все эти этапы приводят пациента к столкновению с внутренним миром собственных чувств и эмоций и попыткой объяснить возникновение заболевания или понять жизненные перспективы.

Наделение знаком уникальности переживаемой ситуации мы можем отнести к процессам, по-новому утверждающим личностнообразующие векторы:

– построение идентичности с группой близких по диагнозу пациентов;

– углубление и расширение внутренней картины болезни, ее смыслового уровня;

– совладание с трудной жизненной ситуацией «нетипичной» болезни, неопределенности (влияющей на жизненные перспективы, ценности, самооценку, меру принятия себя и окружающих).

Выделяя, в процессе взаимодействия с пациентами, подобные тенденции знака, не верным будет оценивать данную стратегию как эффективную или нет. Однако «сила» этого знака при составлении программ психосоциального сопровождения пациента в период лечения и после него может стать диагностическим признаком трудностей адаптации и принятия заболевания, а впоследствии и вхождения в жизнь без заболевания.

5.
ИСКУССТВО КАК ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

ЯЗЫК ИСКУССТВА И ПРОБЛЕМА СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

А.М. Айламазьян

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
aida@heptachor.ru

В докладе искусство рассматривается как деятельность, развивающая воображение и связанную с ним способность к смыслопорождению и смыслообразованию. Особое внимание уделяется творческому воображению, направленному на создание художественного образа. Работая в конкретном материале, одновременно используя и преодолевая свойства этого материала, художник создает чувственный знак или некую форму, которая в нашем сознании превращается в образ, обладающий своей пространственно-временной структурой (показано на примерах живописи, скульптуры, кино, музыки, танца). Противоречие, заложенное в художественном произведении между его содержанием или материалом и формой, служит основой парадоксального переживания, в котором обыденное наличное восприятие мира сталкивается с новым, возможным только благодаря использованию выразительных средств искусства.

Искусство как выразительный язык возникло на заре человеческой истории и составляет по сей день неотъемлемую часть существования людей. Меняя свои формы, тонко реагируя на запросы общества, на состояние общественного сознания, оно остается важнейшим инструментом эмоционального воздействия на человека. На психорегулирующую роль искусства указывали как теоретики художественного творчества (философы, искусствоведы, социологи, психологи), так и практики (художники, музыканты, режиссеры и др.).

Особое значение искусство как сфера творчества и коммуникации приобретает в контексте задач развития личности, формирования ее смысловой сферы. Согласно нашему предположению в основе восприятия произведений искусства и в целом в основе художественной коммуникации лежит деятельность воображения.

Именно формирование воображения как сложной психической деятельности создает условия для возникновения эмоционально-смысловой ориентировки личности.

На важность функции воображения в развитии сознания человека и высших форм поведения указывал Л.С. Выготский, когда писал: «Возможности свободного действия, которые возникают в человеческом сознании, теснейшим образом связаны с воображением…» (Выготский, 1982). Он неоднократно подчеркивал, что глубокое проникновение в действительность требует отхода от ее видимой внешней стороны и построения более объемного, многопланового образа: «Наряду с образами, которые строятся в процессе непосредственного познания действительности, человек строит образы, которые осознаются как область, построенная воображением. На высоком уровне развития мышления происходит построение образов, которых мы не находим в готовом виде в окружающей действительности» (Там же).

Продуктом творческого воображения оказывается образ, позволяющий увидеть окружающую действительность целостно, в преображенном виде. Именно целостная картина мира выводит мотивацию и поведение человека за границы «наличного», порождает смысл деятельности, смысл жизни. Способность к созиданию смысла становится основополагающей в культурном развитии человека, а искусство и художественная практика играют важную роль в ее становлении и культурном оформлении.

Проведенный анализ конкретных видов искусства позволяет выявить закономерности создания художественной формы, с одной стороны, а с другой — описать ту внутреннюю работу, которую должен совершить зритель или слушатель при восприятии художественного произведения. Среди таких закономерностей отметим:

1) преодоление логики повседневности, особое необыденное восприятие и видение предметов и вещей;

2) изменение пространственно-временных координат, которое отражает взаимоотношения материала, из которого сделана вещь искусства, и его формы. Так, живописец, используя разнообразные приемы передачи перспективы, строит пространство картины, преодолевающее двумерность плоскости, на которой он рисует. В этом пространстве подчас соединяются не только разные ракурсы восприятия изображений «натуры», но и последовательные во времени события, которые мы теперь воспринимаем одномоментно;

3) временной синтез — стягивание, соединение впечатлений во времени как условие восприятия в музыке, кинематографе и других «временны́х» искусствах. Так, в кинематографе в результате восприятия последовательности изображений, отобранных и смонтированных режиссером, зритель в своем воображении «конструирует» целостный образ (Эйзенштейн, 2004). В музыке «музыкальные тоны или их сочетание, физически звучащие один за другим, в сознании целого делаются совместными, — не теряя, однако, своего порядка… Активностью внимания время музыкального произведения преодолевается, потому что оно преодолено уже в самом творчестве…» (Флоренский, 1993);

4) в произведении искусства мир открывается в бесконечности пространства и времени. А.Ф. Лосев так описывает сущность переживания музыки: «Музыка, снимая пространственно-временной план бытия и сознания, вскрывает новые планы, где восстанавливается нарушенная и скованная полнота времен и переживаний и открывается существенное и конкретное Всеединство или путь к нему» (Лосев, 1990).

Умение стягивать, соединять в надвременное единство то, что чувственно разъединено, лежит в основе способности к смыслообразованию, ведь порождение смысла в сознании предполагает возможность видеть связь между различными событиями жизни, видеть за чувственными реалиями целостный надчувственный образ мира, свое место в этом мире.

1. Выготский Л.С. Лекции по психологии // Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2: Проблемы общей психологии. С. 362–465.

2. Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики // Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 193–390.

3. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993.

4. Эйзенштейн С.М. Неравнодушная природа. М.: Музей кино — Эйзенштейн-центр, 2004. Т. 1: Чувство кино.

ПСИХОТЕРАПИЯ, ИСКУССТВО И ПУТЕШЕСТВИЯ КАК ФОРМЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

А.С. Белорусец

Россия, Москва, НИУ ВШЭ
arsenny@mail.ru

Путешествия и приобщение к искусству рассматриваются как социальные практики развития личности. Современная психотерапия все чаще обращается к их опыту и воспроизводит отдельные их формы, отдавая должное их развивающему потенциалу. Однако эти практики не должны воспроизводиться слепо. Необходимо разобраться в механизме, делающем искусство и путешествия практиками развития. Нужно преодолеть постулат непосредственности и взглянуть на них как на культурные средства, актуализирующие задачи развития личности.

Одной из особенностей современного мира является отказ от чистых форм практики. Потребности и мотивы (как возможные формы удовлетворения потребностей) вступают в отношения «многие ко многим». Мы выбираем такую деятельность, которая помогала бы удовлетворить как можно большее количество потребностей, при этом одни и те же потребности мы удовлетворяем в рамках различных деятельностей. Формы практики, в которых какая-то одна цель является доминирующей, за редкими исключениями, оказываются неконкурентоспособны.

Не является исключением и психотерапевтическая практика, которая выходит за свои формальные рамки. В частности, психотерапия выходит за буквальные рамки — стены кабинета (Паукова, 2012). Психологи находят психотерапевтические эффекты во внепсихологических практиках и предпринимают попытки подчеркнуть и усилить эти эффекты, обогатив конкретную внепсихологическую практику собственно психологической работой.

Чаще всего в качестве внепсихологической практики выступает искусство, помещение которого в контекст психотерапии дает широкое разнообразие арт-терапевтических техник и подходов (техники, связанные с созданием и интерпретацией художественных образов: рисуночные тесты, ассоциативные карты, письменные практики нарративного подхода (Кутузова, 2013), психодрама

(Морено, 2001), кинотерапия (Березин, 2003), терапию творческим самовыражением (Бурно, 1989)).

Другой формой деятельности, очевидно, имеющей психотерапевтический потенциал, являются путешествия. Путешествие предполагает новую «социальную ситуацию развития», характеризующуюся большей неопределенностью и свободой от привычных социальных ролей. Путешествие сулит новые встречи и впечатления. Неудивительно, что эти особенности привлекают практиков развития личности.

Развивающий эффект путешествий и восприятия искусства — не новость. Взгляд в историю дает понять, что, по крайней мере, с Нового времени в Европе возникает целенаправленное «использование» практик восприятия произведений искусства и путешествий для целей развития («просвещения», «воспитания», «образования») личности. Путешествия становятся неотъемлемой частью образовательных программ молодых обеспеченных людей (Лотман, 2005).

В путешествии люди сталкивались с неизвестными им местностями, населенными носителями другой культуры и языка, и они должны были как-то освоить эти новые культуру и язык. Однако ситуация путешествия ставила и более сложные задачи: путешественнику необходимо постоянно вступать в отношения с представителями другой культуры, а значит запускать процесс взаимного отражения и интроекции-интериоризации (см. концепцию отраженной субъектности В.А. Петровского), а значит — неизбежно меняться самому.

Также в Новое время институционализируется практика восприятия искусства: появляются или обособляются специальные учреждения культуры: театры, зрительные и концертные залы и т.п.

Вряд ли сами люди Нового времени рефлексировали тот связанный с возникновением впечатления диалектический механизм развития, который мы описали выше вслед за Л.С. Выготским. Нам представляется, что, будучи пленниками постулата непосредственности, они, скорее, воспринимали роль искусства в «воспитании» (точнее — развитии) личности столь же наивно, сколь сестры бабушки героя романа М.Пруста «В поисках утраченного времени». Вот как описывает эту непосредственную позицию М.К. Мамардашвили:

«...Сестры бабушки думали, что детям всегда нужно показывать произведения, которые достойны того, чтобы ими восхищались. Им казалось, что эстетические качества подобны существующим материальным предметам… И если мы попытаемся окружить ребенка такими предметами — хорошими книгами в том числе, то тем самым его образовываем. <..> О*ни считали*, *что нельзя не увидеть эстетического качества* (вместо "эстетического" подставьте любое другое: моральное, интеллектуальное), *и они думали так*, *не понимая*, *что этого нельзя сделать* (то есть увидеть) *без того*, *чтобы не дать медленно вызреть в своей собственной душе эквиваленту* этого *качества*» (Мамардашвили, 1997).

Эта наивная позиция никак не помешала становлению мощной социальной практики развития человека через переживание им впечатлений, явившей себя в формах восприятия искусства, путешествий и, значительно позже, в форме психотерапии. Однако такая позиция не простительна для психологов, использующих в терапевтической работе приемы искусства или путешествий. Нам необходимо рефлексировать механизмы (или даже единый механизм!) работы этих психотехнических средств развития личности, основанных именно на постановке личностной задачи развития — своеобразного микрокризиса развития. (Сравним: «Катарсис для Выготского не просто изживание подавленных аффективных влечений, освобождение через искусство от их "скверны". Это, скорее, решение некоторой личностной задачи» (Леонтьев, 1968)).

1. Березин С.В. Кинотерапия: практическое пособие для психологов и социальных работников. Самара: Самарский гос. ун-т, 2003.

2. Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением. Москва: Медицина, 1989.

3. Кутузова Д.А. С чистого листа. Метод письменных практик // Классное руководство и воспитание школьников. 2013. Т. 7.

4. Леонтьев А.Н. Предисловие // Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968.

5. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. (Телевизионные лекции) // Воспитание души. СПб.: Искусство-СПб, 2005.

6. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 1997.

7. Морено Я. Психодрама. М.: Апрель Пресс, 2001. 45 с.

8. Паукова А.Б. Специфика осуществления психотерапии «вне кабинета» («outdoors therapy») // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. Т. 2. № 20. С. 133–138.

РАБОТА С ДЫХАНИЕМ В ТАНЦЕВАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

А.В. Карих

Россия, Москва
anastasiakarikh@gmail.com

В докладе обозначаются основные понятия, касающиеся работы с дыханием в контекстах современного танца и танцевально-двигательной терапии, опирающиеся на разработки последователей системы «Анализа движения» Лабана и «Основ Бартениефф», рассматриваются возможности использования дыхания в контексте танцевально-двигательной терапии.

В современной цивилизации исходное предназначение танца как целительской и сопровождающей повседневную жизнь практики было полостью утрачено, превратился «танец-как-исцеление» в «танец-как-сценическое-искусство». И в то же время мы должны быть благодарны революции в искусстве XX века, которое во многом помогло вернуть танцу его первоначальный смысл: основная ценность состоит не в том, как ты двигаешься, а в том, что ты в этот момент чувствуешь, ощущаешь, думаешь, насколько ты целостен в проживании своего индивидуального выразительного движения, о чем ты повествуешь (Бирюкова, 2001). Особое значение эти нюансы имеют в пространстве терапевтической модальности, а именно в контексте танцевально-двигательной терапии. С середины XX века танец и танцевально-двигательная терапия находятся в постоянном диалоге, и нельзя не упомянуть систему «Анализа движения» Рудольфа фон Лабана и «Основы Бартениефф», являющиеся базовыми системами обучения для многих западных школ современного танца (contemporary dance), а также методологической основой танцевально-двигательной терапии.

Одной из главных тем как в современном танце, так и в танцевально-двигательной терапии является тема дыхания. Говоря о дыхании, необходимо обозначить понятие *связанности тела* (connectedness), включающее в себя и внешнюю физическую конгруэнтность, и внутреннее переживание целостности, соединенности, «потоковости» телесных ощущений. Пегги Хекни, ученица и последовательница Ирмгард Бартениефф, первым среди паттернов всеобщей телесной связанности называет дыхание (Hackney, 2002). Здесь дыхание — основа соединенности, то, что обеспечивает те-

лу гармоничное существование и выразительность двигательной проявленности. Опираясь на дыхание и обеспечивая созвучную поддержку выразительного движения всем телом, мы способны формировать ясность, очевидность, правдивость этого движения как для себя, так и для внешнего наблюдателя, что в терминах последователей «Основ Бартениефф» называется «*поддержкой потока формы*» («body flow support»). Именно такому танцору мы верим и сопереживаем, глядя на сцену, и именно тогда мы сталкиваемся с переживанием глубокого контакта с собой, собственной целостности и ценности в контексте танцевально-двигательной терапии.

Тема смещения фокуса внимания на дыхание может быть исследована в различных направлениях терапевтического пространства: формирование полного, многомерного дыхания, объединяющего направления вертикальной, горизонтальной, сагиттальной плоскостей относительно вертикали тела; синхронизация дыхания с выразительным движением; подстройка по дыханию как основа механизма кинестетической эмпатии в системе терапевт-клиент; чувствование партнера через обучение его способу дыхания и выразительного движения при работе с парами; дыхание как способ первичной саморегуляции, «заземления»; основа звучания тела в пространстве как в широком, так и буквальном смысле; исследование паттернов дыхания в коммуникации и прочих жизненных ситуациях. Например, в состоянии ситуативного стресса очевидны рефлекторные механизмы уменьшения амплитуды и урежения частоты фаз дыхания. В практической психофизиологии подобное «замирание» иногда называют «маленькой смертью». Но задумываемся ли мы, как часто подобное «замирание» является привычным паттерном дыхания? У педагогов танца, использующих принципы «Анализа движения» Лабана и «Основы Бартениефф» для построения выразительного движения, на занятиях можно увидеть потрясающий терапевтический эффект в части работы с дыханием (увеличение амплитуды, формирование многомерности). Однако, опираясь на эти же принципы в поле танцевально-двигательной терапии, можно увидеть, как в том числе устанавливается и осознается связь между ощущениями тела, чувствами, мыслями и образами, и как это осознание меняет качество движения и, в конечном счете, качество жизни. Смещение фокуса внимания на дыхание открывает механизмы не только «оживления» движения с точки

зрения исполнительского танцевального искусства, но и в более широком контексте — процесса «возвращения жизни» в тело в терапевтическом процессе.

1. Бирюкова И.В. Танцевально-двигательная терапия: тело как зеркало души. 2001. URL: http://tdt-edu.ru/tancevalno-dvigatelnaya-terapiya-telo-kak-zerkalo-dushi-biryukova-i-v/

2. Hackney P. Making connections. Total body integration through Bartenieff Fundamentals. London: Routledge, 2002.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕАТРАЛЬНЫХ ПРАКТИК РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ: ОТ РИТУАЛЬНЫХ ФОРМ ДО ПСИХОТЕХНИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ

Т.А. Климова

Россия, Москва, АНО ВО «МПИ им. Иоанна Богослова»
t-klim@list.ru

В докладе театральная практика представлена в контексте культурно-исторического подхода как пространство развития личности, рассматривается роль театральных практик в истории человеческого общества от зарождения европейского театра до современных социальных форм театрального действия.

1. Социокультурные дефициты современного уклада жизни и актуальность обращения к театральным практикам (ФГОС и социальные театральные проекты). Типы театральных практик: работа вокруг профессионального театра, студийные формы, театральная педагогика в образовании, инклюзивные театральные проекты, социальный театр.

2. Театральная практика в образовательном пространстве: практическое направление современной психологии и педагогики искусства, имеющее своими корнями труды Л.С. Выготского, А.В. Запорожца, А.А. Блока, Вс.Э. Мейерхольда и др. Это психология и педагогика ***событийности, проживания***, педагогика ***личностного творческого действия*** и ***импровизации***, имеющая дело с ***целостным образом*** мира и «Я», воспринимаемым эстетически, этически и интеллектуально (Климова, 2015).

3. Ключевой момент для всей практической психологии искусства — создание открытой художественно-творческой среды (аналог сценического пространства), специальная организация пространства образного освоения мира и познания собственной личности через смыслы искусства.

4. Специфическая особенность искусства — образное отображение действительности. Каждому виду искусства присуща особая форма отражения — то, «каким способом в данном конкретном виде искусства это образное отражение действительности осуществляется, как разрешается в данном случае проблема образа» (Авдеев, 1959). В театре образное отражение действительности связано с особым способом существования актера. «Театральный сценический образ возникает тогда, когда актер (исполнитель), получив ту или иную роль, освоив ее с помощью своих психофизических данных (актерские данные), преображается, перевоплощается в некое новое существо (роль + актер = сценический образ), и в этом новом качестве сценического образа, действуя от лица этого последнего… совершая волевые поступки, направленные к достижению определенной цели («действуя в предлагаемых обстоятельствах»), он предстает перед зрителем… Это — сценическое искусство, это — искусство театра» (Там же). Именно актерское искусство является особенным, специфичным для искусства театра. В процессе создания сценического образа актер преображается, перевоплощается в новое существо.

5. Театральная практика создает особое коммуникативное пространство, внутри которого зритель не только воспринимает происходящее на сцене перевоплощение, но также и сам воздействует на него, становясь полноценным участником и действующим лицом. В этом значении театральная практика может выступать методом познания жизни (и мира), являясь тем самым особым оптическим прибором, демонстрирующим для человека окружающую его действительность.

6. Театральная практика особым образом преобразовывает человеческую жизнь. Это связано со способностью театра воссоздавать, моделировать и познавать жизнь специальными средствами (функция мимесиса). В результате происходящего в сценическом пространстве, человек очищается (катарсис), обновляется, происходит преобразование его сознания. Тем самым театральное действие вовлекает человека в ситуацию постоянного до-оформления, до-определения себя в своем собственном способе быть в мире.

7. Вне зависимости от того, в какой роли находится участник театральной практики (драматурга, режиссера, актера или зрителя), сущностным моментом происходящего является событие, скачок, остановка «автоматизма восприятия» (Выготский, 2016). Смысл театрального действия — пробудить человека, вызвать искреннее чувство, живую эмоцию, инициировать полноту переживания жизни.

8. На всех этапах своего развития театральная практика представляется как особая форма «самособирания» человеком себя. Вместе с тем в различные эпохи сам этот процесс претерпевает определенные изменения: собирание как восстановление и сохранение целостности внутреннего мира человека (классический театр) до собирания как конструирования (постдраматический театр). Театральная практика погружает участников сценического действия в особую ситуацию на границе между еще не развернутым, не совершенным действием и свершившимся, в которой участникам открывается новый взгляд на себя, позволяющий прийти к себе другому через катарсическое переживание.

1. Авдеев А.Д. Происхождение театра. Л.; М.: Искусство, 1959.
2. Выготский Л.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.: Левъ, 2016. Т. 1: Драматургия и театр.
3. Климова Т.А. Театральная педагогика как пространство обретения личностных смыслов // Журнал практического психолога. 2015. № 3. С. 166–175.

О ПРИРОДЕ ДЕТСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА: ИЗ ОПЫТА «ДЕТСКОЙ ШКОЛЫ МОЗАИКИ»

Д.А. Котов

Россия, Лобня, МБСКОУ для обучающихся, воспитанников с ОВЗ — специальная (коррекционная) общеобразовательная школа
kotovodimitrij@mail.ru

В докладе приоткрываются суть детского творчества и развивающий смысл художественных занятий с детьми (в том числе с учащимися коррекционной школы), а также метод преподавания изобразительного искусства в «Детской школе мозаики», обобщающий более чем 40-летний опыт работы педагога.

Известно, как обычно взрослые относятся к детскому творчеству. Они не видят в нем ничего, кроме детскости, — как правило, говорится снисходительно: «Это очень мило, они же дети». А то, что дети способны на настоящее искусство, даже не имеется в виду. Однако благодаря тому, что дети еще не связаны условностями взрослого сознания и постигают мир непосредственно, по-детски и глубоко, они могут достичь самого высокого в искусстве, о чем свидетельствуют их живописные работы.

Ребятам из коррекционной школы тяжело даются математика, язык, другие знания. Не каждый из них может освоить школьные науки, но почти каждый может воспроизвести в красках мир Божий, что делает окружающее ребенка пространство понятным, естественным и органичным. И когда под руками ребенка на чистом листе рождается изображение птиц, животных, людей, деревьев — для него самого это чудо.

Учащиеся коррекционной школы, как правило, пишут безграмотно, со многими ошибками. Но вот поразительное для меня открытие: откуда у них такое емкое содержание и цельное поэтическое восприятие окружающего мира? Откуда живое словотворчество, которое можно встретить у поэтов Серебряного века? Но те больше сочиняли со знанием своего ремесла. А наши дети рождают слово от своей сущности. Такие же параллели очевидны в изобразительном искусстве. Все уравновешено, и, казалось бы, обделенные в мирском понимании дети совсем не обездолены вниманием Неба.

Иногда бывает важно поднять детей в их же собственных глазах, в глазах взрослых, и это не имеет никакого отношения к взращиванию гордыни или тщеславия. Важно то, что уходит закомплексованность, ребенок внутри начинает верить в свои силы — рождается человеческое достоинство.

Для рисования искать темы не нужно — они рядом, за окном. Иногда мы проводим занятия прямо на улице, выносим столы и краски. Жизнь сама подсказывает формы. Нужно только обратить внимание ребенка на то, что открывается взору, и тогда дети по-новому могут увидеть то, мимо чего вчера проходили, попросту не замечая красоты Божьего мира, сотворенного для нас. Тогда на бумаге появляются первобытные леса — целая симфония различных пластик и характеров деревьев, которые ни в одном месте не повторяются. Вспоминаются петроглифы и наскальная живопись.

Возникает настоящее произведение искусства, на которое можно смотреть и смотреть, не уставая, открывая для себя всякий раз заново богатство первичной природы маленьких «первобытных» художников.

Сама методика нашего преподавания основывается на анализе художественных форм древних культур: первобытного, древнеегипетского, греческого (времен архаики) и ранневизантийского искусства. И в древней пластике, скульптуре, и в росписях, как правило, использовались космогонические формы: куб или квадрат, параллелепипед или прямоугольник, шар, круг или овал, пирамида или треугольник.

Для понимания рисунка мы предлагаем детям самые простые схемы из геометрических фигур, или, как их еще называют — «опорные знаки». Зачем предлагаются схемы или прообразы? Чтобы ребенок не рисовал уродливые и искаженные фигуры человечков и зверей. Простейшего объяснения детям вполне достаточно для начального понимания изображения человека, какого-либо животного или растения. Дети все равно поймут и сделают все по-своему. Друг нашей школы А.М. Айламазьян поясняет: «Как осмыслит ребенок предложенное, как преобразует в своем воображении, как сможет выразить в рисунке — это *зона непредсказуемости и творчества самого ребенка и находящегося с ним в диалоге педагога.* Созвучный детскому мировоззрению канон изображения позволяет, не искажая сознание ребенка, пробудить его творческую душу, его стремление к выражению своих впечатлений от окружающего мира в художественной форме, и предложенный способ изображения начинает неожиданно преломляться в сознании ребенка, как будто заново рождается образ, наполненный новыми подробностями, оттенками смысла» (в рукописи).

Чтобы не появились заученные приемы, очень хорошо менять условия, переходить от миниатюр к большим пространствам, использовать разные материалы, — тогда ребенок будет сам решать изобразительные задачи в соответствии с предложенными заданиями. Большая работа разворачивается как игра: дети начинают рисовать мелками на доске, фломастерами или карандашами на бумаге предложенные педагогом образы. Если рисунок силуэта не затягивается и детьми движет интерес, дальше цветом они так же легко и быстро пишут, как недавно рисовали. На первом этапе их можно не контролировать. Но когда маленькие художники все, что

могли, выразили и не знают, что делать дальше, необходим диалог: ребенок на расстоянии показывает свою живопись, а его друзья-товарищи подсказывают ему слабые места, которые можно еще улучшить. Последнее слово за педагогом, который находит более законченные места в работе, чтобы подтянуть к этому уровню все остальное.

Что бы дети ни рисовали и ни писали, они воспроизводят свои автографы-автопортреты, в которых запечатлена вся их внутренняя сущность: интеллект, особенности характера, внутренняя организация личности. Как в Евангельском зерне, в ребенке заложены те тридцать, шестьдесят или сто зерен, которые могут родиться, если вложить в него труд, вырастить в благоприятных условиях для развития его духовных и душевных возможностей.

1. Диакон Димитрий Котов. ВРЕМЕНА ГОДА в рассказах и картинках детей. М.: Русский Печатный Дом, 2017.

2. А.М. Сохраняя ощущение святости // Искусство в школе. 2006. № 2. С. 20–21.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СРЕДНЕМ И ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

С.Г. Кржечевская

Россия, Москва АНО «Гептахор»
krzhechevska@gmail.com

В изменяющемся мире пожилые люди отвечают на вызовы времени, как общие для людей всех поколений, так и специфические для их возраста. Увеличение продолжительности жизни привело к появлению людей, которые в поисках способов существования не могут опереться на опыт предшествующих поколений в связи с его отсутствием. Динамичность, многомерная структура современного мира обуславливают необходимость развития в любом возрасте. Метод музыкального движения является средством адаптации к условиям нашего времени.

В последние десятилетия изменилась продолжительность жизни. Возраст, который ранее относился к старческому, теперь таким не является, пожилые могут считаться зрелыми, а старики — пожилыми. Появляется все больше активных людей-пенсионеров и людей предпенсионного возраста, у которых нет образцов активной

творческой жизни их старших поколений, которые в этом возрасте скорее «доживали», чем развивались и творили.

Кроме того, современный мир предъявляет новые требования не только к пожилому человеку, но и к человеку вообще: в изменяющемся мире старые формы поведения становятся неэффективными. Динамичность среды обуславливает необходимость быстрого эффективного реагирования на изменения, новый тип сотрудничества, при котором работник является как объектом, так и субъектом управления (Джиоева, Маслов, 2017), предъявляет новые требования к открытости, уровню эмпатии, умению работать в команде.

Однако «с помощью рациональных вербальных методов вряд ли удастся оказать психологическую поддержку личности, помочь человеку найти мировоззрение. <…> Именно искусство является одним из самых могучих источников трансформации смысловой сферы личности» (Асмолов, 2001).

Музыкальное движение — это практика двигательной импровизации как эмоционального отклика на музыку, в процессе которой человек в танце пытается выразить ее смысл.

В связи с тем, что многие свойства самоактуализирующейся личности (Маслоу, 2006), как мы полагаем, соотносятся с требованиями изменившегося мира, мы использовали их для сопоставления с навыками и способами развития, формирующимися методом музыкального движения.

Потребность в познании, открытость новому, спонтанность — на занятиях используется различная музыка. Без состояния открытости и готовности к спонтанному ответу невозможна полноценная практика. При выполнении упражнений акцентируется внимание не на повторении движения, а на собственном ответе на музыку. Таким образом, формируется готовность к импровизации.

Креативность (стремление к творчеству) — человек — субъект и объект творческого акта. Занятие становится не подготовкой к чему-то в будущем, а самоценным художественным актом. В процессе занятий формируется ощущение бытия как творческого акта.

Здесь и теперь — в процессе занятий музыкальным движением формируется навык непосредственного ответа на музыку, свобода от стереотипов, которые в процессе импровизации мешают выразить суть музыки, уводят от ее смысла.

Автономность, уникальность, контактность, гибкость в общении, принятие Другого — в процессе совместной работы над музыкальным произведением важной задачей является сохранение баланса между индивидуальным ответом на музыку и ответом на музыку группы как целого. Человек обучается умению встроиться в общий процесс без потери индивидуальности. Нет установки действовать «как все», вместе с тем признается право другого человека на индивидуальное самовыражение.

Принятие себя — «Поскольку переживание музыки имеет в данной практике двигательную форму выражения, можно предположить, что двигательные ограничения не позволяют быть точными и в музыке. Однако это не так. Предлагается естественный репертуар движений, выполнять которые можно соразмерно своим возможностям» (Айламазьян, 2013). Такая особенность музыкального движения делает его практикой, пригодной для людей старшего и пожилого возраста. Осознание возможности создавать формы, имеющие эстетическую ценность при двигательных ограничениях, повышает самооценку, способствует принятию возрастных изменений.

Доверие миру — метод предполагает развитие умения использовать силы инерции, притяжения, формирование навыка минимального необходимого усилия. Включение дыхания как основы и начала движения обуславливает легкость, возможность двигаться без усилия, преодоления. Вследствие этого формируется ощущение сотрудничества с окружающим миром, «понимание на физическом уровне» того, что среда не препятствует движению, а помогает его осуществить.

Пиковые переживания — происходящие в процессе занятий музыкальным движением «эмоциональные потрясения от музыки, которые не забываются годами и часто остаются с человеком на всю жизнь, открывая какие-то горизонты жизни. Их можно описать как мгновенные перестройки смысловой сферы личности… Такие состояния-события специально планироваться и прогнозироваться не могут, но в практике музыкального движения создаются условия, которые способствуют их возникновению.» (Там же).

1. Айламазьян А.М. О механизмах музыкального переживания: опыт музыкального движения // Вопросы психологии. 2013. №5. С. 35–43.

2. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001.

3. Джиоева А.А., Маслов В.И. Век глобализации: исследование современных глобальных процессов. 2017. №1. С.106–119.
4. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2006.

О ВЕРТИКАЛЬНОМ И ГОРИЗОНТАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

А.А. Мелик-Пашаев

Россия, Москва, Психологический институт РАО
zinaidann@mail.ru

Значение художественно-творческого опыта для развития личности автор рассматривает в двух измерениях. В вертикальном — как актуализацию возможностей высшего, творческого Я человека, и в горизонтальном — как переживание единства и родства человека с миром. Отмечено терапевтическое и профилактическое значение художественного творчества для детей и опасности, связанные с дефицитом творческого опыта в детские годы.

Начну с двух предварительных замечаний. Первое. Когда говорят о роли искусства в развитии личности, подразумевают, в первую очередь, роль читательского, зрительского, слушательского опыта, т.е. роль *восприятия* искусства. Мы рассмотрим другой аспект проблемы: значение личного *художественно-творческого* опыта, который в сенситивные периоды онтогенеза доступен и необходим каждому человеку, независимо от особой одаренности и будущей профессии (Мелик-Пашаев, Новлянская, 2008.) С этим связано внимание к возрастному и педагогическому аспекту обсуждаемых ниже вопросов.

Второе. Мы говорим о таком искусстве, которое является *пластическим выражением воли к добру* (Ф. Искандер). Имеется в виду не тенденциозный отбор «позитивного» материала, а личностно-ценностная позиция автора, которая проявится в художественном преобразовании *любого* жизненного материала. (Деструктивные аспекты художественной культуры — феномен «негативной креативности» в искусстве — предмет отдельного обсуждения.)

Любое психологическое исследование, даже направленное на решение частных и прикладных проблем, осознанно или неосознанно базируется на том или ином аксиоматическом представлении о сущ-

ности человека, Я исхожу из того, что человек по природе является творцом — носителем «внутренней энергии души» (Зеньковский, 2011), которая, стремясь к актуализации, избирательно-телеологически трансформирует всю совокупность воздействий объективной действительности. Этим обусловлено трансцендирование границ сознания и возможностей повседневного «Я» и актуализация потенциала высшего, творческого «Я» человека. Таково, образно говоря, вертикальное измерение развития человеческой личности.

Творчество — это норма человеческого бытия (не статистическая, а ценностная норма). Ее отсутствие философ определит как несовпадение сущности человека и его существования; гуманистический психолог — как отсутствие самоактуализации, не позволяющее становиться тем, кем ты потенциально являешься; религиозная символика говорит о таланте, который человек зарывает в землю вместо того, чтобы приумножить его собственной деятельностью, и т.д.

Блокирование творческой активности ребенка, характерное для образовательной практики, по мнению В.Ф. Базарного и других педиатров и психотерапевтов, является причиной опасных отклонений психического и социального плана, вплоть до явлений деперсонализации и утраты смысла собственного существования. Напротив, приобщение к творчеству выступает в этих отношениях как сильное терапевтическое и профилактическое средство (Практическое руководство, 2002).

Сказанное относится к творчеству в широком смысле слова — к порождению и воплощению собственных замыслов. Но с возрастной и педагогической точек зрения художественное творчество имеет приоритет: именно в этой области дети приобретают психологически необходимый опыт творчества как такового наиболее успешно и в наибольшем соответствии с психологическими чертами возраста.

Другое измерение развития личности — горизонтальное — задается особенностями эстетического отношения к миру, которое лежит в основе художественного творчества (Мелик-Пашаев, 2000).

Это отношение, на уровне осознанного переживания, восстанавливает онтологическое единство человеческого Я и мира в целом и позволяет воспринимать чувственный облик явлений действительности как выражение внутренней жизни, родственной воспринимающему человеку. В предельной форме это выражено поэтической строкой Ф. Тютчева «Все во мне, и я во всем!...»

В этом проявляется не только особое отношение к жизни, но и новое, расширенное самоощущение и самосознание Человека, причастного Миру. Здесь совпадают вертикальная и горизонтальная оси художественного развития: человек преодолевает свою отчужденность от высшего, творческого начала в себе самом — и от мира в целом. Образ неотчужденного, живого и самоценного мира лежит в основе искусства, «пластического выражения воли к добру».

Развитое эстетическое отношение свойственно большим художникам, а его предпосылки и зачаточные формы характерны для ребенка и успешно развиваются в адекватных педагогических условиях (Кудина, Новлянская, 2006).

Таковы наиболее значимые в личностном плане аспекты приобщения человека к художественному творчеству, но ими не исчерпывается его психолого-педагогическое значение. Так, развитие эстетического отношения к миру включает в себя развитие важных сторон психики, которыми пренебрегает школа: чувственного восприятия и эмоциональной отзывчивости ребенка.

1. Зеньковский В.В. Проблема психической причинности // Собр.соч. М.: Русский путь; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. Т. 3.

2. Кудина Г.Н., Новлянская З.Н. Литературное чтение: программа для I–IV классов. Литературное чтение: программа для У-11 классов. М.: Оникс, 2006. 123 с.

3. Мелик-Пашаев А.А., НовлянскаяЗ.Н. Художник в каждом ребенке. М.: Просвещение, 2008. 175 с.

4. Мелик-Пашаев А.А. Мир художника. М.: Прогресс-традиция, 2000. 269 с.

5. Практическое руководство по терапии творческим самовыражением / Под общ. ред. М.Е. Бурно. М: Академический проект; ОППЛ, 2002. 858 с.

ТРИАДИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ ИСКУССТВА

Е.Е. Насиновская

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
nasinovskaya@yandex.ru

Предлагается трехкомпонентная структура предмета психологии искусства: полюс автора (творца), полюс реципиента (воспринимающего) и произведение искусства как культурный медиатор, сохраняющий и транслирующий смыслы. На полюсе автора происходит порождение и символическое кодирование смысла, на полюсе реципиента происходит восприятие и понимание смыслового содержания.

Искусство представляет собой пространство порождения, сохранения и трансляции смыслов. Создание произведения искусства — это смысловое постижение мира и воплощение результатов понимания в художественной форме.

Психологический анализ искусства приводит к необходимости дифференцировать *разные грани предмета психологии искусства*.

Нами выделены три основных аспекта этого предмета:

1. Процесс художественного творчества, **создание произведения искусства**, здесь акцент делается на личностных особенностях автора, проявляется интерес к его творческой биографии, мотивации творчества, кризисным моментам жизненного пути, используется метод патографического анализа, особое внимание уделяется механизмам порождения художественного продукта, причинам и условиям творческого акта, поднимается вопрос о художественном мышлении как особом способе постижения мира. Назовем этот аспект **полюсом автора** (Бродский, 1992; Голосовкер, 2010; Дугин, 2010; Можейко, 2002).

2. Второй аспект — это **само произведение искусства**. Исследуется структура, формальные характеристики готового эстетического продукта, присущие ему способы смыслового кодирования с целью проникнуть в механизмы воздействия искусства, понять природу эстетической реакции (Выготский, 1968; Бахтин, 2017). Произведение искусства представляет собой заново созданный арт-объект, «квази-объект», особую закодированную реальность, своеобразное «удвоение мира». Это — мир фантазии, воображения. Художественное произведение — символически оформленный эстетический объект — выполняет роль культурного медиатора, смысловой модели мира, которая расшифровывается и усваивается воспринимающим объект искусства зрителем, слушателем, читателем.

3. Наконец, **полюс реципиента** предполагает анализ процесса восприятия и понимания произведения искусства. Здесь особую роль играют индивидуальные психологические особенности человека, воспринимающего произведение искусства, учитывается активность реципиента. Согласно Т. Липпсу, восприятие произведения искусства целиком определяется духовным потенциалом личности, его созерцающей (Липпс, 2015). Через общение искусством, по мнению А.А. Леонтьева, осуществляется развитие личности. «Искусство есть своеобразный полигон, на котором люди учатся быть людьми» (Леонтьев, 1997).

Таким образом, триадическая схема предмета психологии искусства включает: полюс автора — произведение искусства — полюс реципиента.

Разумеется, выделенные компоненты структуры предмета психологии искусства взаимосвязаны и комплементарны, однако *каждый относительно автономен и имеет свою специфику (проблемы и методы исследования, специфические функции)*.

В современном дискурсе о природе и назначении психологии искусства приобретают особое звучание идеи таких мыслителей, занимавшихся проблематикой воображения и мифологии, как К.Г. Юнг, Ж. Дюран, А.А. Потебня, Я.Э. Голосовкер. Творчество в искусстве было бы невозможно без наличия соответствующего культурно-исторического контекста: знаковых систем разных видов искусства, культурных достижений, духовных ценностей, мифологии, устойчивых архетипических образов. Поэтому триадическая схема «творец — арт-объект — реципиент» начинает работать только при обязательном условии «погружения в глубины» коллективного бессознательного или «восхождения» к высшим аксиологическим уровням бытийных ценностей. Обсуждение этого вопроса требует обращения к концепциям коллективного бессознательного Юнга (Юнг, Нойман, 1998), имажинера Ж. Дюрана (Дугин, 2010), поэтического мышления Потебни (Потебня, 1989), имагинативного абсолюта Голосовкера (Голосовкер, 2010). Основная мысль в работах этих авторов заключается в том, что мифопоэтическое мышление не только исторически первично по отношению к логосу (мифос предшествует логосу), но продолжает продуцировать модели мира, оказывающие реальное воздействие на судьбы людей и ход истории.

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Эксмо, 20017.
2. Бродский И.А. Нобелевская лекция // Собр. соч.: в 4 т. СПб: Пушкинский фонд, 1992. Т. 1.
3. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968.
4. Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика мифа. М.: Изд. дом: Центр гуманитарных инициатив, 2010.
5. Дугин А.Г. Логос и мифос. Социология глубин. М.: Академический Проект; Трикста, 2010.
6. Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл, 1997.
7. Липпс Т. Эстетика [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.ws/book.php?book=1022035
8. Можейко М.А. Поэтическое мышление // Всемирная энциклопедия: Философия XX век. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2002. С. 603–605.

9. Потебня А.А. Психология поэтического и прозаического мышления // Слово и миф. М.: Правда, 1989.
10. Юнг К.Г., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. М.: Рефл-бук, 1998.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ИМПРОВИЗАЦИЯ КАК МЕТОД ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ И ОСНОВНЫЕ ПОЗИЦИИ ЕЕ УЧАСТНИКОВ

Е.Ю. Патяева, Ю.А. Якшина

Россия, Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова, факультет психологии
patyayeva@yandex.ru, ennerlen1@gmail.com

Доклад посвящен драматической импровизации — разработанному первым из авторов настоящего сообщения методу групповой психологической работы, направленной на фасилитацию саморазвития личности. Драматическая импровизация представляет собой творческую ролевую игру, помогающую участникам работать со своим жизненным опытом и определять себя в эмоционально-смысловом пространстве, создаваемом произведениями искусства. В докладе рассмотрены основные этапы данной практики, спектр значимых результатов, получаемых ее участниками, и выделены основные позиции участников.

Драматическая импровизация включает в себя чтение отрывка из произведения по ролям, его обсуждение, разыгрывание ролей разных персонажей и обсуждение «своих» возможностей дальнейшего развития сюжета — что позволяет участникам соединить в себе позиции читателя (зрителя), исполнителя и автора художественного произведения, создает условия для совместного проживания и освоения эмоционально-смыслового опыта, воплощенного в произведении (Патяева, 2015). Важным условием успешной драматической импровизации является предварительное создание в группе атмосферы доверия и взаимного принятия.

Драматическая импровизация предполагает несколько последовательных этапов работы.

На первом этапе происходит чтение произведения (или отрывка из достаточно объемного произведения) по ролям. Второй этап — обмен впечатлениями и обсуждение позиций героев, выявление и осмысление тех чувств и переживаний, которые вызвал прочитанный текст и у чтецов, и у слушателей.

Дальше возможны варианты. Вариант А состоит в том, что участники объединяются в микрогруппы от 2 до 5 человек и сочиняют свою версию сюжета — в зависимости от произведения это может быть либо продолжение описанных в тексте событий, либо другие варианты действий героев. Такое совместное творчество побуждает к принятию новой позиции — автора и героя одновременно, позволяя выйти за рамки пассивного восприятия текста. После этого каждая группа разыгрывает свою версию сюжета перед другими участниками, становясь таким образом в позицию исполнителей, с последующим обсуждением выступления. Вариант Б состоит в углублении обсуждения в общем кругу, с акцентом не только на тех чувствах, которые возникают у участников, но и на тех историях из их личного опыта, которые всплывают в памяти в ходе обсуждения. В этом варианте также могут обсуждаться возможные варианты дальнейших действий героев, дальнейшего развития событий. В целом, драматическая импровизация как метод групповой работы является достаточно гибким и открытым для творчества как со стороны ведущего, так и со стороны участников.

Завершается драматическая импровизация осмыслением полученного в ходе групповой работы опыта — сначала в общем кругу, затем в индивидуальной форме в виде рефлексивных отчетов, которые позволяют структурировать полученные впечатления и сформулировать для себя итоговые результаты данного процесса.

Спектр значимых результатов, отмечаемых участниками драматической импровизации, достаточно широк, поскольку такая групповая работа позволяет пережить свой собственный уникальный личностный опыт. Участники импровизации отмечают не только изменение понимания текста и его героев, но и углубление понимания себя и других людей, рост степени принятия себя и друг друга, изменение своей позиции в некоторых значимых ситуациях, выделение для себя новых принципов действия на будущее. Важным результатом участники называют также и возникновение не только ответов на те или иные значимые вопросы, но и рождение новых важных для них вопросов, «над которыми можно думать всю жизнь». Отдельным результатом оказываются позитивные эмоции и рост доверия друг к другу и взаимопонимания.

Вторым автором настоящего сообщения была проведена серия интервью с участниками драматической импровизации и были выделены два основных типа поведения при самоопределении в дра-

матической импровизации. *Активный тип* характеризуется личностной включенностью и внимательной работой с описанной в тексте ситуацией, вследствие чего она воспринимается как неопределенная и неоднозначная, а также постановкой собственных вопросов к героям, поиском скрытого смысла. Поведение участников активного типа в ходе придумывания и разыгрывания собственного сюжета дало основания для выделения *активного типа в рамках роли* и *активного типа с выходом за рамки роли,* в первом из которых демонстрируется высокая степень слияния с героем в импровизации, тогда как во втором участник достраивает смысловое поле героя и импровизирует, исходя в большей мере из собственных актуальных переживаний. Помимо активного типа поведения был выделен также *пассивный тип,* в котором текст воспринимается как нейтральный и определенный, не вызывает эмоционального отклика, а тенденция к преобразованию и достраиванию ситуации заменяется формальным разыгрыванием в соответствии с заданной ролью (Якшина, 2018).

1. Патяева Е.Ю. Драматическая импровизация: практика поддержки саморазвития личности // Журнал практического психолога. 2015. №3. С. 175–197.

2. Якшина Ю.А. Развитие способности к самоопределению в процессе драматической импровизации. 2018.

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ АКТЕРСКОЙ ОДАРЕННОСТИ

В.С. Собкин, Т.А. Лыкова

Россия, Москва, ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования»
sobkin@mail.ru, feo.tatiana@gmail.com

Представлены результаты лонгитюдного исследования личностных особенностей студентов-актеров. Рассматривается динамика личностных характеристик студентов в течение четырех лет обучения в театральном колледже.

Статья продолжает цикл наших работ, посвященных изучению социально-психологических особенностей студентов в процессе освоения актерской профессии (Собкин, 1984; Собкин, Феофанова, 2012; Собкин, Лыкова, 2015 и др.). Исследование проводится с использованием широкого набора тестовых методик, в том числе

теста Кеттелла 16 PF, теста Айзенка, теста С. Розенцвейга, методики MSCEIT 2.0, социометрии и авторской анкеты для изучения художественных предпочтений.

Одной из задач проекта является изучение личностных изменений студентов на протяжении всего времени обучения. В исследовании приняли участие студенты ГБОУ СПО г. Москвы «Московский театральный колледж» при ГБУК г. Москвы «Московский театр под руководством О.П. Табакова». Выборка в период с 2010 по 2015 г. составила 142 человека (97 мальчиков, 45 девочек) на I курсе, 79 человек (49 мальчиков, 30 девочек) на II курсе, 63 человека (38 мальчиков и 25 девочек) на III курсе и 47 человек (27 мальчиков и 20 девочек) на IV курсе.

Изучение динамики личностных особенностей проводилось с использованием теста Кеттелла 16 PF. Были сопоставлены средние суммарные профили по тесту на всех этапах обучения в театральном колледже — начиная с приемных экзаменов, далее на I, II, III и IV курсах. Данные представлены ниже в таблице.

Средние суммарные личностные профили студентов-актеров по тесту Кеттелла на разных этапах обучения в театральном колледже (баллы в стенах)

	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4
Прием N=142	7,6	7,2	6,4	7,1	5,9	5,3	8,3	8,7	5,6	6,0	3,6	5,1	7,4	3,6	6,4	4,9
Конец I курса N=142	7,2	7,2	5,8	6,8	5,5	5,3	7,6	8,6	6,2	5,7	3,8	6,0	6,7	3,4	5,9	5,9
Конец II курса N=79	7,0	7,5	5,5	7,1	5,5	5,4	7,3	8,6	6,6	5,8	3,9	6,7	6,9	3,9	5,6	6,3
Конец III курса N=63	6,6	7,7	5,7	7,2	5,4	5,4	7,4	8,6	6,9	5,8	3,4	6,6	7,5	4,3	5,9	6,4
Конец IV курса N=47	6,2	8,0	6,0	7,3	5,8	5,6	7,4	8,7	6,7	5,9	3,5	6,1	7,0	4,3	5,8	6,3

Анализ приведенных данных позволяет говорить о следующих тенденциях личностных изменений у студентов: от этапа приемных экзаменов (фактически начала I курса) к концу IV курса последовательно снижаются значения по шкалам A (общительность) и H (смелость); при этом показатели шкал L (подозрительность), O (тревожность), Q2 (нонконформизм) и Q4 (напряженность) возрастают. Рассмотрим выделенные тенденции более подробно.

Шкалы A, H и Q2 входят во вторичный фактор, выделенный Кеттеллом, — FII (экстраверсия). Высокие значения по нему свойственны социально контактным, активным людям, способным успешно устанавливать и поддерживать межличностные связи. Таким образом, в процессе обучения в театральном колледже у студентов отмечается снижение общей экстраверсии. Если рассматривать данную тенденцию с точки зрения особенностей актерской деятельности, можно предположить, что личностные изменения отражают особенности решения студентами сценических задач. Если на начальном этапе в качестве основных личностных качеств студенты использовали эмоциональную открытость, общительность, смелость, опирались на групповую поддержку, то к концу обучения значимость перечисленных характеристик для профессиональной успешности снизилась, возможно, уступив место другим качествам.

Другой выделенный комплекс объединяет шкалы L (подозрительность), O (тревожность) и Q4 (напряженность), они входят во вторичный фактор теста Кеттелла FI (тревожность), высокие значения по которому фиксируют проявления как ситуационной, так и личностной тревоги. Таким образом, на протяжении всего обучения в театральном колледже у студентов последовательно возрастают напряженность, подозрительность, неудовлетворенность. Это дает основания говорить о том, что, с одной стороны, в течение обучения они сталкиваются с большим количеством стрессовых ситуаций, в том числе связанных с критикой и внешней оценкой. С другой стороны, с точки зрения освоения актерской профессии это может быть рассмотрено и как позитивная тенденция, фиксирующая стремление к достижению наилучших результатов, поскольку чувство неудовлетворенности своими достижениями, ощущение конкурентной борьбы и высокий уровень общей энергии студентов могут способствовать совершенствованию их навыков и умений в освоении профессиональной актерской деятельности.

1. Собкин В.С. Опыт исследования личностных характеристик студента-актера // Психолого-педагогические аспекты обучения студентов творческих вузов. М.: ГИТИС, 1984. С. 22–37.

2. Собкин В.С., Лыкова Т.А. Опыт психологического обследования студентов-актеров // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2015. № 1. С. 74–84.

3. Собкин В.С., Феофанова Т.А. Личностные особенности студентов-актеров разных поколений: инвариантность и изменчивость // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 32–47,

ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ К ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ПО МЕТОДУ МУЗЫКАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Е.И. Ташкеева

Россия, Москва, ГАОУ ДПО Центр педагогического мастерства
Россия, Зеленоград, ГБУДО Детская хореографическая школа «Фуэте»
kaira_t@mail.ru

В сообщении описывается опыт занятий с детьми по методу музыкального движения. «Сердцевиной» эстетического воспитания оказывается отношение педагога к личности ребенка как к произведению искусства, в котором художественная форма — культура, культурные средства (музыка, совместный танец), — с одной стороны, преодолевает свойства материала (сложные черты характера, ограниченные возможности физики и психики, трудности саморегуляции и взаимодействия с другими детьми), а с другой стороны, раскрывает индивидуальность ребенка, являет его человеческое бытие.

Мне хотелось бы поделиться наблюдениями и размышлениями, возникшими благодаря проведению занятий по методу музыкального движения с детьми разных возрастов (от 1,5 до 11 лет). Несколько слов о самом музыкальном движении (МД): это направление свободного танца, возникшее под впечатлением искусства Айседоры Дункан в начале XX века в студии «Гептахор» (греч. «семеро пляшущих»); оригинальная система обучения танцу-импровизации, в которой движение оказывается способом более глубокого и действенного проживания музыки, ответом на нее (Айламазьян, 2018). Занятия проводились в разных учреждениях: в детских садах; школах (общеобразовательной, хореографической); интернате для детей, оставшихся без попечения родителей; в группе для детей с расстройствами аутистического спектра (РАС).

Встреча с детьми 3–8 лет из школы-интерната им. Преподобного Сергия и опыт работы с ними со всей остротой показали, насколько жизненно необходимой для человеческого существа в самом основании оказывается потребность утвердить свое бытие, существование в сознании другого человека: без этого отражения, присутствия в *другом* ты как будто не родился на свет. По этой причине так трудно просто встать с детьми в круг, в хоровод: каждому нужно взять взрослого за руку, оказаться рядом, ребенок жаждет этого внимания к своему существу. Воспитанники детских домов часто ждут подарков от гостей — как бы в знак того, что их заметили, увидели, обратились со вниманием. А бывает, ребенок сам хочет подарить что-то взрослому (любую безделушку, «сокровище»), передать материальную частичку себя другому или же — рассказ о себе. Поэтому так важно бывает выяснить, запомнил ли новый взрослый твое имя, сообщить ему о событиях своей жизни (с кем подрался или подружился, что любишь, а что нет), — чтобы взрослый унес этот рассказ с собой, сохранил тебя в себе (вспомним Лиса из «Маленького Принца» А. де Сент-Экзюпери и его просьбу «приручить»).

О.А. Седакова в одной своей работе обозначает проблему: искусство как диалог с *дальним* и христианство как обращенность к *ближнему* (Седакова, 2010). (Однако ближний или дальний — *другой: он* или *ты*, но не *я*; прежде всего, встает задача *увидеть другого*.) В творческой педагогике два эти плана сталкиваются, встречаются: конкретика наличного состояния и ви́дение возможного в ребенке, зоны его ближайшего и дальнего (потенциального) развития.

На занятиях МД в условиях довольно большой свободы дети проявляются очень ярко, такие, какие они есть: со всеми особенностями характеров, индивидуальных черт, способов взаимодействия друг с другом. Но предоставляемая свобода не означает, что не нужно «отсекать лишнее». В задачу педагога входит изменение привычных форм поведения и раскрытие индивидуальных возможностей ребенка. Обратимся к Л.С. Выготскому: «Культурное развитие не создает чего-либо нового сверх и помимо того, что заключено как возможность в естественном развитии поведения ребенка. Культура вообще не создает ничего нового сверх того, что дано природой, но она видоизменяет природу сообразно целям человека. То же самое происходит и в культурном развитии поведения. Оно также заключается во внутренних изменениях того, что дано природой в естественном развитии поведения» (Выготский, 2006). Способом такого преобра-

зования в нашем случае становится целостное включение ребенка в осмысленную деятельность — проживание музыки в движении (в музыкально-двигательных упражнениях, играх, танце).

Е.Е. Кравцова пишет: «Проанализировав творчество Л.С. Выготского, легко увидеть, что он всю жизнь занимался проблемами психологии искусства, психология искусства была для него во многом альфой и омегой его новой неклассической психологии. Одновременно он решал проблемы трудностей в развитии детей, определял специфику обучения детей с ограниченными возможностями, выделял соотношение обучения и развития. Оба эти направления исследований помогали решать ему проблемы, которые его волновали» (Кравцова, 2012). Пожалуй, эти столь разные источники культурно-исторической психологии создают единое поле теоретических исследований и практической работы на педагогическом «полигоне». В занятиях МД с детьми с РАС они оказываются тесно взаимосвязанными.

Занятие МД строится как единое цельное действие, создается благожелательная атмосфера: в контексте фонового чувства спокойствия и безопасности у ребенка формируются базовое отношение доверия и открытости миру, готовность к встрече с новым опытом. Кроме того, занятия для детей с РАС направлены на: активизацию телесных ощущений, кинестетической сферы; развитие чувства равновесия; формирование схемы тела и образа «Я»; приведение ребенка в контакт с самим собой и с реальностью (переменчивым внешним миром, другими людьми). Музыка и танец оказываются культурным средством, благодаря которому устанавливается взаимодействие ребенка с нарушениями коммуникативной сферы с другими, восполняются, восстанавливаются «надломы» эмоционально-волевой сферы его личности, выстраиваются «мостики» в общении с миром.

Ю.Б. Норштейн называет в числе своих «учителей» пещеры Альтамира и Ласко, «Пьету Ронданини» Микеланджело, «Спас» Андрея Рублева и «Возвращение блудного сына» Рембрандта, Ван Гога и др., но главное — своих внуков и вообще детей: «Глядя на их исполненные простодушия улыбки, на нежные узкие плечики, окаймленные рубашечками, понимаешь, что *все мировое искусство имеет смысл, если в наших душах открывается любовь*» (Норштейн, Ярбусова, 2006).

Эстетическое воспитание начинается там, где ребенок становится произведением искусства. Впрочем, кроме ценностной установки это означает постановку вполне конкретных задач и поиск их решений: «Организацией не символизирующих и уподобляющих, а реальных, творческих деяний определять образ человека — вот путь и такова задача педагогики» (Рубинштейн, 1986). В музыкальном движении организация таких творческих деяний состоит в создании условий, в которых ребенок может справиться с подчас разрушительными импульсами, открыть, проявить свое лицо и ответить на музыку танцем, пляской.

1. Айламазьян А.М. Выразительный человек: Психологические очерки. М.: Когито-Центр, 2018.

2. Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребенка // Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2006. С. 191–207.

3. Выготский Л.С. Психология искусства // Выготский Л.С. Анализ эстетической реакции. М.: Лабиринт, 2001. С. 164–416.

4. Кравцова Е.Е. Неклассическая психология Л.С. Выготского // Национальный психологический журнал. 2012. № 1(7). С. 61–66.

5. Норштейн Ю.Б., Ярбусова Ф.А. Сказка сказок. М.: Красная площадь, 2006.

6. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101–108.

7. Седакова О.А. Искусство как диалог с дальним // Седакова О.А. Четыре тома. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. IV: Moralia. С. 323–333.

ИНТОНИРОВАННОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И МУЗЫКОТЕРАПИИ

А.В. Торопова

Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет
allatoropova@list.ru

В работе обсуждается методологический и инструментальный потенциал категории «интонирование» как единицы анализа динамических проявлений потока психических переживаний личности, дающий возможность понимания механизма превращения уникального переживания индивида в психическое орудие человечества для сохранения опыта в интонационных знаках и символах пережитого. Представлен авторский подход к работе с интонированным переживанием субъекта в практической психологии и музыкотерапии.

Основанием для выдвинутого в названии доклада тезиса явилась мысль Л.С. Выготского о поиске целостных единиц анализа психической реальности личности в таких категориях как *переживание* и *знак* (Выготский, 1982). Развитие идеи операционализации категории «переживание» привело к пониманию психологической значимости выделения *наблюдаемого феномена «интонирование»*, который дает понимание *пути формирования знака переживания* в его видимой и слышимой экспрессии, а также превращения единичности переживания индивида через повторение и закрепление интонационного знака в формах искусства в психическое орудие культуры и практической психологии.

Переживания личности, рода, этноса или конфессии подвергаются интонационному означению в языках определенной культуры, порождая конвенциональные культурно-языковые нормы экспрессии переживаний. Данное положение теоретически обосновано в культурно-историческом подходе Л.С. Выготского и включает в себя феномен «социогенеза» интонирующей функции сознания и «символогенеза» интонационных знаков переживаемого личностью и социальными общностями.

Л.С. Выготским были выделены такие признаки переживания, как *интенциональность* (переживание чего-то), *индивидуальность* (субъектность) и *ситуативность*. Автор (Торопова, 2017) акцентирует внимание на том, что уникальность встречи *субъекта* с *ситуацией*, актуализирующая переживание в его *интенциональности* (направленности на-), может быть выявлена благодаря такой его характеристике, как *интонируемость переживания*, т.е. *выраженность для себя и других*, экспрессивность, проявляемая в ощущаемом самим субъектом телесном проживании момента, его видимом и слышимом «языке переживания». «Если *интенциональность* — это переживание “чего-нибудь”, то есть отвечает на вопрос *что*, то *интонируемость* — это *выраженное* переживание и отвечает на вопрос, *как* я это переживаю и проживаю» (Там же).

Наблюдаемым феноменом знаковой функции переживания, отражающим сущность переживания, как актуального, так и отсроченного, является ряд видимых, слышимых и ощущаемых знаков-интонем, т.е. *феномен интонирования*. Это дает возможность сделать категорию переживания *инструментальной*, то есть наблюдаемой в исследовании психической жизни как индивида, так и

социальных сообществ, этнических групп и других общественных структур.

Описанные теоретические положения делают осмысленными подходы к музыкотерапии, направленной на резонанс с пусковыми для нарушенных состояний переживаниями, проживания их для освобождения от их гнета и сдерживания (что создает дисфункциональное напряжение) и расширения сознания через обогащение доступных для интонирования состояний. Это голосовое или инструментальное соинтонирование музыкотерапевту, музыкально-пластическое движение с музыкой, импровизационные формы и многое другое (Mastnak, 2016; Торопова, 2012, 2013, 2017, 2018).

Смысловые и эмоциональные характеристики переживания тесно связаны с предъязыковыми способами экспрессии, которые отличаются от аналитического и вербального мышления и языка описания. Именно поэтому мы считаем эту линию исследований важнейшей для проработки и лечения широкого спектра аффективных расстройств. Подход на основе активной интеракционной музыкальной импровизации показал свою клиническую эффективность, особенно в психиатрическом и психосоматическом контекстах применения (Mastnak, 2011; Торопова, Львова, 2012, 2018а, 2018б; Mastnak, Toropova, 2018).

Как в образовании, так и в работе практического психолога с аффективными расстройствами и психическими отклонениями принятие во внимание индивидуальности переживаний пациента и его субъективного опыта телесно-интонированного переживания имеет кардинальное значение. Принимая во внимание, что каждое терапевтическое вмешательство включает в себя риск прямого или косвенного воздействия на личность и ее самопринятие, риск непреднамеренных манипуляций и вреда для самоотношения к своей идентичности, мы выступаем за использование наименее мощных методов, которые при этом способны дать терапевтический эффект. Психолог или музыкотерапевт рассматривается в качестве посредника, человека, который минимально модулирует вместе с пациентом внутри субъективного опыта переживаний через процессы музыкального интонирования, поддерживает на этом пути пациента, используя эмпатию и способности к со-интонированию переживаний.

Полученный опыт применения заявленного подхода в клинической практике психолога-музыкотерапевта будет представлен в докладе.

1. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. С. 5–361.
2. Торопова А.В. Интонирующая природа психики. М.: ООО «Издательство Ритм», 2013. 340 с.
3. Торопова А.В., Львова Т.В. Опыт музыканта в психологической реабилитации детей с психосоматическим профилем личности. М.: ООО «Ритм», 2012. 179 с.
4. Торопова А.В. Архитектоника интонированного переживания (к обсуждению некоторых идей Л.С. Выготского). Развитие личности. 2017. № 3. С. 78–93.
5. Mastnak W. Klangszenenimprovisation in Psychoprävention & Therapie. Musik-, Tanz- und Kunsttherapie. 2011. Vol. 22 (4). P. 1–12.
6. Mastnak W. Community Sound Work: Music in open health settings — voice and body, inclusion and therapy, individuality and indication. International Journal of Community Music. 2016.Vol. 9 (1), 49-63.
7. Toropova A., Lvova T. The Healing Effects of Music Activity with Emotionally blocked children // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS). 2018a. Vol. XLIII. July. P. 482–488.
8. Toropova A., L'vova T. Musical-Activity Therapy as a Supplemental Method of Rehabilitating Children with Bronchial Asthma // Journal of Russian & East European Psychology. 2018б. Vol. 55 (1). P. 53–84.
9. Mastnak W., Toropova A. Experiencing of Music as the Basis of the Effectiveness of Music Therapy // Journal of Russian & East European Psychology. 2018. . Vol. 55 (1). P. 1–14.

ЖИЗНЕТВОРЧЕСКИЙ АКТ В УСЛОВИЯХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Ю.И. Фролов

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
frolov.ui@gmail.com

Рассматриваются возможность получения и дальнейшее использование продукции бессознательного для психологически выверенного принятия решения конкретным человеком в реальной жизни. Показано, что путем организации аналитической части творческого акта можно создавать условия для систематического взаимодействия сознательной и бессознательной составляющих, что приводит к активации конструктивных процессов.

Рассматривая в предельном варианте искусство «как метод строения жизни», как «диалектический подход к строению жизни» и как «орудие овладения реальностью», Л.С. Выготский дает

наметки своего понимания стратегии психологического исследования творческого/жизнетворческого акта: «Будущие исследования, вероятно, покажут, что акт искусства есть не мистический и небесный акт нашей души, а такой же реальный акт, как и все остальные движения нашего существа, но только превосходит своей сложностью все прочие. И наше исследование обнаружило… что акт искусства есть творческий акт и не может быть воссоздан путем чисто сознательных операций, но если самое важное в искусстве сводится к бессознательному и творческому — значит ли это, что всякие сознательные моменты и силы вовсе из него устранены? Обучить творческому акту искусства нельзя, но это вовсе не значит, что нельзя воспитателю содействовать его образованию и появлению. Через сознание мы проникаем в бессознательное, мы можем известным образом организовывать сознательные процессы, чтобы через них вызвать процессы бессознательные, и кто не знает, что всякий акт искусства непременно включает как свое обязательное условие предшествующие ему акты рационального познания, понимания, узнавания, ассоциации и т.п. Было бы ложно думать, что последующие бессознательные процессы не зависят от того направления, какое мы дадим процессам сознательным; организуя известным образом сознание, идущее навстречу искусству, мы заранее обеспечиваем успех или проигрыш этому произведению искусства» (Выготский, 2000).

Мы рассмотрим три варианта реализации данной исследовательской стратегии. Во-первых, это работа П.Я. Гальперина и В.Л. Даниловой (1980) по воспитанию систематического мышления в процессе решения малых творческих задач. Авторы данного исследования (прямо не реализуя положение Выготского) исходили из того, что в ходе решения творческих задач различаются два рода процессов: «процессы анализа» и «процессы конструирования» — исследование того, что есть, и построение того, чего нет, что «нужно придумать», чтобы получить решение задачи.

Другой психолог — К.-Г. Юнг — на протяжении всей своей жизни занимался разработкой и совершенствованием метода для доступа к материалу бессознательного через определенную сознательную установку. В 1916 г. он пишет статью «Трансцендентная функция» (Юнг, 1997). Трансцендентная функция тесно связана с конструктивной точкой зрения на психическую жизнь человека, включающую в себя и бессознательное. Она опосредует переход

от одной установки к другой путем объединения сознательных и бессознательных содержаний.

Юнг подчеркивает, что для полного привлечения продукции бессознательного надо стремиться привлекать как образный/эстетический, так и интеллектуальный/понимающий способ. Они дополняют друг друга, и чрезмерное увлечение одним из них может привести к перекосу. Юнг, на наш взгляд, берется за разработку техники искусственного вызова материала из бессознательного с целью организации в контролируемых условиях «развертывания регулирующего противодействия» этого материала с критическим умом современного человека. Дело даже не в том, что этот ум заточен на устранение всего иррационального, но в том, что саму практику обращения с символическими посланиями из бессознательного с определенного момента стали замещать менее прихотливые средства знакового ряда, например жребий в варианте Выготского. Можно считать, что с определенного момента культурно-исторического развития символическое опосредствование психики стало сменяться на знаковое.

В рамках нашего исследования мы обратились к ситуации принятия решения людьми в кризисных условиях, когда также имеется ситуация «однократного и необходимого действия». Безусловно эта ситуация будет являться жизнетворческой, так как у людей нет готовых способов решения и от них требуется нахождение чего-то нового там, где все кажется давно проясненным.

Нашей задачей являлось вплетение в пятишаговую модель принятия решений (Айви и др., 1999) активного воображения с целью стимуляции и получения продукции бессознательного как полноценного материала для организации ориентировки в условиях личностного выбора у лиц, обратившихся за психологической помощью.

Таким образом, в организуемых нами консультативных условиях, касающихся принятия решения, достаточно отчетливо прослеживаются следующие стадии:

1. **Взаимопонимание**, феноменологическое описание проблемы и структурирование этапов предстоящей совместной работы.

2. **Сбор информации** с целью определения и укрепления рациональной позиции Эго-сознания в достижении желаемого результата **и выработка альтернативных решений.**

3. **Формулирование запроса к бессознательному** путем «активного воображения» до получения первых посланий-ответов в виде «внутренней формы», с дальнейшим преобразованием ее во «внутреннюю фигуру».

4. **Формирование «трансцендентной функции»** и систематическое использование ее в качестве культурного средства для установления **диалога** между сознательной и бессознательной позициями для «вычитки запроса к жизни», т.е. до получения **желаемого результата**.

5. **Обобщение результатов и сопровождение** подопечного в реализации найденного решения.

Вряд ли кто будет отрицать, что, во-первых, принятие человеком решения в критических ситуациях является жизнетворческим актом; во-вторых, что он не может быть результатом только чисто сознательных операций; в-третьих, что путем организации аналитической части творческого акта можно создавать условия для систематического взаимодействия с бессознательным, что приводит к активизации конструктивных процессов.

1. Айви А.Е., Айви М.Б., Саймэк-Даунинг, Л. Психологическое консультирование и психотерапия. Методы, теории и техники. Практическое руководство. М.: 1999. 487 с.

2. Выготский Л.С. Психология искусства. СПб., 2000. 416 с.

3. Гальперин П.Я., Данилова, В.Л. Воспитание систематического мышления в процессе решения малых творческих задач // Вопросы психологии. 1980. № 1. С. 31–40.

4. Юнг К.Г. Сознание и бессознательное: Сб. СПб.: 1997. 544.

ГЕРМЕНЕВТИКА КИНОИСКУССТВА КАК УСЛОВИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

В.Б.Хозиев

Россия, Дубна, государственный университет «Дубна»
V_hoziev@mail.ru

В тезисах представлен 25-летний опыт построения системы обучения психологов и клинических психологов, в основе которого герменевтика киноискусства. Показана близость задач герменевтики киноискусства и консультативной работы психологов. Описаны основные моменты развертывания киноматериала и решаемые будущими студентами-психологами герменевтические задачи.

Профессионализация остается по сей день слабо осознанным и освоенным пространством для сообщества психологов. Если отбросить множественные сомнения, традиционно сопровождающие цех психологов, о том, что же является основным направлением психологической профессии, то, видимо, указание на «психологическое консультирование» будет наиболее точным его указанием. Все остальное — исследовательская, прикладная, просветительская и другие задачи — имеют подчиненное значение.

Разобщенность психологического сообщества на «теоретиков» и «практиков», экспериментаторов и тех, кто занимается психотерапией и коррекцией, профессионалов и любителей имеет известные причины, имя и родословную. Исторический кризис психологии, который в самой науке еще предстоит преодолеть, в психологическом образовании порождает отсутствие общих начал в концептуальном движении, катастрофическую многосмысленность и неопределенность, когда речь заходит о практических профессиональных действиях. Особенно остро внутренний разрыв начинает ощущаться в узловых вопросах и проблемах вполне конкретных психологических задач, например, в проблеме невнимательности младшего школьника. На первый взгляд, очевидно, что нужно начинать формировать у школьника произвольное внимание, т.е. воздействовать на него «когнитивно», отрабатывать новые действия, «операторно оснащать»! Вместе с тем расширение контекста проблемы и консультативный опыт наблюдения невнимательного ребенка показывают, что не во внимании как таковом дело и не в «когнициях». Но, например, в выученной беспомощности и мотивации учебной деятельности, в родительском воспитании и патогенном социальном контроле ребенка, в учителе и учебной ситуации и еще массе других важнейших психологических деталей, которые, впрочем, никак не вытекают из первичного взгляда на ситуацию и находятся вообще в другой плоскости, нежели «когниции», «абсорбции» и другие показатели собственно внимания.

Герменевтика искусства — не просто аналогичная психологическому консультированию задача, но почти тождественная. Среди герменевтических макрозадач отметим такие, как отделение языка произведения от сюжета, рефлексия художественных средств автора, раскрытие логики и психологии сюжетных линий, понимание замысла режиссера, характеристики эстетических задач эпохи и, наконец, главное: развитие личности героя произведения. Каждой

из этих задач можно поставить в соответствие задачу из психологического консультирования, и среди них — центральную сверхзадачу — понимание метаморфоз героя через раскрытие некоторого внутреннего закона художественно намеченных обстоятельств. В консультировании эта задача решается через раскрытие условий становления подопечного и понимание основных трендов его развития.

Заметим, что конкретной исследовательской или прикладной программы превращения культуры, пусть даже и в варианте герменевтики, в психологические ориентиры конкретной личности у нас нет. В культуре множество различного рода единиц (от фонем до сем, от мифологем до дискурсов, от единичных паттернов популярного в возрастной страте поведения до базовых этнических ценностей и др.), способных конституировать жизненный опыт психолога и его рефлексию. Поэтому на вопрос, какое искусство может лечь в основу дебюта профессиональной ориентировки в Другом, — можем ответить, что нет сомнений, что литература, театр, живопись, танец, музыка, архитектура, дизайн и др. способны при определенных условиях выполнить эту же миссию. Но приоритет у кинематографа. Все же опыт восприятия фильмов (стало быть, сюжетов) у абитуриентов имеется, хотя в довольно зачаточном и синкретическом состоянии. Вместе с тем кинематограф в рамках герменевтической задачи позволяет удерживать сюжет, занимать определенную позицию (начинающего или опытного зрителя, режиссера, актера, критика и др.), переходить от анализа уровня «похоже или не похоже на жизнь» к характеристике эстетических, нравственных, этических позиций, представленных в фильме, и др.

Общий путь и этапы развертывания герменевтических задач не выглядят простыми и очевидными. Литические и критические периоды развития студента-психолога, выстроенные в некую последовательность, могут представлять лишь идеальный проект профессионализации. В действительности есть множество линий в развертывании содержания киноискусства, при этом герменевтические и профессиональные задачи могут быть вполне рассинхронизированными: например, когда одна задает зону ближайшего развития для другой. Тем не менее прочертим перспективу, которая согласуется еще и с программой студенческих практикумов и практик: от анализа художественной единицы в группе к индивидуальной эссеистике, от кинематографа 60-х (итальянского, французско-

го, советского и др.) к более сложным феноменам кинокультуры; от предметности группообразования к обособлению и одиночеству личности; от нормы к аномалии; от кросс-культурных сравнений (например, систем воспитания) к внутрикультурным процессам; от переходов между концептуальными основаниями кинематографа: реализм, футуризм, постмодернизм и др. к движению по востребованной в учебном процессе проблематике: нейро- и патопсихологическая правда, детское развитие, семейная динамика, личность в кризисе, ресурсы личностного копинга и др.

Основой нашего экспериментирования является метод формирования, проходящий ряд этапов моделирования решений: дискуссия в группе, эссе, редактирование преподавателем (управляемая импровизация), усложнение задач (от единичного анализа к парному анализу фильмов; от характеристики сюжетной линии к анализу культурологической задачи, к анализу кинематографического стиля (к анализу психологизма фильма, т.е. метода, каким режиссер, автор сценарий и актеры решают задачу включения зрителя в проблему) и др. Психологическая консультативная реальность (человек, ситуация, отношение, нарратив и др.) трактуется нами всякий раз расширительно, через раскрытие ее контекста, прослеживание предыстории, открытие невидимого смысла. За каждым понятием, положением, концепцией представляется сложная (во времени приобретающая многомерность, «отягощенность» привходящими историческими обстоятельствами) суперпозиция оснований, идей, воззрений. Герменевтика киноискусства на этом пути — первый, начальный, материализованный этап формирования, когда студент начинает систематически решать задачу понимания мотивов, поступков и поведения других людей. Этот этап непременно связан с децентрацией, разложением своей эгоцентричной позиции на внутреннюю, внешнюю и рефлексивную. План рефлексии будущего психолога еще только предстоит построить, но движение в эту сторону в представленной нами содержательной и методической системе лишь дело времени.

6.
ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ТОЧНАЯ НАУКА

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ АВТОРОВ ВИКИПЕДИИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО СЕГМЕНТА)

Е.А. Брызгалин, А.Е. Войскунский, С.А. Козловский

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
r0ld@mail.ru

Проведено эмпирическое исследование смысложизненных ориентаций у авторов русскоязычной Википедии (N = 85) с помощью теста СЖО Д.А. Леонтьева. Авторы Википедии проявляют психологическую пластичность в нахождении смысла жизни, черпая его из прошлого (результативности жизни, или удовлетворенности самореализацией), настоящего (процесса жизни, или интереса и эмоциональной насыщенности жизни) и будущего (поставленных жизненных целей) на базе интернального локуса контроля.

Онлайн-энциклопедия Википедия создана и продолжает развиваться на сотнях языков благодаря работе добровольцев со всего мира. Участники проекта придерживаются философии «свободного контента», провозглашающей высшей ценностью свободу и равенство в доступе к информации. Они аккумулируют и упорядочивают огромное количество неструктурированной информации (информационный хаос) в стройную систему знаний (Tkacz, 2014). В совместной созидательной деятельности носителей индивидуальных смыслов (со-субъектов) информационные элементы включается в контекст разнообразных отношений, что способствует формированию общего смыслового фонда (Леонтьев, 2007).

Помимо анализа внешне объективированных форм поведения авторов Википедии в исследовании поставлена задача приблизиться к пониманию смысла их творческих проявлений, однако отчеты об их смысловой сфере практически не представлены в академической литературе. Таким образом, **цель** исследования — выявить специфические смысложизненные ориентации наиболее продуктивного и опытного ядра википедистов в пределах русскоязычного сегмента.

Методика: тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева является модифицированной и адаптированной версией методики «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) Дж. Крамбо и Л. Махолика; он представляет собой эмпирическую валидизацию частных положений логотерапии В. Франкла и оценивает степень осмысленности и вовлеченности человека в жизнь (Леонтьев, 2006). Согласно информации Е.Н. Осина, имеются обновленные ключи к субшкалам теста, но поскольку данный вариант не опубликован, то интерпретация проводилась по ранее изданным ключам. Тест смысложизненных ориентаций демонстрирует удовлетворительную надежность (альфа Кронбаха в диапазоне от 0,65 до 0,84) и дискриминантную валидность.

Способ привлечения к участию и формирования выборки: в Google Forms был сформирован онлайн-опросник, далее с помощью администраторов Википедии (никнеймы Ctac и Shakko) во внутреннем форуме Русской Википедии было размещено приглашение принять участие в исследовании.

Участники исследования: авторы русскоязычной Википедии (N = 85), из которых 20% — это администраторы. Превалируют мужчины — 94%. Средний возраст мужчин — 34,7 года; женщин — 35,8 года; медиана составила 33,5 лет, размах — 51 год. Средний «стаж» испытуемых в написании и редактировании энциклопедических статей — 7,8 года.

Результаты: авторы Википедии демонстрируют преимущественно средний и высокий уровни осмысленности жизни, о чем

Результаты исследования смысложизненных ориентаций

Шкалы теста СЖО	Мин.	Макс.	Среднее	Медиана	Выборка (N=85)		
					Низкие баллы (%)	Средние баллы (%)	Высокие баллы (%)
Цели	6	42	28	28	12	46	42
Процесс	6	42	26,6	28	12	55	33
Результат	5	35	22,7	24	12	43	45
Локус контроля — Я	4	28	18,4	18	10	46	44
Локус контроля —жизнь	12	42	27,2	27	11	54	35
Общий показатель ОЖ	18	84	55,2	55	123		

свидетельствует высокий интегральный показатель, выражающий положительную перспективу в нахождении смысла жизни.

Рассмотрим полученные результаты отдельно по каждой субшкале.

1. **Цели в жизни**. У подавляющего большинства респондентов (88%) наличествуют личные цели на будущее, что вкладывает в их жизнь содержательную направленность и временну́ю перспективу. При общем высоком уровне ОЖ низкие баллы по этой субшкале присущи 12% респондентам, живущим сегодняшним или вчерашним днем.

2. **Процесс жизни**. Превалирующая часть респондентов (88%) расценивает процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом, тогда как 12% не удовлетворены своей жизнью в настоящем.

3. **Результативность жизни**. Значительное количество респондентов (88%) ощущают продуктивность и удовлетворенность самореализацией прожитой частью жизни. Недовольство пройденным жизненным этапом испытывают 12% участников исследования.

4. **Локус контроля — Я**. Восприятие себя как сильной личности («хозяина жизни»), обладающей достаточной свободой выбора для построения собственной жизни в соответствии с индивидуальными целями и представлениями о ее смысле, характерно для 90% респондентов. Наряду с этим 10% ответивших не верят в управляемость жизненных событий.

5. **Локус контроля — жизнь**. Изрядная доля респондентов (89%) убеждены в том, что они могут сполна контролировать свою жизнь, свободно принимая решения в воплощении намеченных целей. Остальным испытуемым (11%) свойствен фатализм — вера в то, что жизнь неподвластна сознательному контролю, так как свобода выбора иллюзорна и бессмысленно что-либо загадывать на будущее.

Осуществлен начальный этап планируемого исследования. Дальнейшая работа ставит целью углубиться в целостное понимание смысложизненных ориентаций онлайн-энциклопедистов в плане их психологической гибкости в нахождении смысла жизни по отношению к прошлому, настоящему и будущему. Ожидаемым практическим результатом станут рекомендации относительно смыслонаполнения жизни посредством дистантного просвещения.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00515.

1. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций. (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2006.
2. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007.
3. Tkacz N. Wikipedia and the Politics of Openness. University of Chicago Press, 2014.

АНТИЦИПАЦИОННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ ДУШЕВНОГО ЗДОРОВЬЯ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

О.И. Даниленко

Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет
danilenko.olga@gmail.com

Раскрывается содержание концепта «душевное здоровье», формулируются критерии душевного здоровья. Показано, что в транзитивном обществе условием сохранения и укрепления душевного здоровья является продуктивное решение психогигиенических задач, обеспечивающее реалистическое целеполагание, адаптацию и саморегуляцию субъекта с учетом быстрых изменений в общественной и культурной жизни. Учитывание этих изменений осуществляется благодаря антиципационной состоятельности субъекта.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-06-00477а.

Быстрые изменения в общественной и культурной жизни, характерные для транзитивного общества, создают предпосылки для переживания психологического стресса людьми во всех развитых странах мира. Одним из следствий радикальных преобразований в нашей стране стало увеличение относительного числа граждан, у которых перемены спровоцировали негативные последствия для психологического благополучия личности (Юревич, Ушаков, 2012 и др.). Задача психологической науки и практики в этой ситуации — поиск ресурсов, обеспечивающих субъекту возможность предупреждать возникновение стресса и/или успешно осуществлять совладание со стрессом.

Душевное здоровье человека мы рассматриваем как ресурс предупреждения и успешного преодоления стресса. Нами была предложена и получила развитие концепция душевного здоровья (Дани-

ленко, 2011; Концепт душевного здоровья…, 2014 и др.). Душевное здоровье трактуется как динамическая характеристика индивидуальности, которая отражает и обусловливает способность человека ставить принципиально достижимые смыслообразующие цели и реализовывать их, осуществляя саморегуляцию и согласовываясь с требованиями социокультурной и природной среды в широкой временно́й перспективе. Это характеристика, меняющаяся на протяжении жизни, подобно физическому здоровью. Мерой душевного здоровья человека является его способность к продуктивному преодолению сложных жизненных ситуаций. Сформулированы четыре универсальных критерия душевного здоровья: наличие смыслообразующих жизненных целей; адекватность деятельности социокультурным требованиям и природному окружению; переживание субъективного благополучия; благоприятный прогноз. В транзитивном обществе сохранение душевного здоровья предполагает активное, самостоятельное творческое решение ряда задач, которые мы обозначили как психогигиенические, в том числе: осуществление целеполагания и действий, направленных на достижение значимых целей; адаптации к культурной, социальной и природной среде; саморегуляции.

Критерий благоприятного прогноза предполагает, что решения, которые принимает субъект, сохраняя свое душевное здоровье, могут быть продуктивными лишь в случае, если в них учитывается изменяющаяся реальность — как внешние обстоятельства жизни человека, так и собственные характеристики, которые неизбежно меняются со временем. Предпосылкой для совершения такой внутренней работы является антиципационная состоятельность (прогностическая компетентность) личности как способность с высокой вероятностью предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и собственных реакций на них, а также действовать с временно-пространственным упреждением (Ничипоренко, Менделевич, 2006). Проведенные нами эмпирические исследования выявили, что показатели антиципационной состоятельности студентов положительно коррелируют с уровнем субъективного благополучия и академической успеваемостью и могут выступать в качестве предиктора этих характеристик (Даниленко, Горбунов, 2018; Даниленко, 2018; и др). Полученные результаты свидетельствуют о позитивной роли антиципационной состоятельности в сохранении и укреплении душевного здоровья человека.

1. Даниленко О.И. Душевное здоровье как динамическая характеристика индивидуальности // Культурно-историческая психология. 2011. № 2. С. 52–58.
2. Даниленко О.И. Антиципационная состоятельность как предиктор субъективного благополучия студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 3. С. 264–268.
3. Даниленко О.И., Горбунов И.А. Антиципационная состоятельность как личностный ресурс студентов // Вопросы психологии. 2018. № 3. С. 33-43.
4. Концепт душевного здоровья в человекознании. Коллективная монография / Отв. ред. О.И. Даниленко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. 271 с.
5. Ничипоренко Н.П., Менделевич В.Д. Феномен антиципационных способностей как предмет психологического исследования // Психол. журн. 2006. Т. 27. № 5. С. 50–59.
6. Юревич А.В., Ушаков Д.В. Экспертная оценка динамики психологического состояния российского общества. 1981-2011 // Вестник Российской академии наук. 2012. Т. 82. № 10. С. 930–937.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТНОГО ВЫБОРА СУБЪЕКТОВ

Ю.А. Дмитриева, С.Ю. Коробова

Россия, Челябинск, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет» (НИУ)
dmitrieva.julia.86@mail.ru, korobovasi@susu.ru

Рассматривается актуальность исследования толерантности к неопределенности в контексте изучения личностного выбора и жизнестойкости субъектов. В исследовании приняли участие 70 студентов ВУЗа. Представлены результаты корреляционного анализа толерантности к неопределенности, жизнестойкости и стратегий личностного выбора субъектов. Выявлены взаимосвязи толерантности к неопределенности со шкалами опросника жизнестойкости и стратегией личностного выбора «осознание и принятие внешней трудности».

Введение

Неопределенность является неотъемлемой частью любой ситуации развития и становления человека, дает возможность вариативного поведения, свободы и творчества, и при этом требует сложности внутреннего мира (Зинченко, 2007), а также не только когнитивной, но и личностной оценки действий и их последствий (Корнилова, 2015). Толерантность к неопределенности выступает условием достижения личностной зрелости и противостояния стрессам (Леонтьев, 2015).

При этом, толерантность к неопределенности во многом определяется не адаптированностью субъекта в данный момент, а сформированностью готовности к деятельности в ситуациях неопределенности (Шамионов, 2016).

Таким образом, толерантность к неопределенности выступает условием личностного развития и требует от субъекта внутренней сложности и готовности к нахождению в неопределенных условиях.

Гипотеза исследования

Существует взаимосвязь толерантности к неопределенности и жизнестойкости со стратегиями личностного выбора субъектов.

Выборку исследования составили 70 студентов, из них 30 девушек и 40 юношей.

Методики исследования

Толерантность к неопределенности исследовалась при помощи показателя общей толерантности к неопределенности опросника MSTAT-I Д. Маклейна в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина, Е.Г. Луковицкой, (Леонтьев и др., 2016).

Жизнестойкость исследовалась при помощи опросника жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.В. Рассказовой (Леонтьев, Рассказова, 2006).

Личностный выбор исследовался при помощи опросника «Типология личностного выбора» В.Г. Грязевой-Добшинской, А.С. Мальцевой, состоящего из двух независимых шкал — стратегий личностного выбора жизненного пути — «рефлексия и поддержка внутренней сложности» и «осознание и принятие внешней трудности» (Грязева-Добшинская, Мальцева, 2016).

Результаты исследования

Корреляционный анализ проводился с помощью непараметрического критерия r_s Спирмена.

Выявлены статистически значимые взаимосвязи толерантности к неопределенности со всеми шкалами опросника жизнестойкости. Общий показатель толерантности к неопределенности положительно коррелирует как с суммарным показателем жизнестойкости ($r_s = 0{,}606$, $p \leq 0{,}01$), так и с отдельными шкалами: вовлеченностью ($r_s = 0{,}507$, $p \leq 0{,}01$), контролем ($r_s = 0{,}634$, $p \leq 0{,}01$), принятием риска ($r_s = 0{,}543$, $p \leq 0{,}01$).

Выявлена статистически значимая взаимосвязь толерантности к неопределенности со стратегией личностного выбора «осознание и принятие внешней трудности» ($r_s = 0{,}494$, $p \leq 0{,}01$). Не выявлено

статистически значимых взаимосвязей со стратегией личностного выбора «рефлексия и поддержка внутренней сложности». Можно предположить, что толерантность к неопределенности не требует рефлексии сложности внутреннего мира как обязательного условия.

Выводы

1. Выявлены взаимосвязи толерантности к неопределенности со всеми шкалами опросника жизнестойкости (вовлеченностью, контролем, принятием риска), а также с суммарным показателем жизнестойкости.

2. Выявлена взаимосвязь толерантности к неопределенности со стратегией личностного выбора «осознание и принятие внешней трудности».

1. Грязева-Добшинская В.Г., Мальцева А.С. Типология личностного выбора жизненного пути: описание методики и результаты психометрической проверки // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2016. № 2. С. 14–21.

2. Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 3–20.

3. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 3.

4. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 2.

5. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Луковицкая Е.Г. Диагностика толерантности к неопределенности: Шкалы Д. Маклейна. М.: Смысл, 2016. 60 с.

6. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.

7. Шамионов Р.М. Соотношение толерантности к неопределенности и адаптационной готовности личности к изменениям // Вестник РУДН. Серия: Педагогика и психология. 2016. № 3. С. 28–39.

ДИАГНОСТИКА ИЗМЕНЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ШКОЛЬНИКОВ О ПЕРСОНАЛЬНОМ КОМПЬЮТЕРЕ В ХОДЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Е.А. Дорохов, А.Н. Гусев

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
dorohov.e@mail.ru , angusev@mail.ru

В статье рассмотрен подход к изучению представлений человека об персональном компьютере в контексте изучения ментальных моделей. Описан порядок создания методики изучения ментальных моделей персонального компьютера у школьников и основные результаты исследования изменения

представлений о компьютере по итогам образовательного воздействия. Показано, что в сравнении с контрольной группой у школьников, участвовавших в семинарах, посвященных анализу роли компьютера в обществе, представление о компьютере стало более насыщенным и получило по своему наполнению новое содержание.

В психологических исследованиях, посвященных изменению человеческих представлений о различных объектах и процессах внешней среды, большую роль играет понятие о структуре единиц организации опыта. Эти единицы в истории психологии назывались разными терминами. Так, в необихевиоризме исследовались когнитивные карты пространства (Tolman, 1948), в когнитивной психологии использовались термины «когнитивная схема» (Найссер, 1981) и «ментальная репрезентация» (Jonson-Laird, 2004); также известны понятия «образ мира» (Леонтьев, 1983) и «ориентировочная основа действия» (Талызина, 1984).

Используемый нами для операционализации понятия «представление» термин «ментальная модель» был предложен Кеннетом Крэйком в 1943 году, как обозначение имеющейся у человека внутренней модели того, как «работает» внешний мир (Craik, 1943). Данный конструкт обозначал ту основу опыта человека, которая позволяет ему строить предсказания будущего поведения объектов внешнего мира и определять закономерности событий. С развитием исследований в данном направлении происходил постепенный переход от изучения ментальной модели как аналога внешнего мира к изучению самой ментальной модели как особого субъективного (психологического) пространства. Этот переход особенно был заметен в стремлении изучить метрики этих ментальных пространств. Примером таких исследований могут служить работы С. Косслина по сравнению пропозициональных и наглядных репрезентаций (Косслин, 2011). Ментальная модель, как третий вид ментальной репрезентации, был описан Ф. Джонсоном-Лэйрдом как смесь пропозициональных и наглядных репрезентаций, с преобладанием наглядного материала (Jonson-Laird, 2004).

В русле изучения ментальных моделей различных систем был создан ряд методик, позволяющих эксплицировать представления человека о каком-либо процессе или объекте в формате графа, рисунка, схемы (Jones et al., 2011). При использовании качественных методов изучения ментальных моделей проблема-

тичным становится сравнение результатов респондентов между собой. При этом стремление получить численную оценку представления так же ставит перед исследователем труднодостижимую задачу — создание такого единого «эталона» представления, по сравнению с которым можно будет оценить ответы *всех* респондентов.

Для использования преимуществ качественного и количественного подходов нами была разработана и апробирована методика изучения представлений человека о персональном компьютере, при разработке которой использовалась смешанная, качественно-количественная методология планирования исследований (Дорохов, 2018). В основе разработки методики лежал качественный анализ используемых при описании персональных компьютеров понятий различными группами пользователей, собранных в серии групповых интервью со школьниками (N = 25), взрослыми, не имеющими специального образования в сфере компьютерных наук (N = 22), и профессиональными программистами (N = 24). Далее, все собранные в рамках первого этапа понятия были предложены другим участникам исследования с задачей свободной сортировки: «Разделите указанные понятия на любое количество групп». На данном этапе принимали участие и другие респонденты, однако они также отбирались из указанных выше групп (22, 21 и 22 человека соответственно).

По итогам сортировки для каждой пары понятий были посчитаны частоты их попаданий в одну группу. Эти частоты задавали меру близости понятий друг к другу. На основе рассчитанных коэффициентов близости были построены многомерные психологические пространства, отображающие основные характеристики представлений респондентов о компьютере, отдельные пространства для каждой группы. Выделяемые при построении таких пространств оси соответствовали латентным характеристикам, используемым респондентами при сортировке понятий. Кроме того, исследователь получает возможность оценить степень близости каждого понятия к другим.

С использованием описанной методики было проведено исследование изменений представлений школьников по итогам образовательного воздействия. План нашего исследования предполагал проведение серии встреч со школьниками X класса по теме «Роль современных компьютерных технологий в обществе» и диагности-

ку их представлений до и после воздействия (N = 6). С контрольной группой (N = 6) подобных встреч не проводилось, проводились лишь два диагностических обследования. Каждая встреча предполагала обсуждение найденных школьниками примеров применения современных компьютерных технологий (виртуальной реальности, медицинских технологий и технологий защиты данных) в жизни современного человека. Каждый пример оценивался как иллюстрирующий сильные и слабые стороны технологии, а также их возможности и угрозы. Всего с первой группой были проведены четыре такие встречи.

Анализ изменений представлений участников первой группы по сравнению с контрольной группой позволил сделать ряд наблюдений: (1) элементы, относимые участниками в группу понятий, описывающих социальную оценку компьютера, изменились после воздействия; (2) в построенных многомерных психологических пространствах бóльшую роль стали играть такие описания действий компьютера, как «расширяет границы», «развивает фантазию», «хранит личные данные»; (3) оценка близости таких описаний, как «срастается с человеком», «погружает в новый мир», «изменяет людей», «дает возможности», стала выше.

Указанные изменения могут свидетельствовать, с одной стороны, о валидности применяемой методики, так как указанные понятия были добавлены в методику заранее в соответствии с предполагаемыми темами обсуждений, и, с другой стороны, об изменении представлений школьников о роли технологий в обществе, их большем содержательном насыщении.

Указанная методика и сама технология создания подобных методик могут применяться для изучения представлений человека о различных объектах и явлениях. При этом существенной угрозой надежности подобных инструментов является возможная многозначность используемых понятий, отсутствие единых, заданных инструкцией оснований для сортировки. Однако с использованием описанной методики становится возможным анализ как качественной структуры представлений, так и их количественное описание.

1. Дорохов Е.А. Валидизация методики реконструкции структуры многомерного психологического пространства представлений пользователя о компьютере // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2018» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2018.

2. Косслин С. Мысленные образы // Когнитивная психология: история и современность: Хрестоматия / Под ред. М. Фаликман и В. Спиридонова. М.: Ломоносовъ, 2011. С. 97–109.

3. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избр. психолог. произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.

4. Найссер У. Познание и реальность. М.: Прогресс, 1981.

5. Талызина Н.Ф. Управление процессом усвоения знаний. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

6. Craik K.J.W. The nature of explanation. Cambridge: Cambridge University Press, 1943.

7. Johnson-Laird P.N. The history of mental models // Psychology of reasoning: Theoretical and historical perspective. 2004. P. 179–204.

8. Jones N.A., Ross H., Lynam T., Perez P., Leitch A. Mental models: an interdisciplinary synthesis of theory and methods // Ecology and Society. 2011. Vol. 16 (1). P. 46. URL: http://www.ecologyandsociety.org/vol16/iss1/art46/

ВКЛАД ТЕМПЕРАМЕНТА В ЦЕННОСТНУЮ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ

А.Ю. Калугин

Россия, Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
kaluginau@yandex.ru

В работе рассматривается степень влияния темперамента на ценностно-смысловую сферу личности. В качестве проявлений ценностно-смысловой сферы выступают типы ценностной направленности личности. Показано, что вклад темперамента в ценностную направленность личности составляет от 9 до 32%.

Связь темперамента с ценностями и смыслами личности редко становится предметом изучения в психологии. Вероятно, это связано с тем, что верхние уровни индивидуальности человека считаются социально обусловленными и биологическая составляющая в них весьма незначительна. В целом, соглашаясь с этим мнением, отметим, что в вопросе ценностей не стоит абсолютизировать средовой фактор. Изучение эволюционными психологами альтруизма, ксенофобии, любви, коллективизма и т.п. (Палмер, Палмер, 2007) позволяет предположить наследственную предрасположенность к выбору тех или иных ценностей индивидом, в противовес мнению, что ценности — исключительно социальное явление. Важно отметить, что мы не считаем ценности наследуемыми, речь о наследственной предрасположенности к выбору ценностей. Например,

импульсивному человеку сложнее будет усваивать ценности «аккуратности», «прилежания», «конформности», но легче — ценности «стимуляции», «гедонизма» и т.п.

Ранее нами было проведено исследование связи свойств темперамента и показателей ценностно-смысловой сферы личности (Калугин, 2016). Полученные результаты позволяют говорить о том, что до 15% дисперсии ценностей обусловлено темпераментом. В указанной работе рассматривался вклад темперамента в отдельные ценности, однако ценностно-смысловая сфера личности представляет собой не разрозненный калейдоскоп ценностей, а имеет определенную структуру. В основе этой структуры лежат ценностные вектора, которые определяют основные типы направленности человека (Волочков, Ермоленко, 2004; Калугин, 2015). Эмпирически нами было выявлено три типа ценностной направленности личности (ЦНЛ): «Направленность на осмысление жизни», «Направленность на мир», «Направленность на себя» (Калугин, 2015). В данной работе рассматривается вклад темперамента в эти обобщенные ценностные ориентации личности.

В исследовании приняли участие 287 студентов пермских вузов в возрасте 18–26 лет (M = 21,5, SD = 2,2), 37% юношей.

Свойства темперамента определялись с помощью опросника темперамента FCB-TI (The Formal Characteristics of Behaviour — Temperament Inventory) Я. Стреляу. Факторно-аналитический алгоритм получения ЦНЛ подробно описан в (Там же).

Множественный линейный регрессионный анализ позволил определить значимые предикторы (свойства темперамента), обусловливающие выраженность той или иной ценностной направленности личности. Характеристики моделей и регрессионные уравнения приведены ниже.

Направленность на смысл = 28,69 + 0,28*Динамичность — 0,21*Эмоциональная реактивность + 0,18*Активность + 0,18*Сенсорная чувствительность

$F(4, 282) = 32{,}9$, $p < 0{,}001$; $R^2 = 0{,}32$, $R^2_{adj} = 0{,}31$.

Направленность на мир = 69,91 — 0,27*Настойчивость — 0,13*Сенсорная чувствительность

$F(2, 284) = 14{,}52$, $p < 0{,}001$; $R^2 = 0{,}09$, $R^2_{adj} = 0{,}09$.

Направленность на себя = 34,61 + 0,29*Активность + 0,21*Выносливость — 0,19*Динамичность

$F(3, 283) = 11{,}3$, $p < 0{,}001$; $R^2 = 0{,}11$, $R^2_{adj} = 0{,}1$.

Таким образом, вклад темперамента в ценностную направленность личности варьируется от 9 до 32%. Наибольшее влияние темперамент оказывает на «Направленность на осмысленность жизни» ($R^2 = 0,32$), наименьшее на «Направленность на мир» ($R^2 = 0,09$). Полученные результаты косвенно могут свидетельствовать в пользу того, что типы ценностной направленности личности представляют собой самостоятельные ценностные вектора, в разной степени подверженные влиянию со стороны темперамента.

В истории человечества как вида выработались как биологические, так и социальные механизмы оптимальной адаптации к среде. С биологической стороны — это свойства темперамента, которые представляют собой поведенческие адаптации к наиболее общим условиям среды, сохраняющимся на протяжении множества поколений. Ценности и смыслы — также результат эволюции, эволюции человеческого сознания. Если темперамент адаптирует человека к окружающей среде (природе), то ценности и смыслы — к социальной среде.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 18-413-590007.

1. Волочков А.А., Ермоленко Е.Г. Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности // Психологический журнал. 2004. № 2. С. 17–27.

2. Калугин А.Ю. Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности: структура, динамика и функции в структуре интегральной индивидуальности (на материале студенчества): дис. … канд. психол. наук. Пермь, 2015.

3. Калугин А.Ю. Вклад свойств темперамента в ценностно-смысловую сферу личности // Интегративная перспектива в гуманитарных науках. 2016. № 2. С. 22–31.

4. Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.

СКРЫТОЕ В ОЦЕНКЕ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ПРОБЛЕМНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОПУЩЕННЫХ ДАННЫХ

З.В. Кожевников, Г.С. Чемерской

Россия, Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет
zahar.kojewnikov@yandex.ru, grchemerskoy@yandex.ru

Представлен психологический анализ пропусков ответов при анкетировании подростков с целью оценки их благополучия и проблемного поведения. Актуальность обусловлена социальной значимостью оценки благополучия подростков на популяционном уровне и дефицитом релевантных этой задаче инструментов.

Использована матрица данных опроса 578 сельских школьников, 13–18 лет. На основании качественного анализа наблюдений выдвигаются гипотезы об их психологических предпосылках.

Исследование проведено в рамках научного проекта (№ 8.1.54.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Мониторинг уровня субъективного благополучия и его динамики в популяции подростков сегодня имеет важное значение в обеспечении стабильного социального развития регионов (Альбицкий и др., 2009). Исследования в этой области часто проводятся на основании опросов в групповом или дистанционном формате. В этих условиях мотивация испытуемых может быть нестабильной, а возникновение у них затруднений в понимании вопросов плохо контролируется. В этом контексте пропуски данных являются закономерным явлением и могут приводить к значительным потерям информации.

Однако в ряде случаев, как представляется, пропуски ответов могут быть связаны с индикаторами благополучия респондентов и в этом отношении нести неявный смысл и дополнительную информацию для исследователей.

И обычная статистическая обработка, и использование статистических методов восстановления пропущенных данных в подобных случаях могут снижать валидность статистических выводов вплоть до искажения реальной картины (Kang, 2013; Barnett et al., 2017). Вместе с этим становится невозможной выработка автома-

тизированных подходов: технологий анализа больших данных, методов машинного обучения. Между тем перспективы их использования расширяются в сфере исследования и прогнозирования динамики благополучия человека и социальных групп.

Работа представляет попытку раскрытия психологических предпосылок систематических пропусков на основе качественного анализа наблюдений. Эмпирическим основанием исследования являются данные опроса сельских подростков, направленного на выявление индивидуально-психологических и социально-средовых предпосылок субъективного благополучия и проблемного поведения. Матрица данных содержит результаты анкетирования 578 подростков, в возрасте от 13 до 18 лет.

Было выделено несколько различающихся паттернов пропусков. Для первого характерны пропуски целых блоков вопросов, при этом часто количество пропусков возрастает к концу анкетирования. Реже пропускаются пункты, в которых респондентам предлагается описать свое поведение в сферах им заведомо интересных: например, предпочтения видеопродукции или компьютерных игр. Предположительно, в этих ситуациях пропуски связаны с нестабильностью мотивации респондентов к участию или утомлением в ходе процедуры. Так, проводившие анкетирование волонтеры замечали, что именно те респонденты, которые демонстрируют слабую вовлечённость или признаки утомления, часто сдают не до конца заполненные бланки.

В другом случае пропуски носили более избирательный характер и охватывали вопросы конкретной тематической направленности, хотя и разнесенные в опроснике. Чаще оставались без ответа вопросы, касающиеся негативных сторон поведения респондентов или их окружения в семье или группе сверстников, связанных, например, с употреблением ПАВ или правонарушениями. Значительно реже пропускались вопросы, описывающие негативные аспекты поведения учителей или эмоциональную оценку своей жизненной ситуации в целом. Анализ избирательных пропусков позволяет предположить, что в их генезе играют роль два рода факторов. Во-первых, влияние социальной или культурной нормы и, во-вторых, субъективная чувствительность самого респондента к объекту вопроса и его попытки установить контроль над проблемной ситуацией. В последнем случае, вероятно, пропуски ответов в сочетании с ответами на смежные вопросы следует рассматривать как

тип реагирования на стимульный материал и указание на дефицит ресурсов испытуемых диагностируемой области. В рамках доклада обсуждается возможность проверки этих гипотез.

1. Альбицкий В.Ю., Макеев Н.И., Антонова Е.В. Теоретические подходы к составлению программы (анкеты) исследования здоровьесберегающего поведения подростков в возрасте 15–17 лет // Вопросы современной педиатрии. 2009. Т. 8(4). С. 23–25.

2. Kang H. The prevention and handling of the missing data. The Korean Journal of Anesthesiology. 2013. Vol. 64 (5). P. 402–406.

3. Barnett A.G., McElwee P., Nathan A., Burton N.W., Turrell G. Identifying patterns of item missing survey data using latent groups: an observational study // BMJ Open Journal. 2017. Vol. 7 (10). P. 1.

РЕСУРСЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ В ИХ СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ЛИЧНОСТИ

В.Ю. Костенко, А.П. Корчагина

Россия, Москва, НИУ ВШЭ, Международная лаборатория позитивной психологии личности и мотивации
vasily.kostenko@gmail.com, nastya01081996@gmail.com

На выборке объемом 509 чел. от 14 до 53 лет исследовались проявления двух теоретически различных форм саморегуляции — операциональной (подход В.И. Моросановой) и диспозициональной (подход Д.А. Леонтьева), в их связи с уровнем развития личности (подход Дж. Левинджер). Результаты демонстрируют, что на начальных стадиях развития личности операциональные формы саморегуляции имеют тенденцию работать в условиях тесной взаимосвязи с диспозициональными, однако в дальнейшем их траектории расходятся.

Процессы саморегуляции являются неотъемлемым спутником человека на пути принятия вызова сложности (Асмолов, 2015). При этом в теоретическом поле проблематики саморегуляции и в рамках данной работы можно выделить два взгляда на процессы психологической саморегуляции. Первое направление связано с рассмотрением такого ее типа, для которого критерием желаемого выступает успешное достижение цели. Одна из концепций, относящихся к этой теоретической траектории, — концепция осознанной саморегуляции О.А. Конопкина и В.И. Моросановой (Конопкин, Моросанова, 1989). В данном подходе саморегуляция применяется для решения конкретных проблем в заданном проблемном поле, и такой

подход можно обозначить как «операциональные» ресурсы саморегуляции. Ему в большой степени противостоит подход, объясняющий возможности и процессы целесообразного изменения человека (Леонтьев, 2011). Причинность саморегулируемых процессов здесь выходит за рамки телеологической детерминации. На первый план выступает то, что можно было бы назвать «диспозициональными» ресурсами саморегуляции.

В контексте проблематики личностного развития остается открытым вопрос о соотношении этих двух принципиально различных подходов: когда и как с возрастанием уровня личностного развития проявляют себя одни и другие механизмы? Как те и другие соотносятся с метарегуляторными (рефлексивными) процессами саморегуляции?

В эмпирическом исследовании приняли участие 509 респондентов в возрасте от 13 до 53 лет (M = 20.63, SD = 4.99). Испытуемые заполняли анкету, содержащую три психометрических и одну проективную методику, в онлайн-форме с использованием программного обеспечения Университета Любляны. Участие в исследовании было добровольным.

В качестве инструмента, измеряющего уровень личностного развития, использовался проективный Тест неоконченных предложений Вашингтонского университета (Loevinger, 1983). Он представляет собой операционализацию теории развития эго Дж. Левинджер (Леонтьев и др., 2010), позволяющую отнести респондента к одному из восьми уровней развития личности.

Вторая группа методов касалась ресурсов саморегуляции. Она, в свою очередь, разделена на три уровня:

а) Уровень конкретных операциональных ресурсов личностной саморегуляции индивида был представлен методикой «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова, 1998). Цель методики — диагностика развития индивидуальной саморегуляции и отдельных ее механизмов (шкалы Планирования, Моделирования, Программирования, Оценки результатов, Гибкости и Самостоятельности).

б) Уровень диспозициональных механизмов саморегуляции в рамках данного исследования представлен Тестом самообладания (Золотарева, 2018), направленным на диагностику субъективной способности к самообладанию в различных его аспектах — личностном, событийном и экзистенциальном.

в) Дифференциальный тест рефлексии (Леонтьев, Осин, 2014) использовался в работе для измерения параметров мета-механизмов саморегуляции — рефлексивных процессов, сопровождающих усложнение личностной организации (Костенко, Леонтьев, 2016). Тест включает в себя три шкалы: шкалу Системной рефлексии (конструктивная форма самодистанцирования) и две шкалы неконструктивных форм рефлексии — Квазирефлексии (фантазирования) и Интроспекции (руминации).

График (см. рис.) отражает различия в проявлениях двух типов ресурсов личностной саморегуляции в зависимости от уровня развития личности (уровень Е4 — стадия Конформизма; Е5 — стадия Самоосознания; Е6 — стадия Совестливости; Е7 — Индивидуалистическая стадия). Главная тенденция заключается в том, что по мере увеличения уровня развития эго диспозициональные и операциональные механизмы саморегуляции расходятся. На начальных стадиях развития личности предметные, операциональные формы саморегуляции имеют тенденцию работать в условиях тесной взаимосвязи с диспозициональными механизмами. Однако после модального (Е5) уровня развития эго их траектории расходятся: общий показатель самообладания проявляет себя как все более значимый для развития личности на более поздних ее этапах, в то время как показатели операциональной саморегуляции теряют свою значимость в связи с дальнейшим развитием личности.

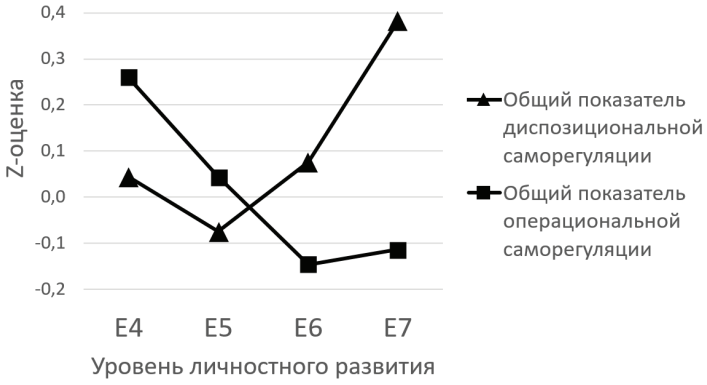

Рис. Траектории операциональных и диспозициональных механизмов саморегуляции в зависимости от уровня развития личности

Эта тенденция соотносится с работой рефлексивных механизмов: взаимосвязи рефлексии с показателями диспозициональной саморегуляции прослеживаются на всех четырех уровнях развития эго. Однако работа механизмов операциональной саморегуляции оказывается не связанной с конструктивными рефлексивными процессами по мере усложнения личностного развития индивида. Кроме того, показатели общего самообладания обнаруживают тесные отрицательные корреляции с показателями общей саморегуляции. Результаты обсуждаются в контексте культурно-исторической теории развития личности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-06-01009 «Личностное развитие в период перехода от детства к взрослости: психологические механизмы, индикаторы и траектории».

1. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2015. Т. 8. № 40. URL: http://psystudy.ru

2. Золотарева А.А. Тест самообладания: психометрические характеристики и перспективы применения // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 103–114.

3. Конопкин О.А., Моросанова В.И. Стилевые особенности саморегуляции деятельности // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 18–26.

4. Костенко В.Ю., Леонтьев Д.А. Взгляд на себя со стороны: роль рефлексии и самодетерминации в развитии личности // Мир психологии. 2016. № 3. С. 97–108.

5. Леонтьев Д.А. Саморегуляция как предмет изучения и как объяснительный принцип // Психология саморегуляции в XXI веке. / Под ред. В.И. Моросановой. СПб.; М.: Нестор-История, 2011. С. 74–89.

6. Леонтьев Д.А., Михайлова Н.А., Рассказова Е.И. Апробация методики незаконченных предложений Вашингтонского университета // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 6–35.

7. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 110–135.

8. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М.: Наука, 1998.

9. Loevinger J. On ego development and the structure of personality // Developmental Review. 1983. Vol. 3. P. 339–350.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РАННЕЙ МОЛОДОСТИ

Д.А. Леонтьев, А.Е. Шильманская, А.Н. Моспан

Россия, Москва, НИУ ВШЭ

dmleont@gmail.com

В работе представлены результаты феноменологического анализа личностных изменений в ранней молодости. Выборку исследования (N = 110) составили студенты I курса департамента интегрированных коммуникаций НИУ ВШЭ. На основе самоотчетов эксперты выделили 6 категорий источников личностных изменений и 12 категорий, описывающих содержание этих изменений. Полученные результаты согласуются с темой личностного развития в терминах саморегуляции, а также с тезисом о понимании мира как формы субъективного переживания собственного развития.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-01009.

Насколько взрослая личность подвержена изменениям и в чем эти изменения заключаются? Недавние исследования показывают, что подавляющее большинство людей хотят изменить хотя бы некоторые аспекты своих личностных качеств (Hudson, Roberts, 2014), но что люди подразумевают под личностными изменениями, так и остается вопросом (Hudson et al., 2018). Цель данного исследования заключается в феноменологическом анализе понимания молодыми людьми природы личностных изменений на своем личном опыте.

Выборку исследования составили студенты I курса департамента интегрированных коммуникаций НИУ ВШЭ (N = 110), в возрасте от 17 до 20 лет, женщин 82%, мужчин 18%. Респондентам было предложено ответить на несколько открытых вопросов, в частности, что изменилось в них за последние 2–3 года и откуда они узна́ют о том, что в них что-то изменилось. Для качественного анализа полученных данных использовался метод Qualitative Document Analysis (QDA) (Altheide et al. 2008). Экспертная оценка состояла из нескольких шагов: первичное кодирование данных; обсуждение списка кодов и их значений между экспертами; объединение кодов в общие темы (категории); итоговое обсуждение тем (категорий) между кодировщиками.

При анализе ответов на вопрос о том, как респонденты узна́ют о личностных изменениях, было выделено 6 основных категорий ответов. Эти категории варьировали от *субъективных ощущений* (интуитивное ощущение, настроение, своя оценка) до *оценки со стороны* (окружающие замечают, подруга сказала, мнение других) и переломных *событий жизни*, которые, по мнению респондентов, их изменили (негативный опыт, опыт близких отношений, круг общения, образ жизни и др.). Другие источники информации о личностных изменениях включают в себя *изменение взглядов на мир*, мыслей и мировоззрения (наиболее часто встречающаяся категория), *изменение отношения* к людям, проблемам, ситуациям и «разным вещам» и *сравнение с собой в прошлом*, рефлексивный самоанализ. Любопытный, не вошедший ни в одну категорию ответ: «ослабел иммунитет».

Большой интерес представляют ответы респондентов на вопрос о содержании произошедших с ними изменений, которые были классифицированы по 12 категориям. Три наиболее частотных категории имели прямое отношение к развитию саморегуляции и личностного потенциала. Это *сдвиг от внешней опоры к внутренней* (меньше зависеть от других людей и их мнения, больше ценить себя, самостоятельность, уверенность в себе, безразличие к давлению общества и др.), *сдержанность* и *самообладание* (стал(а) спокойнее, рассудительнее, более рациональным, мудрее, менее наивной и др.), *целенаправленность и достижение* (стала собраннее, ответственнее, дисциплинированнее, целенаправленнее, самостоятельно решаю проблемы, трезво смотрю на вещи, планирование и др.). Следующие три категории характеризуют изменения в плане взаимодействия с окружающими людьми: *коммуникативные умения* (проще общаться и понимать других, ушел дискомфорт в компании, стала общительнее и коммуникабельнее, научилась дружить, стала менее агрессивной, лучше разбираться в людях и др.), *толерантность* (терпимость в отношениях, чувствительность, меньше осуждения и др.) и *внимание к близким*, их понимание и принятие. Наконец, четыре категории описывают изменения в картине мира и внутреннем мире: *общий рост позитивности* (стала позитивнее, наслаждаться жизнью, радоваться изменениям, больше любить себя и др.), *рост мудрости и понимания* (расширился кругозор, стала смотреть вглубь), *изменение привязанностей* (стала проще относиться к вещам, к жизни, серьезнее к здоровью)

и *изменения ценностей и верований*, причем разнонаправленные (отрицание сверхъестественного, вера в судьбу, перестала верить в бога, стала менее идеалистичной). К единичным категориям относятся жажда соперничества и тяга к самопожертвованию ради общего счастья.

Таким образом, мы видим, что качественно-феноменологические методы позволяют описать содержание среднесрочных личностных изменений при переходе к ранней юности (окончание школы, поступление в вуз). Характерно, что эти изменения, во-первых, носят согласованный характер в нашей выборке и во-вторых, хорошо гармонируют с рассмотрением личностного развития в терминах развития саморегуляции (Loevinger, 1976), а также с тезисом о развитии понимания мира как той формы, в которой нам субъективно дано наше собственное развитие (Леонтьев, 2007).

1. Леонтьев Д.А. Психология смысла. 3 изд. М.: Смысл, 2007.
2. Altheide D., Coyle M., DeVriese K., Schneider C. Emergent Qualitative Document Analysis // Handbook of Emergent Methods / Ed. by S. Hesse-Biber, P. Leavy. N.Y.: The Guilford Press, 2008. P. 127–149.
3. Hudson N.W., Roberts B.W. Goals to change personality traits: Concurrent links between personality traits, daily behavior, and goals to change oneself // Journal of Research in Personality. 2014. Vol. 53. P. 68–83.
4. Hudson N.W., Briley D.A., Chopik W.J., Derringer J. You have to follow through: Attaining behavioral change goals predicts volitional personality change // Journal of Personality and Social Psychology. 2018. Advance online publication.
5. Loevinger J. Ego development: Conceptions and theories. San-Francisco: Jossey-Bass, 1976.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СКЛОННОСТИ К РИСКОВАННОМУ ВЫБОРУ У ПОДРОСТКОВ

Д.И. Ломакин, А.А. Корнеев

Россия, Москва, Институт возрастной физиологии РАО
МГУ имени Ломоносова
lomakindima4@gmail.com

С помощью теста BART исследовалась склонность к риску в игре с вознаграждением у здоровых подростков в зависимости от наличия проблем регуляции поведения. Подростки, у которых показатели хотя бы одной из шкал агрессии и/или делинквентности опросников Т. Ахенбаха и А. Орла

(СОП) превышали среднегрупповые значения, демонстрировали особенности динамики ставок в игре, отклоняясь от оптимальной стратегии, что, предположительно, связано с трудностями когнитивного контроля принятия решений.

Цель исследования состояла в оценке с помощью экспериментально-психологических методик склонности к принятию рискованных решений у подростков. Учитывая возможную связь между склонностью к риску и девиантным поведением, результаты поведенческих методик сопоставлялись с данными опросников проблем поведения и особенностей личности.

Методы: В исследовании приняли участие 52 подростка с типичным развитием в возрасте 14–15 лет (средний возраст 14.72±0.32, 29 мальчиков, 22 девочки). Для оценки проблем поведения использовались опросник Т. Ахенбаха в адаптации Г. Васина (Vasin, Lobaskova, Gindina, 2016) и опросник склонности к отклоняющемуся поведению — СОП (Орел, 2004). Опросник Т. Ахенбаха предполагает измерение степени отклонения поведения от принятых норм и группирует их по 8 шкалам: замкнутость, психосоматические проблемы, тревожность/депрессия, социальная дезадаптация, трудности мышления, трудности внимания, гиперактивность, делинквентность, агрессивность. Опросник СОП содержит следующие шкалы: склонность к преодолению норм; склонность к аддиктивному поведению; склонность к аутоагрессии; склонность к насилию; волевой контроль; склонность к девиантному поведению.

Для оценки склонности к принятию рискованных решений использовалась игровая методика BART (Lejuez et al., 2002) с денежным вознаграждением. Игра является симулятором воздушного шара. В начале каждой пробы участник определяет количество подкачиваний (ставку) и запускает накачивание шарика. Каждое подкачивание увеличивает выигрыш, но вместе с тем и вероятность взрыва, который приводит к потере выигрыша. Исход сопровождается обратной связью (сообщается текущий и общий выигрыш). Показателем склонности к принятию рискованных решений является среднее значение ставки (от 1 до 128 подкачиваний) в 30 пробах. Также для оценки характера изменений ставок мы оценивали среднюю ставку в начале (первые 10 проб), в середине (с 11 по 20) и в конце (последние 10 проб) эксперимента.

Результаты. Получены значимые корреляции шкалы склонности к агрессии в опроснике Т. Ахенбаха с рядом шкал в опроснике СОП: агрессии ($r = 0{,}454$, $p = 0{,}001$), склонности к преодолению норм и правил ($r = 0{,}331$, $p = 0{,}02$), склонности к аддиктивному поведению ($r = 0{,}459$, $p = 0{,}001$), трудностей волевого контроля эмоций ($r = 0{,}503$, $p < 0{,}001$).

Для анализа зависимости средней ставки в BART от степени склонности к отклоняющемуся поведению вся выборка была разделена на две части. В первую, с относительно низким уровнем склонности к отклоняющемуся поведению, вошли подростки, у которых все баллы по шкалам делинквентности и агрессии в опросниках не превышали среднее по выборке больше, чем на 0,5 стандартных отклонения (24 человека — группа 1). Во вторую группу вошли подростки, у которых хотя бы одна шкала превысила среднее больше, чем на 0,5 стандартных отклонения (27 человек — группа 2).

Для оценки различий в ставках на протяжении пробы был проведен дисперсионный анализ, включающий оценку двух факторов: Часть пробы (внутригрупповой фактор, 3 уровня) и Группа (межгрупповой фактор). Дисперсионный анализ показал значимое влияние фактора Часть пробы ($F(2, 48 = 18{,}36$, $p < 0.001$), ставки росли от начала к концу пробы. Также значимым оказалось взаимодействие факторов Группа и Часть пробы ($F(2, 48 = 3{,}37$, $p = 0{,}043$): в группе 1 ставки от первой к последней трети росли, приближаясь к оптимальному значению 64, а в группе 2 — нет. Фактор Группа оказался незначимым ($F(1, 49) = 2{,}86$, $p = 0{,}097$), на фоне более высоких значений ставки в группе с относительно более низкими показателями склонности к риску.

Выводы. Анализ изменений ставки в процессе решения задач с вознаграждением позволил обнаружить, что подростки с относительно низкими показателями склонности к девиантному поведению увеличивают ставку к концу тестирования, приближая ее к оптимальной, тогда как подростки с относительно более высокими показателями социальной дезадаптации (склонность к агрессии и делинквентности) демонстрируют небольшое увеличение ставки после 10 проб, а затем ее снижение. Можно предположить, что последние в меньшей степени основывают свой выбор на предыдущем результате и затрудняются в принятии решения, что может быть обусловлено относительной слабостью когнитивного контроля в этой группе.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00837а.

1. Lejuez C.W. et al. Evaluation of a behavioral measure of risk taking: the Balloon Analogue Risk Task (BART) // Journal of Experimental Psychology: Applied. 2002. Vol. 8 (2). P. 75.

2. Vasin G., Lobaskova M., Gindina E. The Youth Self Report: validity of the Russian version // Paper presented at the SHS Web of Conferences. 2016.

3. Орел А. Определение склонности к отклоняющемуся поведению. Социальная психология девиантного поведения: Учеб. пособ. / Под ред. Ю.А. Клейберга. М.: Сфера, 2004. P. 141–154.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

А.Н. Моспан, Д.А. Леонтьев, А.Е. Шильманская

Россия, Москва, НИУ ВШЭ
amospan@hse.ru

Исследование посвящено феноменологическому анализу неопределенности. Приведены результаты экспертных оценок на выборке студентов (N = 110) департамента интегрированных коммуникаций НИУ ВШЭ. На основе самоотчетов выделены категории, описывающие феномен неопределенности, а также способы совладания с ситуациями неопределенности. Результаты свидетельствуют о неоднородности конструкта и предлагают новый подход в исследовании индивидуальных различий в отношении к неопределенности.

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 16-18-10439 «Системно-динамический анализ регуляции деятельности».

Неопределенность встречается на всех уровнях жизнедеятельности человека: в повседневности, в межличностном взаимодействии, в межгрупповой коммуникации, в ситуациях принятия решений в учебной и профессиональной деятельности; проблема неопределенности выдвинулась сейчас на передний план (Корнилова, 2010; Асмолов, 2015; Леонтьев, 2015; и др.). Вместе с тем не просто дать само определение неопределенности. Мы решили подойти к этому вопросу с феноменологических позиций, через раскрытие смысла, который вкладывают в это понятие сами респонденты.

Выборку исследования составили студенты I курса департамента интегрированных коммуникаций НИУ ВШЭ (N = 110), в возрасте от 17 до 20 лет, женщин 82%, мужчин 18%. Респондентам было предложено ответить на открытые вопросы о том, что такое для них неопределенность и как они справляются с ситуациями неопределенности (с конкретными примерами). Для качествен-

ного анализа полученных данных использовался метод Qualitative Document Analysis (QDA) (Altheide et al., 2008) с участием трех экспертов с высшим психологическим образованием. Экспертная оценка состояла из нескольких шагов: первичное кодирование данных; обсуждение списка кодов и их значений между экспертами; объединение кодов в общие темы (категории); итоговое обсуждение тем (категорий) между кодировщиками.

Ответы на первый вопрос, касающийся понимания неопределенности, разбились на шесть тематических групп. Наиболее частотными были ответы, в которых респонденты ссылались на те или иные *эмоциональные переживания*, почти исключительно негативные, сопровождающие и маркирующие ситуации неопределенности, в числе которых сомнение, неуверенность, тревога, дискомфорт, страх, стресс и др. Следующие две категории можно обозначить как *гносеологическое* и *онтологическое* понимание неопределенности — первое связывает неопределенность с незнанием, ограниченностью познания, информации, невозможностью предвидеть будущее, а вторая указывает на принципиальную недетерминированность жизненного пути, спонтанную и неконтролируемую природу объективной реальности. Отдельная категория связывает неопределенность с *ограниченностью самопознания*, неопределенностью своих желаний, целей, приоритетов, непониманием себя. Шестая категория связывает неопределенность с проблемой *отношений с другими* людьми, невозможностью их понимания, предсказания и контроля их поведения. Наконец, отдельную довольно многочисленную категорию составили ответы, в которых *неопределенность* эксплицитно связывалась с ситуацией *выбора*, требующей решения индивида в пользу одной из альтернатив. Неопределенность здесь связана с общей амбивалентностью, непредсказуемостью результата, непониманием того, что будет правильно.

Ответы на вопрос о том, как респонденты справлялись с ситуацией неопределенности, разделились на девять категорий, если не считать неопределенных ответов и ответов «не справился». Достаточно часто встречаются ссылки на *активные действия* (экспериментирование, пробы и ошибки), *обращение за помощью и поддержкой* к другим людям и, напротив, *пассивное выжидание* в надежде, что неопределенность разрешится сама собой. Остальные шесть категорий описывают различные формы внутренней работы, активности сознания. В их числе *анализ и поиск информации*,

планирование и проектирование своих действий в будущем, *переосмысление и изменение отношения* к ситуации, часто через изменение контекста, *самоанализ и саморегуляция*, стремление привести себя в оптимальное функциональное состояние, *компромисс* между разными желаниями через их совмещение и опора на *интуицию*.

Результаты исследования показывают неоднородность конструкта неопределенности, имеющего многогранную структуру. Что касается способов совладания с неопределенностью, они во многом пересекаются с многократно описанными способами совладания с трудными или критическими ситуациями (копингами), хотя некоторая специфика просматривается. Полученные данные позволяют по-новому взглянуть на проблему индивидуальных различий в отношении к неопределенности.

1. Асмолов А.Г. Психология неопределенности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8 (40). URL: http://psystudy.ru

2. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы // Психологические исследования. 2010. Т. 3 (11). URL: http://psystudy.ru

3. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8 (40). URL: http://psystudy.ru

4. Altheide D. Coyle M., DeVriese K., Schneider C. Emergent Qualitative Document Analysis // Handbook of Emergent Methods / Ed. by S. Hesse-Biber, P. Leavy. N.Y.: The Guilford Press, 2008. P. 127–149.

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕТОДА АНАЛИЗА ЛАТЕНТНЫХ КЛАССОВ В ИЗУЧЕНИИ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ ЛИЧНОСТИ

Н.Н. Волкова, А.Н. Гусев

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
n.volkova.psy@gmail.com

Изучение особенностей взаимодействия разных когнитивных стилей и выделение характерных когнитивно-стилевых профилей представляется актуальным направлением в рамках стилевого подхода. Целью исследования было выделение групп с разными вариантами сочетаний полюсов таких когнитивных стилей, как усиление-ослабление, сглаживание-заострение, гибкость-ригидность познавательного контроля, диапазон эквивалентности и фокусирующий-сканирующий контроль.

Многие авторы подчеркивают актуальность изучения не только отдельных когнитивных стилей (КС), но и особенностей их сочетания и взаимодействия (Холодная 2018). В связи с этим мы попытались выделить характерные КС-профили для анализа специфики когнитивно-стилевой сферы субъекта.

В исследовании приняли участие 120 человек, которые выполняли блок методик для измерения таких КС, как усиление-ослабление, сглаживание-заострение, гибкость-ригидность познавательного контроля, диапазон эквивалентности и фокусирующий-сканирующий контроль: «Тест с домом на сглаживание-заострение»; тест словесно-цветовой интерференции Струпа; методика «Свободная сортировка»; методика «Оценка размера круга в условиях отвлекающих помех» (Холодная, 2018; Gardner et al., 1959; Santostefano, 1971; Stroop, 1935). С целью выявления групп испытуемых с различными сочетаниями КС мы использовали современный способ кластеризации многомерных данных — анализ латентных классов в статистической системе MPlus 7 (Geiser, 2013).

На основании сравнения моделей с разным количеством классов по показателям качества классификации и содержательной интерпретации структуры выделенных подгрупп, сделан выбор в пользу моделей с четырьмя и пятью классами (Volkova N.N., Gusev A.N., 2018). Когнитивно-стилевые профили классов для каждой из соответствующих моделей представлены на рис. 1 и 2.

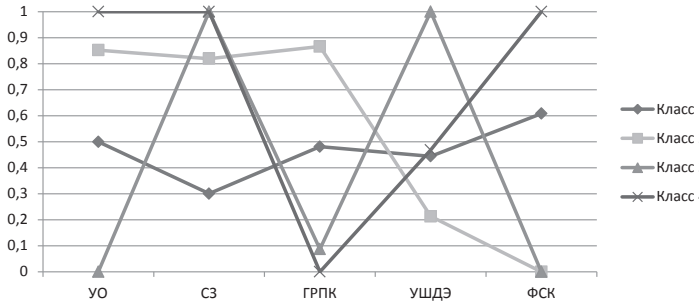

Рис. 1. Усредненные по группам испытуемых когнитивно-стилевые профили в модели с четырьмя классами. УО — усиление-ослабление, СЗ — сглаживание-заострение, ГРПК — гибкость-ригидность познавательного контроля, УШДЭ — узкий-широкий диапазон эквивалентности, ФСК — фокусирующий-сканирующий контроль. На оси ординат число 1 соответствует максимальной выраженности первого полюса в названии каждого КС, число 0 — второго

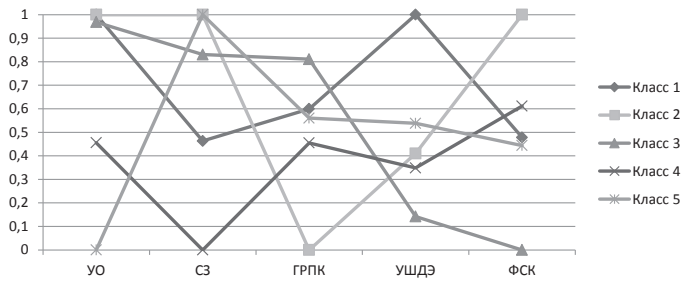

Рис. 2. Усредненные по группам испытуемых когнитивно-стилевые профили в модели с пятью классами. Обозначения такие же, как на рис. 1

Отметим, что при анализе обеих моделей отчетливо выделяется специфический класс испытуемых с таким сочетанием полюсов КС, как «ослабление», «заострение», «гибкость познавательного контроля» и «сканирующий контроль». Углубленное изучение такого стилевого профиля представляет интерес вследствие специфики стилевых особенностей данной группы, состоящей в способности к торможению или подавлению автоматической активности, активном анализе актуальной ситуации при подчеркивании ее наиболее существенных аспектов и опоре на них при принятии решений (Холодная, 2018; Gardner et al., 1959; Santostefano, 1971).

Дальнейшее изучение особенностей взаимодействия различных полюсов КС представляется нам перспективным, поскольку это соответствует реальным жизненным ситуациям, в которых у человека одновременно проявляется ряд разнообразных стилевых особенностей.

Продуктивность предложенного нами анализа сочетаний КС была подтверждена в ходе экспериментального исследования их влияния на эффективность и стратегии решения сенсорных задач по обнаружению и различению зрительных и слуховых пороговых и околопороговых сигналов (Volkova, Gusev, 2018).

1. Холодная М.А. Когнитивная психология. Когнитивные стили: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд. М.: Юрайт, 2018. 307 с.

2. Gardner R.W., Holzman P.S., Klein G.S., Linton H.B., Spence D.P. Cognitive control: a study of individual consistencies in cognitive behavior // Psychological Issues. 1959. Vol. 1 (4). P. 1–185.

3. Geiser C. Data analysis with Mplus. N.Y.; London: The Guilford Press, 2013. 304 p.

4. Santostefano S. Leveling-sharpening house test: a procedure for assessing the cognitive principle of leveling-sharpening. Boston: S. Santostefano, 1971. 27 p.
5. Stroop J.R. Studies of interference in serial verbal reactions // Journal of Experimental Psychology. 1935. Vol. 18. № 6. P. 643–662.
6. Volkova N.N., Gusev A.N. Cognitive styles and psychophysical tasks performance: A latent class analysis study // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS). 2018. (in print).

МЕТАКОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Е.И. Перикова, В.М. Бызова

Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет
chikurovaEI@gmail.com

Представлены результаты эмпирического исследования метакогнитивизма в аспекте принятия решений в ситуации неопределенности. В исследовании приняли участие 172 студента Санкт-Петербургского государственного университета. В работе использован метод анкетного опроса, направленный на анализ принятия решений в ситуациях неопределенности и стратегий их преодоления. Выявлены и описаны особенности метакогнитивных стратегий разрешения ситуаций неопределенности.

Метакогнитивные стратегии становятся востребованными в тех жизненных ситуациях, когда существующие в индивидуальном опыте способы разрешения ситуации оказываются неэффективными, в том числе в ситуациях неопределенности. Согласно K. Dirkes (1995), метакогнитивные стратегии определяются как навыки наивысшего уровня сложности, основная функция которых — интеграция навыков более низкого уровня и саморегуляции.

Цель работы состояла в описании метакогнитивных стратегий принятия решений в ситуации неопределенности.

В исследовании приняли участие 172 студента Санкт-Петербургского государственного университета в возрасте от 18 до 22 лет. Методы исследования: анкетный опрос и интервьюирование, направленные на изучение личного опыта переживаний, локуса контроля личности (приписывание своих успехов или неудач при решении неопределенных ситуаций внутренним или внешним факторам), а также выявление особенностей использования стратегий разрешения ситуаций неопределенности.

Статистическая обработка полученных материалов проводилась с использованием качественно-количественных методов.

При описании конкретных ситуаций неопределенности, с которыми сталкивались юноши и девушки, были выделены следующие: «Выбор экзаменов ЕГЭ для сдачи в школе» (21%), «Устройство на работу» (15%), «Переезд в другой город» (17%), «Начало самостоятельной жизни» (11%), «Переезд в другую страну» (7%). Изменение круга общения и романтические отношения с противоположным полом большинством респондентов (80%) воспринимались как существенная ситуация неопределенности.

В конкретных ситуациях неопределенности, результатами разрешения которых респонденты были недовольны, чаще всего (61%) в качестве причин выделялись негативные убеждения о самом себе, как о неуспешном человеке, а также наличие каких-либо психологических или физических ограничений. Зачастую (39%) респонденты указывали на временны́е ограничения, которые мешали принять необходимое решение.

При описании ресурсных состояний и обстоятельств, в которых респонденты были способны быстро принимать важные решения, упоминались те же внешние обстоятельства, что служили ограничениями (44%), а в 56% случаев подчеркивались индивидуально-психологические особенности.

В рамках качественного анализа ответов респондентов были выделены метакогнитивные стратегии принятия решений в ситуации неопределенности. Самой распространенной (23% ответов) оказалась стратегия мотивирующих установок, таких как: концентрация на успехе, ориентация на неуспех, самоэффективность и личностная ресурсность.

Стратегия рационализации или обдумывания неопределенной ситуации и принятого решения (18%) описывалась как «тщательная проработка всех имеющихся вариантов, их плюсов и минусов».

Следует отметить стремление ряда молодых людей (13%) поделиться своими соображениями в отношении принятия решения с близкими для получения совета, одобрения или поддержки.

Стратегия концентрации на последствиях принятых решений и выстраивания действий с учетом рисков принятого решения встречалась редко (11%). Для молодежи не были характерны поведенческие стратегии, связанные с уходом от социального окружения, стремлением к уединению (10%).

Исключительно редко и лишь в выборке девушек (6%) отмечалась стратегия интуитивных решений.

Анализ некоторых описаний респондентов позволяет выделить группу стратегий с метафорическим смыслом, например «объективные уловки», поскольку принятие решения делегировалось внешним факторам (7%).

Таким образом, описанные метакогнитивные стратегии обнаруживают метакогнитивное знание молодых людей о себе, а также способности метакогнитивного регулирования. В этом смысле наше исследование соотносится с работами, B.J. Zimmerman, D.H. Schunk (2011), D.J. Hacker, J. Dunlosky, A.C. Graesser (2009) и подчеркивает глубокую эмпирическую связь выделенных теоретических конструктов.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-013-00256а.

1. Dirkes M.A. Metacognition: Students in charge of their thinking. Roeper Review. 1981. Vol. 8 (2). P. 96–100.

2. Hacker D. J., Dunlosky J., Graesser, A. C. The educational psychology series. Handbook of metacognition in education. N.Y..:US: Routledge; Taylor & Francis Group, 2009. P. 464.

3. Zimmerman B.J., Schunk D.H. Handbook of self-regulation of learning and performance. N.Y.: Routledge, 2011. P. 530.

ЦЕННОСТНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

А.Б. Салихова

Россия, Москва, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова
calixalbina@yandex.ru

Личностные ценности рассматриваются как основание и ресурс толерантности личности к неопределенности. Исследование проведено на выборке молодых людей (n = 227). Выявлены ценности, положительно и отрицательно связанные с толерантностью к неопределенности. В качестве опорных для толерантности личности к неопределенности выступают ценности познания, свободы и творчества, в качестве антагонистических — ценности материального благополучия, здоровья, интересной работы, счастливой семьи.

Личностные ценности, являясь стержнем личности, составляют фундамент регуляции жизнедеятельности человека в изменчивом и полном неожиданностей современном мире, однако ценностные корреляты толерантности личности к неопределенности мало исследованы. Косвенно о возможной опоре толерантности к неопределенности на ресурс личностных ценностей свидетельствует ее сопряженность с такими свойствами личности, как открытость опыту, экстраверсия, креативность, позитивное отношение к человеческому многообразию, доброжелательность, склонность к соблюдению традиций и др. (Caligiuri, Tarique, 2012; Tegano, 1990), в свою очередь связанными с теми или иными ценностными предпочтениями (Roccas et al., 2002; Kasof et al., 2007). Можно предположить, что спектр ценностей, подчеркивающих важность независимости, готовности к изменениям и новых впечатлений, может являться основой для высоких показателей толерантности к неопределенности, а позитивное отношение к неопределенности может дать возможность для реализации этих ценностей: «неопределенность окружения, требующая вариативности поведения, — это основание свободы и творчества» (Зинченко, 2007), высокая же важность ценностей сохранения может привести к более осторожному и опасливому отношению к неопределенности. Целью исследования стало выявление круга ценностей, составляющих основания отношения личности к неопределенности.

В исследовании приняли участие 227 человек в возрасте 22–29 лет. Для определения толерантности к неопределенности использовалась методика MSTAT-1 Д. МакЛейна в адаптации Д.А. Леонтьева с соавторами (2011). Иерархия ценностей определялась методикой попарного сравнения терминальных ценностей М. Рокича. Использовался корреляционный анализ, коэффициент корреляции Спирмена.

Положительную взаимосвязь с ***общим баллом толерантности к неопределенности*** показала важность ценностей *познания* ($r = 0{,}13$, $p = 0{,}05$), *свободы* ($r = 0{,}16$, $p=0{,}02$) и *творчества* ($r = 0{,}14$, $p = 0{,}04$). Более тесные связи с данными ценностями обнаружили шкалы ***предпочтения неопределенности*** и ***позитивного отношения к сложным задачам***.

Важность ряда ценностей обнаружила отрицательные связи с толерантностью к неопределенности. Так, со всеми шкалами опросника толерантности к неопределенности отрицательно свя-

зана важность *материального благополучия*: наибольший вес имеют связи с ***общим баллом толерантности к неопределенности*** (r = –0,20, p = 0,00), ***отношением к сложным задачам*** (r = –0,22, p = 0,00) и ***избегание неопределенности*** (r = –0,22, p = 0,00). Важность *здоровья* имеет отрицательную корреляцию с положительным ***отношением к неопределенным ситуациям*** (r = –0,16, p = 0,02) и ***сложным задачам*** (r = –0,23, p = 0,00), с ***предпочтением неопределенности*** (r = –0,22, p = 0,00) и с ***общим баллом толерантности к неопределенности*** (r = –0,18, p = 0,01). Также отрицательно связаны важность *счастливой семьи* с ***отношением к сложным задачам*** (r = –0,15, p = 0,02) и важность *интересной работы* с ***отношением к неопределенным ситуациям*** (r = –0,15, p = 0,03).

Таким образом, выявлено две группы ценностей, важность которых противоположным образом связана с толерантностью к неопределенности. В первую группу входят ценности *познания*, *свободы* и *творчества*, положительно связанные с толерантностью к неопределенности, в другую группу — ценности *материального благополучия*, *здоровья*, *интересной работы*, *счастливой семьи*, важность которых отрицательно связана с толерантностью к неопределенности.

1. Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция // Вопросы психологии. 2007. Т. 6. С. 3–20.

2. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н., Луковицкая Е. Г. Диагностика толерантности к неопределенности: Шкалы Д. Маклейна. М.: Смысл, 2016.

3. Caligiuri P., Tarique I. Dynamic cross-cultural competencies and global leadership effectiveness // Journal of World Business. 2012. Vol. 47. № 4. C. 612–622.

4. Kasof J. et al. Values and creativity //Creativity Research Journal. 2007. Vol. 19. № 2–3. C. 105–122.

5. Roccas S. et al. The big five personality factors and personal values // Personality and Social Psychology Bulletin. 2002. Vol. 28. № 6. C. 789–801.

6. Tegano D. W. Relationship of tolerance of ambiguity and playfulness to creativity // Psychological Reports. 1990. Vol. 66. № 3. P. 1047–1056.

СПЕЦИФИКА СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОСТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПРИ РАЗНОМ УРОВНЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

А.Б. Салихова, Н.Р. Салихова

Россия, Москва, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова
Россия, Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Nailya.Salihova@kpfu.ru

Предположение о различиях в смыслообразовании в контексте личностных ценностей подтверждено при сравнении контрастных по уровню толерантности к неопределенности групп (n = 60 и n = 59). Более высокая реализуемость личностных ценностей выявлена у высокотолерантных субъектов, у низкотолерантных выше показатели барьерности ценностей. Выявлены ценности, смысловой тип которых наиболее и наименее различается у людей с разным уровнем толерантности личности к неопределенности.

Текучесть, разнообразие и высокая скорость изменений современного мира порождают как неопределенность, касающуюся жизненных ситуаций, так и переживаемую человеком неопределенность его собственной личности. Представляется, что меры внешней и внутренней неопределенности должны находиться в балансе, и толерантность к неопределенности мира будет выше при более высокой внутриличностной определенности. Экзистенциальные циклы взаимодействия человека с миром, связанные с его открытостью или закрытостью изменениям (Леонтьев, 2005), проявляются в типах смыслообразования в контексте личностных ценностей (Салихова, 2007). Преобладание барьерной составляющей смысла ценностей соответствует фазе экзистенциального поиска смыслов и означает состояние внутренней неопределенности, преобладание реализуемости соответствует внутренней определенности (Салихова, 2011). Если наше предположение о балансе разных аспектов неопределенности верно, то более толерантными к неопределенности будут люди с более высокими показателями ценностной реализуемости. Проверка данного предположения стала целью эмпирического исследования.

Респондентами выступили аспиранты Казанского федерального университета естественно-научных направлений подготовки. Они отвечали на вопросы шкалы общей толерантности к неопределенности Д. МакЛейна в адаптации Д.А. Леонтьева и др. (2011), а также

методики Е.Б. Фанталовой (1992), на основе которой подсчитывались индексы реализуемости и барьерности ценностей (Салихова, 2011) для каждой ценности и для каждого испытуемого. На основе показателей толерантности к неопределенности были созданы две контрастные группы: с наиболее высокой (n = 60) и наиболее низкой (n = 59) толерантностью к неопределенности.

Количественное соотношение смысловых типов ценностей в группах сравнения в целом показало, что у высокотолерантных индексы реализуемости ценностей значимо выше, чем у низкотолерантных. Большинство ценностей (красота, интересная работа, уверенность в себе, познание, материально обеспеченная жизнь и счастливая семейная жизнь) в первой группе относятся к барьерно-реализуемому типу, в то время как эти же ценности являются барьерными во второй группе.

Сравнение индивидуальных индексов барьерности и реализуемости в контрастных группах дало аналогичную картину различий: выявлен достоверный сдвиг у низкотолерантных по сравнению с высокотолерантными в сторону барьерности смыслообразования в контексте личностных ценностей ($p \leq 0{,}011$).

Выявились и ценности, которые относятся к одному смысловому типу независимо от толерантности к неопределенности. Так, ценности *активной жизни*, *любви*, *друзей* и *свободы* у всех испытуемых независимо от уровня толерантности к неопределенности имеют одинаковые смысловые типы. Первые три ценности в обеих группах являются барьерно-реализуемыми, а ценность *свободы* — барьерной.

Наиболее выражена разница между группами в степени барьерности ценностей *здоровья* и *творчества*. Смысловой тип ценности *здоровья* является проблемным у низкотолерантных и барьерно-реализуемым у высокотолерантных. Только у ценности *творчества* барьерность выше в группе высокотолерантных по сравнению с низкотолерантными.

Таким образом, при более высокой ценностной реализуемости толерантность к неопределенности выше, тогда как высокая барьерность личностных ценностей сопряжена с низкой толерантностью к неопределенности.

1. Леонтьев Д.А. Новые горизонты проблемы смысла в психологии // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла). Материалы международной конференции. М.: Смысл, 2005. С. 36–49.

2. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Луковицкая Е.Г. Диагностика толерантности к неопределенности: Шкалы Д. Маклейна. М.: Смысл, 2016. 60 с.

3. Салихова Н.Р. Барьерность-реализуемость личностных ценностей как динамическая характеристика ценностно-смысловой сферы личности // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. Кн. 1. С. 180–195.

4. Салихова Н.Р. Ценностно-смысловая регуляция жизнедеятельности субъекта: дис. … докт. психол. наук. Казань, 2010. 441 с.

5. Фанталова Е.Б. Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 1. С. 107–117.

СТРУКТУРА ИМПЛИЦИТНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ У БЕЛОРУСОВ

Л.Л. Скворцова

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
starling2009@gmail.com

Представлены результаты проведенного на белорусской выборке эмпирического исследования имплицитных концепций личностной зрелости. Установлено, что структура имплицитных концепций личностной зрелости у белорусов представлена следующими факторами: духовность, автономия, способность к саморегуляции и социальная реализованность.

Современная психология личности все чаще фокусирует внимание на таких процессах и явлениях, которые позволяют раскрыть закономерности субъективного отражения отношений человека с миром, оказывающие предопределяющее влияние на личностное развитие и самоопределение. В динамично изменяющемся мире «на смену образу социума, вбирающего в себя разных личностей, приходит образ личности, вбирающий в себя разные социумы» (Леонтьев, 2010).

В связи с этим растет количество исследований имплицитных концепций личности и отдельных ее проявлений, что дает ключ доступа к пониманию внутренних механизмов личности человека. Изучение имплицитных концепций является особенно важным в тех случаях, когда предметом исследования становятся сложные феномены, предполагающие неоднородную трактовку и понимание, такие как личностная зрелость. И в этом контексте актуальным представляется исследование имплицитных концепций личностной зрелости, позволяющее установить, каким содержанием

наполнено понятие «личностная зрелость» в обыденном сознании, каков эталон зрелой личности, сложившийся в современных условиях, а также на основе каких представлений судят о личностной зрелости или незрелости.

Имплицитные концепции личностной зрелости можно определить как совокупность неявных представлений о содержании, структуре и функциях личностной зрелости, на основе которых индивид формирует и описывает образ зрелой личности, интерпретирует собственное и чужое поведениеи которые использует в качестве эталона для саморазвития и оценки уровня личностной зрелости.

Формирование имплицитных концепций личностной зрелости обусловлено социальными, историческими, культурными и идеологическими условиями, поэтому критерии личностной зрелости отличаются вариативностью у представителей разных культур и национальностей. В 2014–2018 гг. нами было проведено эмпирическое исследование имплицитных концепций личностной зрелости у белорусов, результаты третьего этапа которого представлены в данной работе. Основным инструментом для выявления структурно-содержательных особенностей имплицитных концепций личностной зрелости был сконструированный нами специализированный личностный дифференциал, который предъявлялся испытуемым дважды с различными инструкциями (представить личностно зрелого и личностно незрелого человека). На данном этапе в исследовании приняли участие 322 испытуемых в возрасте от 17 до 50 лет (из них 63% — женщины, 37% — мужчины).

В результате факторного анализа методом Maximum likelihood и последующим вращением Varimax raw была получена четырехфакторная структурная модель личностной зрелости.

Первый фактор составили *духовно-нравственные характеристики* личности. Среди них: чуткий, заботливый, искренний, духовный, дружелюбный, щедрый, гуманный, отзывчивый, порядочный, подлинный, прощающий, нравственный, добросовестный. Этот факт позволяет предположить, что о личностной зрелости судят в первую очередь по тому, насколько личность проявляет себя по отношению к другим людям.

Второй фактор отражает *способность к самодетерминации (автономии*): целостный, сдержанный, закаленный, независимый, сознательный, объективный, деятельный, продуктивный, здравомыслящий, самоценный, самодостаточный.

Третий фактор образовали характеристики, имеющие отношение к осознанной *саморегуляции* поведения (организованный, целеустремленный, ответственный, порядочный), а также управлению *собственным развитием* (разносторонний, образованный, компетентный). Характеристики, отражающие *реализованность личности в социуме,* — общительный, успешный, активный, довольный, увлеченный — образовали четвертый фактор.

Таким образом, свойственная обыденному сознанию белорусов модель зрелой личности по своей структуре согласуется с рядом теоретических концепций зарубежных и современных российских персонологов, считающих наиболее значимыми проявлениями личностной зрелости *духовность, автономию, способность к саморегуляции и социальную реализованность*.

Обращает на себя внимание тот факт, что три последних фактора воплощают в себе субъектный потенциал личности, являющийся мерой активности, авторства и ответственности человека по отношению к своей жизни в целом и отдельным ее аспектам.

1. Леонтьев Д.А. Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. № 3. С. 120–140.

ВКЛАД В ПСИХОЛОГИЮ ЛИЧНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПСИХОФИЗИКЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ПАРАДИГМЕ ВЕРОЯТНОСТНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

И.Г. Скотникова, В.М. Шендяпин

Россия, Москва, Институт психологии РАН
iris236@yandex.ru, valshend@yandex.ru

Кратко охарактеризованы математически модели решения человеком сенсорно-перцептивных задач с неопределенностью, разработанные авторами и другими исследователями в парадигме вероятностного прогнозирования и позволяющие получить строго обоснованное естественно-научное знание о личностных механизмах ее преодоления.

В сфере психофизики и математического моделирования психических процессов ведутся исследования решения человеком задач с неопределенностью, позволяющие получить строго обосно-

ванное естественно-научное знание о личностных механизмах ее преодоления. Показано, что такие механизмы (интер- и интраиндивидуальные) объединены в психологическую структуру деятельности, направленной на решение: это когнитивно-стилевые свойства личности, обусловленные ими и решаемой задачей стратегии деятельности, рефлективные переживания уверенности-сомнений (Скотникова, 2008, 2016).

Мы разработали математическую модель принятия решения и уверенности в нем для типичных ситуаций неопределенности: сенсорно-перцептивных задач порогового типа по различению сходных по величине объектов. Обоснован подход к моделированию принятия решения и контроля его правильности в таких задачах в парадигме *вероятностного прогнозирования как базового принципа механизма восприятия и выбора действия в условиях неопределенности*. В разработанной математической модели принятия решения и уверенности в нем (пока для сенсорно-перцептивных задач с неопределенностью) уверенность рассматривается как субъективный показатель прогнозируемой эффективности будущего решения и оценки уже принятого (Шендяпин, Скотникова, 2015). Модель основана на психофизической теории обнаружения сигнала, в которую введена найденная аналитическим путем новая формальная переменная: *свидетельство* в пользу определенной альтернативы ответа, которую можно трактовать как информацию, получаемую человеком при восприятии и используемую им для выбора ответа. Модель описывает процесс формирования свидетельств и показывает, как с их помощью контролируются вероятности правильности ответов. Свидетельство — это неосознаваемая переменная, промежуточная между входными сенсорно-перцептивными данными и принятием решения. Реально же человек психологически переживает степень уверенности в будущем ответе, которая служит ему субъективным индикатором для выбора той альтернативы решения, прогнозируемая вероятность правильности, полезности либо успешности которой максимальна. Уверенность может быть осознана при требовании ее оценить. Ее величина соответствует расстоянию между полученным значением свидетельства и критерием (порогом) выбора ответа, происходящего при превышении порога. Величина порога определяется мотивирующими условиями задачи: штрафами за ошибки и премиями за верные ответы, а также минимально допустимым уровнем прогнозируемой эффективности решения. Тео-

ретически описаны принятие решения и оценка уверенности в нем наблюдателем в трех разных задачах (в соответствии с целями его деятельности): выбор наиболее правильного ответа, или наиболее полезного (но тем не менее, возможно, проигрышного), или гарантирующего успешность деятельности с учетом всех рисков.

В модели формальное описание процесса принятия решения включает как один из важнейших компонентов индивидуально-личностную особенность в континууме осторожность–склонность к риску, определяющую выбор критериев принятия решения. Способность человека повышать правильность решения путем разграничения уверенных и неуверенных ответов выше у осторожных, а также рефлективных лиц, чем у склонных к риску и импульсивных (Шендяпин и др., 2010). Это экспериментально подтвердило теоретически обоснованное в модели влияние осторожности на эффективность решения и на уверенность в нем.

Одним из первых Д. Викерс ввел в свою аккумуляторную модель осторожность (cautious) как существенную детерминанту принятия решения и уверенности в сенсорных задачах (Vickers, Lee, 1998). В настоящее время интенсивно развиваются модели смещения с рассеянием (Drift Diffusion Models — DDM, Ratcliff, 1978; Voss et al., 2018). Степень осторожности в решении выступает как один из четырех параметров когнитивного исполнения в этих моделях, дающих одно из наиболее успешных формальных описаний принятия решения в развитии моделей случайных блужданий, описывающих стохастическую динамику процессов принятия решения и оценки уверенности. На временны́х шагах решения копятся свидетельства в пользу альтернатив ответа до достижения порога решения. Осторожность соответствует расстоянию между порогами для принятия альтернатив. Другой ключевой параметр DDM — склонность субъекта к предпочтению определенной категории ответа, что, как и осторожность в решении, связано с личностными особенностями и с ценами ответов и соответствует начальной точке стохастического пути. Использование DDM-моделей позволяет прояснить роль когнитивных механизмов в мотивационных и эмоциональных процессах (Lerche et al., 2017, 2018).

В целом, исследования в области психофизики и математического моделирования психических процессов позволяют распространить естественно-научную парадигму в сферу психологии личности.

Работа поддержана грантом РФФИ, проект № 18-013-00148а.

ОЖИДАЕМОЕ НЕГАТИВНОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ КАК ПРЕДИКТОР ДОЛГОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Е.В. Тугарева

Россия, Москва, Институт психологии РАН
tougareva@yandex.ru

Приведены результаты исследования отношения к потребительскому кредиту и принятия решения о том, брать или не брать потребительский кредит. Ожидаемое негативное психологическое состояние, связанное со статусом должника, является одним из основных предикторов решения по кредиту и долгового поведения.

В экономической психологии и поведенческой экономике к теоретическим концепциям, которые рассматривают субъективную оценку последствий выбора и роль чувств в принятии решения о выборе, можно отнести теорию перспектив (prospect theory) и теорию сожалений (regret theory). Теория перспектив (Канеман, 2006), в частности, утверждает, что люди делают свой выбор скорее на основании субъективной ценности потенциальных потерь или выигрышей, а не на основании реально возможного исхода. Такое положение можно интерпретировать следующим образом: люди ориентируются на ожидаемое состояние, в которое они попадут после выбора данной альтернативы, и исходят из субъективной ценности этого состояния. Однако авторы исследований в рамках теории перспектив такого акцента не делают, а интерпретируют результаты в терминах субъективной ценности последствий своего выбора. Теория сожалений (Bleichrodt, Wakker, 2015; Connolly, Zeelenberg, 2002; Zeelenberg, 2018) утверждает, что люди предвидят (ожидают) чувство сожаления, которое они могут испытать, если сделают неправильный выбор, и берут это предвидение во внимание, когда принимают решение. Страх испытать сожаление играет значительную роль, когда человек отказывается от каких-либо действий, или, наоборот, мотивирует предпринять иные действия.

В своем исследовании отношения человека к использованию потребительского кредита мы предположили, что если переход в статус должника связан у человека с негативными переживаниями, то это может оказаться важным фактором того, что он, скорее, не станет брать кредит.

В исследовании приняли участие 222 человека, из них 44,59% мужчины и 55,41% женщины, доминирующий возраст от 20 до 35 лет, 88,66% люди с неполным высшим и высшим образованием. По шкале самооценки уровня дохода и по самооценке своего социального статуса выборка нормально распределена.

Для диагностики ожидаемых негативных состояний в случае залезания в долги использовался следующий методический прием. Были подобраны семь картинок, отражающих разные негативные состояния, связанные со статусом должника. Респондентов просили оценить (по 7-балльной шкале), насколько интерпретация кредитов на картинке совпадает с их собственными оценками и переживаниями в отношении кредитов. Факторный анализ ответов по данным картинкам показал, что они измеряют один феномен (один фактор), факторное решение объясняет 62,47% случаев, альфа Кронбаха полученной шкалы — 0,896. В дальнейшем анализе использовался суммарный показатель по данной шкале, который рассматривался как индикатор выраженности ожиданий негативных состояний при попадании в статус должника. Ответы респондентов по данному показателю оказались нормально распределены по выборке.

Результаты корреляционного анализа с другими измеряемыми параметрами отношения человека к использованию кредита показали следующее. Чем более выражены у человека ожидания негативных состояний, тем реже он в принципе в прошлом брал кредиты, такие люди готовы брать кредит на меньшую сумму, на более короткий срок и у них выше готовность к досрочному погашению кредита и ниже готовность «переплачивать» за кредит. Даже если и есть такие потребности/товары, на которые у них в настоящее время не хватает денег, желание купить эти товары или удовлетворить эти потребности они оценивают ниже. Они ниже оценивают свои готовность и желание взять кредит на момент опроса. Дискриминантный анализ, где зависимой переменной являлся ответ на вопрос «Какое решение приняли бы Вы сейчас — взять кредит или отказаться от кредита?», показал, что предикторами данного решения являются выраженность ожидания негативных состояний, субъективная готовность и желание взять кредит и готовность «переплачивать» за него.

1. Канеман Д. Карты ограниченной рациональности: психология для поведенческой экономики // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 2. С. 5–28.

2. Bleichrodt H., Wakker P.P. Regret theory: a bold alternative to the alternatives // The Economic Journal. 2015. Vol. 125. P. 493–532.

3. Connolly T., Zeelenberg M. Regret in Decision Making // Current Directions in Psychological Science. 2002. Vol. 11 (6). P. 212–216.

4. Zeelenberg M. Anticipated regret: A prospective emotion about the future past // The psychology of thinking about the future / Ed. by G. Oettingen, A.T. Sevincer, P.M. Gollwitzer. N.Y.: The Guilford Press, 2018. P. 276–295.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РИСКИ VS РЕСУРСЫ СРЕДЫ В ДИАГНОСТИКЕ И ПРОФИЛАКТИКЕ ПРОБЛЕМНОГО ПОВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ПОДРОСТКОВ

С.В. Тюлюпо, Б.А. Дашиева

Россия, Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет, НИИ психического здоровья ТНИМЦ
svetdy@mail.ru

На примере практик диагностики употребления ПАВ сельскими подростками обсуждаются ограничения подходов, фокусированных на проблемных аспектах поведения. На основании результатов опроса 578 учеников сельских школ раскрываются возможности ресурс-ориентированных подходов в снятии этих ограничений. Принцип безопасности респондентов рассматривается как ключевое условие получения валидных данных, соотносимых с оценкой психического здоровья и благополучия подростков в сельских популяциях.

Исследование поддержано Программой повышения конкурентоспособности ТГУ, проект № 8.1.54.2018.

В 2017 году сельских школах одного из районов Томской области было опрошено 2550 подростков 15–17 лет. Целью опроса было выявление «группы риска» употребления психоактивных веществ (ПАВ). Только 55 респондентов указали, что пробовали те или иные ПАВ: алкоголь, никотин, наркотики. В какой степени результат опроса отражает реальное состояние дел? Тремя годами ранее в 5 классе одной из обследованных школ, во время профилактической беседы о вреде курения, пятеро из пятнадцати подростков уже демонстрировали явные признаки психической зависимости от никотина. Участники беседы были хорошо осведомлены, как сделать «бульбулятор», чего туда насыпать и где растет подходящая для этого конопля. Только трое учеников указали, что вообще не пробовали курить. Описанный казус является частным примером

расхождения реальной ситуации с представлениями о ней, которые формируются на основании популяционных исследований проблемного поведения в подростковой среде. Сегодня подобные исследования регулярно проводятся в системе образования. Их организаторы апеллируют к положению статьи 5 об индивидуальной профилактической работе «…в отношении несовершеннолетних, в том числе употребляющих наркотические средства или психотропные вещества…» ФЗ № 120 от 24.06.1999 (ред. от 26.06.2018) «Обоснование системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Реализуемые в этом контексте практики «ранней оценки рисков» всевозможных девиаций социально-личностного развития подростков находят распространение в Новосибирской, Томской, Тюменской областях, Красноярском крае и других регионах РФ. Площадку для скрининговой оценки рисков суицидального, делинквентного, девиантного поведения составляют общеобразовательные школы: как городские, так и сельские. Необходимость адаптации используемых в этих целях методик к социокультурным характеристикам обследуемых групп и объективным условиям их жизнедеятельности при этом не обсуждается.

Между тем широко применяемые в этом контексте подходы имеют значительные ограничения. Они связаны как с методическими, так и процедурными аспектами опроса подростковых групп. В этом заключении мы опираемся на анализ регламентов и методических рекомендаций для организации подобных обследований учащихся. Наряду с вопросом о валидности результатов подобных обследований актуален вопрос об этических ограничениях таких практик в сельских школах. Они не всегда имеют возможности организовать процесс анкетирования через Интернет и, случается, проводят обработку первичных данных в «ручном режиме» непосредственно силами педагогического коллектива. В подобных обстоятельствах конфиденциальность результатов исследований и безопасность респондентов трудно гарантировать. Внешняя закрытость сельского социума и его внутренняя прозрачность для участников образовательного процесса усугубляют риски.

В условиях опроса, проводимого без участия педагогического персонала, когда подростки уверены в своей безопасности, они становятся более открытыми. Так, из 578 сельских учащихся 12–17 лет, опрошенных нами в период с 2015 по 2018 годы на опыт упо-

требления алкоголя указывают 13,7% подростков. Имеет значение в получении достоверной информации и формулировка вопроса. Так, если на вопрос «Пробовали ли Вы наркотики?» положительно отвечают только 1,3%, то на вопрос со множественным выбором «В чем Вы находите успокоение, отдушину, когда Вам тяжело» отвечают «…в употреблении наркотиков» уже 14,5% респондентов.

Фокусировка на оценке субъективного благополучия и ресурсных характеристиках социально-средового окружения также позволяют нивелировать систематические ошибки, связанные с поведением респондентов. Так, ключевые формы проблемного поведения (рискового, суицидального, делинквентного, употребления ПАВ, компьютерной аддикции) среди сельских школьников отрицательно коррелируют ($\rho \leq 0{,}01$) с показателями их субъективной защищенности в школьной среде, наличием социальной поддержки со стороны учителей.

Таким образом, применение ресурс-ориентированных подходов позволяет снять методологические и этические ограничения подходов, фокусированных на проблемных аспектах поведения подростков. Вместе с тем появляется основание для адресной профилактической работы с подростками, управленческих решений, необходимых для улучшения ситуации в целом.

ЖИЗНЕННЫЕ ВЫБОРЫ ВЫСОКОГО И НИЗКОГО КАЧЕСТВА: СУБЪЕКТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ И СВЯЗЬ С ОСОБЕННОСТЯМИ ЛИЧНОСТИ

А.Х. Фам, А.А. Меньщикова

Россия, Москва, НИУ ВШЭ
anna.fam@gmail.com, annamen9797@mail.ru

Исследование посвящено анализу различий между выборами высокого (ВК) и низкого (НК) качества. Различия в субъективном восприятии выборов ВК и НК касаются степени обдуманности, эмоциональной бесконфликтности и удовлетворенности выбором; они связаны как с ситуативными факторами (эффект последовательности предъявления ситуаций для описания), так и с личностными особенностями (удовлетворенность жизнью и др.). Выбор нельзя исследовать «в общем», безотносительно учета его субъективного качества.

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 16-18-10439 «Системно-динамический анализ регуляции деятельности».

Усложняющийся мир ставит перед человеком задачи на самоопределение в большом количестве жизненных сфер, делая способность совершать качественные, осознанные выборы все более востребованным умением. Между тем, несмотря на важность изучения *субъективного качества выборов*, совершаемых в реальных жизненных ситуациях, этот феномен редко становится предметом целенаправленного психологического исследования.

Целью настоящей работы стало изучение различий в субъективном переживании жизненных выборов так называемого «высокого» (ВК) и «низкого» (НК) качества.

Методы исследования. Исследование было проведено онлайн в 2017–2018 гг. Респондентам (N = 394) было предложено последовательно *вспомнить и описать* своими словами одну *ситуацию выбора ВК* и одну — *выбора НК из своего опыта.* С целью контроля эффекта последовательности, порядок предъявления ситуаций для описания варьировался: 197 чел. предъявлялась версия ВК-НК, а другим 197 чел. — НК-ВК. Отдельно для ситуаций ВК и НК заполнялся опросник «Субъективное качество выбора» (СКВ) (Леонтьев и др., 2015) (четыре шкалы: основательность, эмоциональная бесконфликтность, самостоятельность выбора и удовлетворенность его итогом). В качестве дополнительных методик использовался ряд личностных опросников (Шкала удовлетворенности жизнью, «Большая пятерка», Тест жизнестойкости и др.).

Результаты исследования и их обсуждение.

«Профили» выборов ВК и НК. Согласно результатам сравнения шкал СКВ для выборов ВК и НК (t-тест), более качественные выборы являются значимо ($p < 0,05$) более обдуманными, эмоционально бесконфликтными и удовлетворяющими, нежели выборы НК. При этом интересно, что значимых различий по шкале «Самостоятельность» между выборами разного качества обнаружено не было: и те и другие субъективно оцениваются как достаточно автономные, независимые от влияния других людей и обстоятельств.

Общий показатель качества выбора для ВК и НК. Примечательно, что выбором НК респонденты в целом называли умеренно, а не очень негативный выбор (среднее значение равно 4 баллам из 7, минимальное значение не ниже 2,6 баллов). Для сравнения, среднее значение для ВК составило 5,5 балла. Полученные результаты указывают на то, что для оценки выбора как субъективно «плохого»

достаточно лишь несущественного понижения отдельных показателей СКВ.

Взаимосвязь отдельных параметров качества выбора для ВК и НК. Результат корреляций шкал СКВ друг с другом (в случае ВК и НК) показал ряд значимых отличий между этими ситуациями: в отличие от ВК, в случае НК основательность не связана с самостоятельностью выбора и при этом обнаруживает отрицательную связь с эмоциональной бесконфликтностью выбора ($r = –0{,}144$; $p < 0{,}01$). Иными словами, «плохой» выбор может быть сделан одновременно автономно и необдуманно, и при этом чем менее осознанным и ответственным он является — тем меньше негативных чувств человек испытывает в процессе его совершения.

Влияние эффекта последовательности. Общий показатель качества выбора для ВК был значимо ($p < 0{,}01$) выше в случае, когда оценка ВК происходила *после* НК. Напротив, выборы НК в целом оценивались выше ($p = 0{,}00$) в случае, когда оценка НК производилась *до* ВК. Эти данные указывают на то, что субъективная оценка качества выбора чувствительна к факторам контекста (в том числе — порядку предъявления ситуаций для описания). Кроме того, было обнаружено, что для ситуаций ВК наиболее чувствительными к эффекту последовательности оказались *эмоциональные* параметры выбора (эмоциональная бесконфликтность и удовлетворенность), а для НК — *когнитивные* (основательность и самостоятельность).

Связь с личностными особенностями. Для выбора ВК было обнаружено больше связей с личностными переменными (удовлетворенность жизнью, экстраверсия, шкалы жизнестойкости, нормальный перфекционизм и др.), и они оказались более выраженными и значимыми. Кроме того, качество той ситуации, которая была описана *в первую очередь*, положительно коррелировало с уровнем удовлетворенности жизнью.

1. Леонтьев Д.А., Овчинникова Е.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х. Психология выбора. М.: Смысл, 2015.

7.
ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ДИАЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА

ДИАЛОГИЧНОСТЬ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

Т.М. Буякас

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
delone2012@yandex.ru

В работе рассмотрены теоретические основания феноменологической познавательной стратегии. Введено понятие «феноменологическое движение». Диалог рассматривается как инструментарий, который открывает возможность живой работе «феноменологического движения»: конституирует ту форму объективации, в которой и которой порождается понимание.

Феноменологическая познавательная стратегия не предполагает внешнего, объясняющего причину доказательства того, с чем мы имеем дело; но — особую способность осуществлять *раскрывающее движение по высвобождению* некой силы целого, с помощью которой это целое само себя устанавливает. Соответственно, феноменологический подход открывает возможность для *другого типа понимания:* понимать — значит *позволять устанавливаться* тому, что действительно находится, действительно живет сейчас в поле сознания этого человека; полагаться на собственное, *непосредственное внутреннее ви́дение* — на то, что «вырастает из нас самих» (М. Мамардашвили).

Феноменология, таким образом, открывает *совсем другой тип исследования*: истину не надо доказывать, ее надо *высвобождать — «приводить к ви́дению» (К.А. Свасьян) то,* что само показывает себя.

Феноменологическая стратегия предполагает особое умение *настраиваться* на то, что само себя устанавливает, — умение «двигаться на слух по шелесту действительной ткани жизни» (Мамардашвили, 2010). Мы называем это «**феноменологическим движением»**. Процесс этого движения «упирается» во «внутреннее феноменологическое препятствие» — в то, что внешне ничем не

детерминируемо, а «существует по собственному праву», само в себе несет свою достоверность. Существование таких «*особых достоверностей*» дает возможность анализировать деятельность, мысли, поступки и пр. не в терминах внешнего закона, не требует их доказательства через рациональный аргумент (Там же).

Феноменологическое движение устанавливает человека в поток *устремленного к целому (и устремленного целым) движения*. Эту устремленность В. Дильтей называет «имманентной герменевтикой жизни» — способностью самой жизни (душевно-духовной) приводить себя к все большей полноте — исполняться.

В своей практике, *работой выслушивания,* феноменолог *продолжает и усиливает имманентно присущую самой жизни внутреннюю работу ее самопонимания* — ее изначальную и «имманентную герменевтику»: *разворачивает и раскрывает* то знание, которое не существуют ни внутри личности, ни у него. Оно *конституируется.* Представление о знании как отражении реальности сменилось в современной философии представлением о его конструировании.

На примере яркой метафоры, отличающей «шахтера» от «путешественника», С. Квале поясняет суть этого различия (Квале, 2009). В «шахтерском подходе» предполагается поиск знания, которое *уже существует*, но глубоко скрыто. В «подходе путешественника» исследователь *участвует в конституировании понимания*, которого у человека еще нет. Мысль здесь *живая, диалогически конституируемая, а* не «*ископаемое» в пыли «археологических раскопок».*

Здесь самое время вспомнить М.М. Бахтина: «Подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя» (Бахтин, 1979). Знание *не дано изначально, а формируется* непосредственно в процессе взаимодействия двух людей: «Истина не рождается и не находится в голове отдельного человека, она рождается между людьми, совместно ищущими истину, в процессе их диалогического общения» (Там же).

В результате такого творческого выслушивания впервые *конституируется событийное* (а не отыскивается натуральное). Диалог — это *пространство конструирования знания*: не попытка извлечь то, что *уже есть, готовое* — это работа *понимания как распахивания пути* тому, что само себя устанавливает; это *высвобождающее рождение того, что с каждым вопросом все полнее выходит, выводится в присутствие здесь-и-теперь*. В процессе диалога

и через него человеку открывается возможность выслушивать себя: раскрывать то, что он исповедует, чем он живет и дышит, то, *от чего* его жизнь берет начало. Себя не наличного и пред-находимого, а того, который впервые про-из-водится через этот опыт.

Соответственно, мы рассматриваем диалог как инструментарий, который открывает возможность **живой работе феноменологического движения**: *последовательного приближения к чувству* **очевидности и несомненности** *понимания собственного опыта.*

Текст диалога становится той *формой объективации*, тем инструментом, *в котором и через который* извлекается смысл пережитого опыта и *порождается его понимание*. Обнаруживая свои чувства и переживания через текст диалога, человек может внезапно увидеть новые аспекты и новые связи, которых он ранее не осознавал. Они впервые производятся *самим* текстом и *в* самом тексте.

Хорошо известно, что **вопросы к тексту** влияют на интерпретацию текста, в связи с чем стоят в центре внимания в качественных исследованиях.

Какие вопросы к тексту открывают возможность «приведения к ви́дению» некой целостности?

Диалог должен развернуться так, чтобы, прежде всего, обеспечить *«углубление в само внешнее»* (Г. Шпет). Отсюда задача — *максимально амплифицировать переживание*: вглядеться в него так, чтобы развернуть его до той полноты, которая откроет возможность *увидеть целое*. Эта задача прямо связана с феноменологической методологией: «феноменология предлагает особый тип интерпретативной активности исследователя, цель которого — *усилить сказанное в тексте*» (Бусыгина, 2009).

Как амплифицировать переживание? Согласно Ф.Е. Василюку, главная задача психолога — отражать то, что человек *чувствует;* сфокусировать внимание человека не только на том, что он говорит, но и на том, *как* он это говорит.

Ю. Джендлин подчеркивает идею *телесности любого переживания* (Джендлин, 2012). Вопросы исследователя к «непосредственному внутрителесному чувствованию» позволят *наполнить и оживить чувственную ткань* — сделать «выпуклым весь ансамбль непосредственных телесных проявлений и чувствований» (Ф. Василюк).

Все элементы переживания должны быть увидены как проекции целого. Необходимо убрать фрагментарность и устремить диалог к

целому — тому, что через эти проекции являет себя. Соответственно, нужны вопросы, которые откроют возможность выйти из плана проекций и позволят вписать опыт в некий контекст целого. Это вопросы типа: «В чем смысл этого для тебя?», «Как ты к этому относишься?», «Соответствует ли это тебе?» и т.д. и т.п., которые направляют внимание на «значение для себя» элементов переживания, устремляют все детали переживания *к целому — тому значению для себя,* которое они могут иметь, — к их *личностному смыслу*.

По мнению М. Босса, вопросы о «связи с бодрствующей жизнью» помогают дополнительно уточнить личностное отношение. Соответственно, важно ставить вопросы типа: «Как это связано, как это соотносится с вашим Жизненным миром?», «Что в вашей жизни похоже на это?», «Что в вашей жизни вызывает такое же чувство?», «Что в вашей жизни это напоминает?» и т.д. и т.п. (Босс, 2009).

Когда за полнотой проекций проявится Целое, у человека откроется возможность события осмысления. Ведь главная миссия деятельности переживания — это решение «задачи на смысл» (А.Н. Леонтьев).

Итак, чтобы «устремить» феноменологическое движение к своему «упору» — *проживанию некой несомненности — смысла,* диалог должен открывать возможность «заговорить самому тексту» (Пузырей, 2005), т.е. должен направляться и конституироваться данными, которые *предоставляет сам опыт*. Вопросы должны высвобождать, устанавливать то, что впервые в жизнь производится, а не быть нацелены на поиск чего-то наличного и пред-находимого; быть направлены на связь с бодрствующей жизнью.

Диалог такого качества упорядочивает и структурирует процесс феноменологического движения и открывает возможность конституирования смысла через абсолютный по достоверности личностный критерий — внутренний отклик. Диалог такого качества мы будем называть **«раскрывающим диалогом»**.

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. Босс М. Недавние размышления о Дазайн-анализе // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2.
3. Бусыгина Н.П. Феноменологическое описание и интерпретация // Московский Психотерапевтический журнал. 2009. № 2.
4. Джендлин Ю. Фокусирование. М.: Корвет, 2012
5. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2009.
6. Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010.
7. Пузырей А.А. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.

ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ В ГРУППАХ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО САМОПОЗНАНИЯ.

А.В. Визгина

Россия, Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, факультет психологии
annavizgina@yandex.ru

Рассматривается специфика экзистенциально-аналитического (ЭА) понимания внутреннего диалога (ВД) как формы персональной обработки переживаний в ходе беседы с собой. Предлагается подход к исследованию динамики перехода от конфликтных неконструктивных форм ВД к экзистенциальному ВД в ходе группового ЭА самопознания. В статье описаны изменения, происходящие во ВД участников группы по мере ее прохождения, а также определены особенности группы ЭА самопознания, влияющие на такую позитивную динамику.

В экзистенциальном анализе (ЭА) внутренний диалог (ВД) понимается как такая форма персональной обработки переживаний, в процессе которой происходит согласование личности с собой, со своими способностями, чувствами, ценностями, совестью, способствующее занятию персональной позиции и принятию решения. Практика ведения таких внутренних диалогов приводит к личностной интеграции, и в целом, к более исполненной жизни, жизни с внутренним согласием. Одним из основных механизмов формирования экзистенциального ВД признается интериоризация уважительно-принимающего отношения к себе со стороны психотерапевта, а также системы взглядов и концептуальной основы ЭА, опираясь на которую человек учится задавать себе правильные вопросы и слышать ответы из глубины своей сущности (Person). Способность к внутреннему диалогу, так же как и к внешнему, по словам А. Лэнгле, — «не только цель психотерапевтической работы, но и главный фактор влияния экзистенциально-аналитической психотерапии» (Лэнгле, 2017).

Что касается понимания ВД как взаимодействия разных (подчас конфликтующих) смысловых позиций, развиваемых одним индивидом, то ему в ЭА уделяется меньше внимания. Рассмотрение ВД в динамике позволяет связать между собой конфликтные и конструктивные формы ВД, помещая их на противоположных полюсах линии развития диалогов в процессе терапии. Опираясь

на анализ высказываний участников трех групп самопознания в рамках ЭА, проходивших еженедельно в течение учебного года (соведущей которых являлась автор статьи), можно наблюдать, как меняются их ВД на разных этапах проведения группы. Работа в группе состоит в том, что участники в безопасном для себя пространстве рассказывают о своих переживаниях, отвечая на вопросы, содержание и последовательность которых определяются концепцией четырех фундаментальных мотиваций, лежащих в основе структуры экзистенции (Лэнгле, 2002). На первых занятиях в высказываниях участников если и звучит ВД, то он характеризуется свернутостью, дезинтегрированностью и защитным характером. Постепенно голоса ВД становятся более развернутыми, эмоционально-насыщенными, взаимодействующими друг с другом, чаще в форме конфликта. Участники начинают признавать у себя ограничения и трудности и выражать в связи с этим свои негативные переживания. При этом высказывания часто носят самообвинительный характер. Дальнейшее развитие ВД участников по мере прохождения группы характеризуется следующими тенденциями. Некоторые голоса трансформируются или исчезают, например голос самообвинения (высказывания о себе начинают звучать более мягко); появляются новые голоса, например голос принятия данностей и самопринятия; возникает конфронтация с завышенными ожиданиями и чрезмерными требованиями к себе; все чаще в высказываниях участников слышится апелляция к голосу совести; участники переходят от обесценивающих комментариев по поводу собственного прошлого, поступков, решений к поиску смысла и ценностей, которые за ними стоят. То есть старые неконструктивные голоса начинают оспариваться с позиций новых усвоенных в ходе ЭА самопознания понятий. Возникает «наблюдающее Я», с позиции которого происходят согласование и интеграция разноуровневых и разнонаправленных переживаний в общую систему. Голоса учитываются, принимаются во внимание, но при этом начинают соотноситься с голосом совести, занимая каждый свое место в этой системе, в результате чего жесткость противостояния между позициями во ВД уменьшается.

К факторам, влияющим на позитивную динамику ВД, можно отнести следующие особенности групп ЭА самопознания. Уважительно-принимающая установка со стороны ведущих и других участников, способствуя повышению самопринятия, приводит к

более развернутому и эмоциональному выражению скрытых голосов. Возможность рассказать о своих переживаниях позволяет услышать себя со стороны, что способствует самодистанцированию, лежащему в основе способности к ВД. Кроме того, сама по себе структура четырех фундаментальных мотиваций, задающая последовательность тем обсуждения, способствует усвоению экзистенциально-аналитического способа мышления, формированию новых позиций ВД участников группы, опираясь на которые они могут противостоять негативным тенденциям в себе и вне терапевтических рамок.

1. Лэнгле А. Значение самопознания в экзистенциальном анализе и логотерапии: сравнение подходов // Консультативная психология и психотерапия. 2002. № 4. С. 150–168.
2. Лэнгле А. Эмоции и экзистенция. Эмоции и экзистенция: Сб. статей / Под ред. А. Лэнгле. Харьков: Гуманитарный центр, 2017. С. 37–59.

ОПЫТ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПСИХОЛОГОМ ЧЕРЕЗ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ЛИЧНОЙ ТРАГЕДИИ, СВЯЗАННОЙ С ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Е.В. Михеева

Россия, Москва, практикующий психолог
eva_mikheeva@me.com

В статье описывается опыт автора преодоления трагических переживаний посредством поэтического творчества, возможности преобразования изначальных эмоций.

Стихотворение — колоссальный ускоритель
сознания, мышления, мироощущения.
Бродский И.А.

Я вернула поэтическое творчество в свою жизнь 10 ноября 2015 года. А 27 февраля 2017 года произошла трагедия — покончила с собой девушка, которая со мной работала на протяжении шести месяцев. Стихи стали для меня способом пережить непоправимую утрату, принять ограниченность собственных возможностей и ресурсов не только как психолога, но и как человека, способом продолжать себя, создавать мир, пригодный для разворачивания своей личности.

Мои стихотворения — это не сконструированные смысловые формы с заданной заранее тематикой и динамикой. Они всегда создаются начисто, без правок, в особом состоянии, ближайшим определением которого будет «поток чувств». В момент возникновения появляется потребность немедленно их записывать. Это особый, не похожий ни на один другой свойственный мне вид деятельности, способствующий возникновению и сохранению динамического равновесия стабильности и крайней степени неопределенности.

Несмотря на то что мой способ создания стихотворений не совпадает с методами нарративной терапии М. Уайта (Уайт, 2010), результаты, в итоге, вполне сопоставимы. Стихотворения могут способствовать построению опор, могут помочь не только принять мир, но и проложить в нем свою уникальную дорогу, каждый шаг по которой способствует формированию моей личности. Подобно опорам, которые могут возникнуть в диалогическом партнерстве в ходе нарративной терапии, стихи, в моем случае, способствуют движению от «привычного и известного к тому, что возможно знать и делать» (Там же). В ситуации переживания личностного кризиса это особенно важно, так как помогает обрести чувство авторства собственной жизни, ощущение субъектности.

Указанные свойства стихов проявились особенно ярко в моменты переживания личной трагедии. Ниже я приведу несколько стихотворений из многих, написанных в тот период.

* * *

Какая страшная весна
Как после атомного взрыва
Смерть обещает мне она
Скользя в холодном свете мимо

И лезвия ее коньков
Сквозные мне наносят раны
Из них струится море слов
Под гнетом боли постоянной

Я слышу сотни голосов
Блуждая в темных закоулках
Где сон сменяет новый сон
И не имеет власти утро

* * *

Нужно поставить точку
Чтобы потом получить свободу
Незамедлительно против всех правил
Так бывает, что первое стало последним
Алгоритм верен конфликт не решаем
Дерево ярко пылает дышит смертью
Озаряя затянутое смогом небо
Как большой светлячок
Где же ему быть еще
если не в этой тьме
Ветви тянутся ко мне
Хотят обнять как дочь
Желая помочь
Предлагают свое «никогда»
Ничего не прося взамен
Так мы вместе обманем тлен
Как близко, но я открываю глаза
Мои руки жжет чистый лист
Что мне ему сказать
Что мне себе сказать
Я делаю шаг в пустоту

* * *

Невозможно тебя удержать от последнего шага
Упавшего тщетно тащить за руки
Но смирение чуждо моей душе
Что остается
жить дальше
Со страшным знанием
Как с пылающим знаменем
Я была там
На пути без возврата
Волны катятся одна за другой
Смывая смыслы
Жизнь не делится на куски
Не повинуется мыслям
Не передать ее движением руки
Ничего не разделить с тобой

К черту науку о нормальном горе
О приемлемом гневе
Кровь по венам несется как волны
Как я смею быть полнокровной
Горячей свободной и даже зрячей
Когда тебя нет
Несомненно мне известен ответ
Кровь жжет вены как кислота
Как знание слишком большое
Чтобы быть принятым здесь и сейчас
Но в следующий раз
Я услышу зов крови
И огромное горе превратится в ступень
Восхождения к Человеку во мне
А пока в глубине поток бурлит
Ожидая своего часа

Осмысление этого пласта моего творчества вызывает противоречие с тезисом Выготского о том, что для создания лирического стихотворения всегда необходим «творческий акт преодоления этого (исходного) чувства… только тогда осуществляет искусство» (Выготский, 1967, с. 318–325). Также я не могу согласиться с разделением Патяевой стихотворений «больших» поэтов на «исцеляющие» (преодоление исходного чувства) и «демонические» (увековечивание исходного чувства) (Патяева, 2016; Соловьев, 1991).

С моей точки зрения, выражение исходного чувства самостоятельно или переживание его через чужое творчество, в случае возникновения отклика, может являться психотехническим средством выхода из личностного кризиса.

Важным мне представляется тезис Выготского «Эмоции искусства суть умные эмоции. Вместо того, чтобы проявляться в сжимании кулаков и в дрожи, они разрешаются преимущественно в образах фантазии» (Выготский, 1967, с. 201). Чувство, выраженное поэтическими средствами, даже при отсутствии преодоления своей исходной формы, может не быть этой форме тождественно, выходить далеко за ее пределы. Кроме того, самые тяжелые переживания, обретя, как это произошло в моем случае, поэтическое выражение, перестают быть лишь частью внутреннего хаоса и бо-

ли, становятся более осязаемыми, из разряда деструктивных феноменов переходят в созидательную форму.

Стихотворение может наметить «зону ближайшего развития» личности (вслед за Уайтом я применяю этот термин ко взрослым людям), по сути, способствует творческому рождению пишущего человека. В период трагических переживаний это приобретает особое значение, так как не остается состояния и личности «до события», в которые можно было бы вернуться, есть только продолжение пути в навсегда изменившемся качестве.

1. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1967.
3. Патяева Е.Ю. Поэтическое творчество как жизненная практикам // Журнал практического психолога. 2016. С. 46.
4. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 379–398.
5. Уайт М. Карты нарративной практики: введение в нарративную терапию. М.: Генезис, 2010, С. 281–309.

РИТУАЛЫ В ОРГАНИЗАЦИИ КАК ОСНОВА ДИАЛОГА И РАЗВИТИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Е.Б. Моргунов

Россия, Москва, Московская высшая школа социальных и экономических наук
morgounov@universitas.ru

С позиций культурной антропологии анализируются церемонии открытия новых российских предприятий, принадлежащих международным компаниям. Приводятся аргументы в пользу того, что в ходе церемоний происходит диалог представителей различных национальных, административных и деловых культур, имеющих асимметричные ожидания относительно коммуникативных действий их партнеров по коммуникации. Данные церемонии представляют собой периоды интенсивного коммуникативного взаимодействия, во многом определяющего успешность работы предприятий в будущем. Поэтому данные ритуалы нуждаются в углубленном исследовании в целях выработки адекватной государственной политики в отношении международных компаний в России, а также гибкой корпоративной деятельности в области пиара.

Культурно-антропологический подход к изучению народов и сообществ предполагает всестороннее исследование жизнедеятельности человека в указанных общностях. Одним из крайне важных аспектов такой жизнедеятельности являются ритуалы, выполня-

ющие в сообществах длинный набор разнообразных функций. В ходу несколько определений ритуала, среди которых не только антропологические:

• **Ритуал** (лат. ritualus — обрядовый, от лат. ritus — «торжественная церемония, культовый обряд») — совокупность обрядов, сопровождающих религиозный акт, или выработанный обычаем или установленный порядок совершения чего-либо; церемониал.

• Помимо антропологического значения понятие «ритуал» имеет **биологическое** — стереотипная форма поведения животных при различных стандартных коммуникациях.

• В **психологии и психиатрии** ритуал — служба или церемония, проводимые с религиозной или терапевтической целью или намерением, как сознательным, так и **бессознательным.**

Особенности этих функций выделяли такие ученые, как Э. Дюрхгейм, К. Леви-Стросс, В.У. Тернер, В. Малявин и др. Один из наиболее исчерпывающих перечней разнообразных функций ритуала составили Smith &S tewart (2011).

Коротко перечислим их:

1) вносить значение (стратегические сессии);

2) управлять напряженностью (энергетизирующие «движухи»);

3) подкреплять социальный порядок (демонстрации спортсменов);

4) передавать важные ценности (пламенные речи с трибуны);

5) повышать групповую солидарность (совместные действия работников разного статуса);

6) включать в группу и исключать из нее участников (отчитка провинившихся, символическая казнь);

7) демонстрировать приобщенность (завтрак с ректором);

8) управлять социальными структурами (церемонии открытия и закрытия);

9) предписывать и подкреплять значимость событий (личное участие в ритуале первых лиц сообществ).

Понятно, что участие в ритуалах определенным образом влияет на человека как в ценностном, так и в деятельностном аспектах. Современная культурная антропология вышла далеко за пределы исследования национальных сообществ и перешла к полномасштабному изучению иных социальных обществ, например организаций.

В нашем исследовании в качестве объекта изучения выступили корпоративные ритуалы открытия новых производственных

предприятий. Их особенностью является участие в них не только сотрудники самих предприятий, но и представителей иных сообществ, например представителей собственников предприятий, местных государственных органов, иных дружественных и смежных организаций. Иначе говоря, церемония открытия предприятия это место встречи и диалога носителей разных ценностей, интересов и даже языков коммуникации и символов. Мы выделили нормативную структуру церемонии, которая включает:

- формальный **отчет руководителя** строительства вышестоящему руководителю и запрос на разрешение запустить объект в действие;
- ориентирующий или **инспекционный тур** высшего руководства по вновь открытому предприятию;
- участие в церемонии не только официальных лиц, конструкторов и управляющим новым предприятием, но и **деловых партнеров** (поставщиков комплектующих и потенциальных потребителей новой производственной продукции);
- организация церемонии как **«митинга сторонников»** с демонстрацией общественного воодушевления, **чествованием героев труда, их подбрасыванием в воздух и патетическими речами рабочих**, выражающих желание, чтобы их незамедлительно отправили на новую стройку, и
- **Банкет**.

Поскольку само присутствие исследователей на церемониях затруднено для нашего анализа мы использовали видеозаписи таких мероприятий, размещенные в сети Интернет. Всего было проанализировано 45 видеозаписей.

Выделено восемь разделов оценки запечатленных на видео событий:

- количество и состав активных участников;
- количество и состав аудитории (пассивных участников);
- одежда участников;
- речи активных участников (когнитивный, аффективный и конативный элементы);
- продолжительность речей;
- особенности ознакомительного тура;
- ритуал запуска производства;
- общение руководителей, представителей властей и инвесторов, дипломатов.

Выводы.

Церемонии открытия новых предприятий можно назвать местом публичного диалога представителей разных социальных сообществ, имеющих уникальную возможность донести свои чаяния до представителей иных сообществ.

Ожидания от данного ритуала для представителей разных сообществ различны, и успех их диалога во многом зависит от того, насколько представители сенситивны к ожиданиям противоположной стороны.

Более подробно результаты нашего исследования можно найти в опубликованной статье (Гурков, Моргунов, 2018).

1. Гурков И.Б., Моргунов Е.Б. Ритуалы торжественного открытия новых российских заводов зарубежных корпораций: смысл, содержание и приемы церемоний // Организационная психология. 2018. Т8. № 2. С. 86–118.

2. Smith A.C.T., Stewart B. Organizational Rituals: features, functions and mechanisms // International Journal of Management Reviews. 2011. Vol. 13. P. 113–133.

ДИАЛОГ ДЕЙСТВИЙ В МАСТЕРСКОЙ ЖИЗНЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Е.Ю. Патяева

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
patyayeva@ya.ru

В докладе рассматривается диалог действий как своеобразный «двигатель» процессов саморазвития личности в психологической практике (на примере разрабатываемой нами мастерской жизненного творчества). Диалог действий понимается как обмен актами, которыми говорящий может открывать себя, обсуждать некоторое (отвлеченное) содержание, поддерживать и защищать свой имидж или воздействовать на другого. В зависимости от «веса» актов каждого из этих типов, взаимодействие психолога и других участников группы будет приводить или не приводить к личностному саморазвитию.

Развитие практической психологии личности оставляет все дальше в прошлом метафору лечения личности, принципиально важную для классического психоанализа и ранних направлений психотерапии. И все больше обращается к метафоре особого образовательного процесса, расширяющего возможности человече-

ского бытия (Бьюдженталь, 2007; Леонтьев, 2001, 2012). Особенность этого образовательного процесса в том, что он направлен не на освоение того или иного содержания (знаний, умений и т.д.), а на преобразование человеком самого себя, на развитие способности творить свою жизнь.

В современной психологической практике имеет смысл различать, с одной стороны, практики помощи (психотерапию, психологическое консультирование, направленное на выход человека из-под власти тех или иных проблем) и, с другой стороны, практики развития (тренинги, мастерские, семинары, развивающие и обучающие программы, ориентированные на людей, живущих вполне полноценной жизнью, не страдающих от груза неразрешимых проблем и желающих реализовать в своей жизни что-то новое, расширить свои личностные возможности и жить более полно, более осознанно и свободно (Леонтьев, 2001, 2012; Патяева, 2015, 2018). В реальной психологической работе практики помощи и практики развития во многих случаях сплавляются в единое целое, тем не менее их различение существенно, ибо оно побуждает выделить разные типы задач практикующего психолога и дает важную точку опоры для обсуждения правомерности выстраивания тех или иных отношений между психологом и людьми, с которыми он работает. В частности, нам представляется, что практики развития в большей степени предполагают выстраивание подлинно равноправных и открытых «в обе стороны» взаимоотношений между психологом и участниками психологической мастерской или другой формы работы.

Цель настоящего сообщения состоит в описании феномена, который можно назвать диалогом действий и который может выступать своеобразным двигателем процессов «выращивания себя» в ходе практик развития. Причем речь идет о «выращивании себя» как «рядовыми» участниками практики, так и психологом, организующим и фасилитирующим общую работу.

Формой психологической практики, на взятых из которой примерах мы будем описывать диалог действий, является мастерская саморазвития личности, или мастерская жизненного творчества, развиваемая нами начиная с 2012 г. (Патяева, 2018). Основная задача такой мастерской состоит в том, чтобы создать особое психологическое пространство для работы ее участников с самими собой — и позволить человеку быть (этому способствует введение

правила ненасилия над собой и его неукоснительное соблюдение). Создание пространства совместной работы предполагает: а) выращивание атмосферы принятия и доверия, б) открытость самого психолога и осуществление экзистенциального равенства ведущего и остальных участников мастерской, в) выстраивание форм совместной и индивидуальной работы, открывающих возможности нового личностного опыта и г) возможность диалога каждого участника с ведущим мастерской. Если говорить о результатах мастерской, то наиболее емкое их описание принадлежит Юлии Ермошиной, участнице осенней мастерской 2018 г.:

– Два месяца меняют кардинально,
Но не хочу звучать банально.
– Что было-то? Какая драма?
– Всё. И целой жизни гамма.

От взгляда неловкого
До объятия долгого,
От игры чужих ролей
До создания своей,

От одиночества холмов
До волны сотен голов,
От заточения и боли
До торжества свободы, воли,

От скорлупы существования
До страхов преодолевания,
От давления морали
До любви, крушащей грани.

– Как это можно охватить?
– Надо просто начать Жить!

28 октября 2018

Диалог обычно рассматривается, прежде всего, как раскрытие и разворачивание некоего содержания, того, о чем говорят его участники. Но диалог есть еще и определенный способ взаимо-

отношений людей, и если в плане содержания диалога мы можем рассматривать «ходы» его участников как согласие, возражение, вопрос, развитие мысли и т.д., то в плане действий мы (если речь идет о личностном диалоге) должны говорить о другом: о самораскрытии и отстранении, поддержке и конфронтации, расспрашивании и навязывании, интерпретации и личном отклике и аналогичных личностных действиях. Если воспользоваться схемой трех измерений межличностного общения Дж. Бьюдженталя, различающего три «вектора» любого человеческого общения — поддержание своего имиджа, содержание и степень личностного присутствия (Бьюдженталь, 2001) — то диалог действий можно, в первом приближении, представить как обмен актами, открывающими себя (самораскрытие, личностный отклик, открытая конфронтация), актами обсуждения содержания и актами, направленными на поддержание своей безопасности и своего устоявшегося имиджа (точнее — «персонажа» в терминологии П. Жане (2010), к такого рода актам можно отнести отстранение, руководство, оценивание, интерпретирование). Еще одним «вектором» выступают акты собственно взаимодействия (поддержка, оппозиция, противоборство, отказ, принуждение, согласие и т.д.).

В зависимости от «веса» каждого из этих «векторов» (будь то в психологической практике или «обычном» общении), диалог действий может разворачиваться в логике одной из трех принципиально различных форм: 1) восходящей расширяющейся трехмерной спирали взаимной фасилитации саморазвития, 2) расширяющейся плоской спирали понимания нового содержания и 3) замкнутого круга (вырожденной спирали) самозащиты и поддержания имиджей. Успешность мастерской личностного саморазвития определяется тем, насколько фактический диалог действий осуществляется в логике восходящей спирали взаимной фасилитации. Психолог-ведущий призван быть вдохновителем и двигателем этого процесса, однако это возможно лишь при последовательном расширении его собственной открытости (и, соответственно, уязвимости) и при реальном, не номинальном, продвижении им по своему собственному пути в пространстве мастерской. В противном случае он рискует оказаться не фасилитатором процесса саморазвития, а его тормозом.

1. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. 3-е изд. СПб.: Питер, 2001.
2. Бьюдженталь Дж. Наука быть живым: диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии. М.: Класс, 2007.
3. Жане П. Психологическая эволюция личности. М.: Академический проект, 2010.
4. Леонтьев Д.А. Жизнетворчество как практика расширения жизненного мира // 1 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.С. Мазур, А.И. Сосланда. М.: Смысл, 2001. С. 100–109.
5. Леонтьев Д.А. Опыт методологического осмысления практик работы с личностью: фасилитация, ноотехника, жизнетворчество // Консультативная психология и психотерапия. 2012. № 4. С. 164–185.
6. Патяева Е.Ю. Практики саморазвития личности в изменяющемся мире // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2015. Т. 8 (41). URL: http://psystudy.ru
7. Патяева Е.Ю. Мастерская саморазвития личности // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под ред. А.Г. Асмолова. М., 2018 (в печати). С. 503–531.

К ФЕНОМЕНОГОГИКЕ ИНИЦИАЛЬНОГО ОПЫТА: «АКТИВНОЕ ЧТЕНИЕ» КАК ИС-ЦЕЛЕНИЕ

А.А. Пузырей

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
riaff@mail.ru

Формулируется и разъясняется идея метода «активного чтения» как особого рода стратегии чтения и понимания текстов искусства, майевтической герменевники, встроенной в феноменологию инициального опыта, их «терапии» и «ис-целения».

По-нимать — значит «ис-целять»

Своим чтением мы можем «терапировать», или «ис-целять» читаемый текст.

Это значит: своим чтением, особого рода майевтической работой — майевтической герменевтикой текста — встроенной, в свою очередь, в особую же феноменологию опыта его чтения, мы можем при-водить читаемый текст в такое место, где он может устанавливать себя — нашем его чтении — «от=» Целого, «от=» своего — бытийного — Начала.

«Ис-целять» и значит по своему «коренному» смыслу: «отпавшему» от своего целого, от своего — бытийного — корня, потеряв-

шему свою укорененность в Бытии=Со-бытии-Другому, эту его — бытийную — укорененность «возвращать».

«В поисках потерянного бытия» значит также: в поисках утраченного «от-кровения».

А всякое «откровение» есть утраченное и вновь обретенное («вторым присутствием») откровение. И всякое «откровение» есть, прежде всего — «от-крытость».

Или: всякое «откровение» есть «то, что открывает» — «истина» как хайдеггеровская «а-летейя». Откровение тут есть само «бытие». «Ностальгия ведь, — говорит Ницше, — есть тоска не по прошлому, но по бытию»!).

И «возвращать» откровение — сказал бы Аристотель — значит: обретать возможность устанавливать себя «эн-тел-ехически», т.е. — «беря- (себя) -от-целого»). От Целого, которое само не предшествует этому «устанавливанию». Не предшествует тексту, который рождается в чтении этого текста.

Важно то, что Целое, от= которого должно браться читаемое «активным», ис-Целяющим чтением, само впервые — внутри и через это его чтение — «в каждой точке все целиком изничего рождается» (что — на своем чтении Декарта — показывал М.К. Мамардашвили).

Терапевт — исцели себя сам

Терапируя, ис-целяя читаемый текст — коль скоро «текст есть всегда то, что рождается внутри чтения этого текста» — мы вместе с тем, тем самым и прежде всего — терапируем, «исцеляем» также и самое это свое чтение.

То есть своим терапирующим читаемый текст чтением, читающий его, в первую голову — терапирует самого себя.

Только если в своем чтении текста мы находим возможность и самих себя брать «от=» целого, от своего — бытийного же — корня, мы можем открыть такую же возможность устанавливать себя от= целого — и для читаемого мной «текста» и его автора!

За читаемым «текстом» всегда стоит другой

«Терапирующим» наше чтение может быть только, если при этом нам, читающим текст, удается и себя установить — здесь-и сейчас — от=Целого и, к тому же — в со-бытии-«читаемому тексту» как своему Другому, ибо за так читаемым «текстом» всегда стоит Другой. И мы тогда только начинаем «читать» читаемое нами

от=Целого, когда нам удается дать этому читаемому нами «голос» как своему Другому.

Это значит, что, прежде всего, мы — своим чтением — должны «разомкнуть» читаемое, т.е. вывести его из омертвелого равенства себе, привести его в движение. В особый род движения — сообщить читаемому «ускорение», сказал бы Бродский, — внутри и через которое открывается возможность «нового зрения».

Чтение (по-нимание) как «приведение по-нимаемого к феномену»

В противовес гуссерлианскому пониманию феноменологии — достигается это не за счет даже «усиления», амплификации субъективных «способностей» читателя, но — за счет «про-ведения» по некоторому «пути», за счет — сказал бы Гегель — развития до собственно «феномена» — самого того, что я вижу, при-ведение его к «феномену».

Можно было бы пытаться радикализировать и этот тезис, настаивая на том, что в случае «самопознания»: «видеть» можно только «видящего», а еще точнее — только «приведенного к видению» в нашем его (здесь-и-сейчас выполняемом) опыте видения, по-нимания. Видеть можно только того, рождению кого — своим его по-ниманием, ви́дением — мы исправляет пути, и — рождению именно как видящего, как про-зревающего (тем самым и здесь — ис-целяя его). Видеть, стало быть, можно только того, кого мы ис-целяем от слепоты, ис-целяем к про-зрению, к пробуждению.

Читающий «активным чтением», по-нимающий есть тем самым тот, кто — словами Хлебникова — «сеет — новые — очи», выращивает и передает новую «оптику», позволяющую начать видеть прежде невидимое.

Переход от феномено-логии к феномено-гогике означает тут: «при-ведение к видению» не только на стороне вос-принимающего («субъекта»), но также — и, прежде всего! — на стороне «вос-принимаемого» («Другого»).

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЖЕНЩИН В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Ф.Р. Рзаева

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
fatimarzaeva05@gmail.com

Предлагается рассмотрение возможностей интеграции культурно-деятельностного подхода и конструкционистского подхода в социологии гендера для изучения особенностей самоопределения современных российских женщин.

Изучение особенностей самоопределения в аспекте гендерной социализации личности является, на наш взгляд, недостаточно проработанной областью в современной гендерной психологии и психологии личности, поскольку в данный момент эти разделы психологии больше сосредоточены на поиске гендерных различий и недостаточно учитывают социальные практики гендерной репрезентации, формирование и влияние гендерных стереотипов на выбор жизнедеятельности и определение личностью для себя ценностно-смысловых оснований собственной жизненной концепции.

В этой связи представляется актуальным изучить особенности самоопределения личности на примере современных российских женщин, опираясь на позиции методологии культурно-деятельностной подхода в психологии и конструкционисткого подхода в социологии гендера.

В частности, под социокультурным контекстом имеется в виду то, что подавляющее большинство российских женщин на сегодняшний день реализуют совмещение профессиональной карьеры и семьи, что фиксируется гендерными исследователями как доминирующий гендерный контракт «работающей матери» (Темкина, 2002). На уровне социально-экономического контекста именно это является основным условием «противоречивости» жизненной ситуации и часто становится источником стресса для женщин, поскольку: а) многие из них отмечают недостаточность внимания корпоративной социальной политики по поддержке работающих родителей (Савинская, 2013); б) как следствие, баланс между двумя важными сторонами своей жизни женщины организуют самостоятельно.

В то же время необходимо отметить и дискурс традиционных маскулинных и фемининных качеств (так называемых гендерных

стереотипов), который является доминирующим при анализе общественного мнения относительно образов современных российских мужчин и женщин. Так, недавно опубликованные данные опроса Левада-центра о гендерных стереотипах показали, что, в целом, женщины в себе ценят именно те качества, которые не поддерживаются принятым дискурсом фемининности («ум», «умение сопротивляться невзгодам», «организованность») (Гендерные стереотипы, 2018).

Подобное несовпадение нормативного образа женственности и самоотчетов самих женщин о своих ценных качествах показывает неоднородность социального поля гендерной репрезентации. Это позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день исследование самоопределения личности, особенно на примере такой группы, как российские женщины, нуждается в поисковой стратегии его планирования, внимании к индивидуальной мотивации личности и актуальным социальным формам ее побуждения.

В отечественной психологической традиции проблема самоопределения рассматривается через призму категории «образ мира», которая определяется как активное построение взаимоотношений человека с миром. В контексте работ Л.С. Выготского способность к самоопределению можно рассматривать с помощью одного из ключевых понятий культурно-деятельностного подхода — «интериоризация». Самоопределение рассматривается как результат интериоризации успешного опыта совместного с другими людьми определения действия. Однако для изучения этого опыта в контексте гендерной репрезентации необходимо обратиться к опыту концептуализации гендера.

Так, ряд гендерных социологов выдвигает тезис об историчности понятия «гендер» и предлагает конструктивистскую позицию для его изучения, где гендер — это социальный конструкт, культурно-символическое определение пола, которое является результатом общественного договора (Здравомыслова, Темкина, 1998; Темкина, Здравомыслова, 2000; Шадрина, 2014; Шадрина, 2017; Жеребкина, 2007).

Таким образом, на уровне конкретно научной методологии нами предлагается один из базовых принципов отечественной культурно-деятельностной психологии о процессуальности развития личности и построении «образа мира», характеризующего многообразие проявлений взаимодействия человека и мира. Кроме того,

внимание к гендерным особенностям самоопределения требует и критического анализа влияния современных гендерных дискурсов, а также механизмов их репрезентации в обществе. В этой связи, на наш взгляд, важно привлечь опыт гендерной социологии и использовать в качестве концептуального основания такие важные характеристики гендера, как социальность, историчность и перформативность.

1. Гендерные стереотипы. Левада-центр [Электронный ресурс]. URL: https://www.levada.ru/2018/03/29/gendernye-stereotipy/

2. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3–4. С. 171–182.

3. Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. СПб. 2007.

4. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.

5. Савинская О.Б. Баланс работы и семьи: стратегии совмещения профессиональных и семейных обязанностей работающими матерями в Москве //Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 2. С. 142–167.

6. Темкина А.А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России //Социологические исследования. 2002. №. 11. С. 4–14.

7. Темкина А.А., Здравомыслова Е.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15–23.

8. Шадрина А.В. Не замужем: секс, любовь и семья за пределами брака // Новое Литературное Обозрение. 2014. 240 с.

9. Шадрина А.В. Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке // Новое Литературное Обозрение. 2017. 392 с.

8.
ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО. ЮНОСТЬ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ПОДРОСТКОВ РАЗНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Т.П. Бартош, О.П. Бартош

Россия, Магадан, Научно-исследовательский центр «Арктика» ДВО РАН
tabart@rambler.ru

Представлены результаты сравнительного исследования показателей эмоциональной сферы подростков 14–17 лет обоего пола различных этнических групп Севера. Показано, что подростки аборигенной популяции отдаленного пос. Эвенск, по сравнению со сверстниками-уроженцами-европеоидами г. Магадана, характеризуются более выраженными враждебными и аутоагрессивными реакциями, менее — агрессивными. У них значимо более выражены показатели психической ригидности, тревожности и нарушения в сфере нервно-психической адаптации.

На подростковый период приходится увеличение распространенности нервно-психических нарушений за счет пограничных невротических и личностных расстройств, что является одной из проблем современного здравоохранения (Баранов, Ильин, 2011). Это особенно актуально для детей северян, на формирование организма которых оказывает комплексное воздействие природно-климатических и социальных факторов Северо-Востока России (Бартош, Бартош, 2015, 2018).

Цель нашего исследования — изучение особенностей формирования эмоциональной сферы подростков различных этнических групп Магаданской области.

Всего было обследовано 608 подростков 14–17 лет. В группу 1 вошли 154 девочки и 108 мальчиков из числа коренных малочисленных народов Севера (коряки и эвены), проживающие в отдаленном пос. Эвенск Магаданской области. Группу 2 составили 178 девочек и 168 мальчиков, уроженцев-европеоидов г. Магадана, обследованных в трех гимназиях города. Для оценки актуального психического состояния использовали стандартизированные ме-

тодики. Для определения профиля агрессивности использовали опросник А. Басса и А. Дарки, уровень ситуативной (СТ) и личностной (ЛТ) тревожности определяли по методике Спилбергера-Ханина. Наличие невротических и неврозоподобных симптомов в эмоционально-аффективной сфере определяли с помощью шкалы нервно-психической адаптации (НПА). Уровень социальной фрустрированности подростков определяли методикой УСФ-п. Психическую ригидность определяли Томским опросником ригидности. Статистическая обработка данных проведена с использованием пакета прикладных программ Excel-97 и Statistica-6.

Анализ данных показал, что средние значения НПА девочек обеих групп превышали таковые мальчиков ($p < 0,05$) и составили $36 \pm 2,8$ и $34 \pm 2,5$ балла, соответственно, для группы 1 и 2. Этот результат можно рассматривать, как особенность психической организации девочек региона, и также как неблагоприятный прогностический признак нарушения нервно-психической адаптации. У мальчиков из числа аборигенной популяции средний балл шкалы НПА по отношению к сверстникам Магадана значимо выше ($p < 0,05$) ($25 \pm 3,5$ против $19 \pm 1,6$ баллов). Признаки нарушения нервно-психической адаптации регистрировали более чем у 40% девочек и 20% мальчиков обследуемых групп.

У мальчиков-аборигенов средние показатели ситуативной и личностной тревожности были значимо выше ($p < 0,05$), чем у магаданских сверстников ($40 \pm 0,7$ баллов против $36 \pm 0,5$). Высокую личностную тревожность отмечали 44% девочек-аборигенок и 35% девочек-европеоидов. У мальчиков-аборигенов более чем в три раза чаще, чем у сверстников из Магадана, регистрировалась высокая личностная тревожность. Наиболее высокий уровень социальной фрустрированности демонстрировали мальчики-аборигены и девочки-европеоиды.

Девочкам-европеоидам в большей степени, чем сверстницам-аборигенкам, свойственно проявление агрессивных реакций — Косвенной и Вербальной агрессии, Раздражения и Негативизма ($p < 0,05$). У девочек и мальчиков аборигенной популяции, по сравнению с магаданцами, более высокие показатели Чувства вины, Обиды и Подозрительности ($p < 0,05$), т.е. проявления аутоагрессивных и враждебных реакций.

Девочки-европеоиды в два раза чаще аборигенок демонстрировали высокие показатели Актуальной ригидности. Аборигенки —

чаще высокую Сенситивную ригидность (48%). У 47% магаданок и 33% аборигенок установлены высокие значения ригидности как состояния (РСО). У мальчиков-аборигенов почти в два раза чаще, чем у магаданцев, высокие показатели Актуальной ригидности (29%), Сенситивной ригидности (43 %) и Ригидности как состояния (60%).

Психическая ригидность предполагает развитие склонности к замедленному темпу деятельности, трудностям переключения внимания, инертности, сложности корректировки поведения, что осложняет общение и может приводить к развитию дезадаптации. Выраженная нервно-психическая напряженность в структуре индивидуально-типологических особенностей подростков может проявляться в виде враждебных и фрустрационных реакций, раздражения, и одновременно являться фактором, провоцирующим развитие внутриличностного конфликта, возникновение депрессий и аддиктивного поведения. В итоге у подростков-аборигенов более выражены, чем у сверстников-европеоидов, психоэмоциональное напряжение и затраты ресурсов психического здоровья в современных социально-экономических условиях Севера.

1. Баранов А.А., Ильин А.Г. Основные тенденции динамики состояния здоровья детей в Российской Федерации. Пути решения проблем // Вестник Российской Академии медицинских наук. 2011. № 6. С. 12–18.

2. Бартош Т.П., Бартош О.П. Особенности эмоциональной сферы подростков различных этнических групп Магаданской области // Тюменский медицинский журнал. 2015. Т. 17. № 4. С. 7–13.

3. Бартош Т.П., Бартош О.П. Психоэмоциональное состояние старших подростков, проживающих в условиях сельской и городской среды Магаданской области // Педиатрия. 2018. Т. 97. № 3. С. 192–196.

ДИНАМИКА ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖНЫХ ЛИДЕРОВ

Д.В. Беспалов

Россия, Курск, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»
bdw23@list.ru

Работа посвящена рассмотрению личностных особенностей лидеров-школьников различного возраста. Анализируется роль лидеров в формировании личностных качеств последователей. Рассматривается структура ценностей и причины выдвижения лидеров различного возраста. Приводятся результаты лонгитюдного исследования динамики личностных качеств лидеров в период школьного обучения.

Работа поддержана РФФИ, проект № 16-36-01019 «Динамика молодежного лидерства в пространстве группового субъекта».

Изучение личностных качеств молодежных лидеров имеет особую актуальность, так как лидер — это особый человек в группе, на него равняются другие, через лидера педагоги могут оказывать более эффективное влияние на группу в целом. Являясь объектом идентификации, лидер распространяет свои ценности на одноклассников (Кричевский, 1991).

В исследовании мы опирались на концепцию лидерства Л.И. Уманского — А.С. Чернышева, в русле которой лидерство рассматривается как социально-психологическое явление, сущность которого сводится к осуществлению ведущего влияния одних членов группы на других в создании оптимального решения групповой задачи (Уманский, 1980; Чернышев, 2015).

В эмпирическом исследовании приняли участие 453 школьника (49 лидеров) из 17 классов. Для определения динамики лидерских качеств мы использовали «методический блок», включающий стандартизированное наблюдение с помощью авторской методики «Оценка лидерства в группе» (Беспалов, 2015), лабораторный эксперимент с применением аппаратурной методики «Арка» (Чернышев, 2015), тестирование с помощью «Карты-схемы психолого-педагогической характеристики группы школьников» (Уманский, 1980), тест-опросник Т. Лири и тест М. Рокича «Ценностные ориентации».

Логитюдное исследование лидерства в школе позволило установить, что структура лидерства обладает устойчивостью и мало изменяется от 1-го к 11-му классу. Лидеры могут приспособиться к требованиям возраста и сохранить свой статус.

Изучение стиля и структуры межличностных отношений с помощью теста-опросника Т. Лири позволило выявить ряд возрастных особенностей лидеров: фактор «доминирования» повышается от 3-го к 11-му классу, а уровень «покорности» снижается с 3-го по 11-й класс, достигая в юношеском возрасте самого низкого значения. Полученные данные согласуются с деятельностным подходом и принципом единства сознания и деятельности, т.е. лидерские качества, обнаружившиеся в начальной школе, в дальнейшем проявляются и закрепляются в деятельности, превращаясь в черты личности.

Определены причины выдвижения лидеров. В начальной школе ученик занимает лидерский статус из-за хорошей успеваемости и по-

ложительного отношения к ученику со стороны учителя (которые во многом обусловлены успеваемостью). В подростковом возрасте лидерский статус связан с благоприятными отношениями со сверстниками, а не с учителями. Для семиклассников важно, чтобы лидер был надежным товарищем. Фактор учебы продолжает играть важную роль и в данном возрасте, но он также обусловлен «кодексом товарищества», например, для подростков важно, чтобы лидер не просто хорошо учился, но и обязательно давал списывать. В 11-м классе фактор учебы окончательно уходит на второй план, его практически не называют. В силе остаются требования к лидеру как к надежному товарищу и человеку, способному организовывать деятельность группы. В этом возрасте у многих юношей появляются собственные деньги, поэтому важную роль начинает играть «денежный» фактор. Лидером часто называют ученика, у которого много денег.

Говоря о личности лидеров следует отметить, что вне зависимости от возраста большинство лидеров-школьников отличались от сверстников общим развитием, более широкими контактами с окружающими взрослыми людьми, способами поведения, в которых проявлялась независимость и самостоятельность действий.

Градация ценностных ориентаций большинства лидеров отличается от других статусных категорий приоритетом таких ценностей, как деятельная жизнь, интересная работа, любовь, уверенность в себе, наличие хороших, верных друзей. Статистическая обработка данных с помощью ранговой корреляции показала, что ценности лидеров и класса отличаются статистически не значимо ($r \approx 0{,}86$), а ценности аутсайдеров и класса отличаются статистически значимо ($r \approx 0{,}54$). Необходимо отметить, что ценности лидеров по большинству показателей выше ценностей других статусных групп, что говорит о большей ориентации лидеров на будущее, потребности в узнавании нового, позиции социального оптимизма.

В группах высокого уровня субъектности ценности лидеров и группы совпадают в большей степени, чем в группах низкого уровня субъектности. В группах низкой субъектности лидеры не являются авторитетом для многих учеников и не имеют возможности влиять на последователей.

1. Беспалов Д.В. Диагностика лидерства в учебных группах // Школьные технологии. 2015. № 3. С. 160–165.

2. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. 207 с.

3. Уманский Л.И. Психология организаторской деятельности школьников. -М.: Просвещение, 1980. 160 с.

4. Чернышев А.С., Сарычев С.В., Беспалов Д.В. и др. Лидерство в социальных организациях: пути диагностики и формирования: учеб. пособие / Под общ. ред. А.С. Чернышева. Курск: КГУ, 2015.

ОСОБЕННОСТИ САМОСОЗНАНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

М.И. Вайберт

Россия, Чебоксары, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова
vajbert@yandex.ru

В статье рассматривается самосознание родителей как психологический феномен и его влияние на формирование ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Представлены результаты эмпирического исследования родителей детей с нарушениями здоровья и родителей здоровых детей по методикам «Личностный дифференциал», «Q-сортировка», «Тест-опросник самоотношения».

Проблемой семейно-родительских отношений и исследования семьи, имеющей ребенка с нарушением в развитии (ОВЗ), занимались ведущие отечественные психологи: О.А. Карабанова, А.И. Захаров, А.С. Спиваковская и другие (Карабанова, 2007; Захаров, 2013; Спиваковская, 1981).

Самосознание родителя — это осознание родителем себя субъектом системы психологических отношений с ребенком (Столин, 1983).

Самосознание матери, отца может быть рассмотрено в контексте идей культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и понятия А.Г. Асмолова о «взросло-детской общности» как особое системное психологической образование в системе отношений с ребенком (Выготский, 2009; Асмолов, 2010).

Экспериментальное исследование проводилось в БУ «Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями» Минздравсоцразвития Чувашской Республики. В исследовании приняли участие 50 родителей, которые воспитывают нетипичных детей (1-я группа) и 50 родителей здоровых детей (2-я группа), которые посещают МДОУ и школу.

В ходе проведенного эмпирического исследования по методике «Q-сортировка» (В. Стефенсон) нами были получены следующие результаты. У родителей 1-й группы и во 2-й группе наиболее выражен адекватный уровень самооценки (40 и 70% соответственно). На втором месте — заниженный уровень самооценки: 38% в 1-й группе и 24% во 2-й группе.

Результаты исследования по методике «Личностный дифференциал» (Осгуд). Среднее значение баллов, полученных по фактору оценки, как в 1-й группе, так и во 2-й группе несколько выше среднего стандартного значения (1,5): в 1-й группе — 1,84 балла, во 2-й группе — 1,91 балл.

По фактору силы, во 2-й группе средний показатель (1,15 балла) чуть выше стандартного значения (1,09), а вот в 1-й группе средний показатель — 0,7 балла — несколько ниже стандартного значения.

По фактору активности среднее значение в обеих группах несколько выше среднего значения — 0,63 балла. Следовательно, для родителей обеих групп свойственны экстравертированность, активность, общительность.

Анализ результатов исследования образа «Я-идеальное». В целом, как для 1-й группы, так и для 2-й группы, характерны высокие оценки по всем трем факторам показателя «Я-идеальное».

По тесту-опроснику самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантилеев) были получены результаты по четырем шкалам: самоуважение, аутосимпатия, самоинтерес, ожидание положительного отношения к себе. Оценивая результаты диагностики по шкале самоуважения, можно отметить, что во 2-й группе наиболее выражен средний уровень самоуважения (46%). Шкала аутосимпатии на позитивном полюсе объединяет доверие к себе и положительную самооценку, а на негативном — ви́дение в себе преимущественно недостатков, низкую самооценку, склонность к самообвинению. По данной шкале большинство во 2-й группе (48%) имеют высокий уровень выраженности, а в 1-й группе данная шкала представлена в основном низкими и средними показателями (42 и 40% соответственно). По шкале самоинтереса, которая отражает меру близости к себе, интереса к собственным мыслям, для 1-й группы более характерен средний уровень выраженности данного признака (46%), а во 2-й группе 50% имеют высокие показатели выраженности интереса к себе. По итогам диагностики по шкале ожидания положительного отношения от окружающих 44% 2 группы показали

высокий уровень, средний уровень характерен для 32% родителей. В 1 группе результаты по данной шкале несильно отличаются от предыдущей группы: наиболее выражен средний уровень (42%), высокий уровень характерен для 38% испытуемых. Эти данные говорят о том, что родители обеих групп ожидают от окружающих в основном положительное отношение к себе.

Выводы:

– в структуре самосознания родителей, воспитывающих детей с ОВЗ, выделены следующие составляющие: заниженная самооценка, нерешительность, раздражительность;

– для родителей, имеющих здоровых детей, характерны: высокая самооценка, уверенность в себе, в своих силах и способностях.

1. Асмолов А.Г. Психология личности. Культурно-историческое понимание развитие человека. М.: Смысл; Академия, 2010.

2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 5.

3. Захаров А.И. Как предупредить отклонения в поведении ребенка. М.: Просвещение, 2013. 192 с.

4. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2007.

5. Спиваковская А.С. Обоснование психологической коррекции неадекватных родительских позиций // Семья и формирование личности. М.: НИИОП, 1981. С. 38–44.

6. Столин В.В. Проблема самосознания личности с позиции теории деятельности А.Н. Леонтьева // А.Н. Леонтьев и современная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ МАТЕРИ КАК УСЛОВИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ С АУТИЗМОМ В СОЦИАЛЬНОМ МИРЕ

К.М. Гайдар, К.А. Есина

Россия, Воронеж, Воронежский государственный университет
marlen_lora@mail.ru, ksyusha.ivashkina.95@mail.ru

Актуальность проблемы детей с аутизмом обусловлена их слабой адаптированностью к жизни. Важным фактором психологического благополучия аутиста в социуме являются развитые коммуникативные способности. На них влияет ближайшее окружение ребенка, прежде всего мать. В исследовании выявлена связь между коммуникативной компетентностью матери и уровнем коммуникативных способностей ребенка-аутиста. Предложены

рекомендации для матерей детей-аутистов по развитию у них коммуникативных способностей.

Вся жизнь человека пронизана общением. Его эффективное функционирование в обществе в значительной степени определяется коммуникативными способностями (КС). Последние являются, в частности, важнейшим условием психологического благополучия ребенка. Известно, что способность к коммуникации формируется в процессе совместной деятельности с взрослым. Но нормальный онтогенез коммуникативной сферы может искажаться, если имеются нарушения в развитии, например аутизм (Лебединский, 1985).

Мать как самый близкий для ребенка человек оказывает огромное влияние на формирование его КС. Особенно актуально данное утверждение для детей-аутистов, ведь их круг общения часто ограничен только матерью. Она обучает ребенка формировать зону контакта, объединять акты вербальной и невербальной активности в комплексы, связывать определенное воздействие с формой поведения. Совокупность этих умений составляет коммуникативную компетентность (КК) матери (Лисина, 1986).

Цель нашего исследования состояла в проверке гипотезы о том, что существует связь между уровнями КК матери и КС ребенка-аутиста, а именно: чем выше развита КК матери, тем выше уровень КС аутиста, и наоборот. Базой эмпирического исследования служило автономное учреждение Воронежской области «Областной центр реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями “Парус Надежды”». Объем выборки — 120 человек (60 детей-аутистов 10–13 лет и 60 их матерей). В исследовании применялись обсервационный, диалогический и психодиагностический методы (опросник «КОСКОМ» В.Н. Куницыной и модифицированный нами опросник «КОС» В.В. Синявского и Б.А. Федоришина). Обработка данных проводилась методами качественного и количественного, в том числе статистического, анализа.

В итоге было выявлено, что 82% детей-аутистов имеют средний уровень КС, характеризуются наличием коммуникативной потребности, но редким стремлением к общению. У 14% детей обнаружен низкий уровень КС. Их отличает отсутствие потребности в коммуникативной активности. 4% испытуемых свойствен высокий уровень КС. Скорее всего. они испытывают потребность в общении и стремятся к нему.

Для получения более объективной информации мы использовали включенное наблюдение за коммуникативным поведением аутистов и беседу с их матерями. По данным обсервационного и диалогического методов, у 80% аутистов отмечается средний уровень КС. Они стремятся к общению, но лишь со знакомыми взрослыми и сверстниками. 15% испытуемых кричат, если к ним обращается другой человек, что говорит о низком уровне их КС. 5% детей свойствен высокий уровень КС. Они стараются устанавливать контакт с любым интересным им человеком.

Перейдем к анализу результатов изучения КК матерей детей-аутистов. 50% из них имеют средний ее уровень. Они умеют ориентироваться в критических ситуациях, но испытывают некоторую растерянность при утрате контроля. У 26% опрошенных выявлен высокий уровень КК. Им присуще умение быстро эффективно выстраивать ситуации межличностного общения. 24% матерей показали низкий уровень КК. Их отличает неумение ориентироваться в общении, часто им не удается правильно оценить ситуацию, наладить контакт.

Статистическая обработка данных показала, что коэффициент линейной корреляции Пирсона значимо отличен от нуля ($r = 078$ при $\alpha < 0{,}01$). Это позволяет говорить о том, что гипотеза о существовании связи между уровнями КК матери и КС ребенка-аутиста подтвердилась.

По итогам исследования сформулированы рекомендации для матерей детей-аутистов по формированию КС последних и, следовательно, повышению уровня их психологического благополучия:

1) важно больше общаться с ребенком, проговаривая те чувства и эмоции, которые он испытывает в данный момент;

2) в бытовом общении с ребенком следует мягко, но настойчиво учить его называть предметы и действия словами;

3) полезно включать ребенка в групповые занятия в реабилитационных центрах по коррекции коммуникативной сферы;

4) матерям полезно повышать собственную КК путем освоения этикета общения и способности вступать в разнообразные контакты.

1. Лебединский В.В. Нарушение психического развития у детей / В. В. Лебединский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 358 с.

2. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. М.: Педагогика, 1986. 136 с.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ ПОДРОСТКОВ С ХРОНИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Е.С. Ерохова

Беларусь, Гомель, УО «ГГУ имени Ф. Скорины»
lenaerokhova@mail.ru

В докладе рассматриваются особенности эмоционального благополучия подростков имеющих хронические заболевания, которые характеризуются повышенным уровнем тревожности, депрессивности, невротическими расстройствами, истерическими и истероформными нарушениями.

Согласно современным статистическим данным, в последнее десятилетие наблюдается увеличение болезней и развитие хронических заболеваний у современных подростков. Анализ международных исследований показывает, что примерно у 30% школьников выявлено существенное превышение допустимого для данной возрастной категории уровня эмоционального неблагополучия и депрессивности. Аналогичные показатели, полученные исследователями на выборке западноевропейских и североамериканских подростков, оказались значительно ниже (Подольский, 2011). В связи с этим для психологической практики актуальной становится проблема создания социально-психологических условий обеспечения психоэмоционального благополучия подростков.

В настоящее время эмоциональное благополучие (неблагополучие) рассматривают в разных психологических направлениях, которые дополняют друг друга и дают нам возможность рассмотреть данное понятие более полно. Ряд ученых (О.И. Бадулина, Л.И. Божович, М.В. Зиновьева, О.А. Идобаева, В.Р. Лисина, В.И. Самохвалова) определяют эмоциональное благополучие как положительную направленность эмоционального самочувствия. В исследованиях (Н.Д. Левитов, В.Н. Мясищев, В.А. Ганзен, Л.В. Куликов) особое внимание ученые уделяют взаимосвязи здоровья, субъективного благополучия и психического состояния человека, делая акцент именно на субъективной стороне здоровья, подразумевая под этим удовлетворенность жизнью в целом и переживание благополучия (Бадьина, 2007).

Значимым фактором, влияющим на ощущение эмоционального благополучия подростков, оказывается наличие хронического заболевания, которому сопутствует повышенный уровень тревожно-

сти, страхи, депрессивные состояния, невротические расстройства, истерические и истероформные нарушения. По мнению Б.А. Климова, для подростков с хроническими заболеваниями характерно пониженное, тревожное с депрессивным и дисфорическим оттенком настроение, которое определяется переживаниями своей неполноценности и дефектности (Менделевич, 2002). У подростков с хроническими заболеваниями, помимо страхов, присущим всем подросткам, часто встречающимися являются: страх боли и тяжелого лечения; страх ухудшения состояния; страх беспомощности и зависимости от окружающих; страх потери полноценной жизни; страх смерти.

У большей части больных формируется тревожное развитие личности, проявляющееся постоянными опасениями, мнительностью, беспокойством за состояние своих близких, за эффективность проводимого лечения. Зачастую тревога определяет все поведение хронически больного ребенка и при этом может привести к неврозу (Лакосина, 1984). В условиях хронической болезни у подростков значительно чаще наблюдается готовность к ипохондрическому типу реагирования, возникают невротические расстройства, истерические и истероформные нарушения. Большинству больных свойственны истероидные черты личности: демонстративное поведение, стремление завоевать внимание, незамедлительно получить желаемое, переоценка своей личности, впечатлительность и бурная эмоциональность (Старшенбаум, 2005).

Таким образом, эмоциональное благополучие — это эмоциональное состояние человека, зависящее от его здоровья, которое отражает положительное отношение к самому себе и окружающему миру, способность легко адаптироваться к различным ситуациям, не испытывая при этом дискомфорт, чрезмерный страх и тревогу. Важным является вопрос выбора адекватных коррекционных мер, способствующих снижению нежелательных тенденций психоэмоционального развития школьников, имеющих хронические заболевания, поиска современных форм профилактики, препятствующих появлению отклоняющегося поведения, трудностей в различной деятельности. Своевременная профилактика и коррекция эмоционального неблагополучия подростков с хроническими заболеваниями позволит в значительной степени снизить вероятность возникновения рисков и устранить негативные последствия имеющихся эмоциональных нарушений.

1. Бадьина Н.П. Часто болеющие дети. Психологическое сопровождение в начальной школе. М.: Генезис, 2007. 152 с.
2. Лакосина Н.Д. Медицинская психология. М.: Медицина, 1984. 272 с.
3. Менделевич В.Д. Неврозология и психосоматическая медицина. — М.: МЕДпрессинформ, 2002. 608 с.
4. Подольский А.И. Психоэмоциональное благополучие современных подростков: опыт и международного исследования // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14: Психология. 2011. № 2. С. 9–20.
5. Старшенбаум Г.В. Суицидология и кризисная психотерапия. М.: Когито-Центр, 2005. 76 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛИРОВАННОСТИ

А.В. Кутас

Беларусь, Гомель, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины
kutas.anastasiya@yandex.ru

Данная статья посвящена изучению проблемы психологического благополучия подростков в условиях социальной изолированности. Из статьи следует, что психологически здоровая личность адаптирована к социуму и эффективно функционирует в нем. От психологического благополучия зависят наши отношения с другими людьми. Если подросток невключен в систему социальных отношений, то он становится социально изолированным, что, в свою очередь, приводит к нарушению психологического благополучия.

Одним из существенных изменений современного общества является появление постоянного стремления человека достичь внутреннего равновесия и гармонии. Здесь речь идет об актуальной потребности человека в достижении психологического благополучия.

Можно выделить некоторые компоненты психологического благополучия: самопринятие, позитивные отношения с окружающими, управление окружающей средой, цель в жизни, личностный рост, включенность в систему социальных отношений. Для подростка очень важно быть включенным в референтную группу. Это, в первую очередь, связано с тем, что основным социализирующим фактором в подростковом возрасте выступает интимно-личностное общение со сверстниками. В случае изоляции, например в школьном коллективе, у такого подростка не удовлетворяется

одна из важнейших социальных потребностей — потребность в общении. Личность может быть разрушена длительными отрицательными эмоциями, связанными с невключенностью подростка в систему социальных отношений, такими, как тревога, страх, неудовлетворенность, внутренняя напряженность, неуверенность, чувство одиночества, обида и др. Это в свою очередь приводит к формированию целого ряда отрицательных черт личности и особенностей поведения, которые в дальнейшем сказываются на развитии асоциального поведения и на общем отношении к самому себе.

Причины подростковой изолированности чаще всего проявляются в комплексе. В этом комплексе можно выделить, например, наличие неблагоприятной обстановки в семье, конфликтные отношения со сверстниками, позицию «изолированных» и отвергаемых. Неконструктивное воспитание в семье приводит к формированию отрицательного опыта общения, который оказывает неблагоприятное влияние на отношения подростков с социальным окружением, что в свою очередь, снижает уровень психологического благополучия.

Можно выделить следующие факторы возникновения психологического неблагополучия у подростков: конфликт Я-реального и Я-идеального, депривация потребностей, невозможность самореализации, ощущение бессмысленности бытия, нарушение социального функционирования, самоотчуждение, потеря субъектности, нарушение адекватности социального взаимодействия.

В системе межличностных контактов для социально изолированных подростков характерными являются следующие нарушения: низкий статус, затруднения в функционировании и реализации своих положительных личностных свойств, отсутствие желания и навыков к совместной деятельности с одноклассниками. У таких подростков выявлен низкий уровень развития социальных и, в первую очередь, коммуникативных навыков, сформированность отрицательного опыта общения, который оказывает неблагоприятное влияние на отношения подростков с социальным окружением, у социально изолированных подростков выявлен сниженный уровень социальных контактов и самооценки, а также у таких подростков более слабый авторитет среди ровесников.

Для того чтобы повысить уровень психологического благополучия необходимо приложить все усилия, чтобы ребенок смог

нормально выстраивать отношения со сверстниками, окружающими его людьми и был удовлетворен характером складывающихся взаимоотношений с одноклассниками, чтобы его принимали сверстники, а также уменьшить тревожность в сфере межличностных отношений.

Социальная изолированность может быть успешно преодолена в ходе целенаправленной социально-психологической деятельности, если усилия, педагога-психолога, социального педагога и классного руководителя будут направлены на развитие навыков общения у подростков, а также если подросток будет включен в успешную общественно значимую совместную школьную деятельность. Это может способствовать налаживанию общения ранее изолированных и отстраненных подростков с коллективом, также у подростков может появиться возможность компенсировать тревожность в деятельности, замкнутые подростки, косвенно попав в центр внимания, могут почувствовать себя относительно свободно и иметь возможность адаптироваться.

Успешная адаптация данных учащихся в группе сверстников, формирование доброжелательной атмосферы в классе и снижение тревожности послужат преодолению проблемы социальной изолированности подростков, а также повышению уровня психологического благополучия.

АУТЕНТИЧНЫЕ ТИПЫ ОСНОВАНИЙ САМОУВАЖЕНИЯ — КЛЮЧ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ БЛАГОПОЛУЧИЮ ПОДРОСТКОВ

М.В. Лункина

Россия, Москва, МГУ имени Ломоносова
marusamendelevich@gmail.com

Исследование, представленное в статье, посвящено связи различных оснований самоуважения с субъективным благополучием подростков и удовлетворенностью базовых психологических потребностей в семье. Показано, что все виды самоуважения вносят тот или иной вклад в психологическое благополучие, однако, в случае компенсаторного самоуважения, поддержание позитивного отношения к себе происходит в ущерб удовлетворенности школой и семьей. А выбор подростком более аутентичных типов оснований самоуважения в свою очередь зависит от удовлетворенности базовых потребностей в семье.

Самоуважение рассматривается как одна из базовых психологических потребностей и условие полноценного функционирования, благополучия и гармоничного развития личности начиная с работ А. Маслоу (Maslow, 1943) и К. Роджерса (Роджерс, 1994). В современных исследованиях подтверждается предположение о самоуважении как базовой потребности, имеющей ключевое значение для психологического благополучия и всей человеческой деятельности, наряду с потребностями в автономии, компетентности и связанности с другими людьми (Sheldon et al., 2001).

Понятие аутентичного самоуважения, в понимании большинства современных исследователей (Молчанова, 2001; Crocker, Wolfe, 2001; Kernis, 2006; Mruk, 2006), включает в себя его стабильно высокий уровень, относительно неизменный в зависимости от успехов/неудач и оценок других людей и здоровые, аутентичные типы оснований самоуважения.

Вслед за Маслоу, который выделял внутри базовой потребности в самоуважении потребность в самоуважении и уважении других людей, большинство современных исследователей сходятся во мнении, что основания самоуважения можно разделить на две группы: компетенция и одобрение других людей (Crocker, Wolfe, 2001). Однако эта идея не получила на настоящий момент должной эмпирической проверки.

Для диагностики оснований самоуважения у подростков нами был разработан Опросник оснований самоуважения, направленный на выявление четырех типов оснований самоуважения: двух, связанных с компетентностью (самоуважение, основанное на достижениях и самоуважение, основанное на псевдодостижениях) и двух, связанных с одобрением успехов и мастерства значимыми другими (самоуважение, основанное на одобрении учителей и самоуважение, основанное на одобрении родителей), и проведен анализ связи оснований самоуважения с субъективным благополучием и удовлетворенностью базовых потребностей в компетентности, автономии и связанности в семье.

Удовлетворенность базовых психологических потребностей как напрямую связана с показателями субъективного благополучия (что согласуется с данными, полученными в рамках теории самодетерминации), так и обуславливает выбор оснований самоуважения, которые, в свою очередь, оказываются предикторами благополучия подростков. Подростки, чьи родители удовлетворя-

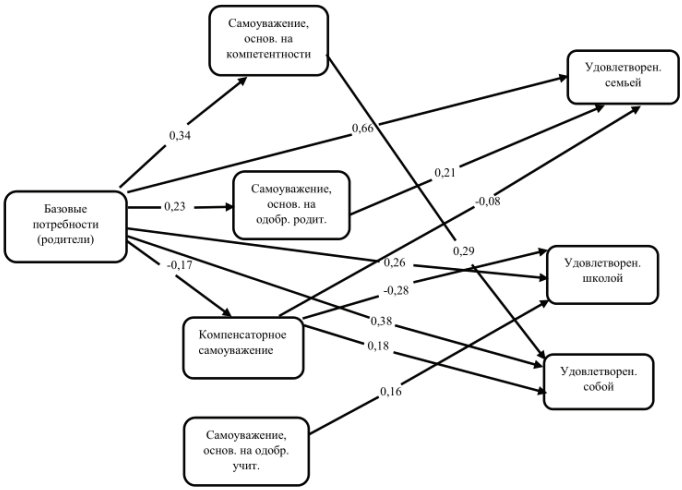

Рис. 1. Структурная модель связи удовлетворенности базовых потребностей с основаниями самоуважения и субъективным благополучием. Характеристики модели: χ^2 = 18,928; df = 10; p = 0,0412; CFI = 0,981; NNFI = 0,950; RMSEA = 0,063; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0,012 – 0,106; PCLOSE = 0,271; N = 223. Все приведенные путевые коэффициенты статистически значимы при $p < 0,05$ (для упрощения восприятия модели интеркорреляции опущены)

ют их базовые психологические потребности, основывают свое самоуважение на компетентности и одобрении родителей и меньше прибегают к его компенсаторным формам. При этом самоуважение, основанное на компетентности, самоуважение, основанное на одобрении родителей, и компенсаторное самоуважение частично детерминируют связь между удовлетворенностью базовых потребностей в семье и субъективным благополучием. Самоуважение, основанное на одобрении учителей, не связано с удовлетворенностью базовых потребностей со стороны родителей, что и ожидалось.

В свою очередь, самоуважение, основанное на компетентности, является предиктором удовлетворенности собой, а самоуважение, основанное на одобрении родителей — предиктором удовлетворенности семейными отношениями, и самоуважение, основанное на одобрении учителей — удовлетворенности школой.

При этом компенсаторное самоуважение, являясь следствием неудовлетворенности потребностей подростка в компетентно-

сти, автономии и связанности, является предиктором снижения его психологического благополучия в школе и семье, но позволяет поддерживать удовлетворенность собой. Это раскрывает суть его компенсаторной роли: поддержка позитивного отношения к себе, когда нет возможности опереться ни на какие-то реальные достижения, ни на одобрение значимых взрослых.

1. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: «Прогресс», «Универс», 1994.
2. Crocker J., Wolfe C. Contingencies of Self-Worth // Personality and Social Psychology Review. 2001. Vol. 108 (3). P. 593–623.
3. Kernis M.H. Self-esteem: Issues and answers. Oxford, UK: Psychology Press, 2006.
4. Maslow A.H. A Theory of Human Motivation // Psychological Review. 1943. Vol. 50 (4). P. 370–396.
5. Mruk C. Self-Esteem: Research, theory, and practice. N.Y.: Springer, 2006.
6. Sheldon K.M., Elliot A.J., Kim Y., Kasser T. What Is Satisfying About Satisfying Events? Testing 10 Candidate Psychological Needs // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. Vol. 80. № 2. P. 325–339.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ

А.А. Мальцева

Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет
alinamaltseva1991@mail.ru

Изучение личностных особенностей родителей, воспитывающих детей-инвалидов относится к распространенной проблеме. В исследовании применялись клинико-психологические и психодиагностические методики — «ИЖС», «СМИЛ», «Личностная шкала проявлений тревоги Дж.Тейлора», статистические методы. У родителей, воспитывающих детей с неврологическими нарушениями, выявлено использование механизма психологической защиты — реактивные образования, высокие показатели по шкалам депрессии и личностной тревоги.

Ситуация воспитания ребенка с инвалидностью оказывает влияние на качество жизни семьи, интенсивность постоянных эмоциональных переживаний, личностная и ситуативная тревожность, которая касается будущего ребенка с инвалидностью приводят к формированию у родителей определенных личностных черт, изменению качества их жизни и ценностной переориента-

ции (Шебанец, 2006). Наше исследование направлено на изучение личностных особенностей родителей воспитывающих детей-инвалидов и оказание психологической поддержки и сопровождения родителей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

В качестве методов использовались клинико-психологические методы — беседа, наблюдение; психодиагностические методы — «Индекс Жизненного Стиля», «Сокращенный многофакторный опросник для исследования личности», «Личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлора»; использованы методы описательной (среднее значение) и сравнительной статистики — непараметрический U критерий Манна-Уитни.

Исследование проводилось на базе медицинского центра «Cortexmed» и частного детского сада «Солнышко» г. Анапа.

В исследовании приняли участие 60 человек. Основную группу составили родители в возрасте от 25 до 40 лет, воспитывающие детей с диагнозом: детский церебральный паралич. Контрольную группу составили родители в возрасте от 25 до 40 лет, воспитывающие здоровых детей.

По результатам методики «СМИЛ», при оценке показателей по шкале (D), обнаружены статистически достоверные различия, свидетельствующие о том, что в группе родителей, воспитывающих детей-инвалидов, обнаружены высокие показатели по шкале «Депрессия».

По результатам опросника «Личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлора» обнаружены статистически достоверные различия, свидетельствующие о том, что у родителей, воспитывающих детей-инвалидов, средние значения превышают норму, что говорит о наличии у них высокого уровня личностной тревоги.

При оценке показателей использования механизмов психологической защиты «ИЖС», обнаружены различия на уровне статической тенденции, свидетельствующие о преобладании в использовании родителями, воспитывающими детей-инвалидов, механизма психологической защиты — «реактивные образования».

Выводы:

1. В группе родителей, воспитывающих детей-инвалидов, обнаружены высокие показатели по шкале депрессии. Такие оценки свойственны тревожным, робким, застенчивым людям, склонным впадать в отчаяние.

2. У родителей, воспитывающих детей-инвалидов, выявлен высокий уровень личностной тревоги: рождение и воспитание ребенка с низким реабилитационным потенциалом относится к числу трудных жизненных ситуаций, которые оказывают сильнейшее воздействие на родителей ребенка с инвалидностью, возникающие при этом переживания затрагивают все аспекты их жизни, вызывая повышение уровня личностной тревоги.

3. При высоких показателях по шкалам депрессии и личностной тревоги родители используют механизмы психологической защиты, среди них преобладают «реактивные образования» — неприятные для личности мысли и переживания преобразуются в противоположные.

1. Дикая Л.Г. Регулирующая роль образа функционального состояния в экстремальных условиях деятельности // Психологический журнал. 1991. Т. 1. С. 55–65.

2. Заборина Л.Г. Особенности смысловой структуры мировоззрения родителей детей-инвалидов // Вестн. Бурятского ун-та. 2006. № 10: Психология. С. 250–256.

3. Левченко И.Ю., Ткачева В.В. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии. М.: Просвещение, 2008.

4. Рябикина З.И. Личность. Личностное развитие. Профессиональный рост. Краснодар, 1995.

5. Шебанец Е.Ю. Организация психологической поддержки семьям, имеющим ребенка с отклонениями в развитии // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2. Спец. вып.: Проблема субъекта и особенности субъектной личности. С. 91–96.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ПОДРОСТКОВ С САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ I ТИПА

А.Э. Настас

Россия, Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет
zayceva_asja@mail.ru

В данной статье рассмотрены взаимосвязи составляющих субъективного качества жизни подростков с эмоциональными характеристиками их социальных отношений подростков. В исследовании приняли участие 40 подростков с сахарным диабетом на разных этапах лечения. В результате исследования обнаружены множественные взаимосвязи качества жизни и социальных отношений подростков сахарным диабетом.

Статья подготовлена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ (проект № 8.1.54.2018).

Достижения современной медицины позволяют осуществлять высокий контроль над хроническими заболеваниями. Одним из ярких примеров таковых является сахарный диабет (СД) первого типа. СД часто обнаруживает себя в детском и подростковом возрасте.

Данное исследование посвящено вопросу о том, как под давлением заболевания меняется качество социальных отношений подростков и как эти изменения влияют на их качество жизни (КЖ).

Выборку исследования составили 40 подростков в возрасте от 13 до 17 лет, страдающие СД I типа. Исследование проходило на базе эндокринологического отделения детского стационара. В данном отделении ежегодно проходят обследование и лечение от 85 до 130 подростков с СД, примерно у 10% диагноз устанавливается впервые.

Для оценки субъективного КЖ подростков мы использовали методику SF-36. Приверженность лечению как ключевой феномен, определяющий КЖ, мы оценивали на основании: клинических данных; экспертных заключений лечащих врачей; субъективной оценки качества контроля подростками. Также мы использовали многомерный опросник детской тревожности и опросник «Подросток о родителях» для оценки эмоциональных аспектов КЖ, связанные со значимыми отношениями (учителями, сверстниками, родителями).

На основании сравнения показателей КЖ и напряженности социальных отношений у подростков с различной длительностью течения СД мы обнаружили, что показатели физического функционирования снижаются в группе подростков с наибольшей длительностью СД, минимальные показатели ролевого функционирования, связанного с эмоциональным состоянием, наблюдаются в группе подростков с недавно дебютировавшим СД. Такая же тенденция обнаружена по показателям тревоги, связанной с успешностью обучения. Это объяснимо длительностью госпитализации ребенка и актуализацией конфликта ценности здоровья и ценности социальной успешности. Между тем показатели тревоги в отношениях со сверстниками и в отношениях с родителями максимальны между первым и пятым годами заболевания.

Мы обнаружили высокую связь между параметрами КЖ и оценками подростком отношений в социальном окружении. Позитивная оценка отношения родителей оказалась положительно связанной с: уровнем жизнеспособности ($r = 0{,}398$, $p = 0{,}05$), уровнем

социального и психологического функционирования (r = 0,358, p = 0,05). Оценка подростком отношений с родителями как враждебных, напротив, имела обратную взаимосвязь с параметром жизнеспособность (r = — 0,402, p = 0,01). Эти результаты предсказуемы и легко объяснимы с позиций представлений о значимости психологического климата в семье для психологической безопасности. При этом, безотносительно длительности заболевания, уровень приверженности лечению оказался взаимосвязанным с позитивной оценкой подростком отношений с родителями.

Неожиданным для нас оказалось, что подростки с высоким уровнем контроля СД, проживающие в неполных семьях (17 из 40), характеризуются более высокими показателями субъективного КЖ, чем подростки с такой же степенью контроля СД, но проживающие в полных семьях (23 из 40). Наиболее чувствительными к этой характеристике семейной структуры оказались: ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием (p = 0,01); автономность (p = 0,03) и общая тревожность (F = 3,194, p = 0,077).

Взаимосвязанными оказались показатели оценки влияния лечения в стационаре на физическое состояние и тревожность в отношениях со сверстниками (F = 3,480, p = 0,035) и родителями (F = 2,584, p = 0,081).

Подростки имеющие низкий уровень приверженности лечению склонны оценивать материнское отношение как враждебное (F = 7,279, p = 0,000). При этом на уровне статистической тенденции, подростки, приверженные лечению склонны оценивать уровень автономности, предоставляемый им родителями как более высокий. В таком случае уместно рассматривать приверженность лечению как своеобразный стабилизатор напряжения, переживаемого подростком в различных областях его отношений.

Таким образом, динамика составляющих качества жизни и напряженности социальных отношений в течении сахарного диабета I типа имеет нелинейный характер. Обнаруженные феномены, с нашей точки зрения, объяснимы принципиальными различиями задач, встающих перед подростком и его семьей на разных этапах течения заболевания и структурой социальной сети, в пределах которой данные задачи могут или должны найти свое разрешение.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СТРАНЕ И ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНТЕРВЬЮ С ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

А.А. Панкратова, Н.М. Зырянова

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
alina_pankratova@mail.ru

Анализируются ответы детей старшего дошкольного возраста на три вопроса про желания и мечты, отражающие социально-экономическую ситуацию в стране и ценности культуры. Замеры ценностей культуры в России по методике Ш. Шварца и сопоставление ответов детей с 1992 по 2015 г. показали рост значимости ценностей «Автономии» (человек как отдельная личность) и «Мастерства» (активное использование природных и человеческих ресурсов).

Между социально-экономическим развитием страны и ценностями культуры существует взаимосвязь и взаимовлияния. С одной стороны, речь идет о том, насколько ценности культуры созвучны преобразованиям страны и способствуют ее экономическому развитию. С другой стороны, социально-экономические преобразования накапливаются и со временем могут менять приоритеты в культурных ценностях. Впервые эта проблема получила широкое обсуждение на Международном Гарвардском симпозиуме «Культурные ценности и прогресс человечества», который проходил в 1999 г. в США при участии ведущих экономистов, социологов и политологов мира.

Замеры культурных ценностей в России по методике Ш. Шварца (Schwartz, 1999, 2008; Шварц, 2008) показали, что: 1) в 1992 г. в начале рыночных реформ преобладали ценности «Принадлежности» (человек как член группы) и «Иерархии» (действия согласно своей позиции в иерархии), что характерно для коммунистической модели общества (Schwartz, Bardi, 1997); 2) в 1999–2000 гг. за период реформ у молодого поколения произошел сдвиг в сторону ценностей «Автономии» (человек как отдельная личность) и «Мастерства» (активное использование природных и человеческих ресурсов), которые являются основой свободного предпринимательства (Лебедева, 2000).

Мы проводили интервью с детьми старшего дошкольного возраста после серьезных социально-экономических преобразований

и потрясений в нашей стране: в 1992 г. — начало рыночных реформ после распада СССР, существенное снижение реального дохода населения; 1995 г. — задержки с выплатой пенсий и зарплат, рост безработицы; 1998 г. — девальвация рубля, инфляция, потеря сбережений; 2009 г. — мировой финансовый кризис, падение курса рубля; 2015 г. — введение экономических и политических санкций против России. Анализ интервью с детьми в 90-е гг. описан в книге «Из жизни людей дошкольного возраста. Дети в изменяющемся мире» (Егорова и др., 2001).

Из всего интервью нами были отобраны три вопроса о желаниях и мечтах, за которыми можно увидеть социально-экономическую ситуацию в стране и ценности культуры: 1. Если бы у тебя была волшебная палочка и она могла исполнить три любых твоих желания, какие три желания ты бы загадал(а)? 2. Какой бы ты хотел(а) получить подарок на день рождения? 3. Что ты любишь больше всего на свете? Цель настоящей работы — сопоставить ответы детей на эти вопросы в 2009 и 2015 гг. (N = 222) с ответами детей в 1990-е гг. (N = 189). Мы ожидаем, что в ответах детей будут прослеживаться изменение социально-экономической ситуации в стране и рост ценностей «Автономии» и «Мастерства».

О более благополучной ситуации в стране в 2009 и 2015 гг., по сравнению с 1990-ми гг., свидетельствуют следующие изменения в ответах детей: 1) дети стали загадывать волшебной палочке разные дорогостоящие вещи (дачу, машину, хороший телефон и т.п.); 2) практически исчезли пожелания материального благополучия и улучшения жилищных условий для своей семьи; 3) дети ничего не говорили о социально-экономических трудностях в стране и не высказывали желание что-то изменить; 4) из списка желанных подарков исчезли полезные подарки (вещи для школы и т.п.); 5) дети перестали называть в качестве любимых занятий — помощь по дому (мыть посуду, готовить, убираться, подметать, мыть полы и т.п.).

О росте ценностей «Автономии» в 2009 и 2015 гг., по сравнению с 90-ми гг., свидетельствуют следующие изменения в ответах детей: 1) в 2009 и 2015 гг. 60% детей загадывали все три желания только для себя, 30% детей — для себя и для других, 10% детей — все три желания только для других, в 1990-е гг. почти все дети, кроме желаний для себя, загадывали желания и для других; 2) все любимые занятия детей стали связаны с развлечениями и получением удовольствия от жизни (играть, гулять, беситься, смотреть

мультфильмы и т.п.); 3) дети перестали говорить, что они любят больше всего на свете учиться, трудиться, работать, помогать маме по дому и т.д.

О росте ценностей «Мастерства» в 2009 и 2015 гг., по сравнению с 1990-ми гг., свидетельствуют следующие изменения в ответах детей: 1) в 1990-е гг. дети хотели стать водителем метро, ученым, балериной, летчиком, медсестрой и т.д., в 2009 и 2015 гг. дети ориентированы на карьерный рост (окончить школу, институт, получить диплом, работать на нескольких работать и т.п.) и зарабатывание денег; 2) дети перестали говорить, что они любят больше всего на свете природу (лес, горы, цветы, животных и т.д.), любят гулять на природе, любят наблюдать за природой; 3) из ответов детей исчезли желания, связанные с охраной окружающей среды (чтобы был чистый воздух, не было пожаров и т.п.).

Таким образом, в исследовании ценностей культуры по методике Ш. Шварца и в нашем исследовании образа мира детей дошкольного возраста было показано, как социально-экономические преобразования в стране приводят к изменению ценностей культуры, которые определяют поведение человека в новом изменившемся мире.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 16-06-00758-ОГН.

1. Егорова М.С., Зырянова Н.М., Пьянкова С.Д., Черткова Ю.Д. Из жизни людей дошкольного возраста. Дети в изменяющемся мире. СПб.: Алетейя, 2001.

2. Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 3. С. 73–87.

3. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий / пер. с англ. Е.А. Валуевой // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 2. С. 37–67.

4. Schwartz S.H. A theory of cultural values and some implications for work // Applied psychology: An International Review, 1999. Vol. 48 (1). P. 23–47.

5. Schwartz S.H. The 7 Schwartz cultural value orientation scores for 80 countries. 2008.

6. Schwartz S.H., Bardi A. Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe // Political Psychology. 1997. Vol. 18 (2). P. 385–410.

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЯМИ ЗРЕНИЯ

А.В. Решетникова, Л.В. Токарская

Россия, Екатеринбург, ФГАОУ ВО «УрФУ»
anastasia.reschetnikova@yandex.ru, liydmil@mail.ru

В статье рассматриваются результаты исследования жизнестойкости подростков с нарушениями зрения. По результатам анализа полученных в исследовании данных, установлено, что жизнестойкость лиц с нарушениями зрения взаимозависит от оптимизма, активности, самоотношения, копинг-стратегий и стиля саморегуляции поведения, слабо взаимозависит от ценностей.

В настоящее время, негативные факторы детерминируют снижение жизнестойкости целых поколений, что особым образом сказывается на людях с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Крайне интересную и значительную группу лиц с ОВЗ, представляют люди с нарушениями зрения. В мире насчитывается 285 миллионов человек с нарушениями зрения (НЗ), где 39 миллионов — слепые, 246 миллионов — лица с низким зрением (Петросянц, 2011). Для лиц с НЗ значительно возрастает роль личностного ресурса для вхождения в социальную среду, так, чтобы ребенок с НЗ мог достичь того же уровня развития, что и зрячий, ему приходится работать значительно больше, справляясь со стрессогенными факторами. В зависимости от среды и методов воспитания ребенок с НЗ может вырасти самостоятельным, эмоционально развитым, волевым человеком, либо полностью неспособным к принятию простых решений, эгоистичным, эмоционально неустойчивым (Солнцева, Курбанов, 2005). Большую актуальность в связи с этим, приобретает работа по исследованию жизнестойкости лиц с НЗ. Современные социальные условия, предъявляют особые требования к формированию личностных ресурсов, однако, до сих пор, остаются недостаточно изучены конкретные проявления жизнестойкости лиц с НЗ, методы ее диагностики и конкретные приемы целенаправленного развития (Климов, 2010).

Эмпирическое исследование было посвящено изучению особенностей жизнестойкости лиц с НЗ и проводилось на базе ГКОУ — школы-интерната, реализующей адаптированные основные общеобразовательные программы, имени С.А. Мартиросяна, г. Верхняя

Пышма (Свердловская область). В исследовании приняли участие 87 обучающихся с НЗ 7–12-х классов в возрасте от 12 до 20 лет; из них 67 слабовидящие и 20 незрячие.

Для проведения эмпирического исследования был подобран комплект диагностических методик: тест жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой); шкала оптимизма и активности (Н. Водопьянова, М. Штейн); тест-опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантилеев); опросник копинг-стратегий COPE Ч. Карвера; опросник «Стиль саморегуляции поведения»; методика Ш. Шварца на определение ценностей.

Было выявлено, что оптимизм имеет отрицательную взаимосвязь с жизнестойкостью лиц с НЗ (слабовидящих и незрячих), с компонентами жизнестойкости «вовлеченность», «контроль» и «принятие риска» у лиц с НЗ. Активность незрячих имеет высокую положительную взаимосвязь с жизнестойкостью.

У лиц с НЗ находятся в прямой взаимосвязи самоотношение, жизнестойкость и ее компоненты «контроль» и «принятие риска», а также «вовлеченность» и «ожидаемое отношение от других». У слабовидящих жизнестойкость положительно взаимосвязана с самоотношением, «самоуважением», «самопринятием», «ожидаемым отношением от других». У проявлений жизнестойкости слабовидящих отрицательная взаимосвязь с копинг-стратегией «поведенческий уход от проблем», положительная взаимосвязь со стилем саморегуляции «оценивание результатов». У незрячих прямая взаимосвязь между «жизнестойкостью» и «отношением других», высокая прямая взаимосвязь между «жизнестойкостью» и шкалами «самоинтересов» и «самоинтерес».

Жизнестойкость лиц с НЗ заметно взаимосвязана с «аутосимпатией», «самоуважением», «самопринятием» и «самоинтересом»/ «самоинтересами». Исследование показало, что лица, имеющие НЗ, в самоотношении к себе имеют высокий уровень самопоследовательности и саморуководства, адекватно оценивают себя по самопринятию, самоуверенности и самоинтересу, что положительно способствует их жизнестойкости.

Таким образом, лицам с НЗ требуется психолого-педагогическое сопровождение для формирования и развития жизнестойкости.

1. Климов А.А. Жизнестойкость и ее взаимосвязь с личностными ценностями студентов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». 2010. № 2 (10). С. 14–23.

2. Петросянц В.Р. Психологическая характеристика страшеклассников, участников буллинга в образовательной среде и их жизнестойкость: дис. … канд. психол. наук. СПб., 2011. 210 с.

3. Солнцева Л.И., Курбанов В.А. Личность и особенности её развития // Лубовский В.И., Розанова Т.В., Солнцева Л.И. и др. Специальная психология: Учеб. пособие / Под ред. В.И. Лубовского. 2-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 464 с.

ПОДРОСТОК: ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ

М.М. Смыслова

Россия, Москва, ФГБНУ «ИУО РАО»
smyslovamaria@yandex.ru

В статье излагаются результаты проведенного в 2010 году опроса 993 старшеклассников Москвы, характеризующие особенности эмоциональной оценки подростками успешности своих жизненных перспектив, в зависимости от влияния социально-стратификационных факторов. Данное исследование продолжает линию исследований ИСО РАО, посвященных изучению подростковой субкультуры, что позволяет сопоставить ответы подростков разных поколений и охарактеризовать общие тенденции в изменении социального самочувствия учащихся старших классов.

В культурологическом плане оппозиция «оптимизм/пессимизм» является одной из фундаментальных эмоциональных модальностей, характеризующих социокультурный контекст и определяющих общий эмоциональный фон процесса социализации подростка (Собкин, 1997).

Анализ данных проведенного исследования показывает, что более половины подростков Москвы (58,8%) оптимистично оценивает свои перспективы, 38,3% сомневается в том, что их жизнь сложится удачно и лишь 2,9% опрошенных испытывают негативные эмоции в связи со своим будущим.

Сравнивая результаты опросов 1996, 2005 и 2010 г.г., отметим, что с годами существенно увеличивается количество тех подростков, кто с уверенностью и оптимизмом смотрит в завтрашний день (соответственно: 34,8%, 51,0%, 58,8%, $p \leq ,0001$). Параллельно уменьшается доля подростков, сомневающихся в том, что их жизнь сложится удачно (53,4%, 42,5%, 38,3%, $p \leq ,03$) и доля тех, кто негативно оценивает свои перспективы (с 7,5% в 1996 году и 6,5% в 2005году до 2,9% в 2010 году, $p = ,0000$). Таким образом, полученные данные позволяют зафиксировать в целом положительную

динамику изменений общего эмоционального фона социализации подростка.

Оценка перспектив: влияние материального статуса семьи. Анализ влияния социально-стратификационных факторов на эмоциональное отношение подростков к собственным перспективам показал, что дети из высокообеспеченных семей склонны более оптимистично оценивать свое будущее, по сравнению с детьми из семей с низким уровнем материальной обеспеченности (соответственно 71,4%, 34,2%, $p \leq ,000$). Они реже «сомневаются» в том, что их жизнь сложится удачно, в то время как более половины подростков из малообеспеченных семей указывают на свои сомнения (соответственно 27,0%, 52,6%, $p \leq ,002$), и лишь единицы из них указывают на негативные переживания, связанные со своим будущим (соответственно 1,5%, 13,2%, $p \leq ,000$). Для сравнения: каждый восьмой подросток из малообеспеченных семей утверждает, что «со страхом и пессимизмом» ждет завтрашнего дня).

Схожие результаты были получены и в 1996, и в 2005 годах: по мере улучшения материального статуса семьи последовательно снижается доля тех, кто сомневается в успешности своих перспектив и увеличивается доля оптимистов, уверенных в своем будущем (Собкин, Варанова, 2006). Приведенные выше данные показывают, что эмоциональная оценка подростками успешности своих перспектив в существенной степени определяется материальным статусом семьи.

Оценка перспектив: влияние социального статуса учащегося в классе. Для определения социального статуса учащегося в ходе анкетного опроса мы задавали респондентам специальный вопрос, где предлагали им определить свою позицию среди одноклассников: «я лидер в своем классе», «многие одноклассники меня уважают», «у меня есть лишь ограниченный круг приятелей», «в своем классе я чувствую себя одиноко». Результаты показывают, что те старшеклассники, кто считает себя лидером в классе, чаще оптимистично оценивают свое будущее, по сравнению с теми, кто чувствует себя в классе одиноко (соответственно 73,8% и 25,7%, $p = 0,0000$). «Одиночки» же чаще указывают на свои сомнения (соответственно 57,1% и 26,2%, $p = 0,003$), а также на страхи и пессимизм относительно успешности своих жизненных перспектив (17,1% и 0,0%, $p = 0,0009$). Таким образом, позиция в микросоциальном окружении сверстников является также крайне важной при

формировании взглядов подростка относительно своей жизненной успешности.

1. Выготский Л.С. Педология подростка: Проблема возраста // Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 4. 432 с.

2. Собкин В.С. Старшеклассник в мире политики. Эмпирическое исследование. М.: ЦСО РАО, 1997. 320 с.

3. Собкин В.С., Ваганова М.В. Российский подросток: жизненные перспективы и страхи // Социокультурные трансформации подростковой субкультуры: Труды по социологии образования / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2006. Т. XI. Вып. XX. С. 7–18.

4. Собкин В.С., Писарский П.С. Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе. М., 1992. 159 с.

5. Собкин В.С., Писарский П.С. Жизненные ценности и отношение к образованию: кросскультурный анализ Москва-Амстердам. По материалам социологического опроса учителей, учащихся и родителей. М., 1994. 151 с.

6. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). М.: Тривола, 1994. 168 с.

ДЕТСТВО В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛННОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТЫ

И.В. Усольцева

Россия, Москва, Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО
iv-usoltseva@yandex.ru

В докладе сравниваются социальные ситуации развития детей в России в XIX и в XX вв. Они обнаруживают значительное сходство с точки зрения факторов, детерминирующих возникновение неопределенности в современном мире. Делается вывод о возможности рецепции и филиации предшествующего культурно-исторического опыта для обогащения практик управления неопределенностью современного детства.

Современная научная литература содержит богатый материал по анализу неопределенности в modernity, которая задается целым рядом факторов. Для российского общества, по мнению ученых, оказываются значимы такие факторы, как кардинальная трансформация общества (революция и перестройка), стремительное развитие технологий, реформы в образовании, появление «нового» поколения и изменение границ мира внешнего и мира внутреннего.

Каждый из факторов, по мнению ученых, «расшатал» предположительно стабильную матрицу «человек — общество» в социальном, экономическом, мировоззренческом и психологическом аспектах.

Это своеобразие modernity, которую и создают указанные выше факторы, оказывает существенное влияние на социальную ситуацию развития (ССР) современного ребенка. ССР, с опорой на работы О.А. Карабановой (Карабанова, 2002), может быть понята не только через особенности отношений взрослого и ребенка, но и через социальный контекст, в котором эти отношения разворачиваются. Такое понимание позволяет нам включать в психологический анализ ССР «общий социальный фактор» (Филонов, 2012), оказывающий существенное влияние на развитие современных детей. В modernity им является неопределенность современного мира, уникальная, по мнению многих исследований.

Характеристики «уникальность», «неповторимость», безусловно, придают «вес» нашему существованию, делают нас, современников уникальной неопределенности, выдающимися, а в историческом смысле — бессмертными, потому что в исторической памяти человека «живут» только «необычные» события.

Однако вектор на историческую исключительность лишает нас такого ресурса в «приручении» неопределенности как опыт поколений, столкнувшихся с неопределенностью и опробывавших разные пути по ее «укрощению».

Именно с этой позиции — расширить свой опыт понимания и действия (психологической работы с детьми) в условиях неопределенности — мы провели сравнительный анализ социальной ситуации детства в России в XIX и XX вв. В связи с ограниченностью объема, в тексте мы отразим только данные по XIX вв.

Среди событий, которые вызвали кардинальные социальные *трансформации* в России в XIX в., можно назвать: войну 1812 года, Великие реформы 60-х годов, контрреформы Александра III.

Появление национальной литературы и национального образования — их наиболее важные последствия, затрагивающие СРР. Последнее связано с изменение системы подготовки кадров в сфере высшего, среднего и начального образования, увеличение числа и разнообразия учебных заведений, начало обучения женщин.

Системообразующим для неопределенности признается *развитие технологий* и ускорение процессов коммуникации в modernity. Позволим себе в произвольном порядке перечислить новшества XIX века. Появляются паровоз, пароход, телеграф, телефон, трамваи, метро, электродвигатель, бензиновый двигатель и т.д., которые «задают» скорость коммуникации.

Одним из важнейших последствий для СРР детей от развития технологий в XIX века стала «стандартизация» образования в учебных заведениях Российской империи. «Стандарты» образования, задаваемые через циркуляры, распоряжения, разрешения, быстро (по сравнению с предыдущим периодом) доставлялись адресатам через педагогическую периодику, выполнявшую роль современного Интернета. Периодика, кроме того, формирует пространства единомышленников и выступает источником знаний вне системы образования

Учитель XIX в. был «связан» распоряжениями Министерства народного просвещения, которые калейдоскопично менялись на протяжении всей его карьеры благодаря *реформам в образовании*, происходившим в 1803, 1828, 1860, 1864, 1872 гг. только в начальном и среднем образовании.

В XIX в. мы можем зафиксировать и рождение *«нового»* (особенного, другого) *поколения*, что имело прямые следствия для ССР детей. «Нить поколения в российских семьях прервалась» (Каптерев, 1898): поколение «после Великих реформ» в вопросах обучения, воспитания и развития детей занимало кардинально другую позицию, чем старшее поколение (более подробно см.: Усольцева, 2018).

Изменяются и *границы внешнего и внутреннего мира*, так как ставится под сомнение абсолютная неизменность мира в философии И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, теории Ч. Дарвина, в оформлении науки как социального института. Для ССР ребенка принципиально важным следствием оказывается начало научного поиска методов экспериментального изучения ребенка с целью улучшить педагогический процесс.

Таким образом, проведенная историческая и культурная реконструкция факторов, конструирующих неопределенность в modernity, по отношению к XIX в., ставит под сомнение уникальность и исключительность современной неопределенности для ССР детей. Тем самым открываются возможности для более полной рецепции и филиации опыта в развитии, обучении и воспитании детей тех поколений, которые жили в не менее сложных, динамичных и неоднозначных условиях, чем современные взрослые.

1. Каптерев П.Ф. Задачи и основы семейного воспитания / Энциклопедия семейного воспитания и обучения. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1898. Вып. 1.

2. Карабанова О.А. Социальная ситуация развития ребенка: структура, динамика, принципы коррекции: дис. … д-ра психол. наук. М., 2002. 379 с.

3. Усольцева И.В. Два поколения родителей: две формы поддержки // Социальное партнерство: опыт, проблемы и перспективы развития. М., 2018. С. 137 – 145.

4. Филонов Г.Н. Методология воспитательной деятельности. М., 2012. 216 с.

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОГО ОПЫТА НА ВОСПРИЯТИЕ ПОДРОСТКАМИ АГРЕССИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

А.В. Федотова

Россия, Москва, ФГБНУ «Институт управления образованием РАО»
AlexandraFedotova@rambler.ru

В статье отражены результаты опроса 2074 учащихся школ Московской области, проведенного в 2016 г. Анализируются особенности восприятия подростками демонстрируемых в социальных сетях материалов агрессивного характера. Приведенные данные позволяют сделать вывод о ключевой роли личного опыта в формировании отношения подростков к проявлениям агрессии. Выделены факторы, способствующие формированию у подростка позитивного отношения к агрессии.

Сегодня Интернет и, в частности, социальные сети рассматриваются исследователями как особый институт социализации, который в подростковом возрасте приобретает важнейшее значение (Белинская, 2013). Было показано, что характерные возрастные и личностные изменения протекают для современных подростков именно в социальных сетях (Собкин, 2016, Собкин, Федотова, 2018).

Общение в русскоязычном сегменте Интернета на сегодняшний день отличается повышенной агрессивностью в силу напряженности социально-политической обстановки в стране, а проблема агрессии и насилия именно в подростковом возрасте сегодня особенно актуальна в свете недавних трагических событий.

В связи с этим изучение проявлений агрессии именно в социальных сетях представляется крайне важным. Данная работа направлена на исследование особенностей восприятия учащимися демонстрируемых в социальных сетях сцен насилия и агрессии.

Приведенные данные основаны на результатах исследования, проведенного в 2016 г. Центром социологии образования ИУО РАО под руководством В.С. Собкина. В исследовании приняли участие 2074 учащихся 5, 7, 9 и 11-х классов школ Московской области.

Большинству подростков (66,1%) не нравится наблюдать сцены насилия в социальных сетях, четверть опрошенных воспринимают их равнодушно, 6,3% нравится смотреть такие сцены, и 2,3% специально выбирают страницы, на которых демонстрируются сцены насилия.

Просматривая сцены насилия в социальных сетях, подавляющее большинство подростков (85,9%) ни с кем себя не отождествляют, 7,1% отождествляют себя с агрессором и такое же количество (7,0%) — с жертвой.

Подростки преимущественно склонны всегда сочувствовать жертвам насилия (59,2%), 19,4% сопереживают, только когда речь идет о знакомых, 21,4% отвечают, что никогда не испытывают жалости к жертвам.

В отношении к демонстрации агрессии можно отметить явные гендерные различия: мальчикам чаще нравится наблюдать такие сцены, они специально их выбирают, чаще отождествляют себя с агрессором и менее склонны испытывать сочувствие к жертвам. Девочки более негативно относятся к подобным сценам и воспринимают их отстраненно.

Возрастная динамика демонстрирует заметные сдвиги в отношении подростков к демонстрации сцен насилия в социальных сетях: от 5-го к 11-му классу уменьшается доля тех, кому не нравится видеть сцены насилия, и возрастает доля равнодушных к ним, уменьшается эмоциональная включенность и сопереживание жертве.

Школьные «лидеры» глубже переживают ситуации агрессии, демонстрируют эмоциональную включенность, тогда как среднестатусные подростки воспринимают их более отстраненно. Лидеры и одиночки реже сочувствуют жертве.

Наиболее активные пользователи социальных сетей и те, кто проводит в них больше времени, более лояльны к проявлениям агрессии и менее склонны сопереживать жертве.

Специально проведенный анализ показал, что наличие у подростков личного опыта столкновения с агрессией в сети отражается на их отношении к просмотру сцен насилия. Подростки, которым довелось участвовать в подобных ситуациях, более позитивно воспринимают сцены агрессии, получая удовольствие от их просмотра, эмоционально проживают ситуацию, идентифицируя себя с ее участниками. Важно подчеркнуть, что подобное отноше-

ние проявляют как те, кто выступал в роли агрессора, так и те, кто был жертвой, в отличие от подростков, не имеющих такого опыта или наблюдавших подобные сцены со стороны. В то же время роль в пережитой ситуации заметно дифференцирует подростков в их отношении к жертвам сцен насилия: агрессоры реже испытывают сочувствие, жертвы — чаще.

Таким образом, именно наличие опыта участия в конфликтных ситуациях можно считать ключевым фактором, формирующим позитивное отношение подростка к агрессии в целом. Подчеркнем, что доля подростков, имеющих подобный опыт, заметно увеличивается по мере взросления и более активного погружения в социальные сети, что может способствовать росту агрессивности.

1. Белинская Е.П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2013. Т. 6. № 30. С. 5. URL: http://psystudy.ru

2. Собкин В.С. Современный подросток в социальных сетях // Педагогика. 2016. №8. С. 61–72.

3. Собкин В.С., Федотова А.В. Подросток в социальных сетях: риски и реакции // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2018. № 1. С. 47–56

9.

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

РОЛЬ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ЦИФРОВОГО КОМПЛЕКСА В СОХРАНЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ СПОРТСМЕНОВ

А.В. Алешичева, Н.Г. Самойлов

Россия, Рязань, ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России
annamona@yandex.ru

Показана роль разработанного цифрового диагностического комплекса в получении индивидуально-ориентированной информации о состоянии психологического здоровья личности спортсмена. Сообщается о сокращении времени его тестирования в 9–10 раз, о возможности осуществлять это дистанционно и автоматически обрабатывать первичные данные. Предлагаемая технология позволяет быстро и точно получать необходимую информацию и своевременно осуществлять коррекцию изменений или нарушений психологического здоровья, особенно у спортсменов-профессионалов.

Стремительный процесс социализации человека в цифровом обществе вызывает постановку проблемы осмысления, осознания и понимания того, как это ускорение и его результаты отразятся на здоровье человека, на становлении личности, на развитии общества, цивилизации (Бабаева и др., 2000). Спорт, являясь одним из ярких и интенсивно влияющих на личность спортсменов процессов, выступает наиболее удобной моделью для решения возникшей проблемы (Быховская, 2017).

Речь идет о необходимости предупреждать нарушения, особенно психического и психологического здоровья личности спортсмена, а также определять пути его сохранения. Однако в настоящее время его диагностика занимает много времени и у спортсменов, и у практических психологов, так как в основном используются тестовые опросники, анкеты. Поэтому актуальной становится проблема разработки диагностического инструментария, позволяю-

щего существенно сократить процедуру тестирования, обработки и интерпретации получаемых данных. В связи с этим, в данном исследовании была поставлена цель: разработать и апробировать диагностический комплекс, позволяющий сократить время диагностики состояния психологического здоровья личности спортсмена.

В результате проведенной работы была создана электронная платформа, с помощью которой можно получить большой объем информации и ее автоматическую обработку. Так, эмпирическим путем при использовании комплекса, состоящего из 22 общеизвестных психологических методов диагностики качеств личности, состояний эмоциональной сферы, а также потребностно-мотивационной и ценностно-смысловой, были выделены пять системообразующих факторов: устойчивость, адаптированность, саморегулируемость, гармоничность и благополучность.

Анализ функционирования разработанного диагностического комплекса привел к заключению о высокой его эффективности, прежде всего, сводящейся к существенной экономии времени (в 9–10 раз) на всю процедуру: от начала тестирования до получения конечного результата, по сравнению с применением бумажных носителей. Особенностью и новизной предлагаемого комплекса является автоматическая (на основании созданной программы) обработка данных. Возможность получения от спортсменов первичных результатов тестирования в онлайн-режиме также важна именно для этой категории людей, так как у них много поездок. Для тренеров игровых или командных видов спорта важно быстрое во времени, но индивидуально-ориентированное и осуществляемое дистанционно получение результатов тестирования. К преимуществам разработанного комплекса следует добавить возможность своевременной диагностики состояния психологического здоровья личности, обнаружение его нарушений и предпатологических состояний, обеспечение необходимой коррекции и получение целенаправленных рекомендаций.

Таким образом, разработанный диагностический цифровой комплекс является современным инструментом, позволяющим быстро, точно и индивидуально, осуществлять тестирование состояния психологического здоровья личности спортсмена. Безусловно, также и то, что своевременная его диагностика играет большую роль в сохранении и укреплении этого феномена.

1. Бабаева Ю.Д. Интернет: Воздействие на личность / Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е., Смыслова О.В. // Гуманитарные исследования в Интернете. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 11–40.

2. Быховская И.М. Социокультурные детерминанты и аксиологические шкалы современного спорта // Фундаментальные и прикладные исследования физической культуры, спорта и олимпизма: традиции и новации (ГЦОЛИФК) 1918–2017; сборник научных и научно-методических статей: в 2-х т. М.: Спорт, 2017. Т. 1. С. 29-40.

НРАВСТВЕННОСТЬ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ОБЩЕСТВА

А.Н. Бражникова

Россия, Москва, Московский инновационный университет
anb5262@mail.ru

На теоретическом уровне высказано и обосновано суждение о том, что нравственность может выступать способом сохранения психического здоровья личности в эпоху нестабильности и социокультурных трансформаций общества.

Последние десятилетия XX — начало XXI века по праву можно считать периодом смены эпох и становления общества принципиально нового типа**.** Сегодня вряд ли кто-либо усомнится в том, что происходящие на рубеже двух последних веков стремительные технологические, социально-экономические и политические изменения в мире привели к социокультурной трансформации общества. Эпоха непредсказуемых перемен, сопровождающаяся нестабильностью, нарастанием социального неблагополучия, падением жизненного уровня, поляризацией общества и другими испытаниями, оказывает губительное воздействие на психику человека. Массовые неврозы, не поддающиеся разумному объяснению необузданные акты насилия — все это лишь слабые симптомы болезни, о которой предупреждали еще в прошлом столетии О. Тоффлер, К.Г. Юнг и др. «Гигантские катастрофы, которые угрожают нам, это не стихийные бедствия физической или биологической природы, а события психические. Нам в ужасной мере грозят психические эпидемии» (Юнг, 1994).

Современная социальная действительность свидетельствует о том, что предсказанные выше названными авторами прогнозы воплотились в реальность. Поэтому проблема сохранения психического здоровья человека в современном обществе является предметом пристального внимания не только специалистов-практиков, но ученых различных областей наук о человеке, в частности психологии.

Следует отметить, что в отечественной и зарубежной психологии проблеме исследования психического здоровья личности посвящено значительное количество работ (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Г.К. Ушаков, А. Маслоу, Г. Олпорт и др.), однако вопрос о том, что именно считать признаком психического здоровья, остается открытым.

Психическое здоровье человека зависит от многих внешних и внутренних факторов. Психиатры определяющую роль в обеспечении здоровой психики отводят особенностям взаимосвязи и взаимодействия личности с внешним миром. А скорость социокультурных изменений современного общества такова, что адаптационные резервы психики, обеспечивающее адекватность восприятия действительности и существования в данном обществе, начинают давать сбой, инициируют психическое заболевание личности. Способом сохранения психического здоровья личности, на наш взгляд, выступает нравственность.

Следует отметить, что специфичность нравственности как явления объективной и субъективной реальности часто порождает противоречие в толковании данного понятия, а многогранность и сложность данного психологического феномена не могут дать бесспорного и тем более исчерпывающего понятия данному феномену. Однако то, что нравственная ориентация является критерием и отражением личностного здоровья, выводится не только из теоретических рассуждений, но из конкретно-психологических, клинических данных. А.Ф. Лазурский, основываясь на тщательных наблюдениях, пришел к выводу, что здоровье личности в наибольшей степени обеспечивает идеал бескорыстного отношения к другому (Лазурский, 1997). Выступая как сущность человека, как его качественная характеристика, нравственность одновременно является основой его психического здоровья. Р.В. Петропавловский указывал на то, что «без более или менее регулярного и непрерывного удовлетворения моральных потребностей, без

относительного приобщения к моральным ценностям, без овладения ими у человека нарушается психика» (Петропавловский, 1986). И не случайно эмоционально-стрессовую ситуацию психотерапию многие психиатры (В.Е. Рожнов и др.) рассматривают как метод лечения, апеллирующий к нравственным компонентам личности. Именно альтруизм, по мнению психиатров, является мощным психотерапевтическим средством борьбы с болезнью, чаще всего являющейся порождением нравственной опустошенности, запущенности и оскудения личности и достойных ее чувств, устремлений и идеалов.

Современные психологи также доказывают, что отклонения личности, невротическое развитие тесно связаны с эгоцентрической ориентацией, а с появлением такого типа личности, как «развязно-агрессивный» (Юревич, 2012), связаны не поддающиеся разумному объяснению необузданные акты насилия, массовые неврозы. При этом личность, имеющая прочную нравственную основу, ориентированная на традиционные нравственные ценности, более устойчива к негативным проявлениям современного общества.

Таким образом, нравственность является тем психологическим феноменом, который способен обеспечить личности психическое здоровье и полноценное существование в эпоху нестабильности и социокультурных трансформаций общества.

ЖЕНСКОЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ. ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА

Н.В. Вараева

Россия, Нижний Новгород, Нижегородский филиал Гуманитарного института (Москва)
Nadezhdav@yandex.ru

Женское эмоциональное выгорание следует рассматривать как особый психологический феномен, проявляющийся не только в профессиональной деятельности, но и в семейной жизни, и в отношениях с детьми, причины которого лежат в условиях жизни современной женщины и современных гендерных стереотипах. Профилактическая работа позволяет женщинам не только стать эффективнее в своей деятельности, но и передать эти способы детям, формируя, таким образом, новое поколение успешных людей.

Современная женщина в большинстве случаев совмещает домашние обязанности, воспитание детей и профессиональную деятельность. И во всем этом старается быть успешной. Нами было проведено исследование женских образов в восприятии женщин. При вербальном описании образ успешной женщины в восприятии женщин имеет мало общего с образами матери и жены и во многом даже противоречит им. В невербализованной части образов успешной и счастливой женщины выявлена прямая корреляция. То есть бессознательно женщины могут стремиться быть успешными, чтобы стать счастливыми, при этом осознанно разделять эти образы. Стремясь стать успешной, женщина может откладывать создание семьи и рождение ребенка и при этом не осознавать до конца мотивы своего решения (Вараева, 2017).

Современные гендерные стереотипы также неоднозначны и предписывают женщине быть женственной и социально активной, создавать домашний уют и зарабатывать деньги, посвящать больше времени детям и вести свой бизнес — одновременно. Все это приводит к эмоциональным перегрузкам у женщин, что проявляется комплексом симптомов, аналогичным синдрому эмоционального выгорания. Женщины жалуются на эмоциональную истощенность, частые конфликты с детьми, неумение держать свои эмоции под контролем и свою неуспешность.

Изначально эмоциональное выгорание рассматривалось только как феномен профессиональной деятельности человека. За последние годы появились исследования феномена эмоционального выгорания у женщин в аспекте материнства и в семейной жизни (Пономаренко, Кадышева, 2016; Базалева, 2017).

Анализ связи между синдромом выгорания и особенностями личности показал, что личностные характеристики, коррелирующие с проявлением симптомов эмоционального выгорания, в большей степени свойственны именно женщинам (Якименко и др., 2015), т.е. женщин можно рассматривать как группу риска.

Поэтому целесообразно говорить об эмоциональном выгорании женщин не только в профессиональной сфере и осуществлять профилактическую работу с женщинами.

Мы разработали тренинг «Профилактика женского эмоционального выгорания в семье и на работе», включающий в себя упражнения и задания на развитие женских адаптивных качеств и профилактику эмоционального выгорания, взятые из двух ав-

торских программ (Вараева, 2013; Вараева, 2015). Основные цели и задачи этого тренинга: научить женщин рефлексировать свое эмоциональное состояние, адекватно оценивать свои ресурсы, осознанно ставить посильные цели и задачи, грамотно выстраивать баланс нагрузки и отдыха. Тренинг был апробирован в работе с приемными родителями, опекунами, многодетными матерями и женщинами, обращавшимися за психологической помощью с запросом на восстановление эмоциональной сферы после стрессов и неудовлетворенности жизнью.

По итогам проведения программы женщины отмечали изменения своего эмоционального состояния, самооценки и восприятия своих отношений с детьми. Наибольшие трудности в группах вызывало принятие своих негативных эмоций.

Данная тема нуждается в дальнейшем углубленном изучении.

1. Базалева Л.А. Обоснование необходимости рассмотрения эмоционального «выгорания» в аспекте материнства // Психология семьи в современном мире: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2017. С. 34 – 38.

2. Вараева Н.В. Особенности образов успешной и счастливой женщины в восприятии женщин // Психологические проблемы смысла жизни и акме: Электронный сборник материалов XXII симпозиума / Под ред. Г.А. Вайзер, Н.В. Кисельниковой, Т.А. Поповой М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2017. С. 318 – 322.

3. Вараева Н.В. Программа профилактики эмоционального выгорания специалистов «Работа в радость» [Электронный ресурс]. М.: ФЛИНТА, 2013. 53 с.

4. Вараева Н.В. Территория женственности: программа женских тренингов [Электронный ресурс]. М.: ФЛИНТА, 2015. 110 с.

5. Пономаренко И.Л., Кадышева Л.Б. Психологические факторы эмоционального выгорания у женщин в семейной жизни //Гуманитарно-педагогическое образование. 2016. Т. 2. № 4. С. 39 – 45.

6. Якименко М., Тильманн Б., Завгородний И., Бессерт К., Вон Хинтценстерн Ю., Капустник В., Беккельманн И. Связь между синдромом выгорания и особенностями личности // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2015. Т. 115. № 2. С. 4 – 10.

ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ: ВОВЛЕЧЕННОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ВИРТУАЛЬНУЮ СРЕДУ

И.В. Воробьева, О.В. Кружкова

Россия, Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет
lorisha@mail.ru, galiat1@yandex.ru

В статье рассматривается проблема возрастающей активности молодежи в интернет-среде на основании результатов диагностики 2051 респондента подросткового и юношеского возрастов. Описываются четыре группы респондентов, отличающиеся не только степенью вовлеченности в среду Интернет, но и качественными характеристиками своего отношения к виртуальному контенту.

Изменения условий окружающей среды и факторов, обуславливающих ключевое воздействие на процесс становления личности, спровоцировали появление нового термина — «цифровая социализация», который не только описывает, но и максимально точно характеризует современную молодежь. Однако, несмотря на высокую значимость интернет-среды для подрастающего поколения и ее повсеместное использование, степень и характер вовлеченности в виртуальное пространство не очевидны.

Так, для поиска возможных закономерностей в отношении молодежи к интернет-контенту были опрошены 2051 человек (1004 подростка и 1047 юношей и девушек) с использованием авторской анкеты, позволяющей выделить четыре группы маркеров вовлеченности в среду Интернет, а также опросник А.В. Смирнова «Семантические универсалии информационно-культурной среды» (СДИКС) для изучения особенностей отношения подростков и молодых людей к Интернету.

Далее вся выборка, включая школьников и студентов (объединение было произведено на основании отсутствия статистически значимых различий по изучаемым показателям), была подвергнута двухэтапному кластерному анализу (силуэтная мера связности и разделения кластеров равна 0,65, что соответствует внутренней гомогенности и высокой степени контрастности кластеров). В результате были получены четыре гомогенные группы (кластеры), где в первую группу вошли 16,9% респондентов, во вторую — 44,8%, в третью — 33,7%, в четвертую — 4,6%. При этом первая группа — респонденты с высокой степенью вовлеченности в среду Интернет (из

всех возможных маркеров вовлеченности в среднем в группе обнаруживается 61% маркеров), вторая группа — респонденты средневысокой степени вовлеченности (из всех маркеров представлены 48%), третья группа — респонденты со средне-низкой степенью вовлеченности (обнаруживаются 37% маркеров), четвертая группа — респонденты с низкой степенью вовлеченности в Интернет (в ответах присутствует 20% маркеров).

Для подтверждения обнаруженной закономерности были проанализированы качественные показатели отношения опрошенных к среде Интернет (респонденты оценивали Интернет по 40 характеристикам методом семантического дифференциала). Иерархический кластерный анализ обобщил все 40 характеристик в две однородные группы — позитивные и негативные качества интернет-среды. Многомерный дисперсионный анализ по полученным показателям отношения к виртуальной среде подтвердил, что в четырех кластерах респондентов существуют достоверные различия в оценке этих качеств (След Пилая=0,027 при p=0,043; F_1=2,787 при p=0,040; F_2=3,666 при p=0,012). Так, представители первой группы (высокая степень вовлеченности в Интернет) достоверно более высоко по сравнению со всеми остальными группами оценивают Интернет по его положительным характеристикам и более низко по отрицательным. Подобная пропорциональность в оценках сохраняется во всех кластерах, однако существенно снижаются ее количественные коэффициенты. Анализ ранжированных списков качеств в каждой из групп, также обнаружил их специфику. Так, в первой группе первые три места при оценке Интернета занимают такие качества, как: необходимый, полезный, разнообразный. Во второй — развлекательный, информирующий, разнообразный. В третьей — разнообразный, развлекательный, необходимый. В четвертой — полезный, информирующий, необходимый. Можно предположить, что для респондентов первого кластера виртуальная среда представляет собой пространство реализации активности, для второго и третьего кластеров носит преимущественно развлекательный характер, для четвертого — представляет собой функциональную необходимость.

Таким образом, проведенные математико-статистические процедуры на двух независимых друг о друга методах (анкета и семантический дифференциал) позволяют выделить среди всех опрошенных подростков и юношей потенциальную группу риска — тех

респондентов, которые наиболее вовлечены в виртуальную среду и максимально позитивно относятся к ней и ее контенту. Данная группа состоит из 16,9% респондентов, т.е. примерно каждый шестой подросток или юноша (фактор пола статистический достоверно не является значимым) является потенциально более восприимчивым к воздействиям посредством виртуальной среды.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-29-09512).

ПОТЕРЯ РЕБЕНКА В СЕМЬЕ: ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОДИТЕЛЕЙ КАК УСЛОВИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Т.С. Гольденберг, Е.И. Шлягина

Россия, Москва, Благотворительный проект «Материнство без неврозов»
Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
tatyanagoldenberg@yandex.ru, e.shliagina@gmail.com

Статья затрагивает анализ ряда компонентов личностного потенциала родителей, переживших потерю ребенка. Понимание возможностей личностного потенциала родителей и их семейного уклада рассматривается как отправная точка для совладания с этой трудной жизненной ситуацией. Результаты исследования показали, что наличие личностных ресурсов и диадического копинга в системе семейных отношений оказывают положительное влияние на принятие потери у родителей.

Психологическая травма, связанная с потерей ребенка в результате преждевременных родов или в период беременности, одна из самых тяжелых ситуаций в жизни любой семьи.

Как показывают зарубежные исследования, горюющие родители представляют собой крайне уязвимую группу. Среди них наблюдается высокий риск возникновения аффективных расстройств (Li et al, 2005), более высокой смертности, чем среди родителей, не потерявших детей (Li et al., 2003), более выраженный эмоциональный дистресс (Dyregrov et al., 2003; Wijngaards-de Meij et al., 2008).

М. Штребе предложила модель двойного совладания с тяжелой утратой (Stroebe, Schut, 1999). По мнению исследователей, изучение феномена утраты предполагает использование людьми двух вари-

антов копинга: 1) копинг, ориентированный на потерю; 2) копинг, направленный на восстановление. Копинг, ориентированный на потерю, связан с «работой горя» — с воспоминаниями, размышлениями об умершем человеке, об обстоятельствах и событиях, окружающих смерть близкого. Копинг, направленный на восстановление, представляет собой источник совладания со стрессом.

Смерть ребенка вызывает не только тяжелейшее чувство утраты, горя, депрессии, это также вызов семейному благополучию, семье как целостности. По данным зарубежных исследований, — стресс, возникший вследствие потери ребенка, может разрушить супружеские взаимоотношения и приводит к высоким показателям разводов (Buchi, 2009).

Разница в родительском опыте отцов и матерей способствует порождению различий в переживании опыта утраты родителями, тем самым приводя к разному воздействию стресса на супружескую пару (Wijngaards-de Meij et al., 2008). Мужчины и женщины выражают горе и справляются с потерей разными способами, мужчины чаще, чем женщины, подавляют свои негативные эмоции, а в качестве копинг-стратегии используют избегание (Song et al., 2010). Женщины переживают более серьезный стресс, имеют ярко выраженную депрессивную симптоматику (Wijngaards-de Meij et al., 2008), больше склонны к посттравматическим стрессовым расстройствам и высокой смертности (Song et al., 2010).

Эмоциональная поддержка внутри семейной пары может оказывать благотворное влияние на психическое и физическое здоровье, и стать буфером от негативных воздействий, вызываемых переживанием утраты. Лонгитюдное исследование среди пар, переживших смерть ребенка, показало, что способность супругов разделять эмоции и совместно переживать горе является предиктором существенного посттравматического роста (Buchi, 2009). Целью нашего исследования была попытка подойти к пониманию того, как в семье, потерявшей ребенка, «страдание переплавляется в мудрость» (Ф. Василюк) совладания. И совладание становится источником посттравматического личностного роста.

Наше исследование было проведено на выборке матерей и отцов, перенесших утрату ребенка как в результате преждевременных родов, так и в случаях неудачно завершившейся беременности. В исследовании приняли участие 10 женщин и 3 супружеские пары (28–40 лет).

Специально для этого исследования была разработана анкета, направленная на выяснение информации о ситуации потери ребенка. Среди основного содержания вопросов, можно выделить информацию о принятии ситуации потери; о том, кто оказал наибольшую поддержку в данной ситуации; какие личностные ресурсы были использованы в этой ситуации. Были использованы следующие методики.

Модифицированная методика «Незаконченные предложения» Д.М. Сакса и С. Леви, цель которой заключалась в выявлении сознательных и неосознаваемых установок испытуемых по отношению к семейным ценностям, межличностным отношения в семейной группе. Были использованы следующие предложения: *«Моя семья, для меня это…», «Счастливый брак, это…», «Гармоничные отношения супругов, это…».*

Среди опросных методик в исследовании были использованы:

1. Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, в адаптации Л.И. Вассермана

2. Опросник жизнестойкости С. Мадди, в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой.

3. Тест смысложизненных ориентаций Дж. Крамбо и Л. Махолика, в адаптации Д.А. Леонтьева.

4. Методика исследования самоотношения С.Р. Пантелеева.

5. Методика «Ролевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волковой.

Большой массив полученных результатов позволяет нам выдвигать гипотезу о предикторах совладания с ситуацией потери ребенка. Этими предикторами могут выступать такие факторы, как: наличие значимой супружеской поддержки; такие составляющие личностного потенциала, как высокий уровень жизнестойкости; наличие таких смысложизненных ориентаций, как аутосимпатия, самоуважение; наличие эффективных стратегий совладания; согласованность неосознаваемых установок супругов по отношению к семейным ценностям, взаимопомощи. Главной опорой для женщины в совладании с горем явилось сострадающее участие супруга. В тех случаях, когда испытуемые сообщают об отсутствии поддержки со стороны мужа, принятие потери не произошло.

Многостороннее широкое изучение личностных ресурсов и особенностей родителей, потерявших ребенка, может способ-

ствовать разработке программ психологической помощи и поддержки; программ подготовки, направленных на увеличение психологической компетенции медицинских специалистов в родильных домах, перинатальных центрах. Исследование личностного потенциала родителей, переживших потерю ребенка, продолжается.

1. Василюк Ф.Е. Пережить горе. URL: www.lib.rin.ru/doc/i/15777p.html
2. Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М: Смысл , 2011.
3. Леонтьев Д.А.Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М. Смысл. 2006.
4. Buchi S. Shared on discordant grief in couples 2–6 years after the death of their premature baby: Effects of suffering and posttraumatic growth // Psychosomatics. 2009. Vol. 50 (2). P. 123–130.
5. Dyregrov K., Nordanger D., Dyregrov A. Predictors of psychosocial distress after suicide, SIDS, and accidents // Death Stud. 2003. Vol. 27. P. 143–165.
6. Li J., Laursen T.M. Precht D.H., Olsen J., Mortensen P.B. Hospitalization for mental illness among parents after the death of a child // New England Journal of Medicine. 2005. Vol. 352. P. 1190–1196.
7. Stroebe, M., Schut, H. The dual process of coping with bereavement: Rationale and Description, Death Stud. 1999. Vol. 23. P. 197–224.
8. Song J., Floyd F.J., Seltzer M.M. Long-term effects of child death on parents health related quality of life: A dyadic analysis // Family Relations. 2010. Vol. 59. P. 269.
9. Wingaards-de Meij, Stroebe W., Schut H. Parents grieving the loss of their child: Interdependence in coping // British Journal of Clinical Psychology. 2008. Vol. 47. P. 31–42.

ЖИЗНЕННАЯ УСПЕШНОСТЬ: МЕТАРЕСУРС И ПОКАЗАТЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ

Н.А. Деева

Россия, Краснодар, Краснодарский университет МВД России
natalya_deeva@bk.ru

В статье представлено понимание жизненной успешности с позиций регулятивного и ресурсного подходов как психологического метаресурса со сложной структурно-функциональной организацией: механизм, свойство, состояние. Согласованное функционирование механизмов жизненной успешности, субъектных позиций и эмоциональных состояний является показателем психологического здоровья.

В настоящее время психологическая наука проявляет все больший интерес к проблематике изучения жизненной успешности, что обусловлено взаимосвязью таких особенностей, как: неотъемлемость присутствия данного феномена в человеческом бытие как определителя жизненных координат и границ субъекта; социокультурная и научно-парадигмальная обусловленность содержательного наполнения.

На современном этапе развития общества происходит содержательное изменение феномена жизненной успешности в связи с известными динамическими процессами. В таких неопределенных, изменчивых и перманентно экстремальных условиях человеку необходимо не только выживать и адаптироваться, но и сохранять психологическое здоровье, находить «жизненные координаты» и осваивать новые области, быть эффективным и успешным.

В рамках социально-философского, научно-психологического и практико-прагматического подходов суть успеха и успешности имеет универсальный характер и состоит в достижении субъективно максимального результата наиболее конструктивным путем в процессе соотнесения своей деятельности с духовно-нравственными ценностями и получении при этом наиболее полного эмоционального удовлетворения. Жизненная успешность отражает основные ценностные тенденции и устремления человека и общества и определяет путь становления личности. Наиболее существенными характеристиками являются технологичность и онтологичность. Технологичность раскрывается в том, что жизненная успешность представляет собой процесс достижения цели, выраженной в конкретном результате деятельности, при этом цель и результат должны быть соизмеримыми, эффективными, положительными, подлинными, их соотношение должно быть гибко корректируемым и стратегичным. Онтологичность жизненной успешности заключается в том, что ее основу составляют некие «универсальные» жизненные принципы (правила, ценности, точки опоры), которые даны в человеческом бытие, в основных жизненных сферах. Опора на данные принципы, следование им обеспечивает успешное существование в социальном, профессиональном и личностном планах.

В нашем понимании жизненная успешность представляет собой интегративный метаресурс в системе саморегуляции, суть

которого заключается в рефлексивном соотнесении жизненных целей с результатами субъектной активности в пространстве ценностно-смыслового поля с учетом социокультурных условий и выступает: 1) как совокупность особых рефлексивных механизмов, функционирующих в ценностно-смысловом пространстве личности в иерархической взаимосвязи «цель-ценность-бытие» и направленных на понимание соотношения цели и результата деятельности с учетом их социальной значимости и бытийной осмысленности (рефлексивно-технологический, рефлексивно-аксиологический и рефлексивно-онтологический); 2) как интегральное свойство личности, состоящее из структурно-функциональных блоков личностных качеств, обеспечивающих направленность, волевую регуляцию, рефлексию и социально-психологическую сторону функционирования механизмов жизненной успешности (данные свойства имеют сложные взаимосвязи, обусловленные индивидуально-психологическими, гендерными и возрастными особенностями, такие взаимосвязи представляют собой субъектные позиции личности); 3) как состояние, возникающее в процессе достижения цели и оценивания результата, сопровождающегося позитивным тоном, оказывающим активизирующее влияние на личность. Слаженная работа данных сторон жизненной успешности позволяет человеку ставить и реализовывать подлинные цели, находить смыслы своего существования и осознавать значимость себя и своей деятельности для общества в целом. Данные механизмы, свойства и состояния были выделены на основании теоретического анализа и систематизации, а их наличие и выраженность исследовались эмпирически при помощи авторской методики «Жизненная успешность». Соответственно, сформированность механизмов жизненной успешности, оформленность и содержательная наполненность как интегрального свойства и зрелость состояния определяют особенности ее функционирования как метаресурса в системе саморегуляции, а их слаженная работа является манифестацией психологического здоровья личности.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕКСУАЛЬНОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ «НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ»

М.А. Джерелиевская

Россия, Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова, Факультет психологии
madj@mail.ru

В статье представлены результаты исследования представлений «нового поколения» о сексуальной привлекательности. Сопоставление оценок образа «Я» и сексуально-привлекательной женщины выявили рассогласования, указывающие на недооценку собственной привлекательности у женщин. Обнаруженное несовпадение в представлениях о сексуальной привлекательности представителя другого пола у мужчин и женщин может приводить к внутренним конфликтам и к затруднениям в отношениях с противоположным полом.

В современных исследованиях в России представители «нового поколения», или поколения Z, ассоциируются с теми, кто рожден после 2000 года и охватывает приблизительно период пятнадцать лет (Пищик, 2011). Особенности данного возраста характеризуются, в первую очередь, приобщением к сети Интернет и мобильных технологий. Однако границы между поколениями размыты, так как в качестве оснований для их выделения рассматриваются результаты влияния конкретного социокультурного контекста, исторических коллизий, которые происходят в течение десятилетий, и все родившиеся в этот промежуток времени оказываются участниками происходящего. Соответственно, их личность, особенности образа «Я», смысловые структуры формируются под воздействием актуального опыта взаимодействия с окружающей средой.

Одним из аспектов социализации молодежи является процесс идентификации с представителем своего пола, что находит отражение в представлениях о взаимной сексуальной привлекательности.

С целью изучения сексуальных предпочтений было проведено исследование, раскрывающее характеристики сексуальной привлекательности для «нового поколения». Выборку составили 54 женщины и 50 мужчин в возрасте от 18 до 19 лет, студенты московских вузов.

Респондентам предлагалось оценить себя, сексуально привлекательного мужчину, сексуально привлекательную женщину по заданным биполярным шкалам. Полученные матрицы оценок подверга-

лись факторному анализу методом главных компонент с построением с последующим Varimax-вращением. Использовалась компьютерная программа SPSS v. 21.0. Выделенные факторы, объясняющие от 50,6 до 72,6% общей дисперсии, обозначены с учетом характеристик, имеющих максимальные нагрузки, по каждому фактору.

Обнаружено, что образ «Я» у мужчин при сопоставлении с образом сексуально-привлекательного мужчины, выявлено сходство категорий его составляющих, что может служить индикатором более высокой самооценки в оценке собственной привлекательности. В то же время в образе «Я» и образе сексуально привлекательного мужчины у респондентов-мужчин присутствуют противоречивые тенденции. Так, наличие эмоциональной чувствительности, тонкости соседствует с выносливостью, надежностью (иными словами стрессоустойчивостью), раскрепощенностью. У женщин образ «Я» практически не согласуется с образом сексуально привлекательной женщины. В образе «Я» женщин наиболее важными характеристиками (составляющими доминирующий по весу фактор) являются активность и общительность, творчество и остроумие, а в образе сексуально привлекательной женщины — ухоженность и красота. Это может доказывать, что у женщин данной выборки присутствует недооценка себя в отношении красоты и привлекательности. Кроме того, образ сексуально привлекательной женщины дисгармоничен и противоречив. А именно — смелость и капризность соседствуют с нежностью, тактичностью, мягкостью, что инициирует необходимость как-то их интегрировать, чтобы избежать «расколотость Я».

В целом образ сексуально привлекательного мужчины для женщин ассоциируется, в первую очередь, с умом, добротой, заботливостью, а для мужской выборки он связан с ответственностью, выносливостью, здоровьем. Однако и те и другие выделяют чувствительность, раскрепощенность. В образе сексуально привлекательной женщины для женщин доминируют ухоженность, обаяние, красота, женственность, смелость, капризность, а для мужчин — широта интересов, общительность, проницательность, ухоженность, опрятность, красота. Сходство в представлениях наблюдается в оценке внешней красоты, ухоженности, нежности, тактичности.

Несовпадения в представлениях проявляются в том, что мужчины стремятся быть привлекательными для женщин с опорой на собственные критерии оценки привлекательности (выносливость, ответственность, здоровье). А для женщин важнее — ум, доброта,

забота, воспитанность. Аналогично и женщины, которые с опорой на собственные критерии (ухоженность, обаяние, красота, женственность) стремятся быть привлекательными для мужчин, для которых важнее — широта интересов, общительность, проницательность; хотя ухоженность, опрятность, красоту, нежность они отмечают, но с меньшей значимостью.

В итоге образ сексуально привлекательного представителя другого пола не совпадает у мужчин и женщин, особенно это касается образа мужчины. Таким образом, представители обоих полов фрустрированы в своих ожиданиях найти привлекательного партнера и построить с ним бесконфликтное взаимодействие. Затруднения также возникают и вследствие того, что женщины «комплексуют» по поводу собственной ухоженности и внешности, что лишает их непосредственности в отношениях с противоположным полом. Указанные феномены дисгармоничности представлений являются следствием противоречивых ожиданий социальной среды, в которых происходит личностное и смысловое становление «нового поколения».

1. Пищик В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 80–88.

ВАНДАЛИЗМ КАК ПРИЗНАК НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ В СРЕДЕ

О.В. Кружкова, И.В. Воробьева

Россия, Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет
lorisha@mail.ru, galiat1@yandex.ru

В статье рассматривается явление вандализма как реализации диалога личности с обществом, сигнализирующего о депривации потребностей человека и снижении его ощущения благополучия при жизнедеятельности в среде с определенными функциональными характеристиками. Приводятся результаты исследования городской среды Екатеринбурга и ее характеристик в контексте наличия вандальных повреждений.

Последствия вандальной активности человека в среде распространены и зачастую становятся привычными для жителя любого города. Тем не менее традиционный взгляд на вандализм исключительно как особый вид девиантного поведения и признак «деструктивности» личности его субъекта (Л.С. Ватова, Б.Х. Омаев,

В.Г. Павлов, О.С. Пашутина, В.Ф. Пирожков, А.С. Скороходова и др.) показал свою несостоятельность и фактически исчерпал себя. Многочисленные исследования в этой области показывают, что малые формы вандализма могут встречаться в активности практически любого человека, поскольку зачастую люди просто не осознают предписанные границы нормативной деятельности и переступают через них по неведению или ведомые социальными стереотипами о допустимости незначительных деструкций окружающей их среды. Исходя из этого, вандализм можно понимать как распространение границ субъектности, реализуемой в деятельности и поведении человека, за формально устанавливаемые социумом границы активности субъекта.

В то же время в изучении и понимании вандализма в последние десятилетия достаточно часто прибегают к «теории разбитых окон», описывающей деструкцию среды (естественного или рукотворного характера) как причину вандальных действий субъекта по отношению к ветхой или поврежденной среде. И здесь именно качества среды, а не самого субъекта становятся во главу угла при понимании причин возникновения вандализма. В рамках средовых детерминант вандализм объясняет и теория рутинной активности, предложенная Л. Коэном и М. Фелсоном (Cohen, Felson, 2003). Вандализм, как и иная деструктивная активность, направленная против интересов общества, является результатом реализации появившейся возможности. При этом наличие возможности совершить деструктивное деяние выступает не просто фактором данного деяния, но и его причиной. Авторы теории указывают, что, безусловно, имеют значения и социальные, и психологические, и биологические факторы, связанные с самим субъектом деяния, но наличие возможности выступает определяющим фактором для возникновения вандализма.

Можно предположить, что существуют определенные характеристики среды, являющиеся триггерными факторами, побуждающими вандальную активность субъекта. Для проверки выдвинутого предположения в рамках комплексного исследования вандальной активности молодежи в условиях мегаполиса был проанализирован фактологический материал, полученный при трейс-оценке городской среды (более 6000 фотографий результатов вандальных актов на объектах городской среды на примере г. Екатеринбург).

В результате было обнаружено, что существуют специфические особенности вандальных повреждений для жилых и нежилых зданий мегаполиса. Так, текст, как результат вандальной активности, статистически достоверно чаще ($\varphi = 3{,}81$ при $p < 0{,}01$) наносят на жилые дома (82,4% случаев), чем на здания с иными функциями (74,0%). В то же время рисуночные бестекстовые изображения чаще возникают на нежилых зданиях (31,1%), чем на жилых (23,8%) ($\varphi = 3{,}07$ при $p < 0{,}01$). Можно предположить, что вандальная активность, реализуемая по отношению к зданиям, выполняющим функцию жилья, направлена на донесение определенных смыслов (протеста, несогласия, ощущения несправедливости, симпатии или антипатии по отношению к кому-то, отношения к событиям и пр.) до сведения социального окружения субъекта вандализма. Таким образом человек сигнализирует социальной среде о своих проблемах и потребностях, которые не удовлетворяются по различным причинам. В то же время нежилая среда становится объектом преобразовательной активности человека, который, в том числе посредством вандализма, меняет ее эстетику, приводя ее в соответствие со своими представлениями и вкусами. И здесь вандализм также может выполнять сигнализирующую функцию, но свидетельствует уже не только о проблемах его субъекта, но и о неблагополучии самой среды.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01278).

1. Cohen L., Felson M. Routine Activity Theory // Criminological Theory: Past to Present (Essential Readings) / Ed. by F. Cullen, R. Agnew. Los Angeles, CA, 2003. P. 284–294.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКИХ ОПЕРАЦИЙ КАК СПОСОБ СНИЖЕНИЯ ЧУВСТВА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ У ЛИЦ-ТРАНССЕКСУАЛОВ

С.К. Кумченко

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
kumchenko.s.k@gmail.com

Исследуется связь между осуществлением медицинских операций по коррекции половых признаков тела у лиц-транссексуалов и их субъективным благополучием. С ходом медицинских операций у лиц-транссексуалов повы-

шается уровень субъективного благополучия и реже встречается описание себя в качестве трансгендерного человека, что объясняется обретением контроля над своей жизнью, снижающего гнетущее чувство неопределённости.

Актуальность исследования проистекает из современного интереса общественности к проблемам транссексуальности (White Hughto et al., 2016). Неопределенность общественной реакции на феномен транссексуальности согласуется с субъективной неопределенностью самих лиц-транссексуалов и вдохновляет нас на предпринятое исследование.

Транссексуальность является частным случаем трансгендерности и представляет собой длительное дисфорическое состояние, обусловленное расхождением морфологически представленного пола и гендерного самоопределения, с устойчивым желанием медицинской коррекции половых признаков тела и целью жить в обществе в качестве лица желаемого гендера (Карагаполова, 2017).

Гипотеза исследования: с ходом медицинских операций по коррекции половых признаков тела у лиц-транссексуалов повышается субъективное благополучие и реже встречается описание себя в качестве трансгендерного человека.

В исследовании приняли участие 151 лиц-транссексуалов: 46 человек — «из-мужчины-в-женщину», MtF-транссексуалы (16–52 года, средний возраст — 28 лет); 105 человек — «из-женщины-в-мужчину», FtM-транссексуалы (14–41 лет, средний возраст — 22 года).

В качестве контрольной выборки были исследованы 120 лиц-нетрансгендеров: 40 мужчин (14–55 лет, средний возраст — 26 лет); 80 женщин (18–56 лет, средний возраст — 26 лет).

Измерительный инструмент представлял собой анонимную анкету с методиками: тест М. Куна «Кто Я» в адаптации Румянцевой Т.В. (2006); шкалу удовлетворённости жизнью (ШУДЖ) в адаптации Д.А. Леонтьева (2008). Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи компьютерной программы IBM SPSS Statistics 23.

С ходом медицинских операций по коррекции половых признаков тела у лиц-транссексуалов повышается уровень субъективного благополучия (r-Пирсона = 0,375, $P < 0,01$ для FtM-транссексуалов; r-Пирсона = 0,36, $P < 0,01$ для MtF-транссексуалов) и реже встречается описание себя в качестве трансгендерного человека.

Все лица-транссексуалы на этапе до медицинских операций переживают низкий уровень субъективного благополучия (Т-баллы по ШУДЖ: MtF-транссексуалы — 14,09; FtM-транссексуалы — 16,17), что объясняется гнетущим переживанием неопределенности, актуализируемым при утере чувства контроля над своей жизнью (Тхостов, 2002). Самоописания этих людей в тесте «Кто Я» характеризуются чрезмерной абстрактностью.

MtF-транссексуалы на стадии гормональной терапии имеют низший уровень субъективного благополучия среди всех групп (Т-баллы по ШУДЖ — 11,25), в то время как у FtM-транссексуалов наблюдается подъем уровня субъективного благополучия (Т-баллы по ШУДЖ — 17,68), что объясняется разным влиянием половых гормонов на внешность лиц-транссексуалов. На этой стадии MtF-транссексуалы чаще, чем другие, описывают себя в качестве трансгендерного человека, что объясняется переживанием MtF-транссексуалов этой стадии своего промежуточного, неопределенного положения между мужчинами и женщинами.

FtM-транссексуалы на заключительной стадии медицинских операций достигают меньшего уровня субъективного благополучия по сравнению с MtF-транссексуалами (Т-баллы по ШУДЖ — 19,04 и 21,4 соответственно), что объясняется неразработанностью хирургических операций для FtM-транссексуалов и неопределенностью их дальнейшего будущего. Уровень субъективного благополучия MtF-транссексуалов на заключительной стадии медицинских операций совпадает с таковым у лиц-нетрансгендеров (Т-баллы по ШУДЖ: у мужчин — 21,21; у женщин — 21,82) и сопровождается частыми описаниями собственной сексуальности в тесте «Кто Я», что объясняется актуализацией сексуальной потребности на фоне обретения желаемого тела, повышения уровня субъективного благополучия и снижения стрессогенной неопределенности (Кумченко, 2017).

Почти все лица-транссексуалы на заключительной стадии медицинских операций не описывают себя в тесте «Кто Я» в качестве трансгендерного человека, что объясняется неопределенной смысловой нагруженностью данного описания, неактуального к заключительному этапу транссексуального перехода.

Таким образом, была выявлена связь между осуществлением медицинских операций по коррекции половых признаков тела у

лиц-транссексуалов и их субъективным благополучием. Гендерная дисфория является подтипом чувства неопределенности, преодоление которого возможно при помощи активного отношения к собственной жизни.

1. Карагаполова И.В. Трансгендерность в современной психологии сексуальности // Очерки современной психологии сексуальности: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Кащенко. Издательские решения. Ридеро, 2017. 168 с.

2. Кумченко С.К. Сексуальная самооценка как психологическая категория // Очерки современной психологии сексуальности: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Кащенко. Издательские решения. Ридеро, 2017. 168 с.

3. Рассказова Е.И. Методика оценки качества жизни и удовлетворенности: психометрические характеристики русскоязычной версии // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 81–90.

4. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 288 с.

5. Gómez-Gil E. et al. Hormone-treated transsexuals report less social distress, anxiety and depression // Psychoneuroendocrinology. 2012. Vol. 37 (5). P. 662–70.

6. Gorin-Lazard A., Baumstarck K., Boyer L., Maquigneau A. Hormonal Therapy Is Associated With Better Self-esteem, Mood, and Quality of Life in Transsexuals // Journal of Nervous & Mental Disease. 2013. Vol. 201. № 11.

7. Papadopulos N. et al. Quality of Life and Patient Satisfaction Following Male-to-Female Sex Reassignment Surgery // Journal Sex Med. 2017. Vol. 30.

8. White Hughto J, Reisner S. A Systematic Review of the Effects of Hormone Therapy on Psychological Functioning and Quality of Life in Transgender Individuals // Transgend Health. 2016. Vol. 1 (1). P. 21–31.

ВЕРОЯТНОСТЬ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ СОБЫТИЙ В КЛИНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОШИБОЧНЫХ РЕШЕНИЙ

А.Ф. Сокол, Р.В. Шурупова

Израиль, Беэр- Шева. Израильская Независимая Академия развития науки
Россия, Москва. Первый Московский Государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова
akraisa@gmail.com

Обсуждаются врачебные ошибки в условиях неопределенности. На основе концепции Д. Канемана рассмотрены ошибки репрезентативности, ошибки, вызванные когнитивной легкостью, эффект подмены, ошибочная когерентность, ошибочная оценка регрессии к среднему.

Ежегодно во всем мире совершаются 43 млн медицинских ошибок (Лудупова, 2016). Обобщая данные литературы (Групмэн, 2008;

Ригельман, 1994) и собственные исследования (Сокол, Шурупова, 2015), считаем возможным выделить некоторые особенности врачебных ошибок нашего времени: 1) частота врачебных ошибок существенно не зависит от качества медицинской помощи в отдельно взятой стране; 2) частота врачебных ошибок не уменьшается с ростом и прогрессом технологической оснащенности лечебных учреждений; 3) частота врачебных ошибок не уменьшается в связи с прогрессом педагогической науки и технологии обучения будущих врачей и последипломного образования.

Ведущей причиной врачебных ошибок является природное свойство человека принимать неверные решения. Еще за 50 лет до н. э. родилось выражение: «Errare humanum est» (человеку свойственно ошибаться).

Врачебная деятельность, связанная с принятием решений в условиях неопределенности, всегда чревата ошибками и заблуждениями.

В настоящем сообщении приведены некоторые психологические механизмы врачебных ошибок и искажений (ошибок, совершаемых по шаблону) на основе концепции лауреата Нобелевской премии Д.Канемана (Канеман, 2015). В монографии одного из авторов (Сокол, 2017) и в наших публикациях (Сокол, Шурупова, 2017, 2018) имеются многочисленные примеры когнитивных ошибок в клинической практике.

Ошибки репрезентативности. Репрезентативность — предсказание, основанное на сходстве со стереотипами. Гипергликемия при сахарном диабете требует повышения дозы инсулина. Гипергликемия при хронической передозировке инсулина устраняется путем снижения дозы вводимого инсулина. Между тем, по привычному стереотипу, врачи в последнем случае увеличивают дозу инсулина. Типичная ошибка репрезентативности.

Когнитивная легкость. Это способность извлекать из памяти впечатления, узнаваемые предметы и явления. В режиме мыслительной деятельности различают условные Системы 1 и 2. Системе 1 свойственно делать поспешные выводы на основе интуиции и первого впечатления.

Эффект подмены. Суть эффекта подмены заключается в подмене целевого вопроса более легким, ответ на который рассматривается как ответ на целевой вопрос. При болях в грудной клетке

вместо вопроса «чем вызвана боль?» задается вопрос «есть ли у больного инфаркт миокарда?». При отрицательном ответе снижается интерес к поиску других причин болевого синдрома.

Ошибочная когерентность. Когерентность — свойство увязывать между собой события. Система 1 мыслительной деятельности способна увязывать между собой случайные события. Пример: в клинике в течение двух месяцев зафиксированы три случая анафилактического шока. Администрация больницы расценила эти случаи как дефекты в работе персонала. Однако речь шла о случайном совпадении однородных событий.

Ошибочная оценка регрессии к среднему. В клинической практике многое происходит в результате случайных колебаний или изменения определенных событий, которым врач в силу каузальности нашего мышления дает причинную интерпретацию. Однако при повторении определенных событий наблюдается некий усредненный результат (регрессия к среднему). «Феномен регрессии чужд человеческому разуму…Регрессия распространена повсеместно, но мы ее не узнаем. Она прячется на виду» (Канеман, 2015).

Понимание психологических механизмов ошибочных суждений в условиях неопределенности может способствовать оптимизации врачебной работы.

1. Групмэн Д. Как думают доктора? М.: ЭКСМО, 2008. 320 с.

2. Лудупова Е.Ю. Врачебные ошибки. Литературный обзор // Вестник Росздравнадзора. 2016. № 2. С. 6–15.

3. Ригельман Р. Как избежать врачебных ошибок. М.: Практика, 1994. 126 с.

4. Сокол А.Ф. Когнитивные ошибки в клинической практике. Беэр-Шева: ИНАРН, 2017. 247 с.

5. Сокол А.Ф., Шурупова Р.В. Грани личности врача: клинические и социологические аспекты. Беэр-Шева: ИНАРН, 2015. 282 с.

6. Сокол А.Ф., Шурупова Р.В. Эффект фрейминга и его влияние на принятие решений в медицине (по концепции Д. Канемана и А.Тверски) // Медицинский совет. 2017, № 6. С. 166–168.

7. Сокол А.Ф., Шурупова Р.В. Психологические механизмы врачебных ошибок: социологические аспекты // Медицинский совет. 2018. № 6. С. 162–164.

«СЕМЕЙНАЯ БОЛЬ» У ЛИЦ, ВЫРОСШИХ В СОВРЕМЕННОЙ АЛКОГОЛЬНОЙ СЕМЬЕ

А.С. Спиваковская, А.М. Луценко

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
beatum@bk.ru, lutscenko.anna@mail.ru

Статья содержит описание феномена «семейная боль» у лиц, выросших в современной алкогольной семье. Феноменологический анализ высказываний 40 участников реабилитационной программы «Взрослые дети алкоголиков» позволил показать, что родственники зависимых, находящиеся в начале реабилитационного процесса, переживают «семейную боль», включающую чувство вины, обиды и жалости к себе по поводу поведения больного родственника.

Современные исследования клинической и семейной психологии показывают, что в связи с развитием цифрового общества происходят преобразования семейной системы, включающие изменения семейных коммуникаций (возможность постоянно «быть на связи с родственниками», сочетающаяся со снижением потребности в непосредственном общении), распределения семейных ролей и функций (Емелин, Рассказова, Тхостов, 2016; Васягина, Мазарчук, 2018). В связи с данными изменениями становится актуальной проблема изучения эмоциональных процессов, происходящих в семье, в частности изучение феномена «семейная боль» в дисфункциональных семьях. Вирджиния Сатир выделяла два вида семейной боли: состояние, возникающее в результате осознания семейных проблем, и чувство вины и подавленности в связи с событиями семьи (Сатир, 1992).

Цель данного исследования — изучение феномена «семейная боль» у лиц, выросших в современной алкогольной семье. Объект исследования — особенности эмоциональной сферы родственников больных алкоголизмом, а предмет — феномен «семейная боль» у взрослых психически здоровых лиц, выросших в алкогольных семьях. Гипотеза исследования: 1) Лица, выросшие и проживающие в алкогольной семье, переживают «семейную боль» в связи с актуальным состоянием зависимого родителя.

В ходе исследования был проведен феноменологический анализ стенограмм записей открытых встреч реабилитационной 12-шаговой программы «Взрослые дети алкоголиков», в которых принимали участие 40 человек (28 женщин и 12 мужчин в возрасте от 18 до

45 лет), выросших и проживающих на момент исследования в семье с родителем с диагнозом «алкоголизм». Все участники находились на начальном этапе реабилитационного процесса (от 0 до 3 месяцев с начала участия в программе). Информация, упомянутая в исследовании, печатается с разрешения участников сообщества ВДА.

В результате феноменологического анализа был выделен ряд особенностей переживания «семейной боли» лицами, выросшими и проживающими в алкогольных семьях, находящимися на начальном этапе реабилитационного процесса: 1) все участники испытывали «семейную боль» в результате ежедневного наблюдения за болезнью родителей и вовлечением в участие семейной системы; 2) «семейная боль» описывалась участниками как недифференцированное эмоциональное состояние, для его описания использовались метафоры «тяжелой ноши» и «давящего камня на груди»; 3) описание семейной боли было связано как с текущей ситуацией в семье, так и с воспоминаниями участников и включало описание чувства вины, обиды и жалости к себе; 4) некоторые участники, хотя и переживали «семейную боль», считали необходимым искать способы выхода из данного состояния и описывали эффективные способы справиться с ним: ведение дневника, участие в работе реабилитационной программы, обсуждение своих переживаний с другими людьми.

Таким образом, все участники реабилитационной программы «ВДА», выросшие и проживающие в современной алкогольной семье, на начальном этапе участия в программе переживают «семейную боль», включающую чувство вины, обиды и жалости к себе в связи с событиями семьи в настоящем. При описании эффективных способов работы с переживанием «семейной боли» участники выделяют ведение дневника, активное участие в работе программы, возможность обсуждать свои переживания с другими людьми.

1. Васягина Н.Н., Мазарчук Е.О. Становление понятия «семья» в отечественной и зарубежной науке // Психологические проблемы современной семьи: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции / Под ред. О.А. Карабановой, Н.Н. Васягиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. С. 54–57.

2. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Информационные технологии в структуре идентичности человека: возможности и ограничения рисуночной методики // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2016. Т. 9. № 45. С. 3.

3. Сатир В. Психотерапия семьи. М.: Институт общегуманитарных исследований, 1992.

СВЯЗЬ АКТУАЛЬНОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ВРЕМЕНИ В НОРМЕ И ПРИ ДЕПРЕССИЯХ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

А.С. Спиваковская, А.С. Четкина

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
Aschetkina93@gmail.com

Работа посвящена изучению влияния актуального эмоционального состояния, смоделированного в эксперименте, на переживание времени в норме и при депрессиях юношеского возраста. Показано, что экспериментально смоделированное эмоциональное состояние приводит к увеличению актуализированных событий на линии жизни в группе нормы, тогда как при депрессии юношеского возраста не изменялось общее количество актуализированных событий.

Работ, посвященных изучению влияния эмоционального состояния на восприятие и переживание времени, не так много (Droit-Volet, Meck, 2007; Droit-Volet, 2013; Lui, Penney, Schirmer, 2011). Во многом они восходят к фундаментальной для психологии проблеме взаимодействия аффекта и интеллекта. Данные исследования связаны с изучением роли эмоциональных процессов в протекании когнитивных, а также с изучением «обратного» влияния, в связи с чем можно рассмотреть проблему влияния эмоциональных процессов на когнитивные, как влияние эмоций на переживание времени. Наше исследование посвящено изучению влияния актуального эмоционального состояния (смоделированного в эксперименте) на переживание времени в норме и при при депрессиях юношеского возраста. Представляет интерес изучить, будут ли положительные и отрицательные эмоции, смоделированные «здесь и сейчас», эмоции настоящего момента, изменять характер переживания времени как в норме, так и при расстройствах аффективного спектра. Специфика экспериментальной модели заключалась в том, что у участников исследования формировался определенный эмоциональный фон (положительный — на примере переживания ситуации успеха, отрицательный — неудачи), после чего изучались особенности переживания времени (в аспекте особенностей актуализации событий жизни на временной оси линии жизни). Для формирования ситуаций успеха и неуспеха участники выполняли модифицированные методики на уровень

притязания, после чего экспериментатор использовал прием ложного сообщения результатов, завышая их (ситуация успеха) или занижая (ситуация неуспеха). В качестве методик на уровень притязания использовались модифицированные методики Кубики Кооса и Счет по Крепелину (Гаранян, 1986). После формирования эмоционального состояния исследовались особенности переживания времени, для чего использовалась модификация методики «Life-line» (Кроник, 1993).

В исследовании на добровольной основе приняли участие 54 человека. Из них группу нормы составили 35 человек (средний возраст 20,4), клиническую группу 19 человек (средний возраст 21,05). Все участники клинической группы страдали расстройствами депрессивного спектра, исследование проводилось в первые дни после поступления в начале медикаментозного лечения. В данном исследовании депрессивные расстройства рассматриваются как естественное, а не смоделированное в эксперименте, негативное эмоциональное состояние.

Проводилась статистическая обработка данных по критерию Манна-Уитни, при которой осуществлялось сравнение результатов клинической группы и группы нормы. В ходе исследования были получены следующие статистически значимые ($p<0,05$) результаты.

В группе нормы экспериментально смоделированное эмоциональное воздействие ведет к актуализации большего количества событий, чем в случае его отсутствия. Положительное эмоциональное состояние, смоделированное в эксперименте, ведет к актуализации преимущественно положительных событий жизни, отрицательное эмоциональное состояние — отрицательных.

Данные результаты указывают на то, что актуальное состояние эмоционально-потребностной сферы может определять характер актуализации событий на линии жизни, т.е. люди воссоздают события прошлого, исходя из своего нынешнего состояния. Общее же увеличение количества актуализируемых событий при эмоциональном воздействии можно объяснить общей активацией организма, которая происходит при эмоциональном воздействии, что может вести к увеличению интенсивности когнитивных процессов, в частности к увеличению продуцируемых событий на линии жизни.

При депрессиях юношеского возраста было показано, что нет статистически значимых различий по общему количеству актуа-

лизированных событий, а также как положительных, так и отрицательных событий между подгруппой, в которой формировалось эмоциональное состояние, и подгруппой без него.

Значит, экспериментальное моделирование эмоционального состояния не ведет к увеличению актуализируемых событий, как положительных, так и отрицательных при депрессии юношеского возраста. Эмоциональные нарушения при депрессии выражены, прежде всего, в преобладании двух видов аффектов: дисфорического и апатического (Смулевич, 2001). Преобладание негативного аффекта, как ведущего, может распространяться на актуализацию событий оси жизни. Преобладающий негативный аффект не дает смоделированному в эксперименте положительному эмоциональному состоянию влиять на переживание времени, вследствие чего не происходит увеличения положительных событий на линии жизни, как этот было показано на группе нормы. Данные результаты указывают и на особую важность работы с негативным аффективным состоянием при психотерапии данных расстройств, так как основываясь на результатах, представляется возможным предположить, что за счет преобладания негативного аффекта, вызванного заболеванием, будет наблюдаться сниженная восприимчивость к событиям внешнего мира, в том числе эмоционально окрашенным. Данное предположение является интересной перспективой продолжения исследования.

1. Гаранян, Н.Г. Соотношение положительных и отрицательных эмоций у больных шизофренией: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 1986. 23 с.

2. Кроник, А.А. «LifeLine и другие новые методы психологии жизненного пути.» М.: Прогресс (1993)

3. Смулевич А.Б. Депрессии в общей медицине. М.: Медицинское информационное агентство, 2001.

4. Droit-Volet S. Time perception, emotions and mood disorders // Journal of Physiology-Paris. 2013. Vol. 107 (4). P. 255–264.

5. Droit-Volet S., Meck W.H. How emotions colour our time perception // Trends in Cognitive Sciences.2007. Vol. 11. P. 504–513.

6. Lui M.A., Penney T.B., Schirmer A. Emotion effects on timing: attention versus pacemaker accounts // PloS one. 2011. Vol. 6 (7). P. e21829.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ЛИЧНОСТИ НА НИХ ВЛИЯТЬ

Н.Д. Творогова, К.В. Кулешова

Россия, Москва, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова
n.tvorogova@gmail.com

В современном общепринятом определении индивидуального здоровья ведущим понятием является «состояние благополучия» (состояния физического, психического, социального благополучия). На примере состояния женщины в период значимых для нее перемен (период ее беременности), для которого характерна большая неопределенность, показана возможность женщины влиять на эти свои состояния путем самоактуализации и самореализации одной из своих родовых сущностей.

В последние десятилетия наряду с *патоцентристским подходом* (борьба с болезнями) утверждается и *саноцентристский подход* (направленность на здоровье и его обеспечение). Своеобразной революцией в понимании здоровья стало его определение, записанное в уставе ВОЗ (1948). В Федеральном законе РФ № 323-ФЗ также записано: «*здоровье — состояние физического, психического и социального благополучия, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма*». Из современного общепринятого определения здоровья следует, что можно не иметь никаких болезней и не быть здоровым.

Исполком ВОЗ в январе 1998 г. предложил уточнить определение здоровья, записанное в Уставе ВОЗ, введя в него и «состояние духовного благополучия» (Резолюция EB101.R2); однако эта формулировка пока еще не принята Ассамблеей и государствами-членами, не вступила в силу.

Здоровье как состояние благополучия — это некая для человека возможность, в пределах которой он реализовывает свои желания, приспосабливается к окружающей среде и изменяет ее. Предметом специального изучения становятся психические состояния благополучия/неблагополучия (*психического, социального*) и факторы, на них влияющие; изучается *субъективное состояние физического благополучия/неблагополучия*, введено понятие «здоровая личность».

Известно, что *здоровая личность* отличается от «нормальной», у которой отсутствуют психические расстройства. Здоровая личность в контексте процесса непрерывных изменений характеризу-

ется в качестве субъекта влияния внутренних и внешних факторов (включая биологическую предрасположенность, социальный опыт и меняющиеся обстоятельства окружающей среды). Выявлены ресурсы и технология управления личностью своим состоянием социального благополучия (Творогова, 2002), которое взаимосвязано с состоянием физического благополучия.

Концепция безопасного материнства, сформулированная в 1980-х годах ВОЗ как совокупность мероприятий, способствующих рождению желанных детей без отрицательного влияния на здоровье женщин, в нашей стране реализуется в форме федеральной целевой программы «Безопасное материнство». Традиционно при психологическом изучении беременности внимание уделяется различным аспектам адаптативного/дезадаптивного развития (психофизиологического, психосоциального) женщины, а также болезням дезадаптации (эти аспекты преимущественно находятся в центре внимания медицинских психологов). В своем исследовании К.В. Кулешова (2017) рассматривала беременность как возможный этап процесса самоактуализации и самореализации, в котором реализуется родовая сущность женщины. В исследовании были использованы принципы неклассического сектора современной психологической науки (Зинченко, 2011). Теоретическую основу исследования составили: а) теория самоактуализации А. Маслоу и модель самореализации Д.А. Леонтьева; б) теоретическая модель психологии здоровья (Творогова, 2001, 2016); в) биопсихосоциальный подход к перинатальной психологии И.В. Добрякова. Эмпирической базой исследования послужила клиника акушерства и гинекологии Первого МГМУ имени И.М. Сеченова. По результатам проведенного исследования женщина в период своей беременности может: а) личностно адаптироваться к ней; б) выйти из этого состояния, приняв решение об аборте; в) оставив беременность, личностно не смириться с ней; г) приобрести черты, свойственные самоактуализирующимся личностям, что будет свидетельствовать о ее здоровом развитии в этот период. Гипотеза о существовании связи между хронологическим возрастом женщины и зрелостью ее личности в период беременности не подтвердилась. Таким образом, состояние психического и социального, духовного благополучия, позволяющее актуализировать свои индивидуальные возможности (итоговая резолюция III Всероссийского Форума «Здоровье нации — основа процветания России», 2007), не возникает авто-

матически, к нему должен приводить процесс здорового развития личности, у которой есть ресурс этим процессом управлять (иногда при поддержке профессионального психолога). Период беременности, характеризующийся большой неопределенностью, позволяющей женщине делать те или иные выборы, может стать для ее личности благом, периодом, когда она открывает в себе новые возможности.

ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗИ ЛОКУСА КОНТРОЛЯ И СКЛОННОСТИ К АГРЕССИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ У ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ВОДИТЕЛЕЙ

А.И. Четверикова, В.В. Ермолаев

Россия, Москва, АО «Московская областная энергосетевая компания»
Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет
alenachetverikova@yandex.ru, evv21@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования связи локуса контроля и склонности к агрессивному поведению у профессиональных водителей. В исследовании принимали участие 84 профессиональных водителя, со стажем вождения от 4 до 44 лет и наездом от 30 000 до 120 000 км в год

Наличие трудностей в обеспечении безопасности дорожного движения в современном мире ни у кого не вызывает сомнений. Изменение требований к обучению профессиональных водителей, введение новых законодательных мер за те или иные нарушения или вовлечение активных граждан в процесс контроля поведения водителей грузового и общественного транспорта, несомненно, оказывают свое положительное влияние. Вместе с тем статистика дорожно-транспортных происшествий все еще остается практически на прежнем уровне и указывает на междисциплинарный характер проблемы, который обусловливает необходимость поиска комплексных решений с учетом психологических особенностей самих водителей: диагностики причин демонстрации агрессивного поведения и поиска путей оптимизации их психических состояний.

Результаты проведенных ранее нами исследований свидетельствуют, что у водителей, участвовавших в двух и более дорожно-транспортных происшествиях, легко возникает эмоциональное возбуждение, повышена раздражительность, преобладает негативный

эмоциональный тон. Одной из причин длительного переживания подобного состояния может быть непринятие на себя ответственности за события своей жизни, а также стремление делегировать её обстоятельствам и другим людям (Ермолаев, 2018).

В связи с этим целью нашего исследования являлось установление возможной связи локуса контроля и склонности к агрессивному поведению при управлении транспортным средством у профессиональных водителей. Гипотезой исследования выступило предположение о связи показателей локуса контроля в производственных и межличностных отношениях с показателями склонности к агрессивному поведению при управлении транспортным средством, а именно: чем ниже локус контроля в производственных и межличностных отношениях, тем выше склонность к агрессивному поведению при управлении транспортным средством (вербальная, физическая, инструментальная агрессия, рискованное и агрессивное вождение).

Численность выборки составила 84 человека в возрасте от 23 до 63 лет со стажем вождения от 4 до 44 лет и наездом от 30 000 до 120 000 км в год.

В качестве диагностического инструментария применялись: тест-опросник субъективного контроля Дж. Роттера, опросник J.L. Deffenbacher и R.S. Lynch (Deffenbacher, 2002) «Driving Anger Expression Inventory» — методика измерения внешнего выражения эмоции гнева у водителей, опросник C.S. Dula (Dula, Geller, 2004) «Dula Dangerous Driving Index», направленный на диагностику опасного вождения (негативные когнитивные или эмоциональные реакции в ситуации вождения, агрессивное вождение, рискованное вождение, вождение в нетрезвом состоянии).

Связь оценивалась с помощью непараметрического критерия ранговой корреляции Спирмена в программе SPSS Statistics 22.

В результате статистического анализа данных были выявлены статистически значимые обратные связи между показателями локуса контроля в производственных отношениях и рискованным вождением ($r_s = -0{,}511$ для уровня значимости $\alpha = 0{,}05$), показателями локуса контроля в производственных отношениях и инструментальной агрессией ($r_s = -0{,}514$ для $\alpha = 0{,}05$), показателями локуса контроля в межличностных отношениях и инструментальной агрессией при управлении транспортным средством ($r_s = -0{,}628$ для $\alpha = 0{,}01$). Следовательно, чем ниже у водителя локус контроля

в производственных отношениях, тем более он склонен к рискованному вождению и тем чаще он использует транспортное средство для выражения своей агрессии, и чем ниже у водителя локус контроля в межличностных отношениях, тем чаще он использует транспортное средство для выражения своей агрессии.

Таким образом, наше предположение о том, что непринятие ответственности в производственных и межличностных отношениях способствует выражению агрессивных импульсов на других водителях, подтвердилось.

1. Ермолаев В.В., Четверикова А.И., Воронцова Ю. О роли неравновесных психических состояний водителя и рисках при управлении транспортным средством // Психология обучения. 2018. № 2. С. 134–143.

2. Deffenbacher J.L., Lynch R.S., Oetting E.R., Swaim R.C. The Driving Anger Expression Inventory: A measure of how people express their anger on the road // Behaviour Research and Therapy. 2002. № 40. P. 717–737.

3. Dula C.S., Geller E.S. Risky, aggressive, or emotional driving: addressing the need for consistent communication in research // Saf. Res. 2004. № 34. P. 559–566.

РЕГУЛЯТОРНЫЕ ФУНКЦИИ И РИСК РАЗВИТИЯ ПРЕНАТАЛЬНОЙ ДЕПРЕССИИ

В.А. Якупова

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
vera.a.romanova@gmail.com

По статистике, в европейских странах 10–15% женщин подвержены послеродовой депрессии. Это означает, что в России в 2017 году около 200–250 тысяч женщин столкнулись с депрессией после рождения ребенка. Наиболее высок риск развития послеродовой депрессии у женщин, которые во время беременности имели эпизод пренатальной депрессии. Профилактика и терапия депрессии, связанной с рождением ребенка, являются значимой социальной проблемой.

В нашем исследовании получены данные о связи низкого уровня развития регуляторных функций с риском пренатальной депрессии.

Пренатальная депрессия оказывает влияние не только на психологическое благополучие матери, но и на нейробиологическое развитие ребенка (Lebel et al., 2015). Вероятность возникновения послеродовой депрессии выше у женщин, которые демонстри-

ровали признаки депрессии во время беременности (McMahon et al., 2015).

Исследования говорят о том, что в развитии депрессии немаловажную роль играют когнитивные особенности женщины, такие как склонность фиксировать внимание на негативных событиях (DeJong et al., 2016). Трудности эмоциональной регуляции также могут лежать в основе депрессии (Marques et al., 2018). Описанные когнитивные особенности напрямую связаны с развитием регуляторных функций (LeMoult et al., 2018).

Рождение ребенка является серьезным необратимым изменением, кардинально изменяющим жизнь женщины (Пайнз, 1997), следовательно, когнитивная гибкость и способность приспосабливаться к этим изменениям, может потребоваться во время перехода к материнству. Когнитивная гибкость включает осознание, что в ситуации доступны разные варианты действий, готовность адаптироваться к ситуации и убеждение, что можно быть гибким (Martin, Rubin, 1995).

Цель исследования: комплексное изучение феномена послеродовой депрессии, выделение групп риска ее развития на этапе беременности.

Выборка: 348 женщин второго и третьего триместра беременности (из них 141 первородящая и 207 повторнородящих). Средний возраст 32 года. 338 участниц находились в официальном или гражданском браке.

Методики: Эдинбургский опросник послеродовой депрессии Edinburgh Postnatal Depression Scale (EPDS) (Cox et al., 1987), опросник «Стиль переживания беременности» (Г.Г. Филиппова, 2002), Опросник удовлетворенности супружескими отношениями Couples Satisfaction Index (CSI) (Funk, Rogge, 2007), тест на когнитивную гибкость Cognitive Flexibility Scale (CFS) (Martin, Rubin, 1995).

Результаты: в группу риска развития пренатальной депрессии входят женщины с низким уровнем развития когнитивной гибкости. Женщины с высоким уровнем развития когнитивной гибкости испытывают меньше тревоги по поводу предстоящих в жизни перемен, связанных с появлением ребенка. Уровень развития ког-

нитивной гибкости значимо связан с высокой удовлетворенностью супружескими отношениями.

В исследовании был успешно апробирован тест на когнитивную гибкость.

Исследование выполнено в рамках реализации РФФИ, проект № 18-313-00051

1. Пайнз Д. Бессознательное использование своего тела женщиной. СПб.: Восточно-Европейский ин-т психоанализа. 1997. 198 с.

2. Филиппова Г.Г. Психология материнства: Учеб. пособие. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. 240 с.

3. Cox J.L., Holden J.M., Sagovsky R. Detection of postnatal depression: development of the 10-item Edinburgh Postnatal Depression Scale // The British Journal of Psychiatry. 1987. Vol. 150. P. 782–786.

4. DeJong H., Fox E., Stein A. Rumination and postnatal depression: A systematic review and a cognitive model // Behaviour Research and Therapy. 2016. Vol. 82. P. 38–49.

5. Funk J.L., Rogge R.D. Testing the ruler with item response theory: Increasing precision of measurement for relationship satisfaction with the Couples Satisfaction Index // Journal of Family Psychology. 2007. Vol. 21. P. 572–583.

6. Lebel C. et al. Pre- and post-partum maternal depressive symptoms are related to children's brain structure in preschool // Biological Psychiatry. 2015.

7. LeMoult J., Gotlib I.H. Depression: A cognitive perspective // Clinical Psychology Review. 2018. (in press).

8. Marques R., Monteiro F., Canavarro M.C., Fonseca A. The role of emotion regulation difficulties in the relationship between attachment representations and depressive and anxiety symptoms in the postpartum period // Journal of Affective Disorders. 2018. Vol. 238. P. 39–46.

9. Martin M.M., Rubin R.B. A new measure of cognitive flexibility // Psychological reports. 1995. Vol. 76. P. 623–626.

10. McMahon C., Boivin J., Gibson F.L., Hammarberg K., Wynter L., Fisher J. Older maternal age and major depressive episodes in the first two years after birth: Findings from the Parental Age and Transition to Parenthood Australia (PATPA) study // Journal of Affective Disorders. 2015. Vol.175. P. 454–462.

10.
ЛИЧНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ В XXI ВЕКЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ

О.А. Беляева

Россия, Ярославль, ФГБОУ ВО Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
olga-alekseevna@mail.ru

Представленные материалы базируются на результатах мониторингового исследования учебной мотивации и отношения старшеклассников к обучению на ступени среднего общего образования; выявлены устойчивый приоритет мотивов самореализации школьников, высокая значимость их запроса на формирование спектра метапредметных компетенций: регулятивных, информационных, познавательных и коммуникативных.

В контексте деятельностного подхода, являющегося методологической основой ФГОС, особое внимание должно уделяется качеству образования, которое, в частности, расценивается как уровень специфических, метапредметных умений, связанных с самоопределением и самореализацией личности. Принципиальная значимость данного аспекта проявляется именно в работе со старшеклассниками, которые в силу специфики возраста решают целый спектр задач жизненного самоопределения: выбора дальнейших образовательных и профессиональных планов, формирования системы ценностей, мировоззрения, убеждений, идеалов, размышлений о смысле жизни.

Организация обучения на уровне среднего общего образования, ориентированная на профилизацию, предоставление возможности учащимся реализовывать индивидуальный образовательный маршрут с учетом выбора определенной части урочной, внеурочной, проектно-исследовательской деятельности в школе, ставит перед педагогами вопросы изучения запроса школьников для определения актуальных направлений работы, форм их занятости.

Результаты мониторингового исследования характера учебной мотивации, в котором приняли участие 118 десятиклассников МОУ СШ № 59 г. Ярославля 2014–2018 гг., и данные о независимой

оценке удовлетворенности старшеклассниками процессом обучения и воспитания в школе подтверждают важность использования форм и методов организации учебной и внеучебной деятельности, направленных на обеспечение самореализации школьников. Согласно данным диагностики, полученным с помощью методики «Комплексный опросник мотивации» (Карпова, 2007), среди всего комплекса мотивов именно мотив самореализации имеет максимальную значимость для обучающихся. Приоритетность данной позиции в структуре учебной мотивации доказана статистически (t Стьюдента = 4,5, $p \leq 0,01$ между мотивом самореализации, занимающим первое место в иерархии и у юношей, и у девушек, и показателями внутренней мотивации, занимающими в обеих группах вторую позицию).

По результатам структурного анализа совокупности показателей, по которым ученики оценивали работу образовательного учреждения, в качестве наиболее весомых выявлены: обучение способам постановки целей и поиску вариантов достижения желаемых результатов, навыкам поиска информации, планирования, различения главного и второстепенного, приучение к тщательному обдумыванию ситуации перед принятием решения. Соответственно, сами учащиеся в «запросе» к общеобразовательному учреждению определяют особую значимость создания в школе условий для формирования и развития их метапредметных компетенций.

Крайне высок интерес школьников к нестандартным, нетрадиционным, интерактивным способам организации урока и внеурочных занятий. Стереотипные, шаблонные задания вызывают явный негатив и сопротивление: мотивы, связанные с комплексом «стереотипий», по результатам опроса старшеклассников занимают последнее место в иерархии (значимость различий между мотивами самореализации и мотивационными стереотипиями: $t = 7,5$, $p \leq 0,01$ — для девушек, $t = 6,2$, $p \leq 0,01$ — для юношей). Обеспечение хорошего уровня усвоения знаний за счет интересного и современного преподавания учебных предметов, организация учебной деятельности с учетом интересов и способностей каждого ученика — это ведущие ценности, которые, по мнению опрошенных, должна обеспечить «хорошая» школа.

Стоит отметить значение, которое придается школьниками коммуникативному аспекту: безопасность, эмоциональный ком-

форт во взаимоотношениях с педагогами и сверстниками ценятся высоко; мотивы учебного сотрудничества продолжают оставаться важными, задачи формирования умений адекватно общаться в разных ситуациях признаются личностно-значимыми.

Таким образом, старшеклассники ярко демонстрируют запрос к организации обучения на уровне среднего общего образования с максимальным учетом индивидуальных образовательных потребностей и внеучебных интересов, в ориентире на активные и интерактивные формы работы, направленные на формирование метапредметных компетенций, способных стать фундаментом их дальнейшего самообразования, профессионально-образовательного выбора и в целом определения собственных жизненных перспектив.

1. Карпова Е.В. Структура и генезис мотивационной сферы личности в учебной деятельности. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2007. 570 с.

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА В ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ.

И.К. Биткина

Россия, Волгоград, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоградский институт управления-филиал
bitkinai@rambler.ru

В статье содержатся результаты исследования влияния особенностей психологического типа личности преподавателя на организацию учебной деятельности. Обобщены существующие подходы к классификации типов личности, показаны особенности деятельности преподавателей с разным психологическим типом при чтении лекций, проведении практик и экзаменов.

Основным направлением профессиональной деятельности преподавателя вуза являются подготовка и проведение различных занятий со студентами. При этом основная задача состоит в повышении их эффективности как для обучающихся, так и для самого преподавателя. Вышесказанные обстоятельства указывают на необходимость учета психологических особенностей обучающихся и психологическо-педагогических особенностей преподавателя при подготовке и проведении различных форм занятий в вузе.

Покажем, каким образом приведенные психологические типы личности **преподавателя** влияют на выбираемые формы проведения занятий со студентами:

1) *Лекция.*

Выбор конкретной формы лекции, очевидно, зависит от психолого-педагогического типа личности преподавателя. Так, организация «обратной связи» со студентами (проведение лекций не в режиме представления информации «под запись», а в форме «вопрос-ответ») больше характерна для преподавателей холериков и сангвиников (объясняется особенностями ЦНС), визуализация будет использована преподавателями дигиталами и визуалами (в то время как аудиалы и кинестетики будут обходиться без нее), при этом дигиталы будут ориентированы на представления числовой и графической информации, а визуалы — иллюстративного материала и логических схем.

2) *Практические (семинарские) занятия.*

Психолого-педагогические особенности преподавателя проявляются здесь при решении таких вопросов, как выбор формы проведения практического задания (традиционная, активная или интерактивная), характер представляемых заданий для учащихся (задачи, доклады, проблемные ситуации, деловые игры и т.д.), степень вмешательства в деятельность учащихся при проведении семинарского занятия. Так, при рассмотрении такой характеристики личности, как тип темперамента, можно выделить следующие особенности. Преподаватели, обладающие «сильным» и «устойчивым» типом темперамента (холерики и сангвиники), с большей вероятностью будут применять при организации практических занятий активные и интерактивные формы, по сравнению с представители оставшихся форм темперамента (флегматики и меланхолики). Степень вмешательства в деятельность учащихся преподавателей с доминирующим типом холерика или сангвиника также будет выше. На характер представляемых заданий данная психологическая характеристика личности влияния не оказывает. На форму проведения практического занятия достаточно сильное влияние будет оказывать характеристика особенности восприятия информации. Так, аудиалы будут предпочитать занятия, связанные с обсуждением материала и устными выступлениями; визуалы будут ориентироваться на задания, предполагающие наглядное представление результатов работы студента: к таким заданиям можно отнести

контрольные работы, рефераты, а также решение задач и представление решения на доске перед учебной группой и преподавателем. Как правило, визуалы будут допускать и использование докладов в учебной работе на семинарах, но наличие презентации (при наличии специальной техники), раздаточного материала или схем, представленных на доске, будет являться обязательным требованием для данного психологического типа. Кинестетики будут предпочитать формы, предполагающие индивидуальную, а не коллективную форму работы: беседы, консультации и т.д. И, наконец, дигиталы ориентированы на применение расчетных заданий в качестве формы проведения практических занятий. На данный параметр также влияет тип интеллекта. Так, обладатели вербального интеллекта будут ориентированы на использование текстовых заданий, а также заданий в рамках интерактивных и активных технологий. Обладатели невербального интеллекта будут преимущественно использовать расчетные задания, а также стандартные формы заданий для студентов. Заключительным типом характеристики личности будет являться тип склада ума. Достаточно сильно данная характеристика будет оказывать влияние на форму заданий.

3) *Экзамен (промежуточная аттестация).*

Поскольку данная форма взаимодействия по продолжительности гораздо меньше выше рассмотренных форм (лекций и практических заданий), влияние психолого-педагогических характеристик при такой форме будет невысокой. Однако следует отметить направления влияния, связанные с выбором формы проведения экзамена, а также степени реакции преподавателя при возникновении возможных конфликтных ситуаций со студентами. На первый аспект в большей степени будут оказывать влияние такие характеристики, как тип восприятия информации, тип интеллекта и склад ума. На вероятность возникновения и развитие конфликтных ситуаций в большей степени оказывает влияние тип нервной системы.

1. Биткина И.К. Методические рекомендации применения кейсовых заданий при изучении дисциплины «Экономика организаций»// Грани познания. 2014. № 5 (32). С. 5–9.

2. Педагогика и психология высшей школы: Учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 544 с.

3. Психология и педагогика высшей школы / Под ред. И.В. Охременко. М.: Юрайт, 2017.

УСТАНОВКИ ПОВЕДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СОЦИУМЕ СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ

Т.В. Богданова

Россия, Смоленск, Смоленский государственный университет
tanbogdan@mail.ru

Исследование выполнено на российской и латвийской выборке учителей (N = 433) посредством описательной статистики и корреляционного анализа данных, полученных путем анкетирования. Выявлена рефлексия современным учителем своего социального статуса, профессиональных форм поведения в обществе; в сравнении по выборкам определены приоритеты и проблемные зоны социальной идентичности в рамках профессионального представительства.

Исследование установок профессионального представительства учителя в современном обществе проводилось в рамках научно-исследовательского проекта по изучению профессиональной идентичности педагога (Смоленский государственный университет — Рижская академия педагогики и управления образованием), в ходе которого была создана структурная модель профессиональной идентичности педагога (Профессиональная идентичность…, 2017), для экспериментального изучения которой в целом выборка составила 1960 педагогов. Для апробации созданной модели был разработан опросник (получивший по методу альфа Кронбаха показатель 0,845, достаточный для признания его надежным), состоящий из 60 суждений, оцениваемых респондентами в баллах. По всем компонентам профессиональной идентичности для всех групп респондентов и для всей выборки в целом были высчитаны средний балл, мода, дисперсия баллов, среднее квадратическое отклонение, коэффициент вариации. По U-критерию Манна-Уитни проведена проверка статистически значимых различий. Внутри каждого блока суждений, составленных для исследования компонентов профессиональной идентичности, и между блоками определен коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Случаи значимой корреляции анализировались. Проведен сравнительный анализ данных, полученных на аналогичных выборках школьных учителей и вузовских преподавателей.

В выявлении установок поведения профессионального представительства (одного из структурных компонентов созданной модели профессиональной идентичности) и степени их выражен-

ности у современного учителя приняли участие 433 учителя Латвии и Смоленской области (Россия). В национальных выборках были выделены подгруппы городских и сельских учителей — в каждой представители не менее 20 школ. Созданные выборки репрезентативны для генеральной совокупности с допустимой погрешностью: 6,8% для Смоленской области и 6,4% для Латвии (Ядов, 1972).

В результате проведенного анализа полученных данных сформулированы выводы:

1. Поведение профессионального представительства в социуме для учителя достаточно индивидуально: высокий коэффициент вариации в двух выборках и их подгруппах указывает на индивидуализм профессиональных установок, зависимость от конкретных условий жизни и работы. Выраженной тенденции восприятия государственной стратегии в отношении поддержки авторитета педагогической профессии в обществе не обнаружено.

2. Меньший позитив в осознании своего общественного статуса демонстрирует смоленская выборка, но при этом отдельные составляющие «поведения профессионального представительства» именно у этой выборки имеют больше значимых корреляций с другими компонентами в модели профессиональной идентичности: испытывая меньше оптимизма по поводу своей роли в социальных процессах современности, российские учителя все же в большей степени связывают необходимость социальной активности со своими профессиональными навыками и профессиональным отношением к работе. Их латвийские коллеги в целом социально активнее, но это в большей степени проявление их гражданской активности, а не самопредписываемого профессионального долженствования.

3. В сознании современного учительства двух стран изменился вектор просветительской деятельности: у сельских учителей России и столичных Латвии из контента этого понятия ушла функция распространения научных сведений, формирования когнитивной картины мира у населения. Школьный учитель уступил эти позиции иным образовательным учреждениям, средствам массовой коммуникации, Интернету. Актуальным осталось просвещение как продвижение культурных форм поведения, содействие борьбе с асоциальным поведением граждан, острыми социальными проблемами. При этом долженствования по отношению к тем, кому сегодня плохо и трудно (волонтерское движение, благотворительные акции и фонды), прописывает себе сама личность, професси-

ональная миссия в понимании современного учителя это больше в себя не включает.

4. Более выраженное осознание профессионального представительства в социальной среде у сельских учителей Латвии по сравнению с их столичными коллегами. В российской же выборке, напротив, наметилась тенденция утраты сельским учителем своих социальных позиций, снижение активности и действенного участия в выявлении, постановке и решении проблем современного общества. Единственная позиция, сохранившая свою актуальность, — привитие культуры поведения односельчанам.

5. Социальная активность вузовских преподавателей Риги не поддержана такой же активностью в учительской среде. Выраженной пассивности социальной позиции преподавателей вузов Смоленска противопоставлена бóльшая социальная активность учителей как требование их профессиональной идентичности, особенно учителей городских.

1. Профессиональная идентичность педагога: сравнительное международное исследование: коллективная монография / Под ред. Н.П. Сенченкова, А.П. Шпоны. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2016. 214 с.

2. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1972. 240 с.

СТАДИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СУБЪЕКТОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ

А.В. Зобков

Россия, Владимир, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
av.zobkov@gmail.com

Формулируется и обосновывается предположение о том, что современная образовательная среда вуза не создает условий для поэтапного становления субъекта профессиональной педагогической деятельности. Представлены результаты изучения актуальных стадий становления профессиональной субъектности студентов педагогического направления подготовки; показан пробел в стадиальности формирования субъектности у студентов педагогического направления подготовки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00251 А.

Существующая потребность общества в качественном развитии образования на всех его ступенях и проводимые реформы образования формируют необходимость обновления и расширения инновационных процессов в подготовке профессиональных педагогов, готовых к совершенствованию своей педагогической деятельности, к участию в организации и осуществлении инноваций в образовании. В этой связи остро встает проблема становления субъектности будущих педагогов.

Современные исследования, связанные с формированием субъекта профессиональной деятельности, осуществляются с опорой на закономерности возрастного развития без учета влияния на этот процесс условий, созданных образовательной организацией. На наш взгляд, становление субъекта педагогической деятельности на этапе обучения в вузе должно опираться на образовательное пространство вуза, организованное таким образом, чтобы обучающийся проходил последовательно начальные этапы формирования субъектных качеств, формируясь как субъект инновационной педагогической деятельности уже в профессии с учетом опыта предыдущих этапов. Мы выделяем следующие этапы: этап формирования мотивации к инновационной преобразующей деятельности; этап знакомства с инновационной практикой; этап подражательного действия; этап освоения инновационных технологий при внешнем, а затем при внутреннем контроле; этап экстериоризации функции внешнего контроля за деятельностью других; этап творческого самовыражения и продуктивного влияния на образовательную среду. Таким образом, становление субъекта инновационной педагогической деятельности должно иметь собственную логику движения: от формирования устойчивой мотивации к инновационной деятельности, владения технологиями разработки инновационных проектов до самостоятельного продуцирования идей, проектирования и решения инновационных задач. В этой связи психологический анализ становления субъектности целесообразно осуществлять с опорой на выделенные В.И. Пановым стадии становления субъектности (Панов, 2014): субъект мотивации, субъект восприятия, субъект подражатель, субъект произвольного выполнения действия с опорой на внешний контроль, с опорой на внутренней контроль и субъект внешнего контроля, субъект развития.

Нами было проведено этапное исследование, целью которого явилось определение актуальной стадии становления субъектности сту-

дентов на основе соотнесения себя с ситуациями — показателями, которые свойственны различным стадиям становления субъектности.

Мы предположили, что современная образовательная среда вуза не создает условий для поэтапного становления субъекта профессиональной педагогической деятельности, формируя неадекватные представления обучающихся о себе как о мастерах или экспертах. Образовательная среда ориентирует обучающихся на самостоятельное обучение, что особенно заметно на фоне повсеместного сокращения часов в учебных планах на аудиторные занятия и практики. Полностью или частично из учебного процесса выпадает мотивация профессиональной деятельности, отсутствует необходимое освоение практического опыта специалистов с возможностью интериоризации внешних оценок и последующей экстериоризацией функции внешнего контроля за деятельностью других, происходит формирование неадекватных представлений о результатах своей деятельности и о себе как профессионале.

Для подтверждения гипотезы мы использовали методику оценки стадий становления субъектности участников образовательного процесса (Панов и др., 2017).

Выборку составили студенты третьего курса педагогического института ВлГУ различного профиля подготовки в количестве 75 чел.

Было выявлено (см. таблицу ниже), что студенты, в своем большинстве (78,6%), соотносят себя с субъектами, находящимися на стадиях «мастер» и выше, что характеризует их как субъектов планирования и произвольного выполнения действия с опорой на внутренний контроль, как знатоков своего дела и творцов, достигших вершины в профессиональном развитии и использующих свои знания и умения для саморазвития и самовыражения без оглядки на кого-либо.

Таблица

Распределение студентов педагогической направленности по стадиям становления субъектности

Стадии	Наблюдатель	Подмастерье	Ученик	Мастер	Эксперт	Творец
Частота	2	5	9	33	4	22
Процент	2.7%	6.7%	12.0%	44.0%	5.3%	29.3%

Полученное распределение подтверждает высказанное выше предположение. Студенты «проскакивают» стадии, на которых приобретают потребность в осуществлении профессиональной деятельности и опыт инновационной педагогической деятельности.

Такой результат связан, на наш взгляд, с особенностями организации образовательного пространства, которое: формирует неадекватное представление студентов о своих качествах личности, профессиональных ЗУНах, способностях; формирует неадекватно завышенный уровень притязаний и, как следствие, невозможность верно оценить результаты своих действий, организовать их коррекцию; форсирует искаженные представления об профессионально успешном, творческом человеке. Такие выводы подтверждаются нашими ранними исследованиями (Зобков, 2013), в которых показано, что студенты имеют искаженное представление о своих субъектных характеристиках.

Что касается студентов, не совершивших «скачок» на стадию мастерства и выше, то их опрос показал, что они активно вовлечены в практическую и научно-практическую деятельность под руководством своих научных руководителей и других специалистов.

Таким образом, представленные результаты вместе с дальнейшим изучением психологических характеристик студентов и образовательного пространства позволят нам разработать комплекс психолого-педагогических средств и условий, позволяющих восстановить онтологическую схему формирования субъектных качеств.

1. Зобков А.В. Акмеология саморегуляции учебной деятельности: монография / Под науч. ред. проф. Н.П. Фетискина. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2013. 320 с.

2. Панов В.И. Экопсихология: Парадигмальный поиск. М.; СПб.: Психологический институт РАО; Нестор-История, 2014. 296 с.

3. Панов В.И., Капцов А.В., Колесникова Е.И. Методика оценки стадий становления субъектности участников образовательного процесса // Эффективность личности, группы и организации: проблемы, достижения и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов; Курск; М.: КРЕДО, 2017. С. 294–296.

АНАЛИЗ СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫХ ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ ПЕДАГОГОВ

Н.Г. Зотова, М.Ю. Тихомиров

Россия, Волгоград, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
natzotova@yandex.ru, tcmich@mail.ru

В работе обсуждаются результаты, полученные в ходе исследования ценностно-смысловых основ профессионального долголетия педагогов СОШ и ДОУ. Показано, что существенным фактором, определяющим установку педагогов на продление профессиональной деятельности в зрелом возрасте является активная субъектная жизненная ориентация, выраженная в позиции «преобразователя» (в терминологии концепции Е.Ю. Коржовой).

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 18-013-00712).

Проблема профессионального долголетия педагогов относится к одной из важнейших проблем, лежащих на стыке различных областей психологии — психологии труда, психологии жизненного пути, социальной психологии личности, акмеологии и др. Речь идет не только о теоретической важности исследования данного вопроса, но и об ответе на такие вызовы, стоящие перед сегодняшней системой образования, как старение педагогического состава средних школ и дошкольных образовательных учреждений, модернизация и цифровизация образования, пенсионная реформа и др.

В основе подходов к анализу указанной выше проблематики, безусловно, должны лежать психологические концепции, отражающие закономерности всего жизненного пути личности. Одной из таких концепций представляется интегративный подход, развиваемый Е.Ю. Коржовой (Коржова, 2017). Привлекательность данного подхода для нашего исследования продиктована его ориентацией на изучение человека как многомерного пространства смыслов, ценностных ориентаций. В рамках интегративного подхода ключевая роль в жизненном пути человека отводится жизненным ориентациям. Именно выбор личностью жизненных ориентаций понимается в качестве детерминирующего момента всей жизни человека, включая заключительные ее этапы. Немаловажным моментом является также то, что теоретическая позиция автора подкрепляется эмпирическим материалом, в частности разработанным

методическим аппаратом, который позволяет выделить различные типы жизненной ориентации.

В ходе эмпирического исследования мы проверяли положение о том, что установка на профессиональное долголетие возможна лишь у личности с активной жизненной позицией. В качестве инструментов исследования были использованы в общей сложности 9 методик. Направленность субъект-объектных ориентаций изучалась при помощи методики Е.Ю. Коржовой «Опросник жизненных ориентаций». В исследовании приняли участие 217 педагогов СОШ и ДОУ г. Волгограда и Волгоградской области.

Анализ данных следует начать с указания на одну важную особенность профессии педагога в нашей стране — она не предполагает частую смену места работы. Подавляющее большинство наших респондентов длительное время работают в одном учреждении, при этом 95% отмечают, что не склонны менять место работы. Таким образом, весьма вероятно влияние на характер и продолжительность профессиональной деятельности педагога особенностей организационной культуры образовательной организации.

Далее, обратим внимание на следующие данные.

1) Распределение общего показателя методики в зависимости от возраста (см. рис. 1).

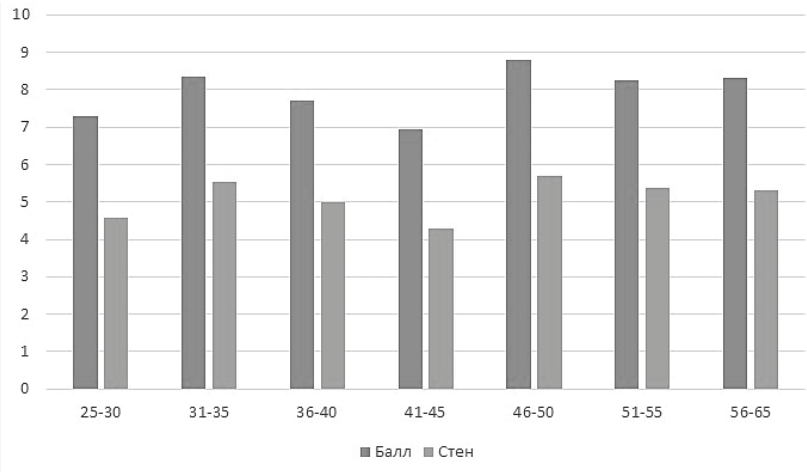

Рис. 1. Распределение общего показателя субъект-объектных ориентаций в зависимости от возраста респондентов педагогов средних общеобразовательных школ

Здесь следует отметить два характерных восходящих пика и один — нисходящий. В силу невозможности подробного анализа, отметим, что эти данные подтверждают как факт наличия кризиса зрелого возраста (40–45 лет), так и другие общепринятые взгляды на закономерные процессы возрастного развития в период взрослости.

2) Анализ показателя жизненных ориентаций в зависимости от стажа педагогической деятельности (см. рис. 2).

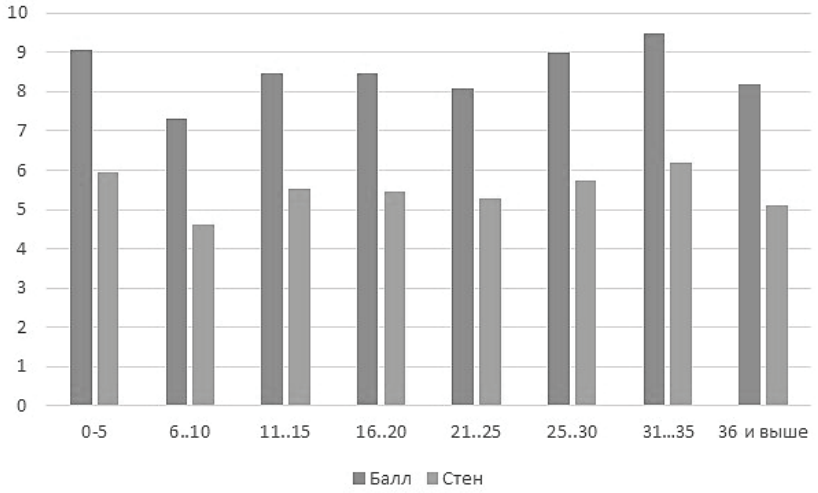

Рис. 2. Распределение общего показателя субъект-объектных ориентаций в зависимости от стажа респондентов педагогов дошкольных образовательных учреждений

Наивысшие баллы по общему показателю мы наблюдаем у адаптантов (1–5 лет стажа) и педагогов, имеющий стаж более 30 лет. Эти данные показывают общие тенденции — первоначально субъектная позиция начинающего педагога в дальнейшем смещается в сторону пассивной жизненной позиции и лишь в предпенсионный период наблюдается обратное движение.

3) Анализ типа жизненной ориентации респондентов (см. рис. 3). В целом, как и следовало ожидать, массив респондентов разделился на три основные группы — смешанный тип, «Преобразователь» и «Потребитель». Более подробный анализ показывает, что в группе педагогов с активным типом жизненной ориентации — «Преобразователь» — преобладают как раз педагоги,

имеющие более длительный педагогический стаж, в то время как у молодых педагогов чаще встречается смешанный тип.

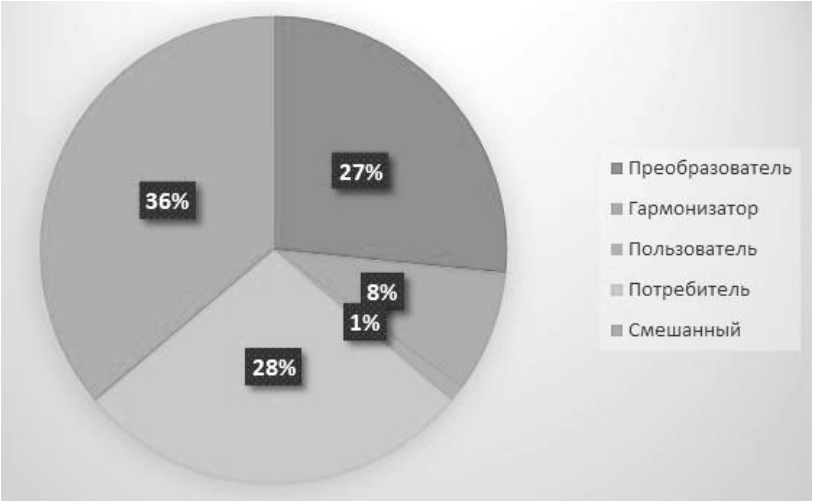

Рис. 3. Распределение педагогов по типам жизненной позиции (по Е.Ю. Коржовой)

Итак, наши данные показывают, что активная жизненная позиция является важным фактором как в формировании установки на профессиональное долголетие, так и в ее реализации, а пассивная установка на «доживание» в профессии вряд ли может быть реализована в условиях современной образовательной системы.

РОЛЬ ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА В ФОРМИРОВАНИИ МОТИВАЦИИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ У УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

О.Ю. Камакина

Россия, Ярославль, ФГБОУ ВО ЯГПУ им. К.Д. Ушинского
olekam@bk.ru

Статья посвящена осмыслению проблемы сохранения психологического и социального благополучия школьников в образовательной организации. Рассмотрены особенности профессиональной деятельности педагога-психолога в формировании мотивации здорового образа жизни у участников образовательных отношений.

Актуальность активного привлечения педагогов-психологов к формированию мотивации здорового образа жизни у обучающихся, родителей (законных представителей), педагогических работников обусловлена ухудшающимися тенденциями в состоянии эмоционального, психического, психологического, социального благополучия современных детей, что проявляется в нарушениях процессов обучения, развития, адаптации, социализации.

В соответствии со ФГОС формирование культуры здорового и безопасного образа жизни в образовательной организации должно обеспечить формирование знаний, установок, личностных ориентиров и норм поведения, обеспечивающих сохранение и укрепление физического, психологического и социального здоровья обучающихся, способствующих познавательному и эмоциональному развитию школьников, достижению планируемых результатов освоения образовательной программы..

Мотивация здорового образа жизни включает следующие компоненты: когнитивный, эмоционально-волевой, деятельностный, ценностный. Предполагаемыми результатами деятельности педагога-психолога в сфере здорового образа жизни могут быть следующие: когнитивная компетентность (знания о способах сохранения и укрепления психического и социального здоровья ребенка, информированность о вариантах и способах получения медико-психологической помощи); эмоционально-волевая компетентность (умение отреагировать негативные эмоции, использование разнообразных приемов совладания со стрессом, нормализация уровня тревожности по отношению к ситуациям, связанным со здоровьем); коммуникативная компетентность (владение конструктивными способами решения проблемных и конфликтных ситуаций, оптимальными способами взаимодействия и общения с ребенком); деятельностная компетентность (владение приемами и методами по сохранению и укреплению здоровья); ценностная компетентность (наличие ценностно-смысловой мотивации здоровья).

Факторы риска в образовательной организации, влияющие на безопасность образовательной среды: стрессовая тактика педагогических воздействий, интенсификация учебного процесса, несоответствие методик и технологий обучения возрастным и функциональным возможностям школьников, нерациональная организация учебной деятельности (в том числе физкультурно-оздоровительной), трудности охраны и укрепления здоровья детей,

проблемы организации медицинского обслуживания школьников и наблюдения за состоянием здоровья.

Факторы семейного риска: нарушение психического здоровья родителей (депрессии, повышенная тревожность, конфликтность); проблемы детско-родительских отношений; неадекватные требования, неэффективные меры воспитания, перегрузки (физические, эмоциональные), конфликты в семье, трудности взаимодействия с педагогами по вопросам развития, обучения, воспитания школьника.

В образовательной организации возможны следующие направления, способствующие формированию мотивации здорового образа жизни: создание здоровьесберегающей среды и формирование культуры здоровья у обучающихся. В каждом из этих направлений педагог-психолог может реализовывать свою профессиональную деятельность с учетом стратегических и тактических задач образовательной организации, специфики контингента и региона.

Возможные роли педагога-психолога в формировании мотивации здорового образа жизни у участников образовательных отношений: эксперт, консультант, обучающий в сфере здоровья.

Психолого-педагогическая экспертиза позволяет исследовать качество безопасности образовательной среды, оценивать состояние эмоционального, психического, психологического, социального благополучия школьников, изучать состояние удовлетворенности участников образовательных отношений, разрабатывать рекомендации по улучшению качества психического, социального благополучия обучающихся, проводить экспертизу сложных случаев или конфликтных ситуаций и др.

Консультант-психолог влияет на улучшение взаимодействия участников образовательных отношений, содействует гармонизации личностной структуры детей, снижению эмоционального дискомфорта, нормализации межличностных отношений и др.

Обучающий в сфере здорового образа жизни осуществляет активную просветительскую работу в сфере здоровья, транслирует передовой современный опыт в сохранении и укреплении здоровья детей: знаний, технологий, приемов, методов и др.

Таким образом, педагог-психолог в образовательной организации может участвовать в реализации следующих направлений, способствующих формированию мотивации здорового образа жизни: создание здоровьесберегающей среды и формирование культуры

здоровья у участников образовательных отношений. Приоритет в профессиональной деятельности педагога-психолога определяется с учетом стратегических и тактических задач образовательной организации, специфики контингента и региона. Возможные роли педагога-психолога в формировании мотивации здорового образа жизни у участников образовательных отношений: эксперт, консультант, обучающий в сфере здоровья.

1. Камакина О.Ю. Отношение к здоровью детей младшего школьного возраста и их родителей: автореф дис. … канд. психол. наук. Ярославль, 2010.
2. Камакина, О.Ю. Особенности отношения к здоровью младших школьников разного пола // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 2. С.41–44.

ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ УЧАЩИХСЯ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ САМООТНОШЕНИЯ

Н.Н. Мозговая

Россия, Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет
mozg291973@mail.ru

Несмотря на имеющиеся в психологии исследования, проблема мотивации и эмоционального отношения к учению на сегодняшний день в науке нуждается в дополнительном изучении и уточнении в связи с переменившимися условиями жизни в стране, потребностями детей и новой современной образовательной ситуацией. Также важную роль в понимании того, как человек будет выполнять ту или иную деятельность в современной школе, кроме мотивации и мотивов учения играет и уровень самоотношения подростков.

Для школьников разного возраста и для каждого ребенка не все мотивы имеют одинаковую побудительную силу. Одни являются основными, а другие — второстепенными, не имеющими самостоятельного значения и подчинены ведущим мотивам. В одних случаях таким ведущим мотивом может оказаться стремление получить «звездный» статус в классе, в других — желание получить престижное образование, а в третьих — интерес к самим знаниям.

Также все данные мотивы учения подразделены на две большие группы: первые связаны с содержанием собственно учебной деятельности и процессом ее выполнения; вторые — с более широкими взаимоотношениями школьника с окружающей средой. К первым

относятся познавательные интересы детей (потребность в интеллектуальной активности и в овладении новыми умениями, навыками и знаниями). Вторые связаны с потребностями школьника в общении с другими людьми, в их оценке и одобрении, с желанием ученика занять определенное место в системе общественных отношений.

Наш анализ психолого-педагогических источников показал, что обе эти категории мотивов необходимы для успешного осуществления не только учебной, но и любой другой деятельности детей разного, в том числе и подросткового возраста.

Анализ психологических исследований по вопросу самоотношения в подростковом возрасте показал, что существует повышенный интерес подростка к собственному «Я», высокой сензитивности к оценкам других своей личности, потребности в автономии, самоутверждении среди сверстников и взрослых.

В результате исследования были выявлены особенности учебной мотивации учащихся с разным уровнем самоотношения:

– выявлено, что участники с позитивным и негативным самоотношением имеют диаметрально противоположные характеристики большинства аспектов мотивации. Группа с нейтральным самоотношением по своим характеристикам мотивации имеет показатели средние или ниже среднего;

– доказано, что учащихся с позитивным самоотношением отличает средняя мотивация учения с несколько сниженной познавательной мотивацией. Если говорить об эмоциональном отношении к учению, то здесь выражена тенденция ориентации на низкий уровень гнева в отношении учения и школьной жизни вообще. На фоне позитивного отношения к учению явно выражено отсутствие безразличия к учебе. Только в данной группе есть учащиеся с продуктивной мотивацией и позитивным отношением к учению. Большинство учащихся данной группы имеют средний уровень тревожности;

– доказано, что учащимся с нейтральным самоотношением не свойственна как продуктивная мотивация, так и позитивное отношение к учению. Однако бóльшая часть данной группы имеет средний уровень мотивации с несколько сниженной познавательной мотивацией, а также высокий уровень мотивации достижения и повышенный уровень тревожности. На наш взгляд, это связано с необходимостью прилагать больше усилий для достижения удов-

летворительных результатов в учении по сравнению с учащимися, имеющими позитивное самоотношение;

– доказано, что учащихся группы с негативным самоотношением характеризуют высокий уровень тревожности и отрицательное отношение к учению, а также сниженная мотивация с негативным эмоциональным отношением к учению. Группу можно охарактеризовать как «скучающих» на уроках, негативно настроенных к себе и к окружающим школьников.

Анализ результатов нашего исследования выявил значимые взаимосвязи между учебной мотивацией и самоотношением учащихся:

– выявлена прямая взаимосвязь уровня глобального самоотношения с уровнем мотивации (эмоциональный компонент), итоговым уровнем (силой) мотивации, смыслом учения, целеполаганием и направленностью учебной мотивации;

– выявлена обратная взаимосвязь уровня глобального самоотношения учащихся с их уровнем тревожности и гнева,

Таким образом, в ходе эмпирического анализа мы подтвердили, что существует наличие особенностей учебной мотивации учащихся с разным уровнем самоотношения, а также предположение о том, что имеются взаимосвязи между учебной мотивацией и самоотношением учащихся.

1. Андреева Е.Н. Противоречия в самоотношении и проблемные переживания в подростковом возрасте: автореф. дисс. … канд. психол. наук. СПб., 2003.

2. Епифанова С. Формирование учебной мотивации // Высшее образование в России. 2000. № 3. С. 106–107.

3. Колышко А.М. Психология самоотношения: Учеб. пособие. Гродно, 2004.

4. Прихожан А.М., Андреева А.Д. Методика диагностики мотивации учения и эмоционального отношения. К учению в средних и старших классах школы // Психологическая диагностика. 2006. № 1.

5. Федотова Т.Ю. Особенности учебной мотивации и эмоциональных переживаний младших подростков в условиях адаптации ко второй ступени обучения: Автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2005.

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА НАВЫКАМ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Г.И. Молодцова

Россия, Санкт-Петербург, СПбГУ
molodlg@mail.ru

В статье рассматривается зарубежный опыт обучения навыкам самостоятельной работы. Даны некоторые практические идеи для обучения навыкам самостоятельной работы студентов первого курса.

Современный мир характеризуется стремительными изменениями в жизни человека. В век глобальной коммуникации, цифровых технологий ключевой компетенцией становится способность человека учиться на протяжении всей жизни. В связи с этим проблема «научить учиться» уже не ограничивается школьным периодом. Этап получения профессионального образования также приобретает статус значимого в контексте развития субъекта учения.

Многие зарубежные исследователи считают, что учебный план первого года обучения по всем дисциплинам высшего образования должен включать обучение навыкам самостоятельной работы. Приобретение таких навыков позволяет студенту быть саморегулируемым, автономным и мотивированным «активным участником собственного учебного процесса» (Cubukcu, 2009). Автономная саморегуляция является ключевым фактором и условием для обучения, академической успеваемости и психологического благополучия (Vansteenkiste, Niemiec, Soenens, 2010).

Первый аргумент в поддержку обучения студентов первого курса навыкам самостоятельной работы связан с характером высшего образования. Обучение в университетах предполагает то, что студенты возьмут на себя ответственность за собственное обучение. Ответственность за свое собственное обучение является критическим ключом к академическому успеху студентов в высшем образовании.

Второй аргумент заключается в том, что навыки самостоятельного обучения имеют решающее значение для оптимального достижения результатов обучения для всех учащихся. Даже очень способные студенты часто не достигают оптимальных результатов из-за их неспособности к саморегуляции обучения (Zimmerman, 1986). Студентов необходимо убедить в важности обучения навыкам само-

стоятельной работы и научить их целому ряду эффективных стратегий развития этих навыков. В сознании студентов самостоятельное обучение и академический успех должны быть взаимосвязаны.

Опыт зарубежных исследователей и практиков позволил сформулировать следующие шаги в обучении студентов самостоятельной работе.

Первый шаг — заложить основы для самостоятельности студентов через

– беседы со студентами об их предыдущем опыте обучения;
– обсуждение их ожиданий от курса;
– обсуждение ожиданий преподавателя и требований к курсу;
– достижение общего понимания этих ожиданий.

Второй шаг — обеспечить постоянную поддержку студентам как самостоятельным обучающимся, а именно:

– дать полное представление о предмете изучения;
– поощрять и укреплять доверие, особенно на ранних этапах, путем предоставления возможности приносить вопросы и замечания, возникшие в ходе самостоятельного чтения литературы, на занятия;
– поощрять и создавать возможности для обмена учащимися стратегиями, которые помогают им изучить конкретную концепцию или процесс;
– создавать ситуации, в которых учащиеся могут контролировать такие аспекты обучения, как выбор литературы для критического анализа на следующем занятии;
– постепенно переходить к роли фасилитатора обучения по мере того, как учащиеся будут становиться более уверенными и самостоятельными.

Такие стратегии предлагают студентам выбор, поощряют их выражать свои взгляды и чувства, способствуют усилению внутренней мотивации, поддерживают автономию (Su, Reeve, 2011) и признают эмоциональные аспекты обучения (Brookfield, 2006).

В-третьих, разработать процесс обучения стратегиям самостоятельного обучения:

– развивать осведомленность студентов о различных стратегиях через работу в малых группах, моделирование размышления вслух, обсуждение интервью и размышлений вслух;
– развивать знания студентов о стратегиях, предоставляя им обоснования использования стратегий, описание и наименование стратегий, моделирование стратегий;

– развивать способность студентов оценивать стратегию путем ее описания сразу после задания, обсуждения использования стратегии в классе, ведения диалоговых журналов (с учителем) по использованию стратегии;

– разработать перевод стратегий на новые задачи путем обсуждения метакогнитивных и мотивационных аспектов использования стратегии, дополнительной практики по аналогичным учебным заданиям.

Именно эта фаза завершает цикл саморегуляции обучения и отличает «опытных учащихся» от их сверстников (Hunter Schwartz, 2008).

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИИ, ВОЗРАСТА И ОБРАЗОВАНИЯ С ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВРЕМЕННО́Й ПЕРСПЕКТИВОЙ БУДУЩЕГО

А.В. Парамузов

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
paramusov@gmail.com

В тексте рассматривается наличие и отсутствие различий между категориями по возрасту, образованию, типу профессии и «Профессиональной временной перспективой будущего» (OFTP).

В исследовании приняли участие 154 работника (50% мужчин) в возрасте от 18 до 59 лет (M = 33,44, SD = 10,99). Стимульный материал исследования был организован с помощью конструктора Google Формы. Ссылка размещалась в социальных сетях в интернете.

Методы

Был использован инструмент — OFTP (Профессиональная временная перспектива будущего). Он имеет три субшкалы: внимание на возможностях, оставшееся время и внимание на ограничениях (Базаров, Парамузов, 2019).

Выборка была разделена на три категории: *по возрасту*: молодые возрастные группы (18–35), группа средних возрастов (36–50), группа старших возрастов (≥ 51); *по образованию*: среднее, среднее специальное, незаконченное высшее, высшее, наличие ученых степеней (кандидат наук, доктор наук и т.д.); *по типу профессии*: человек–природа, человек–техника, человек–человек, человек–ху-

дожественный образ, человек–знаковая система (Климов, 1974). С полом OFTP не коррелирует, поэтому данная категория не была включена в исследование.

Анализ групповых различий был произведен через критерий Краскела-Уоллиса (Kruskal-Wallis H-test). Для выявления различий между подкатегориями был использован тест Данна (Dunn's test) с поправкой Бонферрони (Bonferroni correction). P-значение (p-value) указывает на наличие связи между данными и гипотезой, но само оно его не объясняет (Wasserstein, Lazar, 2016). Поэтому для понимания величины разницы между группами рекомендуют использовать величину эффекта — effect size (Sullivan, Feinn, 2012). Для вычисления величины эффекта был подсчитан эта-квадрат (η^2). Джейкоб Коэн приводит следующую интерпретацию эта-квадрата для дисперсионного анализа: маленькая величина эффекта — 0,0099, средняя — 0.0588, большая — 0,1379 (Cohen, 1969), которую можно округлить до 0,01, 0,06 и 0,14 соответственно.

Результаты представлены в таблице ниже.

Статистически значимые различия между группами вычисленные с помощью критерия Краскела-Уоллиса. Апостериорный анализ вычислен с помощью теста Данна с поправкой Бонферрони.

Выводы

1. OFTP имеет статистические различия по всем трем возрастным группам и субшкалам.

2. Средний ранг у молодых возрастных групп выше, чем у старших возрастных групп, по «вниманию на возможностях» и «оставшемуся времени» и ниже по «вниманию на ограничениях». Что говорит о том, что молодые работники видят больше возможностей в своей работе, по сравнению со старшими работниками. У старшей возрастной группы больше ограничений в будущей карьере, чем у молодых работников.

3. У средней возрастной группы меньше ограничений в профессиональном развитии по сравнению со старшей возрастной группой.

4. Молодые и средние возрастные группы имеют меньше ограничений в своей работе по сравнению со старшими возрастными группами. Чем старше человек, тем меньше у него возможностей и больше ограничений на рабочем месте.

Категории	OFTP	χ^2	df	p	η^2	Подкатегории
Возраст	внимание на возможностях	7.14	2	0.03	0.05	молодые (83.27)** — старшие возрастные группы (54.16), p = 0.04
	оставшееся время	10.04	2	0.01	0.06	молодые (84.18) — старшие возрастные группы (48.28), p = 0.008
	внимание на ограничениях	23.67	2	< 0.001	0.15	молодые (70.23) — старшие возрастные группы (128.12), p < 0.001; средние (75.93) — старшие возрастные группы (128.12), p < 0.001
Образование	внимание на возможностях	12.32	4	0.01	0.08	
Профессия*	внимание на ограничениях	16.21	4	0.003	0.11	человек–техника (49.27) — человек–человек (83.10), p = 0.003

Примечание. N = 154, *N = 145, **в скобках — средний ранг, χ^2 — хи-квадрат, df — число степеней свободы, η^2 — эта-квадрат

5. Есть статистические различия между субшкалой «Внимание на возможностях» и образованием. С другими субшкалами статистические различия и парные различия не обнаружены.

6. Есть статистические различия между субшкалой «Внимание на ограничениях» и типами профессий. Средний ранг профессии типа человек–человек выше, чем профессии типа человек–техника по субшкале «Внимание на ограничениях». Это говорит о том, что люди, работающие с техникой, меньше видят ограничений в своей работе по сравнению с теми, кто работает с людьми.

1. Базаров Т.Ю., Парамузов А.В. Психометрический анализ русскоязычной версии шкалы Х. Цахер и М. Фреса «Профессиональная временная перспектива будущего» // Организационная психология. 2019. Т. 9. № 1 (в печати).

2. Климов Е.А. Путь в профессию. Л.: Лениздат, 1974. 190 с.

3. Cohen J.W. Statistical Power Analysis for the Behavioural Sciences. N.Y.: Academic Press Inc., 1969. 415 p.

4. Sullivan G.M., Feinn R. Using Effect Size — or Why the P Value Is Not Enough // Journal of Graduate Medical Education. 2012. Vol. 4. № 3. P. 279–282.

5. Wasserstein R.L., Lazar N.A. The ASA's Statement on p-Values: Context, Process, and Purpose // The American Statistician. 2016. Vol. 70. № 2. P. 129–133.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ ПЕДАГОГОВ

С.А. Передельская, М.Ю. Тихомиров

Россия, Волгоград, Волгоградский государственный социально-педагогический университет
peredelskaya@gmail.com, tcmich@mail.ru

В работе обсуждаются особенности организационной культуры образовательных учреждений, стимулирующей педагогов к продолжению профессиональной деятельности в зрелом возрасте. Результаты пилотажного исследования показывают, что такими особенностями являются стимулирование саморазвития педагога, формирование благоприятного психологического климата, исключение конкурентных отношений между сотрудниками.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-013-00712).

Современный учитель работает в условиях непрерывных изменений в системе образования. При этом если содержание образования остается еще относительно константным, то формы образовательного процесса, условия, в которых он осуществляется, постоянно обновляются. Включение родителей в число ответственных за результаты образовательной деятельности наряду с педагогами, внедрение дистанционных форм обучения, инклюзивное образование и многие другие тенденции представляют собой реальные вызовы педагогам, большинство которых вынуждено «доповышать» свою квалификацию, психологически перестраивать себя, адаптироваться к новой реальности. Появление новой управленческой структуры в виде Министерства просвещения является дополнительным ударом по психологической стабильности работников образовательных организаций, так как вполне естественно порождает определенные тревоги и опасения в связи с неизбежными как минимум структурными организационными изменениями.

С этой точки зрения вызывает интерес проблема профессионального долголетия в контексте организационной культуры. Речь, в частности, идет о том, какие особенности этой культуры стимулируют сотрудников зрелого возраста к продолжению профессиональной деятельности. На наш взгляд, такие особенности

могут быть обнаружены, в первую очередь, в организационных ценностях сотрудников, в представлениях об объекте и целях своего труда. Мы согласны с утверждением Т.Б. Сергеевой и О.И. Горбатько о том, что ценности в этом ряду занимают первое место, они «определяют потребности личности и общества… представляют собой универсальную мотивационную структуру» (Сергеева, Горбатько, 2007).

Анализ литературных источников показывает, что наиболее перспективным, с точки зрения продления профессионального долголетия, типом организационной культуры образовательного учреждения будет организационная культура, в ценностях которой приоритетно развитие своих сотрудников. Такая организационная культура, вероятно, должна обладать следующими признаками:

– доброжелательностью в отношениях руководства и учителей, и сотрудников между собой;

– совпадением личных представлений учителей, связанных с саморазвитием в профессиональной сфере, с требованиями организации;

– наличием совместной деятельности и обмена опытом в профессиональной сфере;

– сходным ви́дением целей профессиональной деятельности между сотрудниками и руководством;

– уверенностью руководства и сотрудников в возможности позитивных изменений;

– низким уровнем индивидуальной соревновательности среди учителей;

– ориентацией в большей мере на качественные, а не количественные показатели в работе.

В проведенном нами пилотажном исследовании был использован ряд методик, в том числе метод «Неоконченные предложения».

Результаты исследования подтверждают наши предположения. Так, участники исследования в целом подтвердили важность вышеуказанных факторов для формирования желания работать дольше. Практически все участники прямо или косвенно указывали на важность доброжелательных отношений в коллективе для комфортного самочувствия и желания работать, также все указали на нежелательность конфликтов и интриг в коллективе.

Совпадение/несовпадение личных представлений о саморазвитии в профессиональной сфере, с требованиями организации оказалось в представлении работников образования неоднозначным: с одной стороны, обнаруживается неопределенность собственных целей саморазвития (участники исследования часто пишут, что «хотят учиться чему-нибудь полезному в профессии», «учиться вообще» и т.п.), а с другой, имеют недостаточно четкие представления о требованиях организации.

В большинстве случаев (более половины) участники исследования считают, что ви́дение целей профессиональной деятельности между сотрудниками и руководством не совпадает. Интересно, что многие участники исследования прямо или косвенно высказали желание участвовать в совместной деятельности и обмене опытом в профессиональной сфере, а также нежелательность индивидуальной соревновательности с коллегами. Что касается уверенности в возможности позитивных изменений, то она имеется только у половины участников исследования, а вот ориентацию в большей мере на качественные, а не количественные показатели в работе заявили почти все диагностируемые.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УЧАЩИХСЯ

С.И. Попова

Россия, Череповец, Череповецкий государственный университет
psvetlana2015@mail.ru

В статье понятие гражданской идентичности рассматривается с позиции осознания личностью своей принадлежности к обществу граждан на общекультурной основе. В условиях поликультурного воспитания ценностные ориентации учащихся являются значимым фактором формирования гражданской идентичности. В ходе исследования выявлено, что, в целом, у школьников отсутствует опыт адекватного выражения эмоций и проявления поведения с ориентацией на интересы другого человека.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Вологодской области и РФФИ, проект № 18-413-350010.

Являясь одной из самых сложных и ключевых проблем развития и функционирования гражданского общества, проблема фор-

мирования гражданской идентичности учащихся, их гражданской позиции разрабатывалась и продолжает разрабатываться в современной российской психологии. Гражданская идентичность является признаком гражданской общности и характеризует эту общность как коллективного субъекта (Марцинковская, Полева, 2017).

А.Г. Асмолов понятие гражданской идентичности связывает с осознанием личностью своей принадлежности к обществу граждан определенного государства на общекультурной основе, имеющей определенный личностный смысл. Это сложное интегральное личностное образование, отражающее отношение человека с обществом.

В условиях неразвитого гражданского общества и в период кардинальных социальных трансформаций опасно превалирование этнической идентичности, важна ориентация на общекультурную парадигму.

В качестве факторов структурирования социального пространства выделяются территориальная идентичность и ценностные ориентации человека.

Диагностика ценностных ориентаций школьников (IV, VIII и X классы) осуществлялась на основе изучения эмоционального, когнитивного и практически-действенного компонентов.

Показателями сформированности ценностных ориентаций школьников выступили: преобладание у них значимых переживаний относительно базовых ценностей «жизнь», «человек», «мое “Я”», «общество», «человечество»; степень осмысленности учащимися базовых ценностей; поведенческий выбор в практике реализации ценностных отношений.

Использовались следующие диагностические методики: «Недописанная ситуация», «Фантастический выбор», «Методика свободного выбора предъявленных ответов» (Щуркова, 2014). Данные методики позволяют выявить смысловые доминанты учащихся в контексте социальных ситуаций.

Базой исследования выступили общеобразовательные школы г. Череповца Вологодской области и г. Ступино Московской области. На основании проведенного исследования сделаны следующие выводы.

Преобладающая напряженная противоречивая ситуация в обществе проецируется на школу, призванную влиять на формирование ценностных отношений учащихся. Конкурентоспособность

и лидерство, заявленные как важные ориентиры личностного развития человека в современном обществе, находят свое воплощение и в деятельности образовательных организаций. Но только акцент на предметной успешности обучающегося в какой-либо деятельности не изменяет сегодняшний процесс воспитания и не влияет положительно на учебные достижения школьников и тем более на развитие их ценностных отношений.

Произошла подмена процесса воспитания обучением. Реализация программы воспитания ограничивается лишь обсуждением и осмыслением ценностей, что свидетельствует о дисгармонии в формировании ценностных отношений.

В воспитательном процессе современной школы преобладает апелляция к знаниям и почти отсутствует обращение к значимым переживаниям школьника, развитию практически-действенного компонента ценностных ориентаций обучающихся. В целом у школьника отсутствует опыт адекватного выражения своих эмоций и проявления поведения как заботы и ориентации на интересы другого человека. В процессе воспитания важно целостное обращение к эмоциональной, когнитивной и поведенческой сферам личности школьника, учитывая, что эмоции не сопровождают когнитивные процессы, а опережают их.

Традиционно воздействие выстраивается в словесной форме, обращение к образу облегчает понимание, а также конструирование смыслового контекста ситуации, изменение смысловой картины мира учащегося.

1. Асмолов А.Г. Граждане или подданные: государственная идеология воспитания // Образовательная политика. 2015. № 4. С. 2–4.

2. Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Гражданское общество как фактор формирования гражданской идентичности и гражданской социализации // Вопросы психологии. 2017. № 5. С. 3–13.

3. Попова С.И. Развитие способности подростка к саморегуляции в образовательном процессе школы // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 6. С. 99–108.

УСЛОВИЯ И КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОРЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ОБУЧЕНИЕМ В ВУЗЕ

В.А. Прохода

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ
prochoda@mail.ru

Анализируются результаты всероссийского социологического опроса. Выявлены особенности оценки студентами работы образовательной организации высшего образования. Констатируется, что в сознании студентов оценка происходит по двум измерениям, характеризующим качество образования и условия его получения.

Необходимость создания систем оценки удовлетворённости студентов условиями и результатами обучения осознается на государственном уровне. Процесс выявления потребностей студентов подразумевает наличие эффективных механизмов обратной связи, в том числе в форме опросов. Эмпирической базой для публикации послужили результаты Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения, проведенного Росстатом в 2017 г. Наблюдение основано на выборочном опросе россиян с охватом 48 000 домохозяйств. В публикации анализируются ответы молодежи, получающей высшее образование (N = 2639).

Удовлетворенность обучением измерялась с помощью серии вопросов. В частности, задавался общий вопрос об удовлетворенности работой образовательной организации высшего образования с возможностью выбора ответа по шкале от 1 — «совершенно не удовлетворены» до 4 — «полностью удовлетворены». Также респондентов просили оценить работу вуза по одиннадцати параметрам, характеризующим условия получения образования и его качество.

Абсолютное большинство студентов демонстрируют удовлетворенность обучением в вузе (полностью удовлетворены — 43,9%, скорее удовлетворены — 50,2%). Полную неудовлетворенность работой образовательной организацией констатирует лишь 1,6% респондентов (скорее не удовлетворены — 4,3%). Особый интерес представляет не столько процентное распределение ответов, которое связано с особенностями организации учебного процесса в конкретных вузах, сколько внутренняя логика оценки.

Проведенный факторный анализ показал, что студенты оценивают обучение в вузе по двум измерениям (факторам). Первое с условным названием «*качество образования*» связано с оценкой непосредственно учебного процесса и его результатов и включает в себя: качество обучения (регулярность занятий согласно расписанию, профессиональная подготовка преподавателей и др.); качество теоретической подготовки к профессиональной деятельности; качество практической подготовки к профессиональной деятельности; организацию учебного процесса (обеспеченность учебными пособиями, разнообразие и качество оборудования для обучения и др.).

Второе измерение, условно названное «*условия обучения*» характеризует, прежде всего, инфраструктуру, сопутствующую обучению, и объединяет следующие критерии оценки: комфортность пребывания в образовательной организации; организация медицинского контроля и медицинской помощи; наличие и состояние мест для занятий спортом; регулярность и порядок организации внеучебных мероприятий; безопасность пребывания в образовательной организации и на ее территории (состояние здания, благоустройство и охрана территории), условия пребывания для лиц с ограниченными возможностями.

Оценка по каждому измерению может быть разноплановой. Иными словами обучение в вузе, например, может полностью удовлетворять студентов по «*качеству образования*», при этом не устраивать респондентов по «*условиям обучения*» или наоборот и т.д. Полученные данные отчасти согласуются с результатами других исследований (Зеленев, Туманов, 2011), что повышает их надежность.

Результаты регрессионного анализа позволяют констатировать, что удовлетворенность респондентов работой вуза связана с выявленными факторами. При этом «*качество образования*» оказывает существенно большее влияние ($b = –0{,}364$) на общую оценку работы вуза, нежели «*условия обучения*» ($b = –0{,}241$). Это означает, что в современных российских условиях приоритетным для основной части студентов является качество получаемого образования, в то время как бытовые и материально-технические условия, сопутствующие обучению, менее приоритетны.

1. Зеленев И.А., Туманов С.В. Об оценке качества преподавания в вузе в контексте восприятия студентами своих преподавателей (опыт социологического исследования) // Высшее образование в России. 2012. № 11. С. 99–105.

2. Основные методологические и организационные положения Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения в 2017 году [Электронный ресурс]. Росстат. 2017. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/quality17/index.html

3. Перечень поручений Президента России по вопросам повышения качества высшего образования. Поручение № 1148 п. 2 от 22 мая 2014 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/21112

ЛИЧНОСТЬ УЧАЩЕГОСЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕЛЕВЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В.С. Собкин, К.Э. Родионова

Россия, Москва, Центр социологии образования ФГБНУ «ИУО РАО»
sobkin@mail.ru

Проведенное исследование позволяет выявить трансформацию целевых ориентиров современного школьного образования в сознании учащихся и учителей за прошедший с 1991 по 2017 г. период. Полученные результаты анализируются с позиции представлений о развитии личности учащегося.

В настоящее время среди исследователей наблюдается сдвиг интереса к исследованию прагматических целей образования, нахождению баланса между общественно значимыми задачами и задачами, соответствующими интересам и нуждам ребенка (Cranston et al., 2010). При этом цели образования рассматриваются в соотношении с жизненными целями учащихся и реализаций ими просоциальных намерений, а само образование определяется как связанное не только с передачей знаний и умений, но и с передачей социальных норм и традиций, развитием субъектности, инициативности и самостоятельности учащихся (Собкин, 2006; Tirri, 2011). В этой связи образовательные цели сосредоточены на формировании идентичности, моральном развитии и воспитании гражданской позиции учащихся.

Данное исследование основано на материалах опроса 11 803 учащихся 7–11 классов и 4 199 учителей, проведенном в 2017 году. Результаты сопоставляются с ответами 1162 учащихся и 681 учителя на те же вопросы по опросу 1991 года (Собкин, Писарский, 1994). Среди прочего, респондентам предлагалось ответить на два

вопроса, соответствующие прагматическому («Что должна дать ученику школа?») и ценностному («Кого должна готовить школа?») уровню целевых ориентаций школьного образования, выбрав несколько из предложенных вариантов ответа.

Проведенный анализ позволил выявить трансформацию целевых ориентаций школьного образования за прошедшие четверть века.

Относительно прагматических задач школьного образования было выявлено три тенденции. Во-первых, наблюдается существенное возрастание значимости задач социализации учащихся: по сравнению с 1991 годом, современные учащиеся и учителя, чаще отмечают важность приобретения «опыта социального общения и взаимодействия» (среди учащихся — 17,4% в 1991 г. и 36,9% в 2017 г., $p < 0,01$; среди учителей — 34,1% в 1991 г. и 61,9% в 2017 г., $p < 0,01$) и «опыта участия в общественной жизни и деятельности» (соответственно 9,8% и 31,5%, $p < 0,01$; 9,0% и 45,5%, $p < 0,01$). Во-вторых, среди учителей отчетливо повысилась значимости такой задачи как «необходимая подготовка для поступления в вуз» (соответственно: 14,8% и 43,6%, $p < 001$). В-третьих, наблюдается явное снижение значимости среди учащихся и учителей задачи формирования «достаточного культурного уровня» (соответственно: 36,5% и 27,1%, $p < 0,01$; 59,0% и 51,0%, $p < 0,01$). Таким образом, здесь мы видим следующую трансформацию представлений о школьном образовании: признание значимости просоциальных форм деятельности учащихся, рассмотрение школы учителями как этапа подготовки для поступления в вуз, снижение статуса школы как института трансляции культуры.

Касательно динамики ценностных целевых ориентаций также были получены различия. Современные учащиеся и учителя чаще отмечают модели «критически мыслящий человек, готовый брать на себя ответственность» (соответственно 20,2% и 36,5%, $p < 0,01$; 55,1% и 65,1%, $p < 0,01$) и «человек, добивающийся в жизни своего» (соответственно 33,7% и 41,2%, $p < 0,01$; 5,3% и 18,0%, $p < 0,01$). Также мы фиксируем увеличение значимости модели «добросовестный и дисциплинированный работник» (соответственно 15,9% и 40,0%, $p < 0,01$; 20,7% и 35,2%, $p < 0,01$) и параллельно — снижение привлекательности модели «творческий квалифицированный специалист» (соответственно 43,0% и 30,8%, $p < 0,01$; 67,3% и 48,4%, $p < 0,01$). Кроме того, среди учащихся и учителей явно увеличилась

значимость личностной модели «надежный защитник своей страны» (соответственно 13,8% и 18,9%, $p < 0,01$; 7,5% и 30,5%, $p < 0,01$). При этом значимость модели «человек, способный создать крепкую семью» имеет разнонаправленную динамику: снижение значимости у учащихся (соответственно 26,6% и 10,6%, $p < 0,01$) и повышение — у учителей (25,6% и 36,1%, $p < 0,01$). Таким образом, здесь мы видим более существенную переориентацию целей; выделенные группы соответствуют стремлению к индивидуалистическим проявлениям, рассмотрению выпускника школы скорее как исполнителя, а не субъекта творческой деятельности, ориентации на поддержку социальных институтов.

1. Собкин В.С. Василий Васильевич Давыдов: Продолжение одной беседы // Социология образования: беседы, технологии, методы. 2006. С. 9–23.
2. Собкин В.С., Писарский П.С. Жизненные ценности и отношение к образованию: кросскультурный анализ, Москва-Амстердам. М.: Центр социол. образования РАО, 1994.
3. Cranston N. et al. Politics and school education in Australia: a case of shifting purposes // Journal of Educational Administration. 2010. Vol. 48 (2). P. 182–195.
4. Tirri K. Holistic school pedagogy and values: Finnish teachers' and students' perspectives // International Journal of Educational Research. 2011. Vol. 50(3). P. 159–165.

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РОДИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ В ДЕТСКОМ САДУ

С.Г. Шабас

Россия, Екатеринбург, Гуманитарный университет
shabassv@rambler.ru

В статье представлен опыт работы районного методического объединения педагогов-психологов по выявлению проблем самоидентификации современных родителей детей дошкольного возраста как родителей, как заказчиков образовательных услуг, как партнеров ДОО и как представителей детей с ОВЗ в условиях изменения законодательного регулирования деятельности детских садов и взаимоотношений с семьей воспитанников.

Социокультурное состояние современного общества определяется высоким темпом изменений материальных и социальных условий жизни, приводящим к модернизации современных детско-ро-

дительских отношений. Родительская идентичность, основанная на институциональных, личностных и семейных ресурсах, определяет условия развития личности ребенка. Однако самоидентичность родителя ребенка дошкольного возраста подвергается сегодня значительным воздействиям в результате изменений социальной парадигмы родительства и его роли в детском саду.

В соответствии с законом «Об образовании» и ФГОС ДО задачей детского сада является открытость для взаимодействия с семьей по обеспечению полноценного развития личности ребенка. Работа должна носить дифференцированный характер, учитывать социальный статус и микроклимат семьи, родительские интересы и запросы, степень заинтересованности родителей деятельностью ДОУ, их уровень психолого-педагогической культуры и быть направлена на создание уникального общего коммуникативного пространства.

Более 25 лет на базе районного методического объединения педагогов-психологов Управления образования Ленинского района Департамента образования Администрации г. Екатеринбурга проводится работа по анализу специфики детско-родительских отношений. Выявлено, что модернизация дошкольного образования приводит к затруднению самоидентификации родителей как субъектов воспитательно-образовательного процесса.

Так, родитель является ***родителем*** — источником традиционного семейного воспитания, однако культивируемые обществом новые подходы к воспитанию (свобода личности ребенка, право на индивидуализацию, новые формы общения с детьми и др.) делают необходимыми изменения в детско-родительских отношениях, к которым многие родители совершенно не готовы.

Законодательно закреплено, что родители являются основными ***социальными заказчиками*** системы дошкольного образования. Однако имеется противоречие в том, что родители — заказчики услуг, а потребитель услуги их ребенок, т.е. родитель должен определить за ребенка его потребности, необходимость траектории его развития, набор направлений деятельности для коррекции нарушений в психофизическом здоровье, поведении или личностном развитии.

Кроме того, согласно ФГОС ДО родители — ***партнеры*** образовательных организаций и задачей детского сада является вовлечение семей в сотрудничество в воспитательно-образовательной

деятельности по созданию образовательных проектов и взаимодействию с педагогами для развития и воспитания детей. Реализация образовательной программы требует у семьи воспитанников временны́х, личностных и иных родительских ресурсов, творческих способностей и развитой коммуникации, определенного набора знаний и умений, часто отсутствующих у членов семьи ребенка.

Кроме того, ***родителям детей с ОВЗ*** законодательно предлагается система интеграции, инклюзии и индивидуального подхода, и родители часто не идентифицируют себя как родители особого ребенка. Однако нормативное изменение предельной наполняемости групп, отсутствие у педагогов специального психолого-педагогического образования, недостаточное количество специалистов при резком росте детей данной категории в обычных группах детского сада, а также необходимость выполнять рекомендации врачей приводят к конфликтным ситуациям во взаимодействии таких семей с сотрудниками детских садов.

В задачи ДОО входят активизация и обогащение воспитательных умений ***родителей как представителей семейного воспитания***, однако многие родители не хотят подобной открытости своей личной жизни, кроме того, в детском саду нет механизма определения данных родительских качеств и методик для их реализации.

Анализ наблюдений, бесед, анкетирования, результатов консультаций педагогов и семей воспитанников показал, что представленные проблемы самоидентификации родителей в условиях социокультурных изменений образования в детском саду ведут к дисфункции чувства родительской ответственности, непониманию различий в организации, структуре и содержании семейного и дошкольного воспитания. Главным условием решения данных проблем становится повышение психолого-педагогической культуры родителей и принятие ими ответственности за своего ребенка.

11.
ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: NEW GENERATION

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ СОЦИОМОРАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ НА ОСОБЕННОСТИ РЕШЕНИЯ ЭТИЧЕСКИХ ДИЛЕММ КОММУНИКАЦИИ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

М.А. Георгиевская

Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова
georgievskaya_ma@outlook.com

Использование Интернета в современном обществе привело к возникновению потребности в выработке новых этических норм общения, не сводимых к классическим нормам. В настоящее время исследователи находятся в поиске тех психологических конструктов, которые обуславливают поведение пользователя в социальных сетях. В данной работе будет представлено исследование о влиянии уровня социоморальной компетентности на выбор пользователями этических норм коммуникации.

Исследование компонентов социоморальной компетентности и их влияния на моральное поведение человека в ситуации дилеммы является актуальным направлением как в зарубежной, так и в отечественной психологии. В настоящее время исследователи пытаются выделить компоненты и уровни социоморальной компетентности (Садокова, 2000), условия их формирования (Плотникова, 1998); не менее важным вопросом остается разработка методов оценки моральной компетентности (Rest, 1994; Подольский, 2017). В нашей работе мы понимаем психологический конструкт социоморальной компетентности по А.В. Садоковой: в него входит как умение адекватно воспринимать себя в качестве субъекта моральных взаимодействий («Я-компетентность»), так и умение адекватно воспринимать других субъектов морального взаимодействия («Компетентность в партнере»).

Следует также отметить, что с появлением цифровых технологий ситуации этических дилемм коммуникации стали появляться и в виртуальном пространстве, поэтому основной запрос исследо-

вателей из смежных научных сфер (интернет-право, инфоэтика и др.) заключается в создании этического кодекса интернет-общения, а также в поиске психологических конструктов, влияющих на поведение пользователей в сети.

Таким образом, ***целью*** нашей работы является исследование особенностей решения этических дилемм в интернет-общении у пользователей с разным уровнем социоморальной компетентности. ***Задачи*** включали разработку авторского опросника, направленного на выявление решения этических дилемм, включающих базовые этические нормы общения: персональную ответственность за совершаемые действия в социальной сети, уважение партнеров по коммуникации, конфиденциальность, авторское право и неприкосновенность личной жизни, а также исследование связи уровня развития социо-моральной компетентности пользователей социальной сети и их отношения к различным видам нарушений в интернет-коммуникации. В работе будут использованы следующие ***методики***:

– Методика Н. Холла, направленная на выявление способности понимать эмоции других людей и управлять собственными эмоциями при принятии решений;

– Задания из методики В.А. Лабунской «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения» (а именно задания, связанные с диагностикой способности к адекватной регуляции отношений в диаде и способности устанавливать адекватные связи между вербальным и невербальным поведением человека);

– Методика «Справедливость — Забота» (С.В. Молчанов), направленная на выявление уровня развития моральных суждений и типа моральной ориентации.

Основная **гипотеза** заключается в том, что в ситуации этических дилемм пользователи социальной сети, имеющие высокий уровень социоморальной компетентности, в отличие от пользователей, имеющий низкий уровень социоморальной компетентности, будут опираться на вышеуказанные базовые этические нормы коммуникации.

Объектом исследования стали респонденты юношеского возраста (от 17 лет до 21 года), проживающие на территории г. Москвы и Московской области и зарегистрированные хотя бы в одной социальной сети. Планируемый объем выборки 60 респонеднтов.

Для подсчета значимости результатов исследования будет использоваться непараметрический метод анализа различий между выборками (критерий Манна-Уитни для независимых выборок). Для качественного анализа ответов респондентов будет использоваться метод контент-анализа.

Будущие результаты данной работы помогут другим исследователям из смежных научных сфер (интернет-право, социология и т.д.) создать универсальный этический кодекс сетевого общения; также полученные результаты дадут возможность определить, влияет ли психологический конструкт социоморальной компетентности на выбор пользователей этических норм коммуникации (в дальнейшем это может помочь администраторам сайтов, провайдерам и т.д. в прогнозировании возможных нарушений этических норм сетевого общения конкретных пользователей).

1. Плотникова Ю.С. Формирование действия оказания помощи у младших школьников: дис. … канд. психол. наук. М., 1998.

2. Подольский Д. А. Исследование формирования социально-моральной компетентности подростков: монография. Тамбов, 2017.

3. Садокова А.В. Влияние индивидуальных характеристик эмоционально-личностной сферы на особенности развития моральной компетентности в подростковом возрасте: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2001.

4. Rest J.R. Background: Theory and research // Moral development in the professions: Psychology and applied ethics / Ed. by J.R. Rest, D. Narvaez. Hillsdale, 1994. P. 1–26.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА И ПЕРЕГОВОРЩИКА

В.В. Данилочкина

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
аспирант факультета педагогики и психологии МПГУ
vdanilochkina@mail.ru

Статья посвящена проблеме определения критериев эффективности переговоров, а также их участников. Автором рассмотрены и проанализированы два подхода к определению успешности переговорного процесса. Выделены правила, необходимые при оценке успешности переговоров. Предложен дополнительный критерий, определяющий эффективность участников переговорного взаимодействия.

В настоящее время мы наблюдаем рост интереса к проблеме ведения переговоров как на государственном, так и на корпоративном уровнях. Выпускаются новые книги, печатаются новые статьи, на федеральных каналах телевидения создаются новые программы по обсуждению подготовки к тем или иным переговорам, коммерческие организации все чаще заказывают для своих сотрудников тренинги и обучающие курсы по базовым навыкам ведения переговоров. Если говорить о научной проблематике изучения переговоров, то она осложнена междисциплинарным характером данного предмета, возможностью многостороннего подхода к его рассмотрению (анализируется структура переговоров, процесс, отношения между сторонами, временной контекст и т.д.), а также разными взглядами на эффективность и результативность переговорного процесса.

Исследуя тему показателей успешности в переговорах, можно выделить два подхода к их определению.

Первый связан с получением максимальной выгоды одной из сторон. Так, например, в теории игр — математической модели анализа стратегического взаимодействия сторон, авторами которой являются американские ученые, математики Д. Нейман и О. Моргенштерн и на основе которой Т. Шеллинг разработал теорию расчета и ведения переговоров, результатом переговоров, как разновидности игры, является сумма: нулевая и ненулевая. Переговоры с нулевой суммой не могут изменить сумму выигрыша, в результате чего выигрыш одной стороны равен проигрышу другой. Критерием эффективности в данном случае является максимальная выгода одной стороны переговоров, которая эквивалентна размеру проигрыша другой. В переговорах с ненулевой суммой выигрыш одного игрока не означает проигрыш другого. В теории игр ключевым является рациональный анализ решений игроков и выбор оптимальной стратегии поведения. Эффективным считается оптимальная стратегия из всех вероятных, ведущая к выигрышу (Нейман, Моргенштерн, 1970; Шеллинг, 1980).

К переговорам, в которых эффективность определяется максимизацией выигрыша одной из сторон, относится также торг, когда одна из сторон пытается выторговать для себя наилучшие условия, допуская что вторая при этом понесет убытки (Лебедева, 1993). Аналогичная ситуация и в дистрибутивных переговорах, при которых одни участники, требуя от других уступок, стремятся полу-

чить для себя как можно больше выгод и увеличить таким образом свою прибыль. В дистрибутивных переговорах цель — это победа одного из участников (Walton, McKersie, 1965).

Второй подход к определению эффективности переговоров основывается на достижении взаимовыгодных договоренностей. Переговоры считаются успешными, если обе стороны нашли обоюдное решение проблем, когда каждый из участников остается в выигрыше. Данный подход к эффективности лежит в основе Гарвардской школы переговоров. Авторы подхода связывают эффективность не столько с получением единоличной выгоды, сколько с достижением взаимовыгодного соглашения, учитывающего интересы обеих сторон (Фишер, Юри, 1991). В типологии Р.И. Уолтона и Р.Б. Маккерси эффективность через достижение взаимных выгод и совместное решение проблем характерна для интегративных переговорах, в которых основной упор делается на сотрудничество между участниками (Walton, McKersie, 1965).

Итак, *первый критерий эффективности переговоров — это достижение максимальной выгоды одной из сторон, второй — достижение обоюдных договоренностей и взаимных выгод*. Определяя эффективность переговоров, важно учитывать два момента.

1. Для того чтобы переговоры прошли успешно, нужно понимать (или попытаться спрогнозировать), с точки зрения какого подхода вторая сторона будет рассматривать предстоящие переговоры, т.е. на что будет больше ориентироваться — на первый критерий или на второй, и затем строить свою стратегию взаимодействия.

2. Определение эффективности переговоров имеет адресность, одни и те же переговоры в одно и то же время для первой стороны могут быть успешными, а для второй — нет. Говоря об успешности переговоров, важно понимать, с какой точки/стороны оценивается успех.

Если затронуть тему проблемы эффективности переговорщика, картина немного изменится. Эффективность переговоров — это эффективность конкретного переговорного процесса, а эффективность переговорщика — это характеристика, присущая субъекту данного процесса, рассматриваемая в долгосрочной перспективе. Успешные переговорщики знают тактики и стратегии ведения переговоров, но это не гарантирует им успех во всех без исключения переговорах. Успешный переговорщик — это тот, кто имеет на своем счету большое количество успешных переговоров, как у адво-

катов — «выигранных дел», так как переговоры имеют сложную структуру: стороны, предмет переговоров, процесс переговоров и т.д., и изменение в любой из этих частей может повлиять на ход переговоров. Успешные переговорщики умеют так выстроить переговорный процесс, что при достижении максимальной собственной выгоды или взаимовыгодных договоренностей вторая сторона проявляет заинтересованность в продолжении отношений. Следовательно, при оценке успешности переговорщика (какого бы подхода он ни придерживался) дополнительным критерием эффективности будет *желание второй стороны продолжить долгосрочные отношения*.

Таким образом, выше описанные критерии могут быть использованы в качестве основания конструирования выборки при изучении проблем ведения переговоров, а также исследовании индивидуально-психологических различий переговорщиков.

1. Вахина В.В. Изучение переговорной деятельности в зарубежных исследованиях // Психология и право. 2016. Т. 6. № 2. С. 120–170.

2. Дегтерев Д.А. Зарубежные работы по теории игр //Международные процессы. 2009. № 2.

3. Кимпеляйнен Е.И. Социально-психологическая эффективность переговоров: Дис. … канд. психол. наук. СПб., 1996

4. Лебедева М.М. Процесс международных переговоров: дис. … д-ра полит. наук. М., 1993.

5. Маркович В.А. Социально-психологические детерминанты успешности обучения переговорщиков: дис. … канд. психол. наук. СПб., 2016.

6. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. — М.: Наука, 1970

7. Танасов Г.Г. Личность в переговорах: субъектно-бытийный подход: автореф. дис. … д-ра психол. наук. Краснодар, 2011.

8. Фишер А., Юри У. Переговоры без поражения. Гарвардский метод. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 240 с.

9. Шеллинг Т. Стратегия конфликта / Под ред. Ю. Кузнецова, К. Сонина. М.: ИРИСЭН, 2007. 367 с.

10. Walton R.E., McKersie R.B. A Behavioral Theory of Labour Negotiation. N. Y.: McGraw Hill, 1965.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ, ИНТЕГРИРОВАННЫХ В «НЕГАТИВНУЮ» ИНТЕРНЕТ-СРЕДУ

Н.В. Козлова, А.С. Рябинин

Россия, Томск, НИ ТГУ
ryabinin_artyom@mail.ru

В статье рассматривается проблема интеграции подростков и юношей в интернет-среду. Исследование проводилось на выборке, состоящей из двух групп с различной направленностью интересов в интернет-среде. Результаты, показавшие однородность выборки независимо от интересов в интернет-среде, свидетельствуют о необходимости формирования навыков корректной, культурно-обусловленной, безопасной деятельности в Интернет-пространстве.

Интерес многих ученых разных областей знаний направлен на исследование молодого поколения, интегрированного в среду Интернета, при этом можно фиксировать дихотомию основных прогностических взглядов на интеграцию Интернет-пространства в жизнь человека (Ганский, 2015).

Тезисы представляют результаты исследования социально-психологических характеристик подростков и юношей, вовлеченных в «негативную» интернет-среду. Под «негативной» интернет-средой нами рассматриваются ресурсы, пропагандирующие аутоагресию, насилие и экстремизм.

В качестве основных параметров, учитывая специфику возраста выборки, рассмотрены агрессия, недоверие к окружающим и стремление к конфликтности (Слободчиков, 2014; Ганский, 2015).

В исследовании приняли участие молодые люди 13–20 лет, всего 77 человек, из них 34 юноши (44,2%) и 43 девушки (55,8%). Средний возраст выборки составил 17,1 год, при дисперсии в 1,9. Исследование проводилось на базе онлайн-ресурса «Google Формы». Выборка представлена двумя группами. Группа 1 — «средние» пользователи социальных сетей, группа 2 — подписчики групп, пропагандирующих аутоагресию, насилие и экстремизм (социальная сеть «ВКонтакте»).

Качественный анализ собранных данных показывает, что для обеих групп характерен низкий уровень доверия (группа 1 — 67%; группа 2 — 75%); средний уровень доброжелательности группы 1

несколько выше (соотношение групп: группа 1 — 55%, группа 2 — 33,3%). При этом высокий уровень доброжелательности не зафиксирован в обеих группах. Экспресс-диагностика устойчивости к конфликтам выявила, что группа 2 демонстрирует более высокий уровень конфликтности в сравнении с группой 1.

Использование методов математической статистики, в частности ANOVA, позволяет фиксировать однородность групп по всем заданным параметрам (p-уровень: доброжелательности, 257; конфликтности, 458; доверия, 699). При попарном сравнении групп при помощи критерия Манна-Уитни статистически значимые различия выявлены только по отношению к устойчивости к конфликтам (U-критерий 210; уровень значимости 3,408E-11). Так, группа 1 демонстрирует более высокий уровень, для группы 2 характерно снижение общего уровня коммуникативно-социальной активности

Проведенное нами исследование показало, что интернет-пространство стремительно вливается в жизнь молодого поколения. Так, подростки и юноши, интегрированные в интернет-среду демонстрируют выраженную враждебность к социуму, конфликтность и низкий уровень доверия к окружающим, независимо от направленности их интересов в интернет-пространстве.

По мнению авторов проблема заключается в том, что все подростки (независимо от интересов) не обладают достаточным уровнем сопротивления интернет-вызовам. Необходимо задуматься об изменении сложившейся ситуации, при этом необходимо использовать «экологичные» методы решения проблемы: формирование навыков корректной, культурно-обусловленной, безопасной деятельности в интернет-пространстве.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-013-01116 А.

1. Ганский П.Н. Интернет-пространство как особая коммуникационная среда и его влияние на современные общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 17. С. 118–121.

2. Евсеева Л.И., Евсеев В.В. Проблема социальной адаптации человека в новых коммуникативных средах // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. Т. 8. С. 20–30.

3. Слободчиков В.И., Исаева Е.И., Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. 400с.

4. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии. 2002. 339 с.

5. Griffiths M. Internet addiction: Faet or fiction? // Psychologist. 1999. № 12(5). P. 246.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИН С БОЛЕВЫМ СИНДРОМОМ ПРИ ЭНДОМЕТРИОЗЕ. ЖЕНЩИНА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Е.А. Петрова

Россия, Санкт-Петербург, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени акад. И.П. Павлова
marsianka-nusha@yandex.ru

В статье описаны результаты исследования личностных и эмоциональных особенностей женщин с болевым синдромом при эндометриозе. Выявлены детерминирующие факторы заболевания с точки зрения уклада современного мира. Выделены основные проблемы, возникающие у женщин с эндометриозом. Описана связь между личностными характеристиками и особенностями болевого синдрома у женщин с эндометриозом .

Актуальность: эндометриоз — сложнейшее гинекологические заболевание. В настоящее время в мире эндометриозом страдают 176 млн женщин — каждая десятая женщина репродуктивного возраста. Он чаще встречается у жительниц крупных городов, работающих в сфере умственного труда, ведущих активную, эмоционально насыщенную жизнь. Заболевание описывают как новую болезнь цивилизации. Отмечают, что данное заболевание может иметь психогенную природу и описываться как нарушение адаптации. По данным «Федеральных клинических рекомендаций по ведению больных с эндометриозом: диагностика, лечение и реабилитация», интенсивность боли при эндометриозе может не соответствовать тяжести течения заболевания. В связи с этим актуальным является изучение причин несовпадения объективной тяжести болевого синдрома и субъективного его восприятия, субъективной оценки высказываемых жалоб.

Гипотезой нашего исследования послужило предположение, что на субъективное восприятие болевого синдрома влияют индивидуально-психологические характеристики женщин, страдающих эндометриозом.

Целью нашей работы было следующее:

– исследовать особенности восприятия болевого синдрома у пациенток с эндометриозом;

– исследовать эмоциональные, личностные особенности, удовлетворенность браком и качество жизни у женщин с эндометриозом.

В исследовании приняли участие 2 группы женщин: группа 1 — женщины фертильного возраста с диагнозом эндометриоз; группа 2 — здоровые женщины без диагноза эндометриоз.

Таблица

Демографические данные

	Группа 1	Группа 2
Выборка	25	25
Средний возраст	35	29
Высшее образование	84%	41%
Средне — специальное	16%	59%
Наследственность	68%	21%
Замужем	36%	28%
Гражданский брак	36%	31%
Не замужем	28%	41%
Дети	37%	26%

Методы: Болевой опросник Мак-Гилла, Визуальная аналоговая шкала, Опросник уровня и качества жизни (в адаптации Н.Е. Водопьяновой), Гиссенский личностный опросник, Метод диагностики межличностных отношений, Тест — опросник удовлетворенности браком (В.В. Столин), Опросник С. Бэм, Госпитальная шкала тревоги и депрессии. Обработка полученных данных была осуществлена с помощью корреляционного анализа, критерия Манна-Уитни, критерия Стьюдента.

Результаты: в описании боли эмоциональный компонент выше, чем физическое восприятие. Качественная и количественная оценки различаются (Умеренная/Сильная). Женщины с эндометриозом не удовлетворены своим здоровьем в настоящее время, феминны, оценивают себя как скромных, склонных подчиняться более сильному, без учета ситуации, и стремящихся найти опору в более сильном. Женщины с эндометриозом считают, что в идеале нужно быть менее робкими, более эмоционально сдержанными.

Пациентки описывают себя как более уступчивых и терпеливых, чем их партнер, они удовлетворены отношениями в браке. У женщин с эндометриозом выявлена субклинически выраженная тревога. Депрессии не установлено.

После проведения корреляционного анализа мы получили следующие результаты.

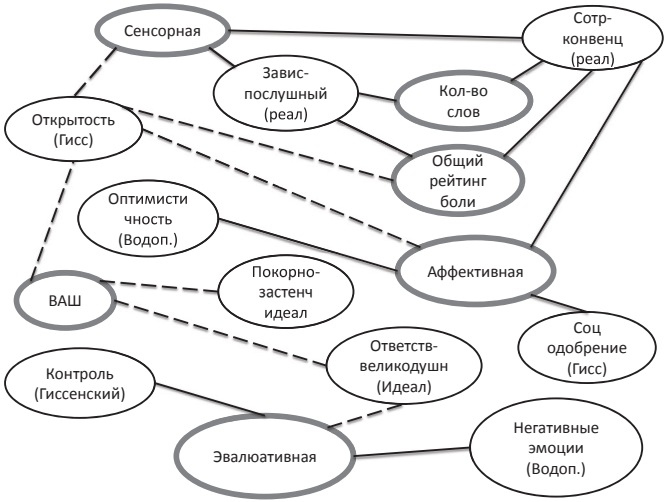

Рис. Корреляионная плеяда показателей личностных характеристик и болевых шкал

Заключение: литература, посвященная изучению женщин с эндометриозом описывает их как целеустремленных, ведущих активный образ жизни, с преобладанием черт маскулинности. Они ответственны и воспринимают себя как более активных, общительных, чем их партнер. Полученные результаты лишь частично подтверждают эти данные. Женщины с эндометриозом коммуникабельны, склонны к повышенной ответственности, собранны, имеют достаточный самоконтроль. Но им не свойственны черты маскулинности. Женщины с эндометриозом феминны. Их эмоциональное состояние характеризуется повышенной тревогой. В отношениях они более уступчивы и терпеливы, чем их партнер. В дальнейшей работе важно выяснить, влияют ли феминные черты на адаптацию женщины к требованиям современного мира и могут

ли они являться причиной появления психогенных предпосылок эндометриоза.

1. Алексеев В., Баринов А. Боль. Руководство для врачей и студентов / Под ред. Н.Н. Яхно. М.: МЕДпресс-информ, 2010. 312 с.
2. Адамян Л.В., Гаспарян С.А. Генитальный эндометриоз. Современный взгляд на проблему. Ставрополь: Ставрополье, 2004. 214 с.
3. Дамиров М.М. Генитальный эндометриоз — болезнь активных и деловых женщин. М.: Бином, 2010. 190 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ АЛЕКСИТИМИИ С МОТИВАЦИОННО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРОЙ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

А.В. Походня

Россия, Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет
Anastasiia.pohodnya@gmail.com

Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи алекситимии с компонентами мотивационно-смысловой сферы. Актуальность обусловлена необходимостью поиска возможностей для преодоления негативного влияния алекситимических проявлений на самореализацию и адаптацию молодежи, а также сохранения психического здоровья этой категории населения.

В настоящее время алекситимию рассматривают не только как предиктор психосоматических заболеваний, в современной науке все чаще встречается подход к этому психологическому феномену как к определенному личностному складу. Алекситимическая личность отличается определенными когнитивными и поведенческими характеристиками, включающими в себя сниженную способность к рефлексии и пониженный уровень саморегуляции (Брель, 2012). Последнее, в свою очередь, может негативно влиять на самоэффективность и успешность освоения учебной программы (Faramarzi, 2017).

Студенческий период подразумевает под собой решение непростых задач, связанных с учебной деятельностью и переходом в самостоятельную взрослую жизнь (Малютина, 2014). Мотивационно-смысловая сфера личности обеспечивает необходимый уровень внутренней активности и направленности личности, участвует в формировании аутентичного жизненного пути (Леонтьев, 2003).

В исследовании приняли участие 65 респондентов, обучающихся в ВУЗах СФО. Уровень алекситимии измерялся при помощи Торонтской алекситимической шкалы (TAS-20-R), компоненты мотивационно-смысловой сферы — при помощи Теста смысложизненных ориентаций (ТСЖО, Д.А. Леонтьев). Корреляционный анализ Спирмена выявил ряд статистически значимых взаимосвязей:

1. Общий уровень осмысленности жизни отрицательно коррелирует с общим уровнем алекситимии ($r = –0,277$; $p = 0,05$), а также с ее компонентами — трудности в идентификации ($r = –0,269$; $p = 0,05$) и трудности описания чувств ($r = –0,308$; $p = 0,05$).

2. Шкала «Цели жизни» отрицательно коррелирует с трудностью описания чувств ($r = –0,276$; $p = 0,05$).

3. Шкала «Процесс жизни» отрицательно коррелирует с общим уровнем алекситимии ($r = –0,275$; $p = 0,05$), а также с трудностью в идентификации ($r = –0,306$; $p = 0,05$) и трудностью описании чувств ($r = –0,335$; $p = 0,01$).

4. Отрицательная корреляция выявлена между показателями по шкале «Результативность жизни» и способностью к идентификации чувств ($r = –0,254$; $p = 0,05$).

5. «Лкус контроля — Я» отрицательно коррелирует с общим показателем выраженности алекситимии ($r = –0,279$; $p = 0,05$), со способностью к идентификации ($r = –0,305$; $p = 0,05$) и описанию чувств ($r = –0,320$; $p = 0,01$).

6. «Локус контроля — жизнь» отрицательно коррелирует со способностью к описанию чувств ($r = –0,269$; $p = 0,05$).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о влиянии выраженности алекситимии на мотивационно-смысловую сферу личности. Высокий уровень алекситимии обуславливает снижение осмысленности и целенаправленности жизни индивида. Результаты исследования могут быть использованы при создании образовательных и психокоррекционных программ для студенческой молодежи.

1. Faramarzi M., Khafri S. Role of alexithymia, anxiety, and depression in predicting self-efficacy in academic students // The Scientific World Journal. 2017. Vol. 5. P. 73–80.

2. Брель Е.Ю. Проблема изучения алекситимии в психологических исследованиях // Вестник КемГУ. 2012. № 3.

3. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд. М.: Смысл, 2003. 487 с.

4. Малютина Т.В. Психологические и психофизиологические особенности развития в юношеском (студенческом) возрасте // ОНВ. 2014. № 2 (126). С. 129–133.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОПИНГОВ И МЫШЕЧНЫХ ЗАЖИМОВ

Н.Ю. Самыкина, А.С. Тулин

Россия, Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
artemtulin@yandex.ru

Сегодня уровень неопределенности в жизни человека растет. Неопределенность может быть обнаружена во множестве ситуаций: при межличностном и межгрупповом взаимодействиях, при решении задач профессиональной и учебной деятельности, при принятии решений.

В данном исследовании рассмотрено, как, справляясь с ситуацией неопределенности и стресса, человек использует копинг-стратегии и как это отражается на телесном уровне.

Ситуация неопределенности — это ситуация стресса. Способы, с помощью которых человек поддерживает психосоциальную адаптацию в период стресса, называются копинг-стратегиями (Lazarus, 1996).

Чаще всего выделяют два типа копинг-поведения: *активное* и *пассивное*.

Д. Маклейн предлагает рассматривать толерантность к неопределенности как «разброс реакций, от отвержения до привлекательности, при восприятии неизвестных, сложных стимулов». Она включает три аспекта: восприятие новых для опыта человека ситуаций как угрозы; связь толерантности к неопределенности с авторитаризмом и предубеждениями; отрицание неопределенности (Mclain, 1993).

Как показывают исследования, толерантность к неопределенности и копинг-поведение некоторым образом связаны. В исследовании И.Н. Леонова установлено, что при увеличении толерантности к неопределенности возрастает вероятность проявления действий, направленных на активное, уверенное преодоление трудностей, снижается вероятность использования стратегий пассивного преодоления стресса (Леонов, 2015).

Как известно, стресс оказывает влияние не только на психоэмоциональное состояние человека, но и на телесное. Это выражается в различных напряжениях в теле — мышечных зажимах.

Мышечный зажим — это состояние хронического напряжения мышцы или группы мышц. По мнению В. Райха, мышечные зажи-

мы напрямую связаны с характером человека, который включает в себя набор защит против беспокойства и тревоги (Райх, 2000).

В нашем исследовании мы предположили, что существует взаимосвязь между мышечными зажимами и копинг-стратегиями. В зависимости от использования тех или иных копингов изменяется локализация мышечного напряжения.

Мы использовали следующие методы:

1) анкета локализации мышечного напряжения;

2) опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса.

В исследовании приняли участие 56 человек, мужчины и женщины в возрасте от 18 до 50 лет.

Анализ показал, что корреляция существует и находится в зоне статистической значимости между следующими признаками:

1) мышечный зажим в области головы, лица, шеи и стратегии дистанцирование, самоконтроль, принятие ответственности, конфронтация ($r_s = 0{,}363$, $p < 0{,}01$; $r_s = 0{,}343$, $p < 0{,}05$; $r_s = 0{,}381$, $p < 0{,}01$; $r_s = 0{,}342$, $p < 0{,}05$ соответственно);

2) мышечный зажим в области плеч, рук и стратегия принятие ответственности ($r_s = 0{,}348$, $p < 0{,}05$);

3) мышечный зажим в области грудной клетки, сердца и стратегия конфронтация ($r_s = 0{,}3$, $p < 0{,}05$).

Исходя из результатов исследования, заметно: когда испытуемые пытаются преодолеть отрицательные переживания в связи с возникшими трудностями за счет субъективного снижения значимости ситуации и степени эмоциональной вовлеченности в нее (дистанцирование), они чувствуют напряжение в голове, лице, шее.

Аналогично испытуемые чувствуют напряжение в голове, лице, шее, когда пытаются справиться с отрицательными переживаниями за счет подавления эмоций, минимизации их влияния на оценку ситуации, высокого контроля поведения, стремления к самообладанию (самоконтроль).

Когда испытуемые осознают свою роль и ответственность за ситуацию, часто с отчетливым компонентом самокритики, стремятся понять зависимость между собственными действиями и их последствиями (принятие ответственности), то они чувствуют напряжение в голове, лице, шее либо в плечах и руках.

Когда испытуемые пытаются разрешить возникшие трудности за счет осуществления действий, направленных либо на изменение

ситуации, либо на выражение отрицательных эмоций (конфронтация), то они чувствуют напряжение в грудной клетке.

1. Леонов И.Н. Влияние толерантности к неопределенности на стратегии совладающего поведения у менеджеров/ Известия Саратовского университета, 2015, с.259-261
2. Райх В. Анализ характера. М.: ЭКСМО, 2000.
3. Lazarus R.S. Psychological stress and the coping process. N.Y.: McGraw-Hill, 1996.
4. Mclain D.L. A new measure of an individual's tolerance for ambiguity // Educational and Psychological Measurement. 1993. Vol. 53. № 1. P. 183–189.

СООТНОШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА И ВЫБОРА ПРОФИЛЯ ОБУЧЕНИЯ ПОДРОСТКАМИ В СВЯЗИ С ВОСПРИЯТИЯМИ ОТНОШЕНИЙ С РОДИТЕЛЯМИ

Д.К. Семенова

Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет
darina.semenova@rambler.ru

Результаты исследования показывают, что при выборе профиля образования подростки прислушиваются к мнению родителей. Однако опора на внешнюю мотивацию затрудняет планирование дальнейшего профессионального пути. Восприятие подростками отношений с родителями как позитивных способствует повышению самостоятельности и осознанности профессионального выбора.

Исследования подросткового возраста широко представлены в отечественной и зарубежной психологии, но в связи с важностью этого возрастного периода для развития личности они не теряют своей актуальности. В настоящее время школьники должны выбирать профиль обучения и сферу будущей профессиональной деятельности уже в 11–12 лет.

В возрасте 11–14 лет у подростка протекают процессы децентрации мышления и становления представлений о мире (Пиаже, 1969). Это возраст первых реальных выборов профессионального пути, стадия «оптации» (Климов, 2010). Совершая эти важные выборы, подростки руководствуются разными мотивами, опираются на многие факторы влияния, среди которых интерес, пример друзей, средства массовой информации, мнение окружающих (в

том числе родителей), престижность и др. (Бодалева, 1980; Климов, 2010; Смирнягина, 2009 и др.). М.М. Смирнягина подчеркивает, что подростковый период отличается двойственностью по отношению к родителям: стремясь решать все сами, подростки нуждаются в поддержке родителей, но в силу возраста склонны перекладывать ответственность на взрослых.

Целью исследования было изучение выбора подростками профиля обучения, мотивов профессионального выбора и роли детско-родительских отношений. Выборку составили 25 учащихся 7-го класса гимназии в возрасте 12–14 лет (15 девочек и 10 мальчиков). В качестве гипотезы мы предположили, что подростки при выборе профиля обучения могут испытывать затруднения в связи с незрелостью характеристик профессионального самоопределения; восприятие отношений подростков с их родителями тесно связаны с характеристиками профессионального самоопределения. Методы исследования: анкета с вопросами о школьных предметах, выборе профиля обучения в 8–9-х классах; методика «Мотивы выбора профессии» Р.В. Овчаровой; опросник «Подростки о родителях» Е. Шафера.

Исследование показало, что семиклассники зачастую отдают предпочтение школьным предметам, которые соотносятся с выбором профиля обучения, но затрудняются ответить на вопрос о выборе профессии. Самый популярный выбор профиля среди мальчиков — физико-математический, наиболее привлекательные предметы — информатика, алгебра, геометрия, физика. Девочки чаще выбирают химико-биологический профиль, а предпочитаемый предмет — биология. При анализе советов родителей оказалось, что мальчики чаще всего получают совет в пользу физико-математического профиля (0,78) и не получают совета выбрать социально-экономический и гуманитарный профили. Родители девочек чаще советуют выбрать химико-биологический (матери — 0,38; отцы — 0,33) и гуманитарный профили (матери — 0,31; отцы — 0,17). Наименьшую симпатию у матерей девочек вызывает социально-экономический профиль (0,08). За советом к учителю обращаются только 1/3 учащихся.

При анализе вопросов анкеты о причинах выбора профиля было выявлено, что мальчики в основном опираются на свою осведомленность в профиле и его престижность в школе (0,30). Выбор девочек основан в первую очередь на интересе к сфере знаний (0,67).

Анализ мотивов выбора предполагаемых профессий обнаружил важность для мальчиков внутренних социально значимых мотивов (19,67), им важно одобрение, положительное отношение общества к их выбору. В то время как для девочек наиболее существенными являются внутренние индивидуально значимые мотивы (17,07), опирающиеся на собственные представления о мире, интересы и личные предпочтения.

Проведенный корреляционный анализ показал общность и специфику роли детско-родительских отношений в профессиональном выборе и выборе профиля обучения подростками. Так, директивность отца не способствует принятию подростком решения о выборе информационно-математического профиля, а предоставление автономии имеет положительную корреляцию с преобладанием внутренних социально значимых мотивов. Однако показатель родительской автономии, так же как и непоследовательности матери, может способствовать выбору профиля обучения на основе внешней престижности для девочек. Непонимание реакции родителей на то или иное поведение ведет к тому, что девочки выбирают престижный профиль обучения для получения положительной оценки не только со стороны матери, но и окружающего социума. Директивность отцов также по-разному проявляется в выборах подростков. Она зачастую заставляет мальчиков под давлением выбирать профиль обучения, а вот девочкам придает уверенности в выборе.

Таким образом, 12–14-летние подростки еще не готовы ответить на вопросы о профессиональном пути, тогда как выбор профиля обучения дается им достаточно легко. В ситуации решения основных возрастных задач важно учитывать особую роль и значение детско-родительских отношений.

1. Бодалев А.А. В мире подростка. М.: Медицина, 1980.
2. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2010.
3. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969.
4. Смирнягина М.М. Возрастные границы и психологическое содержание стабильного периода подросткового возраста // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2009. № 5 (138).

ВОСПРИЯТИЕ СТАТИСТИК: КАК МЫ ВИДИМ МНОЖЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ

И.С. Уточкин

Россия, Москва, НИУ ВШЭ
isutochkin@inbox.ru

В докладе будет представлен обзор исследований нашей группы в области изучения статистической репрезентации ансамблей в зрительном восприятии — способности к быстрому и точному оцениванию сводных характеристик множественных объектов. Одна линия исследований посвящена роли характеристик распределения видимых признаков в группировке, сегментации, категоризации и зрительного поиска объектов. Другая линия посвящена изучению когнитивной архитектуры разнородных ансамблевых репрезентаций (например, среднего, вариативности, количества).

В своем докладе я собираюсь представить обзор серии исследований, выполненных в моей лаборатории в НИУ ВШЭ в течение последних нескольких лет и посвященных статистической репрезентации ансамблей в зрительном восприятии. Хотя огромное количество экспериментальных исследований показывает, что объем нашего внимания и рабочей памяти имеет жесточайшие ограничения, приводящие к невозможности глубокой осознанной обработки и опознания более чем нескольких объектов одномоментно, наш повседневный перцептивный опыт говорит об обратном. В каждый момент нашего восприятия у нас есть впечатление полноты воспринимаемой картины, наполненной множеством объектов, благодаря чему мы с легкостью «схватываем» общий смысл увиденного (gist). Один из активно обсуждаемых в последние 1,5–2 десятилетия «кандидатов» на роль механизма, обеспечивающего возможность легкого и мгновенного восприятия множества объектов, — механизм статистической репрезентации ансамблей (Cohen et al., 2016). В своем классическом эксперименте Д. Ариэли (Ariely, 2001) продемонстрировал стандартную диссоциацию между легкостью извлечения ансамблевой статистики и фундаментальными ограничениями глубокой переработки единичных объектов. Показывая испытуемым наборы кругов разного диаметра на 500 мс, Ариэли просил затем оценить размер тестового круга на предмет сходства со средним (тестовый круг больше или меньше, чем средний диаметр в наборе) или с индивидуальным членом множе-

ства (был ли круг точно такого диаметра в наборе). В итоге было обнаружено, что испытуемые довольно точны в оценках среднего, при том, что очень мало знают об индивидуальных объектах. В дальнейших исследованиях было показано, что точное усреднение испытуемые демонстрируют при оценке не только простых признаков, таких как размер, ориентация, цвет или скорость, но и гораздо более сложных перцептивных свойств, таких как лицевая экспрессия (Haberman, Whitney, 2007) или даже одушевленность (Leib et al., 2016). Кроме оценки среднего, испытуемые также способны извлекать и другие зрительные статистики, такие как вариативность (Norman et al., 2015) или примерное количество (Halberda et al., 2008).

Исследования нашей лаборатории в области восприятия ансамблей в основном посвящены тому, как статистика распределения признаков множественных объектов может быть использована в качестве организующих факторов для восприятия и запоминания сцен и объектов. В частности, одна из центральных тем посвящена тому, как перцептивная (возможно, и категориальная) организация сцены, т.е. стремление воспринимать все объекты как принадлежащие одному (группировка) или разным (сегментация) множествам, зависит от вариативности (Utochkin, Tiurina, 2014) и формы распределения (Utochkin, 2015; Utochkin et al., 2018) представленных в ней признаков. Например, множество зеленых и желтых объектов круглой и овальной форм может быть воспринято как осенние листья при одном распределении цвета и формы, а может — как яблоки среди листьев при другом распределении. То, как распределены признаки всех объектов, будет влиять также и на то, как мы будем видеть и запоминать отдельные объекты. Например, при поиске целевого объекта в задаче зрительного поиска то, насколько легко испытуемому будет обнаружить этот объект среди остальных, зависит от степени его контраста со статистикой остальных объектов.

Наконец, еще одна часть нашей работы в области статистических репрезентаций связана с попыткой понять общую когнитивную архитектуру, стоящую за способностью к оценке разного рода сводных статистик ансамблей. Связаны ли воедино процессы, позволяющие оценивать, например, средний признак множества, его вариативность и примерное количество объектов? В одном из наших исследований мы использовали для ответа на этот вопрос

подход, основанный на индивидуальных различиях в оценках двух разных статистик одного и того же ансамбля — среднего и количества (Utochkin & Vostrikov, 2017). Отсутствие корреляции между тем, насколько точны были испытуемые в этих двух задачах, дает основание предполагать относительную независимость тех процессов, которые стоят за разными статистическими оценками. С этим выводом согласуются и наши новые данные о том, что в каждой экспериментальной пробе точность оценки одной из двух тестируемых статистик (среднего и количества, среднего и вариативности) также не коррелирует с точностью оценки другой (Khvostov, Utochkin, в процессе подготовки). Мы, таким образом, склонны видеть за феноменологией восприятия ансамблей сложную систему распределенных механизмов. Наша лаборатория и другие лаборатории по всему миру продолжают работу (в том числе, совместную) на пути к лучшему пониманию этих механизмов.

1. Cohen M.A., Dennett D.C., Kanwisher N. What is the bandwidth of perceptual experience? // Trends in Cognitive Sciences. 2016 . Vol. 20. P. 324–335.

2. Haberman J., Whitney D. Rapid extraction of mean emotion and gender from sets of faces // Current Biology. 2007. Vol. 17(17). P. R751–R753.

3. Halberda J., Sires S.F., Feigenson L. Multiple spatially overlapping sets can be enumerated in parallel // Psychological Science. 2006. Vol. 17. P. 572–576.

4. Leib A.Y., Kosovicheva A., Whitney D. Fast ensemble representations for abstract visual impressions // Nature Communications. 2016. Vol. 7, P. 13186.

5. Norman L.J., Heywood C.A., Kentridge R.W. Direct encoding of orientation variance in the visual system // Journal of Vision. 2015. Vol. 15 (4). P. 3.

6. Utochkin I.S., Tiurina N.A. Parallel averaging of size is possible but range-limited: A reply to Marchant, Simons, and De Fockert // Acta Psychologica. 2014. Vol. 146. P. 7–18.

7. Utochkin I.S., Vostrikov K.O. Parallel and independent visual processing of the mean size and numerosity // PLOS One. 2017. Vol. 12 (9). P. e0185452.

8. Utochkin I.S. Ensemble summary statistics as a basis for rapid visual categorization // Journal of Vision. 2015. Vol. 15 (4). 1–14.

9. Utochkin I.S., Yurevich M.A. Similarity and heterogeneity effects in visual search are mediated by “segmentability” // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 2016. Vol. 42(7). P. 995–1007.

10. Utochkin I.S., Khvostov V.A., Stakina Y.M. Continuous to discrete: Ensemble-based segmentation in the perception of multiple feature conjunctions // Cognition. 2018. Vol. 179. P. 178–191.

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ДЕТЕЙ С ОВЗ В СФЕРЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

О.С. Шалина, Н.М. Габуния

Россия, Москва, МГМСУ имени А.И. Евдокимова
shalinaya@yandex.ru

Центральный момент клинико-психологического сопровождения инклюзивного образования — комплексное психодиагностическое обследование детей с ОВЗ. К обследованию предъявляется ряд требований. Результаты психодиагностики должны быть валидными. Обследование должно соответствовать индивидуальным особенностям детей и быть занимательно для детей. Нейропсихологический подход соответствует этим требованиям и может служить надежным основанием психодиагностики детей с различными особенностями развития.

Дети с особенностями развития получили возможность развиваться в нормальных условиях ежедневного общения со сверстниками. Но встает вопрос о качественной психологической диагностике каждого «особого» ребенка, цель которой — определение его «сильных» и «слабых» сторон, которые затрудняют обучение или являются ресурсными и могут стать основой успешной адаптации в классе или группе.

Результаты психодиагностики должны соответствовать критериям валидности, быть сопоставимыми с результатами лонгитюдных или срезовых обследований, выявлять первичные и вторичные дефекты, объяснять педагогам причины наблюдаемых поведенческих симптомов и очерчивать зону ближайшего развития каждого ребенка. Психодиагностическая процедура должна быть модифицируемой как по форме проведения, так и по предъявляемым стимульным материалам. Детям должно быть интересно выполнять задания, мы должны формировать адекватную мотивацию наших обследуемых.

Основная сложность обследования *детей с аутистическими чертами* — недостаточность контакта, слабость социальной мотивации, незаинтересованность ребенка в отношениях с психологом. Дети-аутисты демонстрируют низкие результаты, даже будучи способными хорошо выполнить пробу. Психолог не должен экономить время на наблюдении за свободной игрой ребенка, на знакомстве

и установлении максимального близкого контакта. Невыполнение инструкции в этом случае не может свидетельствовать о недостаточности нейропсихологического фактора. У каждого ребенка есть интерес, пристрастие. Психолог должен использовать этот интерес в качестве мотива обследования. Мотивы соревнования и внешнего поощрения для ребенка-аутиста практически не значимы, и мы модифицируем не столько стимульный материал, сколько саму ситуацию обследования.

Дети с интеллектуальной недостаточностью характеризуются незрелостью эмоционально-волевой и познавательной сфер, пассивностью восприятия и ригидностью мышления.

Считается, что информацию детям лучше предъявлять в игровой форме. Это верно отчасти: игра привлекает, но не мотивирует прикладывать усилия для получения более высокого результата. Наиболее эффективным показал себя соревновательно-игровой формат. Игровые методики больше подходят детям, которые имеют значительное отставание психического развития. Дети, имеющие менее грубую задержку развития, проявляют больший интерес к соревнованию.

Повышенная утомляемость не позволяет проводить длительные обследования. Поэтому мы отдаем предпочтение многофункциональным пробам. Сложность удержания инструкции диагностически значима. Уместным будет выбор ярких методик с достаточно короткими и простыми инструкциями.

Начав работу по модификации и апробации на разных выборках альтернативного стимульного материала, мы идем по пути, противоположному принципу сенсибилизации проб. Если ребенку не удаётся справиться с заданием, то он не проявляет своего качественного своеобразия. Тогда психолог «понижает планку» и предлагает ему облегченные варианты стимульного материала и инструкций.

Обязательно стоит проводить исследование нейродинамических показателей.

Психодиагностика *незрячих детей* требует модификации стимульного материала и инструкций. Ряд нейропсихологических проб доступен в полном объеме. В некоторых случаях психологу предлагается опираться на привычное детям тактильное восприятие, которое они и называют зрением. Мануальные пробы мы пред-

лагаем выполнять по осязательному образцу, с опорой на принцип «рука в руке» или «рука на руке».

Восприятие объемных фигур формируется у незрячих детей достаточно полно. Но в случае нормативного интеллектуального развития в диагностическом плане интересны плоские изображения. Мы разрабатываем комплект карточек с наклеенными фигурами из тонкого картона, достаточно плоскими, максимально приближенными к 2D-изображению.

Интересные данные о пространственных представлениях мы получаем при изменении масштаба. Мы предлагаем детям образцы, сложенные из палочек на магнитной доске привычного размера А4, и просим скопировать их из гимнастических палок длиной 1–1,5 метра на полу. Зачастую такое масштабирование выявляет слабость пространственного фактора, низкую степень его сформированности.

При диагностике соматосенсорных представлений многие пробы предъявляются без изменений, кроме того, мы предлагаем детям набор человеческих фигурок, вырезанных из тонкой фанеры.

Для исследования памяти мы предлагаем стимульный материал, максимально приближенный к набору трудно вербализуемых абстрактных фигур. На пробковом планшете вырезаны фигуры, которые надо запомнить. Ниже размещена таблица с вырезанными неповторяющимися фигурами, среди которых надо найти запомненные образцы.

Итак, необходима разработка принципов комплексной и валидной психологической диагностики детей с ОВЗ, включаемых в общие группы и классы. Важно определить ее методологию и конкретные пути модификации и адаптации к задачам инклюзии. Нейропсихологический подход представляется максимально соответствующим этим требованиям.

1. Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход. СПб.: Питер, 2008. 320 с.

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ КОСМИЧЕСКИХ ПОЛЕТОВ И ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ИЗОЛЯЦИИ

А.К. Юсупова, В.И. Гущин, А.И. Чекалина, Н.С. Суполкина, Д.М. Швед

Россия, Москва, ГНЦ РФ — Институт медико-биологических проблем РАН
anna_yusupova@mail.ru

Практика экстремальных профессий ставит задачи диагностики и возможного прогнозирования поведенческих реакций людей, пребывающих в ситуациях долговременной изоляции. Анализ копинг-стратегий людей в экстремальных ситуациях (космические полеты, модельные изоляционные эксперименты) позволяет выделить индивидуальные и групповые паттерны реакции на стресс, а также ранние предвестники дистресса, связанного с монотонией и переутомлением.

Эксперименты, моделирующие долговременную изоляцию космических полетов, ведутся с начала космической эры. Факторы космических полетов исследуются в таких экспериментах изолированно, полетные процедуры отрабатываются и анализируются отдельно в связи с высокими рисками космических полетов.

Ситуация долговременного полета характерна изобилием стресс-факторов, как физиологических (микрогравитация, космическая радиация), так и психологических (удаленность от источника потенциальной помощи, скученность, монотония, социальная депривация). При этом высокая степень ответственности за производимые действия делает актуальным мониторинг состояния космонавта на орбите — как физиологический, так и психологический.

Одним из подходов к дистанционному анализу является анализ речи с целью выделения в ней признаков, указывающих на динамику состояния космонавта в полете. Исследователями производится анализ как текстовой продукции космонавтов и участников изоляционных экспериментов (Stuster, 2010), так и устной речи в переговорах экипажа с наземным персоналом (Gushin et al., 2016).

Представление о проявлении стресса через копинг-стратегии было сформулировано Р. Лазарусом и С. Фолкман (Lazarus, Folkman, 1984), показавшими, что копинг-стратегии (способы

преодоления стресса) — это эмоциональные, мотивационно-волевые, когнитивные и поведенческие конструкты, проявляющиеся во всех видах деятельности, в том числе и в общении. В изоляционных экспериментах использование копинг-стратегий изучалось в США в серии экспериментов FMARS (Bishop et al., 2010), в России в серии экспериментов SIRIUS (Суполкина и др., 2019). В отличие от реальной практики космических полетов, где членами экипажа являются в основном мужчины, изоляционные эксперименты в данный момент направлены на тестирование сбалансированного по гендеру экипажа из шести человек, планируемого для заселения проектируемой окололунной станции. В связи с этим в экспериментах становится возможным сопоставить мужские и женские копинг-стратегии. Результаты обеих экспериментальных программ показывают сходные данные: для мужчин в долговременной изоляции были более характерны копинг-стратегии избегания, а для женщин — стратегии, направленные на снижение эмоционального напряжения и разрешение возникающих проблем (Bishop et al., 2010; Суполкина и др., 2019).

Изучение копинг-стратегий в речи космонавтов ведется в рамках космического эксперимента «Контент» (в программе российского сегмента МКС с 2015 года). В связи со спецификой комплектации российского экипажа мужчинами (за время советско-российской космической программы в космосе побывали только четыре женщины) нет возможности сравнивать копинг-стратегии по гендеру. Однако, накопление существенного массива индивидуальных данных дает возможность выделения стилей копинг-стратегий в устойчивой экстремальной среде космического полета.

Методикой сбора данных в эксперименте «Контент» является контент-анализ по системе категорий, которая прошла серию итераций в наземных экспериментах и экспедициях МКС и была утверждена для бортового эксперимента. Систематизация речи 15 космонавтов в долговременных космических полетах за 2015–2018 годы и последующая обработка результатов методами кластерного и факторного анализа позволили выделить три стиля применения копинг-стратегий, перекликающиеся с концепцией В. Сатир (1988). Однако, при том, что В. Сатир обозначала пять стилей, в настоящем исследовании выделилось три (компьютер, блеймер, плакатер; дистрактор и ассертивный стиль самостоятельно выделены не были).

В настоящее время сбор данных по эксперименту «Контент» и программе экспериментов SIRIUS продолжается, в связи с чем полученные к настоящему моменту могут считаться промежуточными.

1. Суполкина Н.С., Юсупова А.К., Швед Д.М., Чекалина А.И., Саранцев С.В., Гущин В.И. Коммуникативное поведение экипажа при общении с центром управления в эксперименте SIRIUS-17 // Авиакосмическая и экологическая медицина. 2019. Т. 57. № 2.

2. Bishop S.L., Kobrick R., Battler M., Binsted K. FMARS2007: Stress and coping in an arctic Mars simulation // Acta Astronautica. 2010. Vol. 66. P. 1353–1367.

3. Gushin V.I., Yusupova A.K., Shved D.M., Shueva L.V., Vinokhodova A.G. The evolution of methodological approaches to the psychological analysis of the crew communications with Mission Control Center // REACH — Reviews in Human Space Exploration. 2016. Vol. 1. P. 74–83.

4. Lazarus R., Folkman S. Stress, appraisal and coping. Springer, 1984.

5. Satir V. The new peoplemaking. Science & Behavior Books, 1988.

6. Stuster J. Behavioral issues associated with long- duration space expeditions: Review and analysis of astronaut journals, Experiment 01-E104 (Journals): Final report, NASA/TM-2010-216130 (2010).

ANNOTATIONS

1. MOBILIS IN MOBILE: A PERSONALITY IN THE TIME OF CHANGE

V.A. Baranova

COLLECTIVE MEMORY OF RUSSIA OF THE XX CENTURY AS AN ELEMENT OF THE IMAGE OF THE MODERN WORLD

Collective memory actualizes a certain event series constituting the image of Russia of the 20th century: the Revolution of 1917, space exploration, the Great Patriotic War, the USSR. The differences in assessing the significance of events of the historical period for different age groups are revealed. A common collective event discourse has been revealed that unites three generations: the Great Patriotic War, as well as achievements related to space exploration, successes in science and culture.

O.V. Bubnovskaya

DISEQUILIBRIUM AS A CONDITION OF PERSONALITY DEVELOPMENT

The article presents the personality as a complex individualized dynamic system of motivational and purpose formations and methods for their implementation, which are characterized by difficulties, contradictions and crises. The life of a modern person, the necessary attributes of which are tension, disequilibrium and imbalance, is totally conflict. It is in the breakdown of life that the development of the personality takes place, the fullness of being is felt, which can be achieved through psychological literacy.

M.S. Guseltseva

METHODOLOGY OF THE 21ST CENTURY: PERSONALITY AND SUBJECTIVITY IN THE TRANSFORMING SOCIETY

The contemporary context of human development is determined by the globalization of culture, the transit society and the digital. All this requires new methodological strategies in the study of personality and subjectivity, the transition from analysis of the structure of activity and the social environment to a transdisciplinary analysis, to the methodology of latent changes and cultural practices.

E.L. Dotsenko

HISTORICAL DIMENSION OF THE SEMANTIC ARCHITECTONICS OF PERSONALITY

The past historical epochs do not disappear without a trace, remaining in the experience of mankind in the form of value-semantic architectonics of members of society: each epoch has its own level. Levels are actualized depending on the type of activity of an individual, and the nature of actualization (value-semantic profile) reflects the peculiarity of a particular type of activity.

N.N. Dudal

THE RELEVANCE OF HISTORICAL APPROACH TO THE STUDY OF HISTORICAL FIGURES

The growing interest in the past and its individual representatives actualized the problem of relations between historical events and psychological characteristics of people. In this regard, there is a revival of the concept and the term "historical psychology" introduced into scientific circulation in the 1920s, the purpose of which is to study the relationship between the historical process and mental phenomena, to identify the conditions for the formation of personality.

V.A. Ivannikov

THE WILL AS THE VICTORY OVER ONESELF

Solving the problem will require recognition of the multidimensional view of man as a natural and social beings, functioning on five levels: body, unit types, natural individual-subject of natural relations unit of society-the subject social relations and personality as a subject of interpersonal relationships. The conflict of the individual-level task with the objectives underlying levels requires the volitional regulation of human choice and action to meet the decisions of individuals.

G.V. Zalevskiy

PERSONALITY AND FIXED FORMS OF BEHAVIOR

In the era any changes, including present time, there is the test of the availability of resources, the readiness of individual and social communities for the upcoming or already existing changes — revolution, Perestroika, technological changes. The degree of their presence-absence demonstrate so-called fixed forms of behavior (FFB). Fixed forms of behavior are understood under fixed the broad spectrum of the forms of behavior of a person or group of people, which biosocial, in the plan of cultural rates, accepted in given society for persons of certain age, flap and status steels already inadequate, but are repeated and in situations, objective requiring their change; at level and degree of realization and taking need of this change can be different. As a result of many years of experimental psychological and clinical psychological researches, as well as the systematization of a large domestic and foreign studies, explanatory models are offered from the system-network and holistic-value conceptual positions.

M.Sh. Magomed-Eminov

PERSONALITY AS WORK OF PERSONALITY: ROUTES OF TRANSFORMATION OF PERSONALITY IN TRANSIT WORLD

The development of activity-meaning approach as dynamic paradigm of cultural-activity psychology, based on the concept of work of personality, is presented as one of the possible answers to dynamic challenges of modernity.

The phenomenon of personality work, which is based on distinction between work and activity and their correlation, connection in the modus of life realization processes, existential work of person, complementing the traditional cognitive reflective epistemological setting of the subject of activity, becomes the fundamental concept.

A.G. Makalatya, T.Ya. Anikeeva, L.V. Matveeva, Yu.V. Mochalova

THE STRUCTURE OF SUBJECTIVE PERCEPTIONS OF THE IMAGE OF THE HERO OF MODERN YOUTH

The report is devoted to the analysis of the hero's image in the eyes of modern youth. The study involved 80 students who described a person who is a hero for them and an example to follow. The paper analyzes the personal traits of the described characters, their personal traits, activity and life values. The study clearly shows which characteristics representatives of the younger generation want to have in the future.

E.E. Nasinovskaya

ALTRUISTIC CHOICE AS A PREADAPTATION TO HIGHER VALUES

The author postulates three sources of altruism, in accordance with the biogenetic, socio-genetic and person-genetic line of evolution of the individual. The highest form of altruism is associated with the free, responsible choice of altruistic orientation of the individual. The choice is based on the values of being. Thus, the highest type of altruist is preadapted to a special reality, to a world of spiritual values.

M.A. Rushina

THE STUDY OF THE QUESTION OF PATRIOTISM OF THE INDIVIDUAL

The work is devoted to the problem of patriotism. The relevance of the issue is determined by the growing interest in educating the younger generation in the spirit of patriotism and faith in their Homeland. Today the process of intensive updating of the world outlook positions orienting system of education on creation of conditions of optimum intellectual and spiritual development of younger generation is important.

L.I. Ryumshina

REPRESENTATIONS OF STUDENTS ABOUT AGGRESSION AND VIOLENCE IN THE MODERN WORLD

The study was conducted in several stages since 2014, in the period of aggravating international relations and showed that students' representations about aggression and violence are poorly differentiated. Nevertheless, respondents believe that they live in an aggressive world full of violence. Although they rarely face violence and aggression in real life and they can feel safe only among their friends.

E.V. Sautkina

HOMO COMPLEXUS IN COMPLEXUS MUNDI: THEORETICAL, METHODOLOGICAL AND PRACTICAL PERSPECTIVES FOR MODERN PSYCHOLOGY

Due to the ever-increasing development pace of the modern society, as well as a greater visibility of traces of this development, we notice the unity of change and complexity which today lends itself to a more detailed examination. In such conditions, systems approaches offer much to researchers in Psychology. In this paper, we examine the Complex Systems Approach (Holder, 1998; Shiell et al., 2008) and Enaction Approach (Varela, Thompson, & Rosch, 1991), and analyse the potential of these approaches for psychological theory, methodology and practice.

T.V. Folomeeva, V.V. Nagornova

FEATURES OF PLANNED BEHAVIOR OF PEOPLE WITH DIFFERENT IDENTITY STYLES

This paper presents a pilot study aimed at the analyzation of the possibility to use the method of M. Berzonsky in predicting behavior models.

D.A. Khoroshilov

IDENTITY CRISIS AS OPPORTUNITY OF SUBJECTIVITY CONSTRUCTION

The work discusses the phenomenon of identity crisis as a reflection of the situation of transitivity (radical socio-cultural changes and problems) and the scientific search for the new concept of subjectivity that presents the individual and society in its essential unity or even indistinguishability. After L. Ginzburg, M. Foucault, J. Butler subjectivity can be defined as an internal discursive form of uncertainty of historical time.

L.A. Shaigerova, Yu.P. Zinchenko, R.S. Shilko, A.E. Raevskiy

BILINGUALISM AND MULTILINGUALISM AS A CHALLENGE TO EDUCATION IN THE MODERN SOCIO-CULTURAL SITUATION

The processes of globalization in modern society have led to the fact that the acquisition of several languages is becoming commonplace. The phenomenon of bilingualism and multilingualism creates new challenges for education. The application of innovative technologies and methods in combination with the ideas of cultural-historical theory of personality in education will allow us to take into account not only the positive, but also the possible negative impact of multilingualism on the cognitive and personal development.

E.I. Shliagina, I.M. Karlinskaya, E.N. Lvova

THE CIVIC PERSONAL IDENTITY IN A CHANGEABLE WORLD

This article demonstrates all the components of the phenomenon of civic identity among teachers (such as cognitive, emotional, value-motivational spheres of behavior). The research is conducted as a monitoring aimed to

determine teaching readiness in multicultural educational environment. The monitoring is attended by the respondents (502 teachers) from 6 regions of Russian Federation. The results show more than 70% of participant`s incompleteness, superficiality, emotional ambivalence. This mismatch between the conscious and unconscious levels of the components indicate the absence of a harmonious civic identity.

V.N. Shlyapnikov

THE PROBLEM OF HUMAN WILL IN THE CONTEXT OF THE SOCIAL-HISTORICAL DEVELOPMENT OF MANKIND

The article deals with the emergence and development of human will as a personal level of voluntary regulation in the context of the social-historical development of mankind. The need for the emergence of the will is due to the complication of human relations with the world and the emergence in his life of specific tasks related to the regulation of activity, the subject of the need for which is given in an ideal form, in conditions of conflict between different levels of human relations with the world.

M.I. Yanovsky

"UNDER-MENTAL (BIOSPHERE) REALITY" BY D.N. UZNADZE: IS THERE ANY PROSPECT FOR OLD CONCEPTS?

In the works conducted in 1920s of the XX century D. N. Uznadze was talking about "biosphere", "under-mental" reality, as the concepts necessary for an understanding of human interaction with the environment. The assumption of such a reality would allow a slightly different view of the problem of behavior in situations of uncertainty.

2. MAN'S SEARCH FOR HIMSELF: CHALLENGES OF RESPONSIBILITY, UNCERTAINTY AND DIVERSITY

G.V. Akopov, L.S. Akopian

PERSONALITY IN A POLYCULTURAL SPACE: FROM THE PAST TO THE FUTURE

The concept of a multicultural personality is analyzed. The concept of a multicultural space of human life is proposed. The multiculturalism of space is determined by the heterogeneity of a number of important characteristics of the activity of the subjects of life relations — linguistic, ethnic, national, religious, political, legal, economic, etc. A multicultural personality is characterized by the ability to be active in a determined set of diverse types and forms of social relations in the multicultural space of its own time. Historical examples of representatives of different epochs are given: linguistic multiculturalism of personality (A. Sayat-Nova); ethno-sociopolitical multiculturalism (M. Akmulla); socio-class, state-political, spiritual-ideological, intergenerational, moral-aesthetic, literary and artistic multiculturalism (I.S. Turgenev). The possibility and content of further amplification of personal multiculturalism is stated.

D.D. Barabanov

CHANGES IN VOLITION SPHERE OF STUDENTS DURING THE PROCESS OF LEARNING

The paper analyzes the changes in indicators of the volitional sphere of students during the process of their learning. Two studies were conducted: the first by the cross-sectional method (N = 943), the second by a 4-year longitude (N = 181). It was shown that the volitional regulation of educational activities in the first courses is associated more with the mobilization of their abilities by students, and in senior courses, regulation is provided by better organization of activities and greater attentiveness in the process of activity.

J.M. Glozman, V.A. Naumova

PERSONALITY IN THE SITUATION OF INDEFINITE "THIRD AGE"

What is more indefinite that the elderly, starting with its definition ("third age", "late adulthood", "golden age", "aging" and so on) and finishing by a must for an old subject to challenge with and to overcome the paradigm of involution, the negative stereotypes in the society, difficulties in own professional identification, and limitation of temporal perspective. Polymodal therapeutic art-techniques stimulate the cognitive potential of an old subject and favor his successive aging.

S.B. Dagbaeva, K.N. Ushakova

FEATURES OF SELF-IDENTITY OF STUDENTS IN MODERN SOCIO-CULTURAL CONDITIONS

The article discusses the results of a study of the characteristics of self-identity of students of different age groups. Self-identity is understood as a complex hierarchical education, including the awareness of various components of one's own self. Age-related changes in the structure of students' self-identity, a decrease in the importance of some components and an increase in the importance of other components are revealed.

K.K. Delgadillo, O.V. Maslova

TYPES OF ETHNIC IDENTITY OF LATIN AMERICAN STUDENTS

The article discusses the structure of ethnic identity and describes empirically identified different types of ethnic identity of Latin American students studying in Russia.

K.V. Zlokazov

PATTERNS IN PERCEPTION OF THE VANDAL ACTS BY URBANAND RURAL YOUTH

The readiness of young people for vandal actions is explained by their perception of vandal damage to the urban environment. The method and results of an empirical study that clarifies the patterns of assessment of vandal damage to urban and rural youth are discussed. Differences in assessment are explained by different perceptions of the value of objects of the urban environment, attitude to vandalism as an act of producing new cultural values.

E.A. Karacheva, O.O. Savina, O.G. Kvasova

DIGITAL RESOCIALIZATION: PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF DIGITAL EDUCATION

The formation of person is socially conditioned, it is mediated by symbolic structures, including digital ones, and in conditions of high variability and mobility of the world and society, with flowing multicultural values, is permanent process, not limited to the period of childhood and adolescence. Due to the development of digital technologies, allowing to overcome the space-time, age, educational limitations, it is possible to create remote psychological education programs in order to re-socialize various categories of citizens.

O.A. Klyueva

COMPETITIVENESS OF PERSONALITY AS A PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

Competitiveness of personality is a complex, multidimensional construct. Operationalization and measurement of the competitiveness of personality without taking into account the model of personal-situational interaction leads to the reduction in the content of the concept. The method of critical incidents, structural-functional, cluster, discriminant analysis allows to expand the description of the phenomenology of the competitiveness of the personality and to classify strategies of competitive behavior.

O.P. Kondaurova

EVOLUTION OF A MODERN STUDENT'S IDENTITY

The work deals with the research of evolution of the identity of a modern student. A comparative analysis was conducted of the evolution of specific nature of identity of students in the changing socio-cultural environment in the past (2000–2001) and the present (2017–2018). The results testify that the current environment imposes new requirements and actualizes new opportunities and "new identities" of students, which are characterized by a change in the quantitative and qualitative composition of its elements.

I.V. Kostakova

HARMONIOUS SELF-REALIZATION OF PERSONALITY OF YOUTH AGENDA STUDENTS

The work deals with the problem of harmonious self-realization of the personality of students of adolescence. The content of the concept of harmonious self-realization of a person is theoretically substantiated; the factors of self-realization of a student's personality are empirically determined through the prism of spiritual and moral potential. By empirical research, the main factors of self-realization among youth students were identified: "Harmonious self-realization of personality", "Formal self-realization of personality", "Quasi-self-realization of personality", "Status self-realization of personality", "Egopragmatic self-realization of personality", "Destructive self-realization of personality".

S.V. Kucherenko

NARRATIVE ANALYSIS AND Q-SORTING AS SELF-AID METHODS IN AN UNCERTAINTY SITUATION

The work considers an example of the analysis of life events, supplemented by their ranking by significance using the q-sort method and the subsequent narrative analysis of the respondent's received text. It is concluded that the combination of these methods is promising for the subject transformations of the personality in an era of uncertainty.

V.A. Mazilov

CATEGORY "PERSONALITY" IN MODERN PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE

The work is devoted to the problem of personality in modern psychology. The article discusses various approaches to the interpretation of personality, formed in scientific psychology and in practical psychology. Identified differences in the approaches to the description of the individual. The ways of interaction between theories of personality in academic psychology and the concepts of personality in practical psychology are outlined. Analyzed are the prospects for development in the personality psychology of the approach of A.Levidov.

E.Yu. Mazur

THE INFLUENCE OF REFLEXIVITY ON THE PROFESSIONAL IDENTITYOF YOUNG PROSECUTORS

Instability of life guidelines, the values eclecticism in the modern changing world create risks for the success of professional identity of your professionals. The physiological quality of reflexivity allows to determine the core qualities of the psychological structure of the identity of young prosecutors, the identical orientation of qualitatively different groups, the structure of identity and the types of its components.

V.V. Molotova

RESEARCH OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE DIRECTION OF CULTURAL — HISTORICAL PSYCHOLOGY

Theses substantiate the need to study the psychological aspects of a person's legal consciousness from the perspective of cultural-historical psychology. Legal consciousness is considered as an "artificial" cultural mental generation of a person. Systemic and semantic structure of legal consciousness is built by analogy with the theory of the systemic-semantic structure of consciousness.

I.A. Novikova, M.V. Gridunova, A.L. Novikov, D.A. Shlyakhta

INTERCULTURAL COMPETENCE FEATURES IN CONTEMPORARY UNIVERSITY AND SCHOOL STUDENTS

The article reviews the intercultural competence (ICC) as resource of personality development in the modern diverse world. The results of the ICC study in samples of the university (n = 388) and school (n = 122) students

are presented. Author's modification of the "Scale of intercultural sensitivity" by O.E. Khukhlaev and M.Y. Chibisova was used for the ICC diagnostics. The specific features of the ICC were revealed, which is that female students are more inclined to accept intercultural differences, and male students are more inclined to absolutize them in both of the studied samples.

N.S. Poleva

HYPERTEXT AS A MODEL OF CULTURAL TRANSMISSION

Hypertext is considered as a model of transmission of a new type of culture — information culture of modern society. A person under the influence of transitivity becomes from a passive object of transmission influence a subject of choice, creating his own personalized hypertext from disparate parts of multiple cultural texts. The constructing a personalized hypertext is also a way for a person to overcome the uncertainty and multiplicity of modern reality.

E.A. Pourtova

SEMANTIC REGULATION AND SYMBOL FORMATION IN PSYCHOTHERAPY

This work is a continuation of the research of the psychological mechanisms of psychotherapy, which are considered by the author as processes of intentional meaning formation. The author connects the cultural-historical approach with the ideas of psychoanalysis and analytical psychology, paying special attention to the role of symbols in the processes of meaning-creation.

E.E. Sokolova, E.Yu. Fedorovich

ABOUT "UNIVERSAL" AND "SPECIAL" IN THEDEVELOPMENT OF COMPLEX SYSTEMS IN DIFFERENT CONDITIONS OF "UNCERTAINTY"

The work argues that while we argue about a certain similarity of the processes of evolutionary "preadaptation" in different living systems, we need to distinguish the special in them, otherwise the qualitative specificity of life of animals and humans in the conditions of "uncertainty" will be lost. The authors point to this qualitative specificity on the basis of their analysis of modern studies of "culture", "language" and the generation of meanings in animals from the standpoint of cultural activity psychology.

E.T. Sokolova

PERSONAL STYLES OF COPING WITH UNCERTAINTY AND RISKS OF LOSS OF SELF

The specificity of the modern cultural environment with its instability, diversity and variability, prerequisites and personal predispositions that determine the diversity of manifestations of socio-cultural uncertainty and personal styles of coping with subjective uncertainty, the connection between resource and psychopathological aspects of self-identity in relation to uncertainty are analyzed.

R.V. Chirkina

PREPAREDNESS OF CONVICTED TEENAGERS AND YOUNG PEOPLE TO MAKE VOLITIONAL EFFORTS TO ACHIEVE THE DECLARED GOALS.

Preventing re-criminality among minors and young adults under 18 with criminal offenses is a top priority for the prevention system. A study of the mechanisms and factors of rejection of the criminal behavior allow us to highlight the target of preventive effects. Analyzing adolescents and young men with different status (conditionally convicted, sentenced to imprisonment and released) we found links between the declared goals and their readiness to implement them and motivational and semantic factors that keep youngsters from abusive behavior.

3. DIGITAL SOCIALIZATION AND DIGITAL PERSONALITY

Yu.V. Batenova

INFOSOCIALIZATION AS A SIGNIFICANT COMPONENT OF INFORMATION CULTURE OF PRESCHOOL CHILDREN

The necessity of considering contemporary Childhood in the context of fundamentally significant changes in the socio-cultural environment is substantiated. Analyzes the attitude to childhood, the specifics of the formation of the child's personality and changes in the system of its relationship with an adult. A number of paradoxes and contradictions of the modern social situation of the preschooler's development are noted. The problem of the transformation of the information space of a child is indicated, which generates a large number of psychological questions.

V.A. Emelin

TECHNOLOGICAL RADICALISM: THE REVERSE SIDE OF "DIGITAL" PARADISE

The present report addresses the problem field of the "digitization" of the daily life of the information society. It is stressed that, presently, technologies are a crucial factor of the identity transformation of personality. The notion of the technological radicalism is articulated implying a noncritical faith in the opportunities of technical progress and substitution of the man's abilities with technological media.

A.S. Evdokimenko, E.A. Strizhova

METHODS OF PERSONALITY PROFILE RECONSTRUCTION FOR BIG DATA

The paper will present authors' experience in the reconstruction of personality profile using data science capabilities for the material of "digital traces" and open information in Internet. Classical solutions for digitization and analysis of users' behavior (neural networks, machine learning (Random Forest), clusterization), as well as a number of improved methods (heuristic logic, what-if-analysis) will be analyzed.

Yu.V. Zhuravleva
PHENOMENON OF MODERN NON-CLINICAL DEPERSONALIZATION: IDENTITY CRISIS IN THE CONDITIONS OF MEDIA SPACE

The influence of modern media space on the formation of personal identity is discussed. The effects of media space include: the illusion of joint activity, the effect of a "telescope", clip thinking, "falling out" of time. It is shown how these effects lead to emotional disturbances, depressive conditions and the occurrence of non-clinical depersonalization.

Yu.A. Kingsep
USER EXPERIENCE RESEARCH IN THE DIGITAL PRODUCT DEVELOPMENT

The article provides a brief overview of the main stages of the digital product development, when user experience research is conducted. Despite the active development of this area, now there is a lack of a systematic approach to the methodology of UX research, and the theoretical approaches of Russian psychology can be the basis for this.

A.A. Kolmogortseva
INTERNET ADDICTION: ADDICTIONS ON THE INTERNET OR ADDICTIONS TO THE INTERNET?

The article discusses various foreign approaches to understanding the phenomenon of Internet addiction. The Internet is viewed in two aspects: as a medium for the realization of behavioral addictions and as an addictive agent.

V.A. Moskvin, N.V. Moskvina
INDIVIDUAL FEATURES OF THE DIGITAL PERSONALITY AT THE MANIFESTATION OF THE INTERNET-ADDICTION

Individual characteristics of the digital personality were studied (by the example of students with manifestations of Internet addiction of 17–18 years, n = 75) with different signs of asymmetries. The methods of F. Zimbardo, R. Cattell's test, S.A. Kulakov, criteria for partial dominance by A.R. Luria. Factor analysis was used in the statogram. Differences are revealed — a higher level of addiction is associated with the predominance of right hemisphere dominance and a greater focus on the present and the past.

A.V. Selezneva
INTERNET AS A FACTOR OF POLITICAL SOCIALIZATION OF YOUTH IN MODERN RUSSIA

In the modern era of digital technology, the Internet is an open communicative space that has a significant impact on its users. The Internet is a factor in the political socialization of young people, because it contributes to the formation of political values and attitudes, identifications and orientations. The Internet is a sphere of social and political activity of young people, in which certain forms of political behavior and participation are developed.

S.N. Sirenko

PERSONALITY IN THE DIGITAL EPOCH: RESPONSE TO THE HUMANITARIAN AND TECHNOLOGICAL CHALLENGES

The IV technological revolution is accompanied by a number of changes in the social, scientific, technological aspects that significantly affect socialization and determine the value orientations of the younger generation. The article substantiates the possible answers to the humanitarian and technological challenges that appears to the person in digital era.

G.U. Soldatova, E.Y. Nikonova

TECHNOLOGIES OF VIRTUAL REALITY: DIRECTIONS OF RESEARCH AND PRACTICAL WORK WITH CHILDREN AND TEENS

The growth of virtual reality technology is becoming one of the major contributor of digital socialization. The theses provide an overview of the use cases for VR technology in the research and therapeutic work with children and teenagers.

G.U. Soldatova, S.V. Chigarkova

STRONG AND WEAK TIES IN THE STRUCTURE OF SOCIAL ONLINE CAPITAL IN DIFFERENT GENERATIONS

Infocommunication technologies are becoming increasingly important in the life of modern society and transform traditional socio-cultural practices, including the practices of social capital accumulation. The paper presents the results of a study of the characteristics of strong and weak ties in the structure of social online capital among representatives of three generations: adolescents 12–17 years old, youth and parents of adolescents 12–17 years old (N = 3395).

E.L. Soldatova, D.N. Pogorelov

DISTINCTIVE FEATURES OF SOCIAL NORMS OF SUB-CULTURE OF USERS OF THE INTERNET NETWORK

Modern society is characterized by the massive spread of the Internet. Virtual reality becomes a platform for formal and informal communication, shopping, creating interest groups. This necessitates the study of a special subculture of Internet users, which has a direct impact on the individual in the virtual space. The authors focus on the distinctive features of the social norms of the subculture of Internet users.

O.V. Flerov

DIGITAL PERSONALITY AND DIGITAL TRACE: LINGUISTIC ASPECTS

The report outlines the issue of digital personality as a 21st century phenomenon. It compares the notions of "digital personality" and "digital trace" and outlines key linguistic aspects of the object, which is a narrower phenomenon in relation to personality on the whole taking into account that the latter is studied both psychologically and linguistically.

M.A. Shchukina, S.V. Kraynyukov, E.I. Tyutyunnik, I.V. Yakovleva
PERSONAL PREDICTORS OF PERCEPTION OF A VISUAL SELF-PRESENTATION OF VIRTUAL CORPORATE NETWORK USERS

The results of the study of personal predictors of assessing the images of partners in business communication in the corporate educational network are described. In the group of 219 students, differences in the character of perception of images were found depending on the severity of the parameters of personal maturity: activity, autonomy, self-attitude, acceptance of the interests of another, and readiness to submit to social requirements.

4. PHEHOMENOLOGICAL AND EXISTENTIAL PERSONALITY PSYCHOLOGY: THEORY AND PRACTICE

L.I. Gabdulina
THE RELATIONSHIP BETWEEN ATTITUDES TOWARDS DEATH AND LIFE ATTITUDES IN YOUNG AND ELDERLY PEOPLE

Provides empirical data describing the relationship between attitudes towards death and life attitudes in young and elderly people. They allow to characterize this relationship among young people as close and very controversial, however, performs a compensatory function. The elderly people's conviction that the life can be managed, has proved significant to overcome their anxiety about death and transience of life time.

D.A. Dontsov
EXISTENTIAL ASPECTS OF SOCIAL AND PROFESSIONAL DEVELOPMENT

A brief analysis of existential non-standard personal professional development crises in adulthood and adulthood is given.

M.V. Klementyeva
THE BIOGRAPHICAL METHOD IN EXISTENTIAL PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

In article discussed the functional aspects of the biographical method and its use for solving theoretical and practical tasks in field of existential psychology of personality. The author reviewed the possibilities for the development of existential psychology through integration with other approaches in personality psychology who based of the biographical method.

E.E. Sapogova
SUBJECTIVE ONTOLOGY AS A FRAME OF THE LIFE-EXPERIENCE INTERPRETATION

The author's interpretation of the system-forming role of subjective ontology in the interpretation of the life-experience is proposed. It is shown, that a person

is based on some ultimate ontologemes ("fate", "fortuity", "free will"), each of which generates different foci of interpretation of the life-experience. The assimilated ultimate ontologems stimulate the prevalence in self-interpretation of belief, thinking or intuition and set three possible frames for the interpretation of the life-path: fate — effectuation — belief; fortuity — incident — intuition; free will — deed — thinking.

L.V. Senkevich, M.V. Dontsova
EXISTENTIAL CRISIS OF PROFESSIONAL AND SOCIAL DEVELOPMENT OF PERSONALITY

Briefly analyzed professional orientation crises of professional affiliation, self-affiliation, self-profiling, — in adults and mature ages.

A.A. Filosofova
"SELF-BETRAYAL" EXPERIENCING IN A SITUATION OF CHOICE: STUDIES' APPROACHES

Marked the relevance and possible approaches to the study of the phenomenon of "self-betrayal" experiencing from the existentialism position, as well as psychological approaches from the Z. Freud's psychoanalysis, D.N.Uznadze's theory of set, F. Vasilyuk's psychology of experiencing, L. Festinger's theory of cognitive dissonance.

G.V. Cherniaeva
THE EXISTENTIAL CONCEPT OF PERSONAL SELF-TRANSFORMATION OF CARLOS CASTANEDA

It is shown that the concept of existential personal self-transformation of K. Castaneda is based on the doctrine of stalking, and on the doctrine of doing, describing the process of decomposition of undesirable and durable consolidation of newly formed habits, personality traits, unique skills. The author reconstructs the Castaneda scheme of formation of new habits and concludes that many of the techniques of personal self-transformation described by him correlate with the psychological method of deep personal reflection.

K.E. Shamansurova
ACQUISITION OF THE DISEASE BY THE PATIENT BY MEANS OF UNIQUE IDENTIFICATION OF EXPERIENCES (DESCRIBING THE SITUATION OF ONCOLOGICAL DISEASES). PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS OF CASES.

The article presents an attempt to single out one of the strategies of patients to understand the situation of cancer by assigning them a sign of uniqueness, different from the ideas about the experience of the disease in the near and far environment. Phenomenological analysis of cases allows us to attribute these aforementioned experiences to coping with the disease and the formation of the internal picture of the disease.

5. ART AS A PRACTICE OF THE PERSONALITY DEVELOPMENT

A.M. Aylamazyan

THE LANGUAGE OF ART AND THE PROBLEM OF SENSE CREATION

In this report the art is considered as an activity, which develops imagination and ability for creation of senses to it. The special attention is given to creative imagination, aimed at artistic image creation. An artist, when working on a specific material, using and at the same time overcoming the properties of this material, creates a sensual sign or a kind of a shape, which turns into an image in our mind and obtains its own space-time structure (it is confirmed by the examples of painting, sculpture, movies, music and dance). The contradiction of an artistic creation between its content or material and its forms, is the basis for a paradoxical experience, where the trivial perception of the world confronts something new, existing due to the expressive means of art.

A.S. Belorusets

PSYCHOTHERAPY, ART AND TRAVELLING AS CULTURAL PRACTICES OF PERSONALITY DEVELOPMENT

Personality could be developed through traveling and experiencing various forms of art. Therefore, these cultural practices are used by modern psychotherapy, which becomes interdisciplinary. However, we are yet to understand their underlying mechanism. We consider traveling and art experiencing as cultural means that force to realize personal developmental tasks and facilitate inner work.

A.V. Karikh

WORK WITH THE BREATHING IN A DANCE PRACTICE

The article outlines the basic concepts related to the work with breathing in the context of contemporary dance and dance/movement therapy, based on the development of Laban Movement Analysis and Bartenieff Fundamentals, discusses the possibility of using breathing in dance/movement therapy.

T.A. Klimova

CULTURAL AND HISTORICAL ANALISIS OF THEATRICAL PRACTICES OF PERSONALITYDEVELOPMENT: FROM RITUAL FORMS TO PSYCHOTECHNICAL TOOLS

The report presents theatrical practice in the context of a cultural-historical approach as a space for personal development, examines the role of theatrical practices in the history of human society, from the birth of European theater to modern social forms of theatrical action.

D.A. Kotov

THE ORIGIN OF CHILDREN'S ART CREATIVITY: UPON "CHILDREN'S MOSAIC SCHOOL" EXPERIENCE

The report is dedicated to the sense of children's creativity and also to the aspect of how art classes develop children (including children with special needs) as well as tells about fine arts teaching method at "Children's Mosaic School", summarizing more than 40-yeared teacher's way.

S.G. Krzhechevskaya

MUSICAL MOVEMENT AS THE PRACTICE OF PERSON'S DEVELOPMENT OF MIDDLE AGE AND ELDERLY PEOPLE.

Elderlies in changing world give their response for time challenges in the way, which is common for all ages and specific for them. This people have no opportunity to take a learn from the generations before them because this experience does not exist. Dynamism and multidimensional structure of the contemporary world determine a necessity of development in any age. The method of the musical movement is the tool for the conditions of our times adaptation.

A.A. Melik-Pashaev

ABOUT VERTICAL AND HORIZONTAL DIMENSIONS OF ARTISTIC DEVELOPMENT

The author considers the meaning of artistic creative experience for personality development in two dimensions. In vertical — as an actualization of potential of person's higher, creative self, and in horizontal — as an experience of unity and affinity of a person and the world. Noted are therapeutic and prophylactic importance of artistic creation for children and problems related to deficiency of creative experience in childhood.

E.E. Nasinovskaya

TRIADIC STRUCTURE OF THE SUBJECT OF THE PSYCHOLOGY OF ART

A three-component structure of the subject of the psychology of art is proposed: the pole of the author (creator), the poles of the recipient (perceiver) and the work of art as a cultural mediator, preserving and translating meanings. At the pole of the author the generation and symbolic coding of the meaning occurs, at the pole of the recipient the perception and understanding of the semantic content occurs.

E.Yu. Patyayeva, Y.A. Yakshina

DRAMATIC IMPROVISATION AS A METHOD OF PSYCHOLOGICAL WORK AND MAIN POSITIONS OF ITS PARTICIPANTS

The report is devoted to dramatic improvisation — a method of group psychological work aimed at facilitating the self-development of the individual. Dramatic improvisation is a creative role-playing game that helps participants

work with their life experiences and define themselves in the emotional-semantic space of works of art. The report reviewed the main stages of this practice, the range of significant results and the main positions of the participants.

V. S. Sobkin, T.A. Lykova

THE QUESTION OF THE PSYCHOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF ACTING TALENT

The article presents the results of a longitudinal study of personal characteristics of students-actors. The dynamics of personal characteristics of students during four years of study in theater College is considered.

E.I. Tashkeeva

ABOUT THE AESTHETIC ATTITUDE TO THE PERSONALITY OF A CHILD: UPON THE EXPERIENCE OF WORK ON THE MUSICAL MOVEMENT METHOD

The report describes the experience of classes with children by the method of musical movement. The "core" of aesthetic education is the teacher's attitude to the child's personality like a piece of art, in which its artistic form — culture, cultural means (music, joint dance) — overcomes the properties of the material (complex character traits, limited capabilities of physics and psyche, difficulties of self-regulation and interaction with other children), on the one hand, and on the other hand, reveals the child's individuality as a human being.

A.V. Toropova

INTONATED EXPERIENCE AS AN INSTRUMENT OF PRACTICAL PSYCHOLOGY AND MUSIC THERAPY

The article discusses the methodological and instrumental potential of the "intonate, intonating" category as a unit for analyzing the dynamic manifestations of the flow of mental experiences of a person, making it possible to understand the mechanism for turning a unique experience of an individual into a mental tool of humanity to preserve experience in intonation signs and symbols of the experience. The author's approach to work with intonated experience of the subject in practical psychology and music therapy is presented.

Yu.I. Frolov

LIFE-CREATING ACT IN TERMS OF PSYCHOLOGICAL COUNSELING

The possibility of obtaining and further use of unconscious products for psychologically verified decision-making by a particular person in real life is considered. It is shown that by organizing the analytical part of the creative act it is possible to create conditions for the systematic interaction of conscious and unconscious components, which leads to the activation of constructive processes.

V.B. Khoziev
HERMENEUTICS OF ART CINEMA AS CONDITION OF PSYCHOLOGICAL PROFESSIONALIZING

25 years' experience of creation the system of training of psychologists and clinical psychologists with hermeneutics of Art Cinema at the heart is presented in theses. The proximity of problems of hermeneutics of Art Cinema and advisory work of psychologists is shown. Highlights of expansion of film material and the hermeneutical tasks solved by future psychologists are described.

6. PERSONALITY PSYCHOLOGY AS PRECISE SCIENCE

E.A. Bryzgalin, A.E. Voiskounsky, S.A. Kozlovskiy
LIFE-SENSE ORIENTATIONS OF WIKIPEDIA AUTHORS (BY THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN SEGMENT)

The paper reports of an empirical study with 85 participants, all active authors of the Wikipedia (Russian-language encyclopaedia). The online study refers to life-sense orientations (LSO), the methodics suggested by D. Leontiev. The respondents show high plasticity in seeking life-sense, they find support in their past life (in its results, or in their self-realization), in their actual state (interests and affects) or in their future (goals of their life)

O.I. Danilenko
ANTICIPATION COMPETENCY AS THE PRECONDITION FOR PRESERVATION OF SANITY IN A TRANSITIVE SOCIETY

The sanity concept is defined, the criteria of sanity are formulated. It is demonstrated that in conditions of a transtive society the precondition for preservation and strengthening sanity is an effective solution for psychohygienic problems which provides a realistic goal-setting, adaptation and self-direction of a person with taking into consideration rapid changes in the social and cultural life. Taking those changes into consideration is conducted by virtue of the anticipation competency of a person.

Y.A. Dmitrieva, S.Yu. Korobova
TOLERANCE TO UNCERTAINTY IN THE CONTEXT OF STUDYING PERSONAL CHOICE OF SUBJECTS

The relevance of the study of tolerance to uncertainty in the context of the study of personal choice and the viability of subjects is considered. The study involved 70 university students. The results of the correlation analysis of tolerance to uncertainty, hardiness and strategies of personal choice of subjects are presented. The relationship of tolerance to uncertainty with the scales of the questionnaire of hardiness and the strategy of personal choice — "awareness and acceptance of external difficulties" are revealed.

E.A. Dorokhov, A.N. Gusev

DIAGNOSTICS OF CHANGES IN SCHOOLCHILDREN'S REPRESENTATIONS OF PERSONAL COMPUTERS DURING EDUCATION

The article describes the approach to the study of the person's representations of the personal computer in the context of the study of mental models. The procedure for creating a methodology for studying mental models of a personal computer with different users and the main results of the study of changes in computer perception based on the results of educational impact are described. It is shown that in comparison with the control group, the group of participants in meetings devoted to the analysis of the role of computers in society, the idea of computers has become more saturated and has changed in content.

A.Yu. Kalugin

THE CONTRIBUTION OF TEMPERAMENT TO THE VALUE ORIENTATION OF THE PERSONALITY

The article considers the degree of influence of temperament on the value-semantic sphere of personality. As manifestations of the value-semantic sphere are the types of value orientation of the personality. It is shown that the contribution of temperament to the value orientation of the personality is from 9 to 32%.

Z.V. Kozhevnikov, G.S. Chemerskoy

LATENT INFORMATION IN THE EVALUATION OF SUBJECTIVE WELL-BEING AND PROBLEM BEHAVIOR: PSYCHOLOGICAL MEANING OF MISSING DATA

Below is a psychological analysis of the missingness during the survey of adolescents in order to assess their well-being and problem behavior. The importance is caused by the significance of assessing the well-being of adolescents at the population level and the shortage of relevant tools.

We used a database that included 578 rural school students aged 13 to 18 years. By means of qualitative analysis, we identify possible missingness patterns, then hypothesize about theirs psychological causes.

V.Yu. Kostenko, A.P. Korchagina

MANIFESTATIONS OF SELF-REGULATION PERSONALITY RESOURCES AT DIFFERENT LEVELS OF EGO DEVELOPMENT

A sample of 509 individuals aged from 14 to 53 was tested for different measures of personality self-regulation, i.e. operational (V.I. Morosanova's approach) and dispositional (D.A. Leontiev's approach), as well as for ego development level (J. Loevinger's approach). The results demonstrate that the lower level of ego development tends to be, the closer different types of self-regulation were manifested. By contrast, at the higher levels of ego development the trajectories of the two self-regulation types were dispersed.

D.A. Leontiev, A.E. Shilmanskaya, A.N. Mospan

PHENOMENOLOGY OF PERSONALITY CHANGES IN EMERGING ADULTHOOD

The work presents the results of a phenomenological analysis of personality changes in young age. The sample is consisted of first-year students (N=110) of the department of Integrated Communications HSE. Based on self-reports, experts distinguished 6 categories of sources of personality changes and 12 categories describing the content of these changes. The results are consistent with the theme of personal development in terms of self-regulation, as well as with the thesis of understanding the world as a form of subjective experience of one's own development.

D.I. Lomakin, A.A. Korneev

AN EXPERIMENTAL PSYCHOLOGICAL STUDY OF ADOLESCENT RISKY CHOICE

We investigated the propensity for risky choices in relation to behavioral regulation problems in adolescents with typical development using the «BART» test. Participants with higher-than-average scores in Aggression and/or Delinquency after «YSR-ACHENBACH» and «SOP-OREL» demonstrated suboptimal strategy in «BART». Their results might be associated with weak cognitive control during decision making.

A.N. Mospan, D.A. Leontiev, A.E. Shilmanskaya

PHENOMENOLOGY OF UNCERTAINTY

The study offers a phenomenological analysis of uncertainty. The results of expert qualitative assessment are given on a sample of students (N = 110) of the department of Integrated Communications HSE. Based on self-reports, several categories are highlighted describing the phenomenon of uncertainty and ways of coping with situations of uncertainty. The results indicate the heterogeneity of the construct and offer a new approach to the study of individual differences in relation to uncertainty.

N.N. Volkova, A.N. Gusev

PERSPECTIVES ON LATENT CLASS ANALYSIS METHOD IN COGNITIVE STYLES STUDIES

We highlight the relevance of studying the specifics of various cognitive style interactions and revealing distinct style profiles. The purpose of our study was to reveal distinct subgroups characterized by multiple style dimensions for such cognitive styles as augmenting-reducing, leveling-sharpening, flexibility-rigidity of cognitive control, equivalence range, and focusing-scanning.

E.I. Perikova, V.M. Bizova

METACOGNITIVE DECISION-MAKING STRATEGIES IN THE SITUATION OF UNCERTAINTY

There are the results of an empirical study of metacognitivism in the aspect of decision-making in the situation of uncertainty. The study involved 172 students of St. Petersburg State University. The paper used the method of

questionnaire survey, aimed at analyzing decision-making in the situations of uncertainty and strategies to overcome it. Metacognitive strategies for resolving situations of uncertainty have been identified and described.

A.B. Salikhova

VALUES CORRELATING WITH TOLERANCE FOR AMBIGUITY

Personal values are considered as the basis and resource of tolerance for ambiguity. The study was conducted on a sample of young people (n = 227). Values with positive and negative association with tolerance for ambiguity are identified. The values of cognition, freedom and creativity act as basic for ambiguity tolerance, and the values of wealth, health, interesting work, and happy family life are antagonistic to ambiguity tolerance.

A.B. Salikhova, N.R. Salikhova

SPECIFICITY OF THE MEANING TYPES OF PERSONAL VALUES IN DIFFERENT LEVEL OF THE AMBIGUITY TOLERANCE

The assumption of the dependence of the personal values meaning depending on tolerance for ambiguity confirmed when comparing contrasting groups (n=227). Higher realisability of personal values found in highly tolerance for ambiguity subjects as well as higher level of values unrealisability was typical for people with low tolerance for ambiguity. We identified the values, the meaning type of which differs mostly depending on the level of the individual tolerance for ambiguity.

L.L. Skvortsova

STRUCTURE OF BELARUSIANS PERSONAL MATURITY IMPLICIT CONCEPTS

The report presents the results of an empirical study of implicit concepts of personal maturity conducted on the Belarusian sample. It has been established that the structure of Belarusian's personal maturity implicit concepts is represented by the following factors: spirituality, autonomy, self-regulation and social realization.

I.G. Skotnikova, V.M. Shendyapin

SIGNIFICANCE OF PSYCHOPHYSICAL RESEARCH AND MENTAL PROCESSES MATHEMATICAL MODELING FOR PERSONALITY PSYCHOLOGY: PROBABILITY PROGNOSIS PARADIGM

Mathematical models of decision making and confidence in sensory and perceptive tasks are presented briefly which have been worked out by the present and other authors using probability prognosis paradigm, and give precise scientific knowledge on personality mechanisms which allow to overcome of uncertainty.

E.V. Tougareva

EXPECTED NEGATIVE PSYCHOLOGICAL STATE AS PREDICTOR OF DEBT BEHAVIOR

Results of research on the attitude towards consumer credit and decision about to take or not consumer credit are described. Expected negative

psychological state, related with status of debtor, is one of the main predictors of the decision on credit and debt behavior.

S.V. Tyulyupo, B.A. Dashieva
INDIVIDUAL RISKS VS ENVIRONMENTAL RESOURCES IN DIAGNOSTICS AND PREVENTION OF PROBLEM BEHAVIOR OF RURAL ADOLESCENTS

The limitations of the applicability of common approaches to assessing problem behavior in populations of rural adolescents are discussed. The results of a survey of 578 students in rural schools reveal the possibilities of resource-oriented approaches in removing these restrictions. The principle of safety of the respondents is considered as a key condition for obtaining valid data related to the assessment of mental health and well-being of adolescents in rural populations.

A.K. Fam, A.A. Menschikova
LIFE CHOICES OF HIGH AND LOW QUALITY: SUBJECTIVE PERCEPTION AND ASSOCIATION WITH PERSONALITY

The study is devoted to the analysis of differences between choices of high (HQ) and low (LQ) quality. Differences in the subjective perception of HQ and LQ choices are related to the degree of elaboration, emotional valence, and choice satisfaction; they are associated both with situational factors (order effect of described situations) and personality variables (satisfaction with life, etc.). Choice should not be investigated "in general", regardless of its subjective quality.

7. PERSONALITY PSYCHOLOGY AS DIALOGICAL SCIENCE

T.M. Buyakas
DIALOGISM OF THE PHENOMENOLOGICAL COGNITIVE STRATEGY

In the article, we consider theoretical foundations of the phenomenological cognitive strategy. We introduce the notion of "phenomenological movement". Dialogue is considered as a tool, which opens the possibility of the live work of "phenomenological movement": it constructs the form of objectification in which understanding is generated.

A.V. Vizgina
INNER DIALOG IN SELF-EXPERIENCE GROUP

The specifics of existential-analytical understanding of internal dialogue (ID) as a form of personal processing of experience in the course of conversation with oneself, is concerned. An approach to study of the ID dynamics from the conflicting forms to existential constructive dialogues in the course of group self-experience is proposed. The changes in the participant's dialogues in the process of group self-experience are described. The features of group, influencing such positive dynamics are also discussed.

E.V. Mikheeva

EXPERIENCE BY THE PSYCHOLOGIST THROUGH THE POETIC CREATIVITY OF A PERSONAL TRAGEDY, ASSOCIATED WITH THE PROFESSIONAL ACTIVITY

The article describes the author's experience in overcoming tragic experiences through poetic creativity, the possibility of transforming the original emotions.

E.B. Morgunov

RITUALS IN ORGANIZATIONS AS A BASIS FOR INTERNAL DIALOGUE AND DIALOGICAL THINKING PROMOTION

From the perspective of cultural anthropology, the paper analyses the ceremonies used in Russia for launching new enterprises affiliated to various big transnational companies. Events of this type, which often are vital for further success of the budding enterprise, involve intensive interactions and communicative interchanges between representatives of diverse national, administrative and business cultures. Experience shows that expectations as to what is proper or improper in the above-mentioned situation do not always coincide, and certain tensions are bound to arise even at this early stage of co-operation. The paper argues that those rituals actually in use deserve thorough investigation in order to develop appropriate government policies regarding numerous transnational corporations currently invading the Russian market, on the one hand, and flexible corporate PR strategies to address the issue — on the other.

E.Yu. Patyayeva

DIALOGUE OF ACTIONS IN AN ART-OF-LIVING WORKSHOP

The paper considers the dialogue of actions as a mover of personality becoming processes in the psychological practice, specifically in our art-of-living workshop. Dialogue of actions is conceived as an interchange of four kinds of acts: acts of opening up, discussing, interacting and of maintaining one's image. The „weight" of each kind of acts in the group work determines whether this work will produce the personal self-development phenomena.

A.A. Puzyrey

TO PHENOMENOLOGY OF INITIAL EXPERIENCE: "ACTIVE READING" AS IS-HEALING

The author formulates and explains the idea of the method of "active reading" as a special kind of strategy of reading and understanding of art texts, the mayevtic hermeneutics embedded in the phenomenology of initial experience, their "therapy" and "re-healing".

F.R. Rzaeva

WOMEN'S SELF-DETERMINATION IN THE CONTEXT OF GENDER SOCIALIZATION

It is proposed to consider the integration possibilities of the cultural-activity approach and the construction approach in the sociology of gender to study the features of self-determination of modern Russian women.

8. CHILDHOOD. BOYHOOD. YOUTH: SOCIO-CULTURAL PERSPECTIVE

T.P. Bartosh, O.P. Bartosh

FEATURES OF FORMING THE MENTAL HEALTH OF ADOLESCENTS OF DIFFERENT ETHNIC ORIGIN IN MAGADAN REGION

The results of a comparative study of indicators of the emotional sphere of 14-17 year old adolescents both girls and boys of different ethnic groups of the North are presented. It is shown that adolescents of the indigenous population of the remote settlement of Evensk compared with their age mate Caucasians born in the city of Magadan are characterized by more pronounced hostile and auto-aggressive reactions, and less pronounced aggressive reactions. They have significantly more pronounced indicators of mental rigidity, anxiety and disorders in neuropsychic adaptation.

D.V. Bespalov

THE DYNAMICS OF THE PERSONAL CHARACTERISTICS OF YOUTH LEADERS

The work is devoted to the consideration of personal characteristics of leaders-students of different ages. The role of leaders in the formation of personal qualities of followers is analyzed. The structure of values and reasons for the nomination of leaders of different ages are considered. The results of a longitudinal study of the dynamics of personal qualities of leaders in the period of schooling.

M.I. Vaibert

FEATURES OF PARENTS' SELF-CONSCIOUSNESS OF CHILDREN WITH DISABILITIES

The article deals with the self-consciousness of parents as a psychological phenomenon and its impact on the formation of a child with disabilities. The article presents the results of an empirical study of parents of children with health problems and parents of healthy children using the methods of "Personal differential", "Q-sorting", "Test self-attitude".

K.M. Gaidar, K.A. Esina

COMMUNICATIVE COMPETENCE OF THE MOTHER AS A CONDITION OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF CHILDREN WITH AUTISM IN THE SOCIAL WORLD

The urgency of the problem of children with autism is due to their poor adaptation to life. The developed communication skills are an important factor in the psychological well-being of autistic people in society. They are influenced by the immediate environment of the child, especially by the mother. The study revealed the relationship between the communicative competence of the mother and the level of communicative abilities of the autistic child. Recommendations for mothers of autistic children on the development of their communication skills are proposed.

E.S. Erokhova

EMOTIONAL DISTRESS IN ADOLESCENTS WITH CHRONIC DISEASES

The article deals with the features of emotional well-being of adolescents with chronic diseases, which are characterized by increased levels of anxiety, depression, neurotic disorders, hysterical and hysteroform disorders.

A.V. Kutas

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF ADOLESCENTS IN CONDITIONS OF SOCIAL ISOLATION

This article is devoted to the study of the problems of the psychological well-being of adolescents in conditions of social isolation. It follows from the article that a psychologically healthy person is adapted to society and functions effectively in it. From the psychological well-being of the region, our relationships with other people. If a teenager is not included in the system of social relations, then he becomes socially isolated, which in turn leads to a violation of psychological well-being.

M.V. Lunkina

AUTHENTIC TYPES OF SELF-ESTEEM CONTINGENTS AS A KEY TO PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF ADOLESCENTS

The study presented in the article is devoted to the connection of various self-esteem contingents with the subjective well-being of adolescents and satisfaction of basic psychological needs in the family. It has been shown that all types of self-esteem make a certain contribution to subjective well-being. However, compensatory self-esteem lead to a positive self-attitude at the expense of satisfaction with the school and family. The choice of a more authentic types of self-esteem contingents depends on the satisfaction of basic needs in the family.

A.A. Maltseva

PERSONAL PECULIARITIES OF PARENTS WHO EDUCATE DISABLED CHILDREN.

The study of the personal characteristics of parents raising children with disabilities is a common problem. The study used clinical, psychological and psychodiagnostic methods — "LSI", "MMPI", "Personal scale of manifestations of anxiety by J. Taylor", statistical methods. Parents raising children with neurological disorders have identified the use of a psychological defense mechanism — reactive formations, high rates of depression and personality anxiety scales.

A.E. Nastas

SOCIAL RELATIONS AND QUALITY OF LIFE OF ADOLESCENTS WITH TYPE 1 DIABETES MELLITUS

This article discusses the relationship between the aspects of subjective quality of life and the emotional characteristics of social relationships of

adolescents. The study involved 40 adolescents with diabetes at different stages of the treatment of the disease. The study found multiple relationships of the quality of life and social relations of adolescents with diabetes mellitus.

A.A. Pankratova, N.M. Zyryanova

SOCIO-ECONOMIC SITUATION AND CULTURAL VALUES IN RUSSIA FROM THE PERSPECTIVE OF THE INTERVIEWS WITH PRE-SCHOOL CHILDREN

We analyzed the responses of pre-school children to three questions about socio-economic situation and cultural values in Russia. Measurement of Russian cultural values using Schwarz' inventory and the comparison of children's responses in 1992 and 2015 showed increasing importance of the values of Autonomy (a human being as an independent individual) and Mastery (active use of natural and human resources).

A.V. Reshetnikova, L.V. Tokarskaya

HARDINESS OF ADOLESCENTS WITH VISUAL DISORDERS

The article describes the results of studying the hardiness of adolescents with visual disorders. According to the analysis of the data obtained in the study, it was found that the viability of people with visual disorders is interdependent on optimism, activity, self-attitude, coping strategies and behavior self-regulation style, weakly interdependent on values.

M.M. Smyslova

A TEENAGER: SELF-EVALUATION OF LIFE PROSPECTS

The article presents results of the inquiry conducted in 2010 that involved 993 high school students from Moscow This inquiry helped to investigate emotional self-evaluation of teenager's life prospects, to reveal and describe the impacts of different social stratification factors. This study continues the studies of the ISE RAE devoted the teenage subculture. It allows to compare the answers of adolescents of different generations and to characterize the general trends in transformation of social well-being of high school students.

I.V. Usoltseva

CHILDHOOD AND UNCERTAINTY: HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT

The article compares the social situations of children's development which have existed in Russia in the 19th and 20th century. They show a considerable resemblance according to factors leading to the uncertainty of modernity. These similarities give us in author's point of view the principal possibility of reception and filiation of the previous cultural and historical experience of educating children. This experience may significantly enrich the practice of managing the uncertainty of modern childhood.

A.V. Fedotova

THE IMPACT OF PERSONAL EXPERIENCE ON THE WAY THE TEENAGER PERCEIVES AGGRESSION ON SOCIAL NETWORKING SITES

The article is based on the results of 2074 school-aged teenagers' survey which was conducted in Moscow region in 2016. It explores the way the teenager perceives aggressive content on Social Networking Sites (SNS).

The results show that teenager's personal experience plays the main role in formation of his attitude towards aggression. The factors contributing to the formation of teenager's positive attitude towards aggression are revealed.

9. THE PSYCHOLOGY OF HEALTH AND WELL-BEING OF PERSONALITY IN THE MODERN WORLD

A.V. Aleshicheva, N.G. Samoilov

THE ROLE OF DIAGNOSTIC DIGITAL COMPLEX IN PRESERVING THE PSYCHOLOGICAL HEALTH OF PERSONALITY OF ATHLETES

The role of the developed digital diagnostic complex in obtaining individual-oriented information about the state of psychological health of an athlete is shown. It is reported about reducing the time of its testing by 9-10 times, about the ability to do this remotely and automatically process the primary data.

The proposed technology allows you to quickly and accurately obtain the necessary information and timely carry out the correction of changes or impairments of psychological health, especially among professional athletes.

A.N. Brazhnikova

MORALITY AS A WAY TO PRESERVE THE MENTAL HEALTH OF THE INDIVIDUAL IN AN ERA OF INSTABILITY AND SOCIOCULTURAL TRANSFORMATIONS OF SOCIETY

At the theoretical level, it is stated and justified that morality can be a way to preserve the mental health of the individual in an era of instability and sociocultural transformations of society.

N.V. Varaeva

WOMEN'S EMOTIONAL BURNOUT. CAUSES AND PREVENTION

Women's emotional burnout should be considered as a special psychological phenomenon that takes place not only in professional activities, but also in family life, and in relations with children. The reasons for the emotional burnout of women are the living conditions of modern women and modern gender stereotypes. Preventive work allows women not only becoming more effective in their activities, but also to transfer these methods to children, thus forming a new generation of successful people.

I.V. Vorobyeva, O.V. Kruzhkova

DIGITAL SOCIALIZATION: INVOLVEMENT OF YOUTH IN THE VIRTUAL ENVIRONMENT

The article deals with the problem of increasing of young people's activity in the Internet environment based on the results of diagnostics of 2051 teenagers and adolescents. Four groups of respondents are described; they differ not only in the degree of involvement in the Internet environment, but also in the qualitative characteristics of their attitude to the virtual content.

T.S. Goldenberg, E.I. Shliagina

LOSS OF A CHILD: PARENT'S PERSONAL POTENTIAL AS A PREDICTOR FOR COPING WITH BEREAVEMENT

The article examines several components of personal potential among parents who have lost a child. Personal potential and family structure become strong predictors for coping with the bereavement. Results of the research demonstrate the high quality of personal potential and the marital support play a significant role in coping with parent's loss of a child.

N.A. Deeva

LIFE SUCCESSFULNESS: PSYCHOLOGICAL RESOURCE AND INDEX OF PSYCHOLOGICAL HEALTH

Presented understanding of life successfulness from the standpoint of the regulatory and resource approaches as a psychological metaresource with a complex structural and functional organization: the mechanism, characteristic and condition. The agreed functioning of the mechanisms of life successfulness, subject positions and emotional condition is an indicator of psychological health.

M.A. Dzherelievskaya

CONCEPTION OF SEXUAL ATTRACTIVENESS OF NEW GENERATION

The article presents the results of a study concerned the "new generation" conception of sexual attractiveness. Comparison of women's estimates of self-image and sexually attractive women show inconsistencies, indicating underestimation of their own attractiveness. Discrepancies in perception of sexual attractiveness of representative another gender can lead to inner conflicts and to difficulties in relations between men and women.

O.V. Kruzhkova, I.V. Vorobyeva

VANDALISM AS A SIGN OF DISTRESS IN THE ENVIRONMENT

The article discusses the phenomenon of vandalism as the realization of a dialogue between the individual and society, signaling about the deprivation of a person's needs and a decrease in his sense of well-being in an environment with certain functional characteristics. The results of the study of Ekaterinburg urban environment and its characteristics in the context of the presence of vandal damage are given.

S.K. Kumchenko

IMPLEMENTATION OF MEDICAL OPERATIONS AS A WAY TO REDUCE A SENSE OF UNCERTAINTY IN TRANSSEXUAL PEOPLE

There is an investigation of relationship between the implementation of medical operations for the correction of the sexual characteristics of the body in transsexual people and their subjective well-being. The level of subjective well-being of transsexual people increases with medical operations, and they less describe themselves as transgender people. It is explained by gaining control over their lives, reducing the oppressive sense of uncertainty.

A.F. Sokol, R.V. Shurupova

PROBABILITY OF UNCERTAIN EVENTS IN CLINICAL PRACTICE: PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF ERROR SOLUTIONS

Medical errors in the conditions of uncertainty are discussed. Based on the concept of D. Kahneman, errors of representativeness, errors caused by cognitive ease, the effect of substitution, erroneous coherence, erroneous estimation of regression to the mean are considered.

A.S. Spivakovskaya, A.M. Lutsenko

THE FAMILY PAIN EXPERIENCED BY ADULT PEOPLE WHOSE PARENTS WERE ALCOHOL ADDICTS

The article contains a description of the phenomenon of "the family pain" experienced by adult people whose parents were alcohol addicts. A phenomenological analysis of the statements of 40 participants in the rehabilitation program "Adult Children of Alcoholics" allowed us to show that relatives of addicts who are at the beginning of the rehabilitation process experience "the family pain", including guilt, resentment and self-pity about their patient's behavior.

A.S. Spivakovskaya, A.S. Chetkina

CONNECTION OF ACTUAL EMOTIONAL CONDITION AND THE EXPERIENCE OF TIME IN NORM AND IN ADOLESCENT DEPRESSION

The work is devoted to studying the influence of the actual emotional state, modeled in the experiment, on the experience of time in normal conditions and during depressions of adolescence. It is shown that experimentally modeled emotional state leads to an increase in the actualized events on the life line in the norm group, whereas with adolescent depression the total number of actualized events did not change

N.D. Tvorogova, K.V. Kuleshova

INDIVIDUAL STATES OF WELL-BEING AND PERSON'S OPPORTUNITIES TO INFLUENCE THEM

In the modern generally accepted definition of individual health, the leading concept is "state of well-being" (state of physical, mental, social well-being). The

ability of a woman to influence her states through self-actualization and self-realization of one of her tribal entities is shown by the example of the state of a woman during the period of changes significant for her (the period of her pregnancy), characterized by great uncertainty.

A.I. Chetverikova, V.V. Ermolaev
THE RESEARCH OF THE RELATION OF LOCUS OF CONTROL AND THE TENDENCY TO PROFESSIONAL DRIVERS AGGRESSIVE BEHAVIOR

The paper presents the results of the empirical research of the relation of locus of control and the tendency to professional drivers aggressive behavior. The study involved 84 professional drivers, with a driving experience of 4 years to 44 years and a total of 30 000 to 120 000 kilometers per year.

V.A. Yakupova
EXECUTIVE FUNCTIONS AND THE RISK OF PRENATAL DEPRESSION

According to statistics in European countries, 10-15% of women face postpartum depression. This means that in Russia in 2017 about 200 — 250 thousand women faced depression after childbirth. The highest risk of developing postpartum depression is in women who had an episode of prenatal depression during pregnancy. Prevention and treatment of depression associated with childbirth is a significant social problem.

Data obtained in our study showed that women with low level executive function development are at the risk of prenatal depression.

10. PERSONALITY AND EDUCATION IN XXI CENTURY

O.A. Belyaeva
PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF ORGANIZATION OF EDUCATIONAL ACTIVITY IN SENIOR SCHOOL

The presented materials are based on the results of the monitoring study educational motivation and the attitude of high school students to learning at the stage of general secondary education; identified a sustainable priority motives for self-realization of schoolchildren, the high importance of their request for the formation of a range of metadisciplinary competencies: regulatory, informational, cognitive and communicative.

I.K. Bitkina
THE ROLE OF PERSONALITY OF AN UNIVERSITY TEACHER IN THE EDUCATIONAL PROCESS AT THE MODERN STAGE OF DEVELOPMENT.

The article contains the results of the study of the influence of the features of the psychological type of the teacher's personality on the organization of educational

activities. The existing approaches to the classification of personality types are generalized, the features of the teachers' activity with different psychological types in lecturing, conducting practices and examinations are shown.

T.V. Bogdanova

ATTITUDES OF BEHAVIOR OF PROFESSIONAL REPRESENTATION IN THE SOCIETY OF MODERN SCHOOL TEACHER

The study was performed on a Russian and Latvian sample of teachers (N = 433) through descriptive statistics and correlation analysis of data obtained through questionnaires. The reflection was revealed by the modern teacher of his social status, professional forms of behavior in society; in comparison between the samples, priorities and problem areas of social identity were determined within the framework of professional representation.

A.V. Zobkov

THE STAGE OF FORMATION OF PROFESSIONAL SUBJECTS OF THE STUDENTS OF PEDAGOGICAL DIRECTION

The author formulates and substantiates the assumption that the modern educational environment of the University does not create conditions for the gradual formation of the subject of professional pedagogical activity. The article presents the results of the study of the actual stages of the formation of professional subjectivity of students of pedagogical direction of training; shows a gap in the formation of the stadia of subjectivity of students of pedagogical direction of training.

N.G. Zotova, M.Yu. Tikhomirov

ANALYSIS OF SUBJECT-OBJECT LIFE ORIENTATIONS IN THE CONTEXT OF THE STUDY OF PROFESSIONAL LONGEVITY OF TEACHERS

Discusses the results obtained in the study of value-semantic foundations of professional longevity of teachers of secondary school and preschool. As important factor determining the installation of teachers for the extension of professional activity in adulthood is an active subject life orientation, expressed in the position of the "transformer" (in the terminology of the concept of E.Yu. Korzhova).

O.Yu. Kamakina

THE ROLE OF THE PSYCHOLOGIST IN THE FORMATION OF MOTIVATION OF A HEALTHY LIFESTYLE AMONG THE PARTICIPANTS OF EDUCATIONAL RELATIONS

The article is devoted to understanding the problem of preserving the psychological and social well-being of schoolchildren in an educational organization. Features of professional activity of the teacher-psychologist in formation of motivation of a healthy lifestyle at participants of the educational relations are considered.

N.N. Mozgovaya

THE PECULIARITIES OF LEARNING MOTIVATION OF STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF SELF

Despite the existing research in psychology, the problem of motivation and emotional attitude to teaching today in science needs further study and clarification in connection with the changed living conditions in the country, the needs of children and the new modern educational situation. Also important in understanding how a person will perform a particular activity in a modern school, in addition to the motivation and motives of teaching plays a key role and the level of self-attitude of adolescents.

G.I. Molodtsova

TEACHING FIRST YEAR STUDENTS THE SKILLS OF INDEPENDENT WORK: FOREIGN EXPERIENCE

The article deals with the foreign experience of teaching skills of independent work. Some practical ideas for teaching the skills of self-study of first-year students are given.

A.V. Paramuzov

THE RELATIONSHIP BETWEEN OCCUPATION, AGE, EDUCATION AND THE PRO FUTURE TIME PERSPECTIVE

In the text is discussed the presence and absence of differences between age, education, occupation and the Occupational Future Time Perspective.

S.A. Peredelskaya, M.Yu. Tikhomirov

ORGANIZATIONAL CULTURE OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS AS FACTOR OF PROFESSIONAL LONGEVITY OF TEACHERS

Discusses features of the organizational culture of educational institutions stimulating teachers to continuation of professional activity in mature age. Results of a flight research show that such features are stimulation of self-development of the teacher, formation of favorable psychological climate, an exception of the competitive relations between employees.

S.I. Popova

VALUABLE ORIENTATIONS AS THE FACTOR OF FORMATION OF CIVIL IDENTITY OF THE STUDENTS

In the work the concept of civil identity is considered from the position of the person's awareness of his belonging to the society of citizens on a General cultural basis. In the context of multicultural education value orientations of students are an important factor in the formation of civil identity. The study revealed that in General, students lack experience of adequate expression of emotions and manifestations of behavior with a focus on the interests of another person.

V.A. Prokhoda

CONDITIONS AND QUALITY OF EDUCATION AS A FACTORS OF SATISFACTION WITH EDUCATION IN THE UNIVERSITY

The results of the all-Russian sociological survey are analyzed. The features of the students' evaluation the work of an educational organization of higher education are revealed. It is stated that assessment occurs in the minds of students in two dimensions characterized by the quality of education and the conditions for obtaining it.

V.S. Sobkin, K.E. Rodionova

STUDENT'S IDENTITY IN THE CONTEXT OF GOAL ORIENTATIONS TRANSFORMATION FOR SCHOOL EDUCATION

The study allows to identify the transformation of the goals for modern school education in students' and teachers' minds since 1991 by 2017. The results are analyzed from the perspective of the student's identity development.

S.G. Shabas

SELF-IDENTIFICATION OF PARENTS UNDER SOCIO-CULTURAL CHANGES OF EDUCATION IN KINDERGARTEN

This work presents the work experience of the Regional Methodical Association of Teachers and Psychologists of problem recognition of modern parents self-identification with preschool children as parents, as clients of educational services, as partners of preschool educational establishments and as representatives of children with disabilities under changes of the legislative regulation of the kindergarten activities and the relationships with pupils family.

11. PERSONALITY PSYCHOLOGY: NEW GENERATION

M.A. Georgievskaya

INFLUENCE OF SOCIO-MORAL COMPETENCE LEVEL ON THE FEATURES OF THE ETHICAL COMMUNICATION DILEMMAS' SOLUTION AMONG ADOLESCENT INTERNET-USERS

Using Internet in modern society led to requirement to create new ethical norms of communication, which can not be reduced to classical ones. Currently, researchers are looking for psychological constructs, which determine the user's behavior in social networks. This paper will present a study on the impact of the level of socio-moral competence on the users' choice of ethical communication norms.

V.V. Danilochkina

THE PROBLEM OF DETERMINING EFFICIENCY OF THE NEGOTIATING PROCESS AND THE NEGOTIATOR

The article is devoted to the problem of determining the criteria for effectiveness of negotiations and their participants. The author reviewed

and analyzed two approaches to determining the success of the negotiation process. Rules are highlighted that are necessary when assessing the success of negotiations. An additional criterion is proposed that determines the effectiveness of the participants in the negotiation interaction.

N.V. Kozlova, A.S. Ryabinin

THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ADOLESCENTS AND YOUNG PEOPLE INTEGRATED INTO THE "NEGATIVE" INTERNET ENVIRONMENT

The article shows the problem of fusion of youth and adolescents into the Internet environment. The research is based on sample divided into two groups according to the field of interests of participants. The results that showed the homogeneity of the sample, regardless of interests in the Internet environment, indicate the need to develop the skills of a correct, culturally based and safe Internet activity.

E.A. Petrova

EMOTIONAL AND PERSONAL FEATURES OF WOMEN WITH THE PAIN SYNDROME AT ENDOMETRIOSIS. THE WOMAN IN THE MODERN WORLD.

In article results of a research of personal and emotional features of women with a pain syndrome at endometriosis are described. The determining disease factors from the point of view of way of the modern world are revealed. The main problems arising at women with endometriosis are allocated. Communication between personal characteristics and features of a pain syndrome at women with endometriosis is described.

A.V. Pokhodnya

THE RELATIONSHIP OF ALEXITHYMIA WITH THE MOTIVATIONAL-SEMANTIC SPHERE OF UNIVERSITY STUDENTS

The results of empirical research on the relationship with the components of the motivational-semantic sphere. The relevance is due to the need to find opportunities to overcome the negative impact of alexithymic manifestations on the self-realization and adaptation of young people, as well as the preservation of the mental health of this category of population

N.Y. Samykina N.Y., A.S. Tulin

INTERCONNECTION OF COPINGS AND MUSCULAR CLOCKS

Today, the level of uncertainty in a person's life is growing. Uncertainty can be found in a variety of situations: in interpersonal and intergroup interactions, in solving problems of professional and educational activities, in decision making. This study examines how coping with the situation of uncertainty and stress, a person uses strategies and how this affects the body level.

D.K. Semenova

RELATIONSHIP OF PROFESSIONAL SELECTION AND CHOICE OF A TEACHING PROFILE BY TEENAGERS IN CONNECTION WITH PERCEPTIONS OF RELATIONS WITH PARENTS

The results of the study show that when choosing a profile of education, adolescents listen to the opinion of parents. However, reliance on external motivation makes it difficult to plan further professional paths. The perception of adolescent relationships with parents as positive contributes to increasing the independence and awareness of professional choice.

I.S. Utochkin

VISION AS STATISTICIAN: HOW WE SEE MULTIPLE OBJECTS

I am going to present a review of studies made by my research group in the field of ensemble perception in vision, that is, an ability to estimate the summary statistics of multiple objects rapidly and quite precisely. One line of our research addresses the role of distributional properties of visual attributes in the grouping, segmentation, categorization and search of the objects. Another line aims to investigate the cognitive architecture of various ensemble statistics, such as mean, variance, or number.

O.S. Shalina, N.M. Gabunia

NEUROPSYCHOLOGICAL EXAMINATION OF CHILDREN WITH SPECIAL NEEDS IN THE INCLUSIVE EDUCATIONAL SYSTEM

In this report we observe the lack of clinical psychological knowledges in the inclusive education. One of the most important problem is the psychological diagnostics of children with special needs: mental retardation, autistic traits and blindness. The data must be valid but we have to adapt many tests for these children. At the same time, the psychological examination should be interesting and friendly. Neuropsychological methodology meets all these points.

A.K. Yusupova, V.I. Gushin, A.I. Chekalina, N.S. Supolkina, D.M. Shved

COPING STRATEGIES IN EXTREME ENVIRONMENTS OF SPACE FLIGHTS AND PROLONGED ISOLATION

Extreme professions practice leads to need for diagnostics possible behavioral prediction in subjects under prolonged isolation. Individual coping strategies analysis in extreme environments such as space flights and chamber studies helps to reach individual and group stress coping patterns, as well as early indicators of stress caused by monotony and fatigue.

Научное издание

ЛИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН:
MOBILIS IN MOBILI

Материалы международной
научно-практической конференции
17–18 декабря 2018.

Ответственные редакторы:
Е.Ю. Патяева, Е.И. Шлягина

Редактор *М.А. Лебедева*
Корректор *Н.С. Самбу*
Обложка *А.И. Чекалина*
Верстка *В.Н. Кокорев*
Директор издательства *Д.А. Леонтьев*

Издательство «Смысл» (ООО НПФ «Смысл»)
Тел./факс 8 499 189-95-88
e-mail: info@smysl.ru
http://www.smysl.ru

Подписано в печать 07.12.2018. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,04. Тираж 300 экз.